

ВЛАДИМИР ПОСЕЛЯГИН

КРАСНОАРМЕЕЦ
ОФИЦЕР РАЗВЕДКИ

ВЛАДИМИР ПОСЕЛЯГИН

КРАСНОАРМЕЕЦ
ОФИЦЕР РАЗВЕДКИ

Annotation

Снова повезло, и Герман Одинцов выжил, убежав в очередной раз из плена. 1943 год, идут бои, наши армии наступают, освобождая Украину и Белоруссию, и офицер разведки как никогда востребован. Но на него началась охота.

- [Владимир Поселягин](#)

-

Владимир Поселягин

Офицер разведки

Маг махнул рукой, и портал сработал, унося его в какой-то другой мир. Как только хлопок произошел, и фигура парня в синем плаще пропала, я вздохнул и осмотрелся, пробормотав:

– О да, оно есть у меня.

Упав на прошлогоднюю листву и загребая листья, довольно вздыхал.

Думаю, стоит пояснить, кто я такой и что со мной происходило. В подробностях рассказывать не буду, но если кратко, то вот она моя жизнь. Точнее две жизни. В первой жизни я до шестидесяти лет дожил, немного до семидесяти не дотянул. То ли убили, то ли несчастный случай, трос лифта лопнул. Были желающие убить меня, так что особо не сомневался. В той жизни мне два мага встретились в лесу, маг и его ученик, я им помог, и маг отдался, прицепил к моей ауре хранилище небольшое. В пять тонн и семьсот килограммов с мелочью. Сорок лет я владел этим хранилищем. Нардоваться на него не мог. Там стазис. Можно горячие блюда десятилетиями хранить. Когда погиб, очнулся в сорок первом, в теле бойца, красноармейца Германа Одинцова. Хранилище при мне, правда пустое. Так получилось. Ну не совсем пустое, кое-какая мелочь была. Война началась, я решил, что буду воевать, дослужился до капитана разведки к лету сорок второго года, когда бои за Харьков шли, дважды Герой Советского Союза, но трибунал лишил всего. Даже два месяца на зоне жил, но вернули на фронт. Там снова приключения, отвоевал в Сталинграде, снайпером, чудом остался жив, а когда в Крыму воевал, меня нашел мой командир, с которым под Харьковом воевали, я тогда в гвардейской танковой бригаде служил, начальником разведки. Тот командиром Шестой общевойсковой армии стал, а помня, как я вел разведку и поставлял свежие данные, забрал к себе. Как я разведку вел? Так дрон был. На тридцать километров гонять мог. Из прошлой жизни в хранилище сохранились мини-генератор, коптер, планшет управления, ноут с немалым запасом музыки, фильмов и игрушек. Потом спальник зимний, и автомат «ВАЛ», и пистолет «Глок», оба

имели глушители. Дроном вел разведку по ночам. Там камера ночного видения имелась, потому и были такие успехи в разведке.

Командарм, генерал-лейтенант Михайлов, не прогадал, взяв меня, его армия к лету сорок третьего наступала такими темпами, что ему упали погоны генерал-полковника и орден. Я и сам, после трибунала, от простого красноармейца вырос до старшего лейтенанта, офицера разведки штаба армии, имея в наградах три медали «За отвагу» и медаль «За боевые заслуги». За Сталинград ничего выше не давали. А также имел два ордена Красной Звезды. На личном фронте две неожиданности: оказывается, я стал отцом, в результате одной из моих многочисленных интрижек. Мать от ребенка отказалась, и я отвез сына в Горький, где как наследство остался дом. Нанял кормилицу. Вторая неожиданность – попал под разрыв бомбы, штаб армии бомбили, получил тяжелую контузию и очнулся в плену. Связали как червяка, охраняли шестеро опытных солдат СС, и вот взлетели. Я в плохом состоянии был, однако убрать веревки в хранилище и достать оттуда ППШ, и наспиговать всех свинцом смог. Даже лежа надел парашют и вывалился за борт. Когда купол раскрылся, меня вырубил от рывка. А очнулся в полном порядке. Никакой контузии, ничего.

Да, тут вот в подробностях стоит все описать. Оказалось, мое бессознательное тело на лес опускалось, там костер горел, маг отдыхал. Да, мне повезло на него опуститься, и он лекарскими амулетами вылечил меня. Ну, вылечил это громко сказано, просто убрал контузию, чтобы я общаться мог, и снял знание языка и письменности, пока без сознания был, но об этом я узнал позже. Когда очнулся, пообщались. Тот уже изучил русский, нормально поговорили. А он увидел хранилище у меня в ауре и понял, что с магами я встречался. Сам он пытался дважды покинуть лес, но в первый раз подорвался на противопехотной мине, ногу отращивать ему пришлось, когда в лес уполз. Вторая попытка, из пулемета ударили, магическую защиту сбили, тоже ползком ушел. Покидать лес он теперь боялся. А тут я ему на голову свалился, источник информации. А когда понял, кто это, то я и описал, как первую жизнь прожил, и вот вторую. Тот изучил хранилище и сообщил, что может убрать его и потом поставить куда больше, но я отдам все, что скопил. Торговаться не дал, мне много что нужно было из хранилища. Но именно это все ему и понадобилось. Даже моя форма с наградами и документы. Блин, да я все отдам, если

действительно будет увеличение, но дрон терять я не хотел, поэтому попросил магические аналоги. Маг подумал и кивнул, ну и дальше начался торг. Почти час занял, но договорились. Я опустошил свое хранилище, маг все, что там было, убрал в свое, у него больше, есть куда убирать. Потом удалил мое хранилище и посадил в мою ауру несколько плетений, что стали расшатывать ауру, увеличивая ее, чтобы та могла давать больше энергии. Чем больше дает, тем по объему хранилище больше будет. Как накачается, он закрепит ауру в этом виде, чтобы не уменьшалась, и установит хранилище, высчитав перед этим объем. Он не мог сказать размер сейчас, только после расчетов, но то, что раз в пять оно будет больше прежнего, это точно.

Поясню, что имею в виду. Прошлый маг вообще как-то криво поставил хранилище, странно, что после перерождения оно сохранилось, хотя то, что у меня память осталась от прошлой жизни, — да, вина ее. Сам маг, видимо, был из другого мира, он артефактор, в его мире уже давно разработали для простецов методики установки хранилищ большего объема и безопасных для них. Так что мы ударили по рукам, я все отдал, а тот приступил к работе. Также поторговались по замене, для начала он меня полностью излечил, убрал все старые травмы, контузии, последствия переохлаждения и простуды. Все убрал. Правда, он шрамы и родинки тоже убрал, но ничего страшного, переживу. Что касается замены, то я особенно насчет коптера переживал, пояснил, что военный, офицер разведки, и без него никак нельзя. А этот артефактор запас имел, вот и выдал замену. Всего пятнадцать амулетов. Я потом еще три сверху заработал, но это обучая его. Он за каждый «дрался», а так как он артефактор, то держал при себе не ширпотреб, а серьезные амулеты и артефакты. Там градация по качеству и мощности от пяти до единицы. Пятый уровень — это ширпотреб, первый — это круть. Ниже третьего у того ничего не было. Мне выдал два амулета первого уровня, два второго, остальные это третий. Значит, вот что он мне передал, приписал к моей ауре и научил использовать.

Первое, амулет «Глаза». Это медальон на цепочке, амулет первого уровня, замена коптера и его магический аналог. Правда, дальность двадцать километров, но можно использовать до разрядки накопителя, а его на месяц постоянной работы хватает. Зато точность высокая, и темнота не помеха. Да и непогода тоже в принципе. То есть я как бы

взлетаю сознанием в небо, высота пять километров, могу на двадцать километров вокруг летать, мое тело с амулетом – это ориентир, и как в бинокль изучаю землю внизу. Классный амулет, покруче коптера. Хотя дальность меньше, это да. Следующий амулет первого уровня – это амулет зарядки накопителей. Довольно серьезный амулет, ниже уровня не бывает. Я же не маг, заряжать накопители не могу. На один накопитель три дня зарядки хватает. Как-то так. Потом было два амулета защиты. Второй уровень. Остальное все третьего. Одиннадцать амулетов. Это был сканер, дальность сто метров. Картинку на сетчатку левого глаза подает. Мины теперь видит... Магу не понравился подрыв, свой амулет сканера модернизировал на поиск, а теперь мой. Потом амулет охраны, что-то вроде сканера, но тот подает сигнал, если кто пересечет зону контроля. Она на двести метров вокруг лагеря. Потом амулет-акваланг, как я его назвал. С ним я смогу опускаться на глубину четыреста метров, это предельно, и на три часа, пока накопитель не разрядится. Следующие амулеты – это два разных климат-контроля, один индивидуальный, для тела. Еще с ним можно нырять на глубину, там холодная вода. Другой для помещения. В минус тридцать снаружи, в палатке с ним комфортно спать. Обогревает помещение объемом в двадцать пять квадратных метров примерно.

Следующие амулеты – это фляжка, конденсирует воду, где-то полтонны в сутки. Для питья и готовки хватает, потому и фляжка, а не фляга. Также походная плита для готовки, медная пластина, что раскаляется, и можно готовить. Когда нет дров или чего другого под рукой, та вполне годится в дело. Ну и амулет дальнего и ночного видения, два в одном. Затем амулет из комплекта строителя. Из него появляется луч лазера метром длиной. Все режет, я проверил. Понятно – лекарский амулет, универсальный. Еще амулет-диагност. Вот те одиннадцать амулетов третьего уровня, о которых я говорил, однако плюс еще три амулета заработал этого уровня, пока учил мага играть на ноуте в игрушки. Тот на них серьезно подсел. Это были два амулета: защита и землеройка. Третий – не амулет, боевой артефакт, воздушными лезвиями стреляет. Человека легко перерубит, а впечатление, что саблей или шашкой ударили. Что по поводу защиты и землеройки, то запас защиты иметь стоит, пусть это и поуже второго уровня. Землеройка из комплекта строителя землю размягчает на

глубину метра, камни крушит, в песок превращает. Пригодится. Для чего боевой, думаю, объяснять не надо.

Две недели качалась аура. На пятнадцатый день маг сообщил, что аура на одном месте топчется уже сутки, а значит, ее размеры доведены до предела, так что он закрепил результат и установил мне хранилище. Час всего заняло. А что, все готово. За эти две недели я учился пользоваться амулетами. В лесном озере на дно опускался. Все испробовал. Это тоже не простое дело, но освоил. Маг тоже не сидел, освоил «шторьх», знания по управлению взял из моей памяти, взлетал с поляны и там же садился, потом машину-амфибию, мотовелосипед, все освоил. А вот топливо особо не брал, что было – потратил на тренировки. Сказал, что сделать топливо магией не сложно. Однако больше всего он залипал на ноуте, в игрушки резался. Стрелялки его не сильно привлекли, а вот бродилки в стиле меча и магии, там он стал фанатом. Рубился с утра до вечера. Я его научил качественно играть, за что три дополнительных амулета и получил.

Маг спал в моей палатке, в моем спальнике, он ему очень понравился, все бывшее мое, но я рад обмену. Самое главное, объем хранилища это просто песня, нисколько не жалею, что все отдал, включая запасы еды. Даже готовой. Тот, кстати, высоко оценил мою готовку. Так вот, тридцать девять тонн. Повторяю, тридцать девять тонн и двести шесть килограммов – это теперь размер хранилища, если по весу груза судить. Да я на двадцать тонн думал, а тут... Маг задерживаться не стал, ушел, а я убедился, что он исчез, и вот лежу на сухой листве, прихожу в себя. Хранилище проверил просто, убрал кусок почвы с корнями деревьев. Восемь тонн где-то вышло, вытащил и убрал в хранилище ППШ, мне маг одолжил на время. Вес его знал, вот отгалкиваясь от веса, и высчитал размеры.

Сам маг не путешественник по мирам, как два первых. Просто амулет древних магов изучал, и тот его закинул к нам, сильно напугав. К счастью, он успел разобраться с амулетом, за месяц, как раз до нашей встречи, но задержался из-за меня и ушел обратно, прибрав все, что плохо и хорошо лежит. Я имею в виду содержимое моего хранилища. Покидать лес он боялся, я тоже нагнал жути, мне конкуренты не нужны, вот и цеплялся он за мои вещи, понимая, что при себе держу самое-самое. Вот так я и остался один, на мне слегка потрепанная красноармейская форма без знаков различия на голое

тело, ремня и обуви нет, и пустое хранилище. Помимо амулетов, что я сразу туда убрал, при мне только сканеры и защита. Это все. Я пытался тем, что добывал сам, потому пару раз поохотился, добыл кабана. Да он, собственно, сам на нас вышел.

Спал я на листве, ладонь под щеку. Шинели нет, маг не выдал. Амулет климат-контроля вполне спасал, тот, что индивидуальный. Не замерзал я ночами. Сейчас где-то конец августа, примерно двадцатое, где я нахожусь, даже примерно не знаю. Похоже, Украина, хотя «Глаз» гонял в разные стороны до предела дальности, но тут обширные леса с мелкими хуторами и деревнями. Больших городов не видел. Точнее один видел на горизонте, но поди пойми, что за город. Ладно, маг ушел, вот и мне пора. Поэтому встал, отряхнулся и побежал к опушке. Стемнеет, покину лес. Тот, похоже, блокирован – мины и пулеметные точки. Увидим.

А пока шел, осторожно ступая, чтобы не повредить босые ноги, уже было дело, как-то поранился – неприятно. Размышлял, не о будущем, о другом. Жаль, по амулетам не все смог добыть. Есть такие, что отводят глаза, но такой у мага всего один, и делиться тот не собирался. Потом амулет, что выбивает из сознания, индивидуально. Или можно бить по площадям. Дальность не больше ста пятидесяти метров. У мага и такой амулет тоже был, в одном экземпляре. Амулет куплен им, не его уровень создания, потому и берег. А так, добравшись до опушки, я лег спать на голодный желудок, так как все запасы подъял, рассчитываю на трофеи, и вскоре уснул. Планы простые – набить закрома и вернуться к своим. Армия наступает, моя помощь нужна.

Когда я проснулся от позывов мочевого пузыря, уже стояла ночь. Отлил, собрался (да и собирать нечего), убрал амулет зарядки, там накопитель очередной заряжался, да климат-контроль снял и покинул лес. Амулет-сканер проверял землю, то, что подсвечивал, обходил. Мин не было. Хм, под густой травой обнаружил пистолет ТТ. Явно с сорок первого лежит. Подбирать не стал, хотя почва не сильно его попортила. После чистки можно наверняка использовать.

Я долго шел по полю, высокая трава резала ноги, но терпимо. Два километра прошел, пока не вышел на укатанную дорогу на опушке другого участка леса. «Глаз» я давно гонял вокруг и от нашего с магом лагеря в семи километрах присмотрел эту опушку и дорогу. Никаких

постов или засек на заметил. Я вообще сомневаюсь, что тот нарвался на немцев или полицаев. Маг во всем черном был, издали могли принять за офицера СС, хотя полевая форма у них серая, могли и партизаны ему встретиться. Вот так по дороге и побежал я в сторону того города, что приметил сверху. Без сапог бежать было сложно, у меня подошва нежная, разбить легко. То, что в лесу две недели без обуви прожил, особо сильно не сказалось. Поэтому с передышками, но все же двигался быстро. Да пару раз амулет лекарский использовал, поскольку повредил подошву один раз и пальцы отбил о земляной камень. Вот так поле закончилось, и я уже двигался по лесной дороге. К слову, то поле позади раньше возделывали, а сейчас оно заброшено, заросло сорной травой. Видимо, некому тут работать. На этой дороге две деревеньки будет на пути, и только за ними сам город. Для экономии времени прошел прямо по единственным улицам деревенек, собаки особо не брехали, да и мало их осталось. Амулет ночного видения при мне, вообще красота, да и ночью дальнего использовать можно было. Только пусто вокруг, тихо все. Ни немцев, ни партизан. Хм, а это не партизанский край? Ну немцы лесов боялись, это да, а наших-то почему нет? Я, конечно, видел пару раз явно группы партизан, куда-то шли по своим делам, это когда я «Глазом» учился пользоваться, их засек, а сейчас-то чего? Об этом и размышлял в пути.

Голод серьезно подточил силы, вообще-то я охотой и собирательством жил, и маг меня не собирался кормить, поэтому я дичь добывал, грибы собирал, рыбу ловил. Выжил, вот и тут выживу. Сами деревни меня не интересовали, бедно люди жили. Может, полицаи какой-нибудь тут живет, но искать, время тратить? Нет, точно не стоит. За ночь я смог километров пятнадцать пройти, «Глаз» поднял и осмотрелся, не так и далеко сам город уже был, довольно крупный. И не показалось мне, там точно была железнодорожная станция, видел, как эшелон покидал город, уходил на запад. Одно я понял: до рассвета до окраин точно не дойду. Придется где-нибудь залечь, благо все так же шел по лесной дороге. Иногда встречались артефакты войны, сгоревшие остовы грузовиков, раздавленные орудия, скинутые на обочину, это явно с сорок первого, хотя наверняка вывезли больше, но ничего особо интересного вокруг. Одно ясно, это наша бывшая территория, не Польша, раз столько следов прошедшей войны. Все-таки надо было заглянуть в какой-либо деревенский дом, еды

попросить, но что уж теперь, не возвращаться же? Главное, «Глаз» показал два костра, но там партизаны ночным лагерем стоят. Мне к ним выходить не стоит. Свяжутся с нашими и отправят на Большую землю, а мне рано, хранилище пустое. Немцев нет, точно партизанский край. Думаю, та мина, на которой подорвался маг, с сорок первого в земле, не повезло ему, а пулеметчики, что позже по нему работали, все же партизаны.

Как я и думал, светать начало, когда до города километров семь осталось. На мне три активных амулета, это защита, ночного и дальнего видения, и «Глаз», уже научился я использовать их одновременно. Ну кроме защиты, та пассивная. В общем, я засек движение рядом с собой, думал местные, а это лось. А вот и пища, благо теперь есть где хранить и чем разделывать. Пока по дороге шел, немало потерянного на обочинах видел. Например, штык-нож немецкий, без ножен. Я отмыл его в попавшейся речке. Мост каменный через нее раньше был, его взорвали, теперь деревянный настил сверху. Также почистил нож, заточил о камень на берегу. Можно использовать. Немцы вообще эти штыки не затачивают. В общем, я кинулся наперерез зверю, и воздушное лезвие срубило лося голову. Дальше разделка, закончил через час после рассвета. Часть мяса пожарил. Да прямо на пластине походной плиты, – утвари и посуды нет, – жадно поел еще горячее, сочащееся соком. Стейками жарил, с двух сторон, а остальную тушу разделал. Срубил, что не нужно воздушным лезвием и снял шкуру, убрав тушу в хранилище. Говядина есть говядина, хоть и лосятина. Пожарил с запасом, соли не хватает, это да, но и так с голодухи хорошо идет. Потом отошел подальше, на полкилометра, нагреб руками листвы и уснул на ней как на лежанке. Амулет охраны настроил, не хватало еще, чтобы на меня кто-то днем наткнулся и застал врасплох.

На сытый желудок неплохо поспал. Как проснулся, снова мяса поел и пошел к городу по лесу, рядом с дорогой. Дошел до опушки, дальше два километра открытого пространства и окраины города. Судя по высоким трубам, там какие-то производства. Вот так сел и, подняв «Глаз», водил над городом, с интересом изучая. Найдя афиши, изучил. Пусть на немецком, но я хорошо его знал.

– Житомир, что ли? Хм, получается так.

В Житомире я был всего однажды. Точнее даже проездом, когда нас везли в Киев в школу младших лейтенантов. Была ночь, мы спали, не удивительно, что город мне незнаком. Разобравшись, где нахожусь, прикинул, дожидаясь темноты. Будем добывать то, что мне нужно, главное обувь и транспорт. Надоело босиком ходить и пешком. Да и запасов еды необходимо побольше. Я уже прикинул, что мне надо, заполню хранилище, а там и до наших доберусь. Думаю, повторю свой прошлый подвиг, угнав у немцев легкий связной самолет. Меня за прошлый «шторьх» летуны долго благодарили. Пригодился их эскадрилье. А вот додумать не успел, нарастающая боль в голове стала неожиданностью, я успел достать амулет диагноста, чтобы попытаться понять, что со мной происходит, но почти сразу вырубился. Как будто граната внутри головы взорвалась. Когда очнулся, еще светло было, часа два пролежал без сознания, но знаете, все быстро встало на свои места. Я нашел амулетом диагноста, что вывалился из моей руки, когда сознание потерял, несколько очагов в голове, сосуды полопались, и убрал проблему лекарским амулетом. Сразу легче стало, сейчас же, переосмысливая последние шестнадцать дней, я разобрался, в чем дело, и только огорченно покачал головой. Так вот оно, значит, в чем дело. Ведь чувствовал, что что-то не так, но, видимо, была дана команда не обращать на чуйку внимания, вот и не фиксировал внимание на ней. Пережевывая хорошо прожаренный стейк, который резал воздушным лезвием, я размышлял. Думаю, стоит этому моменту уделить внимание, да и время есть, до наступления темноты еще часа три.

Значит, вот к каким выводам я пришел. Меня кинули. Так думал тот молодой маг, что это сделал. Маг-артефактор... да он сопляк двадцати лет. Я вообще сомневаюсь, что тот полноценный маг, а не чей-то ученик или студент. В общем, с момента, как я открыл глаза, после того как покинул самолет и впервые увидел мага, я был как бы в зазеркалье, что сильно приглушило эмоции. Я довольно эмоциональный человек, и меня должно было насторожить это, но не насторожило. Думаю, пока я без сознания был, еще контузия эта, парнишка подлечил меня и, пользуясь тем, что я беззащитен, поработал каким-то амулетом. Думаю, ментальным, что установки в мозгу делает. Это предположение, сам я его в руках у парня не видел. А то, что амулет, это точно. Сейчас я вижу, что тот маг-слабосилок. Да

у него постоянно два амулета зарядки накопителей работало. Мой тоже, я же тренировался и, между прочим, не всеми амулетами пользоваться могу, зарядить накопители нужно. Вот и сейчас сижу, прислонившись спиной к стволу березы, и рядом амулет зарядки работает. Хотя ладно, не важно. В общем, я чувствовал себя как в зазеркалье, да, очень близкое понятие. Мне около часа потребовалось, чтобы все обдумать и разобраться в ситуации. Этот молодой маг до смерти боялся нашего мира, первое впечатление, видимо, закрепилось навсегда. В общем, этот магеныш явно решил меня кинуть на содержимое моего хранилища, и, судя по его поведению, наш обмен был явно неравнозначен, и он считал, что все в его пользу. Ой дурачок. Я бы и в два раза больше отдал за увеличение хранилища. В чем тот еще меня напарил? Привязка амулетов. А не было ее. Аура в стадии раскочки, что-то сомневаюсь я, что к ней что-то привяжется. Так что амулетами может пользоваться любой. Кто умеет это делать. Да и вряд ли тот сам их сделал. Добавлю, что у магеныша, по-другому его назвать сложно, не так и много было амулетов с ручным управлением для простецов. Скорее всего, я получил все, что у него было. Остальное с управлением для магов, я бы с ними ничего сделать не смог.

Такое долгое эмоциональное сдерживание сказалось. Я вскочил на ноги, побегал вокруг, топча ногами листву, высоко вскидывая колени и радостно крича. Ничуть не опасаясь, что меня могут услышать. Выпускал из себя все то, что копилось эти шестнадцать дней. Хм, и голова стала ясной, мысли не так тягуче текли. Эту бурную радость я мог бы показать, как маг ушел в портал, но на мне тогда запреты были. Кстати, магеныш явно знал, что закладки скоро слетят, вон как торопился. Ощущения у меня, как у змеи, скинувшей кожу, после линьки. Ох и хорошо. Словно обновился. Вот теперь стоит уже нормально посидеть и подумать. Так что снова сел, прислонившись к стволу березы, и прикинул все. Я себя лохом не чувствовал. Более того, скорее даже больше получил, да в разы, чем потерял. Хотя, конечно, кое-что из своего, что маг унес, я бы забрал. На ноуте были сборники музыки и фильмов, главное музыки, как она мне здорово помогала в этой серой жизни, пока воюю. Теперь тяжело без нее будет. Патефон добыть? Подумаю. Документы, награды, придется все восстанавливать, это возможно, поэтому сильно не расстроился. А

магеныш куркуль, я не заострял внимания, как будто так и должно быть, но питался я подножным кормом, а тот тем, что я ранее приготовил. Мои бывшие запасы. Не особо красиво это смотрелось, но тот вел себя как будто так и надо. Норма жизни. Ладно хоть с хранилищем не налажал, все, как и договорились. Надеюсь, не наврал и ауру достаточно накачал, чтобы хватало энергии держать хранилище, иначе аура мои жизненные силы пить будет. Это мне еще тот, первый маг рассказал. Хотя магеныш ловко работал, я это отметил. Судя по его действиям, я у него не первый и даже не сотый из обманутых. Все до автомата отработано, ни одного лишнего движения или суеты, это было видно. Это и успокаивало. Да и его уверенный вид перед нашим прощанием доказывал, что тот все сделал, как надо. В общем, вердикт такой: я доволен тем, чем все закончилось. Я здоров, хранилище увеличено. Я в плюсе. Не сильно радуется, как магеныш себя повел, чувствую себя лохом, но это можно пережить. Если встретимся, что вряд ли, в рожу дам, но не более.

Планы не меняются, набираю добра на все случаи жизни, разного, и к своим, там восстанавливаю документы и награды и воюю дальше. Насколько задержусь у немцев, не знаю, но постараюсь быстрее справиться. Нужен транспорт и обувь. Я же говорю, планы не меняются. Хм, стоит отметить, что магеныш испытывал амулеты защиты. Причем на мне. Стрелял в меня из «парабеллума», научил его, а я сообщал, на сколько понизился уровень заряда после каждого попадания. Тоже на этом не заострял внимания ранее. Шесть выстрелов и заряд на нуле, седьмой пробьет. Это с амулетом второго уровня, с третьим – три выстрела и четвертый пробьет. Да и этому рад, раньше ничего подобного не было. Причем все амулеты сделаны качественно, тот заострил на этом внимание, сообщив, что проработают десятилетия. Поясню. То есть не хранить десять лет и дальше в песок рассыплются, а если постоянно использовать, полные сутки без отдыха, так день за днем и десятки лет. Так что для меня эти амулеты... да надолго они, если умру, а потом новая жизнь, то и там буду ими пользоваться. Наверное... Еще по накопителям. У меня только то, что в амулетах, хотя запас иметь стоит, я видел, у магеныша был. У меня только у четырех амулетов в накопителях мана до полного есть, остальные почти опустошены, едва по десять процентов, за время учебы амулет зарядки наполнять их просто не успевал. Время для

этого нужно. Накопители обработать не сложно, все они имели вид шарика. На жемчужины похожи, но тут один момент: желательнее, чтобы они были драгоценными камнями, тогда да, долго проработают. Так что еще их найти нужно, а потом ювелира, чтобы обработал, как надо. Я не умею.

Об этом и размышлял, пока не стемнело. Дальше собрался, забрав амулет зарядки, накопитель почти полон был, и побежал по дороге к городу. За час я добрался до окраин, заметив по пути несколько усиленных постов. Был и блокпост на въезде. Немцы явно держат все с этой стороны под контролем, особенно ночью. Хорошо, что здесь поля возделаны, а не минные поля были. Сам я по дороге двигался, там мин сканер не показал. Все же магеныш сам лох, из нас двоих я в плюсе. Хотя думаю, он как раз считает наоборот.

Проникнув на территорию города через частный сектор, перебрался через огород, а там на улицу и дальше двинул по ней, сторожась. Пропустив ночной патруль из десятка солдат, что уверенно топал по одной из улиц, я так и добрался до железнодорожной станции. Меня интересовали ее склады. По пути перехватил полицаю, тот с карабином Мосина на плече шел куда-то полусонный, волоча ноги. При этом я бросал вокруг настороженные взгляды. Думал, ловушка, на живца берут, но, когда я его допросил, узнал, что несколько полицаев пропали в городе за последний месяц, и тела двоих потом по запаху нашли. Тот себе такой судьбы не желал. Хотя это ему и не помогло. Зато я хоть какую-то информацию получил. Это действительно Житомир. На окраине есть военный аэродром, запасным он был, но сейчас там дальняя авиация базируется. Заглянем. Также дал расклад сил по городу, и что тут вообще происходит. Сведений не так и много, но я и этому рад. Об одном жалел, у него сапоги сорок пятого размера, а мне сорок второй нужен. А вот ремень с подсумками застегнул на себе. Я бечевку починил, но все равно иногда шаровары нужно было придерживать, спадали. Карабин проверил и убрал в хранилище. Сорокового года выпуска тот, вполне неплохо сохранился, из него не так и много стреляли. К нему двадцать патронов, россыпью, обойм не было.

Больше трофеев не было. Карманы пусты, только махорка да пустой коробок спичек. Документы взял, а форма полицаю меня не интересовала, тем более и она не на мой размер. Хотя сапоги предателя

я прихватил. Не сильно ношены, можно будет продать. Они нашего пошива, с зауженными голенищами. Тело оставил у забора, руки не пачкал, удар амулета с воздушными лезвиями – и порубленное тело оплывало кровью. Я же заторопился к складам. В городе на удивление много полицейских подразделений было, видимо, некоторые являлись карателями. Пока до складов добрался, еще уничтожил восемь полицаев. В отличие от первого полица, что шел с суточной смены отдыхать, он местным был, эта группа шла строем. Тут отработал воздушными лезвиями, потеряв десять процентов маны в накопителе на это, зато все лежат обезглавленные. Бил точно, чтобы не повредить ничего и трофеи не потерять. Прибрал винтовку Мосина, самую свежую и не расстрелянную, еще был ПППШ, причем новый, этого года выпуска, к нему два запасных диска. Два пистолета, ТТ и «парабеллум», с кобурами. Остальное не заинтересовало. Только боеприпас собрал к вышперечисленному. Да наконец-то сапоги подобрал, тут аж у двоих были нужного размера. Одни чуть стоптанные, другие новые, яловые. У водопроводной колонки помыл ноги, подлечил от мелких травм, намотал еще теплые портянки и натянул сапоги, те, что поношенные, новые пока поберегу. Только после этого наконец добрался до складов. Добежал. Уф, как хорошо в сапогах, не нужно смотреть, куда ступаешь. Правда, и минус был, я отвык от обуви, и в первое время те мне серьезный дискомфорт причиняли. Ничего, снова привыкну. А пока добывание нужного мне, а потом на вражеский аэродром. Надеюсь, найду там то, что мне нужно.

* * *

Мотор «шторьха» ровно гудел, я поглядывал вокруг, благо амулет ночного и дальнего видения отлично помогал, ночь темная. Девочка лет пяти, что сидела у меня на коленях, особо не мешала. Меня ждали, в штабе моей армии подтвердили прием, сообщив, куда лететь. Армия двигалась с боями, и местоположение ее давно сменилось.

А вообще с момента, как я расстался с магенышем, уже десять дней прошло, второе сентября было. Одиннадцатый день пошел, уже полтора часа как. Тогда, добравшись до Житомира, я действительно неплохо прибарахлился. На складах добыл три тонны риса в мешках, у

немцев это довольно редкая крупа, тонну гороха и тонну пшеничной крупы, потом вскрыл склад с питанием для офицеров, дорогие вина, сыры, шоколад, масла, колбасы. Были чай и какао. Никакого эрзаца. И тут на семь тонн набрал. Амулет-сканер отлично помогал, прежде чем убрать кусок стены в хранилище, давая себе доступ внутрь очередного пакгауза, я сначала смотрел амулетом, что есть внутри. Самое интересное я прибирал. Поэтому еще тонну мешков свежей пшеничной муки. Два мешка соли и два сахара. Две фляги с подсолнечным маслом и две с медом. Ну и склад с консервами. Брал мясные, с ветчиной, фаршем, саморазогревающиеся, и сладкое. Пятнадцать тонн припасов, но это не все. Тут уже начали сбор урожая, и я нашел местное овощехранилище, довольно крупное. Забрал четыре тонны картошки, только вчера с полей, двести кило капусты, двести репчатого лука, сто моркови, сто чеснока, двести огурцов и двести помидоров. Они в ящиках были. Свежий урожай, не из парников ли? В общем, двадцать тонн припасов ровно, как и рассчитывал. На другом складе, вещевого имущества, нашел котлы. Большие, маленьких не было, пять штук по сто пятьдесят литров каждый. Чугунные. Я поскорее прихватил их и покинул склады. Нужно сделать запас готовых продуктов, и они отлично помогут. Правда и весят почти тонну, но меня это не остановило. Я их взял временно, потом избавлюсь. Может, один котел оставлю, остальные точно скину. А поторопился покинуть город, потому что по нему тревога звучала. Нашли убитых полицаев, да и тут на территории станции я двоих немцев убил. Одного ссыкуна из зенитчиков, до туалета ему лень идти, к углу склада бежал, где я укрылся, и часового, с которого снял новенький карабин Маузера с боезапасом. Да, документы я собирал, с полицаев и вот немцев, для отчетности. А перед тем как покинуть склады, увел полтонны тротильных шашек с бикфордовыми шнурами и добрался до аэродрома.

На аэродроме тревоги не было, но посты усилили. Из города им сообщили о нападениях. Тем более тут вполне себе шла боевая работа. Часть самолетов на вылете, еще одну группу готовили. Пользуясь темнотой, тут соблюдали светомаскировку, прежде чем заминировать склад ГСМ, и склад боеприпасов, я посетил землянки лётного состава, стараясь не разбудить тех жильцов, что были. Увел новенький патефон и солидную стопку пластинок с разной музыкой. Обувь подобрал,

ботинки хорошие, два летных комбинезона моего размера. На складе две тонны летных пайков и шесть комплектов офицерского нательного белья. Заглянул в столовую, набрал утвари и посуды, доски разделочные, половники, ножи и все необходимое. Потом к складам, шнуры уже горели, увел пять тонн авиационного бензина в бочках и одну бочку моторного масла, и даже три самолета. Два «шторьха» и один связной «мессер». Самих «шторьхов» было три, но один в ремонте. Из двух один вполне свежий, второй латаный-перелатаный, видно, что пулевые отверстия заделывали, но мотор новый. Первый себе оставляю, а на втором к нашим полечу. Да и тут эксплуатировать буду. Что по «мессеру», то дальность у него выше, хотя на такой машине летать не доводилось, но я справлюсь. Убив охрану у землянки, где радист сидел, там еще три офицера было, все же работа шла, я проник внутрь и, настроив рацию на волну радиостанции штаба моей армии, стал вызывать:

– Тюльпан-два. Ответь Урагану-три, прием.

Знаю, что за время моего отсутствия все позывные давно сменились, а новых я не знал. Да и не смущало это меня. К счастью, дежурный радист не спал, подтвердил прием, знакомый голос, знаю его, и тот принял от меня сообщение. Да оно короткое было. Сообщил, что бежал из плена, излечился от контузии, а как добуду самолет, то и перелечу к ним. Потом свяжусь, узнаю координаты, куда прибыть. Ну и еще, что я человек практичный и пустым не летаю, кого-то да выведу с оккупированных территорий, пусть особисты имеют в виду. Проверка прибывших на них. Ну и личная просьба начальнику штаба армии: от моего имени подать запрос на восстановление документов, комсомольского билета, наградных книжиц и заказать изготовление копий моих наград. Свои я утерю, даже не знаю, где они. Как бомбой накрыло, больше не видел. Это нужно для сокращения срока получения копий всего утерянного.

Радист подтвердил принятое сообщение, и мы разъединились. Я уже собрал все ценное, что тут было, и на мотоцикле прорвался с территории аэродрома. Едва успел, как ночь превратилась в день, оба склада рванули с разницей в двадцать секунд, немцам резко стало не до меня. А что я, из техники только новенький легкий БМВ-одиночка, отъехал на нем, там взлетел с полевой дороги, на «шторьхе», и полетел в тыл к немцам. Меня Варшава интересовала как место с наиболее

большой концентрацией ювелиров. Километров на двести улетел, на бредущем, когда светать начало. Там сел на берегу речки, около леска, спать особо не хотелось, отмыл котлы в речушке и сготовил в двух котлах блюда. Это щи, использовал кости и мясо лося, и рис отварил, сдобрив фаршем из консервов. Поел и спать. А дальше, как стемнело, уже на «мессере» взлетел, нужно изучить, что за машина, она была куда скоростнее, но я освоился.

Так и добрался до Варшавы за один полет, без дозаправок, сел недалеко, удалось со второй попытки сделать благополучно. Ювелиров нашел быстро, я у немцев банк ограбил, тут же в Варшаве марок набрал, да и золотых монет хватало, было чем платить. Купил хороший костюм, пальто и шляпу, теперь свободно гулял по городу. Зимнюю одежду, на меху, приобрел. По туристским и рыболовным магазинам прошелся. Даже два спальника нашел, зимний и летний. С трудом, но смог найти и купить отличную медвежью шкуру. Редкий и дорогой товар. Только за золото найти смогли. Я восполнял то, что было мной утеряно при встрече с магенышем. Две палатки теперь есть. Еще двух женщин нанял, выдал припасы, и они готовили разные блюда. Но главное выпечку. Пирогов немало напекли, я приходил вечерами и забирал. Также угнал новенький «Опель-Кадет», двухдверный, бордового цвета. Потом у пристаней парусную шлюпку – она полтонны весила. Ну и роскошный «хорьх». Если остальное для себя брал, эту машину как раз на продажу. Сам за городом в лесу проживал эти семь дней, пока три ювелира работали по моим заказам. Камни они сами находили. Изумруды, рубины и, конечно же, брильянты, и шлифовали их до круглого состояния. Всего два десятка камней сделали, но уже кое-что. Я заряжал свои накопители, по три дня на каждый. Проверил и новый камешек. Нормально, заряжается. И вот полетел обратно, хранилище на сто процентов полным было, сел у Ровно, поискал попутчиков, тут повезло найти группу беглых евреев, и забрал шестерых детей от пяти до семи лет, со следами желтых звезд, вышитыми на одежде, это все что смог, и на том латаном «шторьхе» полетел к нашим. Координаты я уже получил, самолет был артиллерийской разведки, рация имелась, я знал, куда лететь. Вот и добрались, так что мне подсветили полосу, и я пошел на посадку.

Услышав шаги конвоира, я снова хмыкнул и быстро убрал карты, подмигнув другим сидельцам. Мы приняли невинный вид, как будто тут ничего не происходит.

О да, я снова на Лубянке, уже третий день как привезли. Не думайте, это не последствия моего возвращения из плена. Это вообще два месяца назад было, сейчас уже ноябрь, шестое с утра. Что вообще происходило? После возвращения я писал рапорты, проходил опросы и допросы особистов. А потом началась служба. Михайлов ударил по столу кулаком, и меня вернули к работе, так что снова ночами летал на самолете. Это не мешало использовать «Глаз» и наносить новые данные на карты, а штаб армии по ним работал, особенно артиллеристы преуспели. В такой боевой работе я хорошо освоил и высоко оценил «Глаз». Все же он на порядок лучше коптера был. Так что армия двигалась вперед, даже рвалась вперед полууступом, но встали, чтобы другие армии нагнали, а то отрежут от своих еще фланговыми ударами, как немцы это любят делать. Документы мне восстановили, наградные книжицы тоже, в октябре получил, как и копии наград. Тогда начштаба пошел мне навстречу, все запросы уже были отправлены. И да, я не ошибся, предполагая, что все мои вещи на том самолете были, что немцы перехватили и к себе увели, так что действительно сгнуло все. А так как армия стояла, то генерал Михайлов переуступил меня временно своему старому знакомому, которого направили командовать фронтом, что прорывал оборону в сторону Ленинграда. Очень генерал просил меня, тот обо мне слышал. И вот за месяц боев Калининский фронт пробил все же коридор, и ленинградцы были деблокированы. Там коридор усиливали, расширяли, я всего четыре дня помогал. Наши артиллерией и авиацией побили резервы, что немцы перекидывали, но меня взяла под ручки контрразведка и самолетом в Москву. Третий день допросы шли, следователи знать хотели, откуда я получаю разведданные. Всегда отвечал, что вижу ночью хорошо, поэтому, летая над немцами, наносил на карту все, что видел. По мне так неплохая идея, но как-то не особо поверили.

Еще интересовались, как из плена бежал. Да, нестыковки были, уже знали, что у немцев на аэродроме несколько самолетов пропало, и я прилетел на машине именно оттуда. Интересовались, где пропал больше недели. Говорю, были дела. Вообще, как я описал свой побег?

Очнулся у немцев, с контузией. Когда перевозили в Берлин, потерял сознание от тряски, очнулся в обломках самолета, от шума, кто-то забирался. Оказалось, «юнкерс» упал на лес. Судя по многочисленным пулевым отверстиям в бортах и в телах немцев, была схватка, гильз на полу хватало. Что там происходило, не знаю, я без сознания был. Сам я без травм обошелся по той причине, что связали меня так, что я как в коконе был, это и спасло. Не только от падения, но и от пуль, несколько попало, синяки от них уже сошли. А вытащил меня из самолета дед один, знахарем оказался, отшельник, в лесу живет, лечил от контузии, примочки делал, даже шрамы свел и родинки. А как вылечился, попрощался с дедом, добрался до Житомира, ну и дальше уже знали. Что я делал после нападения на аэродром (к слову, меня так и не наградили за подрывы складов), объяснил тем, что готовился вернуться к нашим, искал, кого с собой взять. Вот и все. Хотя за эти два месяца я продвинулся вперед, у меня уже погоны капитана, а этим меня соблазнили помочь дружку Михайлова. Причем даже успел за это награду получить, прежде чем меня задержали. Пустого. Все отправил в хранилище.

Стоит добавить, что пока воевал в составе своей армии, до командировки на Калининский фронт, а его как раз в Первый Прибалтийский переформируют... Так вот, пока со своими участвовал в наступлении, восстанавливал утраченное, то пообщался с главным снабженцем армии. Он у нас уже полгода, и я его знал. А осенью сорок первого я ему толкнул «кюбельваген» с запасом бензина, а тот мне припасы. Вот и в этот раз вышел на него, было что предложить, и мне кое-что нужно, что у немцев и в Варшаве добыть не смог. Армия наступала и трофеев хватало, поэтому они упали в цене среди снабженцев. Но такие генеральские машины все же редкость. Вообще меня охраняли как особо ценную персону, Михайлов отдал приказ, а потом в битве за Ленинград и комфронта подтвердил такой приказ. Да меня взять должны были сразу, как коридор пробили, а тут четыре дня все согласовывали. Моей охране плевать, что они из Москвы и с серьезными бумагами. Пока комфронта не дал добро, к моему телу этих желающих его прибрать к рукам не подпускали. С помощью «Глаза» и подслушивать мог, магов вокруг нет, плетения не видят, я даже в окна заглядывал и в форточки подслушивал, что немцев, что наших. Так вот, за «хорьх», с бочкой бензина к нему, я

получил пять ящичков с американской тушенкой, очень неплохая, и четыре ящичка со сгущенкой. Плюс ящик с консервированными бобами в томатном соусе. Десять ящичков всего. Поверьте, по ценам среди снабженцев я даже получил чуть больше, чем это стоило. Снабженцу срочно кого-то требовалось задобрить, вот и взял с доплатой. Потом все пять котлов отдал, те самые по сто пятьдесят литров. Они тоже в цене. Кухонь не хватало, так что с руками оторвали. За котлы получил овечий офицерский полушубок, хоть и есть амулет климат-контроля, но штука нужная.

Хочу отметить, что я в Варшаве неплохой гардероб себе набрал. Был костюм, потом два комплекта домашней одежды, нательное белье, обувь, пляжная одежда, включая плавки, зимняя, утепленный плащ с меховым воротником, меховая шапка. Однако валенки или чего такого, вроде тулупа, найти не смог. Вот сейчас его взял, шапку-ушанку, белую, валенки из светлой шерсти, с прошитой подошвой, зимнее утепленное байковое белье, комплект зимней утепленной формы, тут ватные штаны, телогрейка. Ну и палатку, зимнюю, утепленную войлоком, те две, что в Варшаве добыл, летние, с одной в комплекте шел материал для тента. Я две военные зимы пережил и знаю, как важна хорошая одежда. С учетом охраны с трудом все повернуть по обмену удалось. Дальше шла служба, особо и описывать нечего, днем спал, ночью облетывал передовую, если погода позволяла, редко залетая на территорию немцев. Это было летчику запрещено. Да, немцы знали, кто летает, и прожектора подтаскивали, и зенитки, но с помощью «Глаза» я их видел, и мы облетали стороной, нанося на карту засаду. Однако попадали под огонь с земли, и самолет обзавелся новыми пробоинами.

Что еще? Ну пока в Польше бывал в магазинах, там приобрел разные настольные игры, в музыкальном магазине пластинок купил разных, специально глянул, у меня таких нет. Потом купил новенький велосипед и, найдя ушлого посредника, выдал аванс ему на покупку мотовелосипеда. Тот заказал его срочную экспресс-доставку из Франции, прямо с завода-производителя, и перед самым отлетом я выкупил аппарат, как раз поездом доставили. Новый, я даже обкатать не успел, а времени не было с постоянными боями. А так слушал патефон, жил в лесу и готовил. В принципе, все. Да, еще за это время все накопители зарядил, включая новые. Я купил два мешочка

из бархатной ткани и держал их там. Одно ясно, надо бы еще запасов накопителей сделать, но видимо, это до окончания войны ждать нужно. До того, когда мотовелосипед забрать, и после подготовки к отлету, я посетил молочную ферму. Увел молока тонну, сливок две фляги, сметаны три, масла сливочного шестьсот килограммов. Давно присмотрел эту ферму и вот навестил ночью. Теперь точно все, улетал, когда хранилище доверху заполнено было. За время полета место появилось, из-за потраченного топлива. Но не так и много. А так трое суток допросов, без физического давления, я их спокойно пережил, и вот играли мы в мою колоду карт. Я как раз выигрывал, отчего был довольным, а тут конвоир. Мы их шаги по звуку определяли. Этот наш. Камера не сказать, что переполнена, но она небольшая, однако двадцать человек вмещала. Разный контингент, но было и шестеро офицеров, мы вместе держались. Остальное разный сброд, даже инженеры или рабочие. Что-то у них там с браком на заводе было. Чуть не диверсию им шьют.

Среди офицеров никого выше капитана, майоры и кто выше, в другой камере, для старшего комсостава.

Вот замок в двери щелкнул, она открылась, перед этим конвоир глянул в глазок, убедившись, что проблем нет.

– Одинцов, с вещами на выход, – сказал тот.

– Вы мне их сначала верните, – проворчал я.

Однако, подхватив свою шинель, погон не было, сняли, это такое моральное давление, типа вы для нас никто, и, кинув на сгиб руки, направился к двери. Кроме шинели у меня ничего не было. С парнями попрощался, те пожелали удачи. Дальше повели наверх. Там забрали боты без шнуровки, вернув мои валенки, теплую зимнюю форму, включая овечий полушубок. Это не мой личный, выдали на Калининском фронте. Летали мы на разведку в любую погоду, вот чтобы не обморозился, и выдали. А под руки меня взяли, когда после такого разведывательного вылета вернулся. Я только и успел передать планшетку с новыми разведанными ожидавшему посыльному. За последнее время я по этому делу асом стал. Кстати, самое забавное, что нам поручили пробить коридор другому фронту, Ленинградскому, а наш Калининский должен был помогать, по факту же мы и пробрили. К следователю так и не вызвали, всем занимался дежурный, выдали бумагу, что проверка проведена, и все. Кстати, оружие тоже вернули, я,

когда свой ГТ проверял, вынув и вставив магазин, кладовщик сильно напрягся, но я убрал оружие в кобуру и дальше проверял вещи. Претензий не имею к местным, больше даже благодарен за отдых, а то меня в последнее время гоняли только так, на сон оставалось мало времени, пользовались хорошей погодой. Знал комфронта, что меня скоро заберут, вот и использовал на все сто. Правда, задержать не пытался, тут он слово, данное Михайлову, держал. Хотя оценил качество и скорость передачи развединформации в режиме реального времени. Когда награждал орденом, сказал, что у него никогда не было лучшей работы разведки, чем сейчас. Впрочем, ладно, я покинул это страшное для многих здание и, придерживая лямки вещмешка, что закинул на правое плечо, направился прочь.

Со справкой проверки мне выдали документ, предписывающий прибыть в отдел кадров управления РККА. Ну, время не указано, так что можно задержаться. Темно уже. Сейчас шесть вечера, я вернул часы на руку, сверился, переночую и на рынок с утра. Хочу сала соленого купить, у меня крайне мало в запасе. Да и копченого сала хочется. Зима подходит, в это время сало очень высоко ценится, калорий много. Я для себя беру, хотя и угостить не жмочусь. В общем, нужно закупки сделать. Еще хочу посетить баню, но поди найди ее. Потом отдел кадров, нужно получить дорожные, чтобы вернуться в расположение своей армии, и поеду к своим. Мне повезло остановить пролетку. Узнал, где можно комнату на ночь снять, и есть ванная с горячей водой. Пока хозяйка стирала все, в чем я был в камере, да чистила верхнюю одежду, тот же полушубок, я дважды принял ванну. Полежал в горячей воде. Потом, когда сох в комнате, подготовил другую форму, офицерскую, вместо полушубка шинель, шапку-ушанку и остальное. Награды на френче закрепил. Валенки в хранилище отправлю, в сапогах буду. Тут температура не настолько низка, как севернее было. Морозец есть, лужи замерзли, но и только. Снег еще не выпадал.

Выспался я просто отлично, хозяйка подняла в семь утра, как я и просил. Эти три ночи, что в камере провел, прошли в полусне. Там душно, да и вообще пахивало. Много чем. В общем, нормально так и не выспался. Позже, может, привыкну и буду спать, как и все, крепким сном, но не получилось, а тут никто не мешал, не толкался, не в тесноте. Небольшая удобная кровать, вот и выспался, чистый, на не

менее чистых простынях. Почему же не отдохнуть? Вообще на новом месте я тяжело привыкаю, обычно первая ночь на адаптацию, но следующая уже нормально. Хотя если вымотаюсь, срубает, где упаду.

Уплатил я и за питание, так что позавтракал кашей и чаем с морковной заваркой, в городе было довольно голодно. Хотя люди с деньгами добыть припасы могли легко. Забрав вещи, что хозяйка вчера постирала и почистила, щедро расплатившись, она двух малолетних внуков поднимала и сироту, что взяла на содержание, и прибрав все лишнее в хранилище, я собрался, ремни хорошо шинель увязали, талия у меня тонкая, и двинул на двор. Возница уже подъехал, я договорился. Он и отвез на рынок. Гуляя по рядам, я закупался всем необходимым. Причем на прилавках было мало, да воришек много, подбегут, схватят и бежать. Понятно, есть хотят, бродяжек много, поэтому спрашивать нужно, что надо, то и доставали из-под прилавка. От многих кусков сала я отказался. Желтое и пахнет старое. Я не настолько оголодал, чтобы такую некондицию брать, а было и свежее, белоснежное, с красными прожилками мяса. Мягкое. И копченого набрал. Шесть раз набивал вещмешок до полного, дважды обошел рынок. Пару раз меня пытались ограбить, чужие руки ощущал в карманах. Просто трепал воришек за ухо и отпускал. Особо не злобствовал, с пониманием к этому относился. Еще по мелочи закупился, у меня место есть почти для полутора сотен килограммов в хранилище, заполнил и, покинув рынок, направился к пролетке. Возница ожидал меня. Тут меня патруль остановил. Комендачи.

– Товарищ капитан, попрошу ваши документы, – козырнул старший патруля, в звании лейтенанта.

Молча закинув вещмешок за спину, расстегнул шинель и достал стопку документов, плюс справки, которые лейтенант внимательно изучил, придаться было не к чему, и, козырнув, отпустил. Я же, убирая документы обратно в карман френча, задумчиво смотрел патрулю вслед. Ну вот где-то видел одного из бойцов, а где, не припомню. Потом как осенило. Мценск.

– Стойте! – окликнул я патруль и быстрым шагом подошел. – Боец, твоя фамилия Арбузов?

– Так точно, товарищ капитан, – с удивлением посмотрев на меня, сказал тот.

– Старший сержант Арбузов, Савелий кто тебе?

– Брат старший. Погиб он.

– Я знаю. Мой он боец. Я командовал охраной моста у Мценска, он был моим замом. Погиб на мосту, когда рукопашная стояла с диверсантами.

– Вы тот младший лейтенант Одинцов? – встрепенулся тот. – Мы получили ваше письмо, потом похоронка на брата пришла. Отец с дедом этим летом ездили на место гибели брата. Перезахоронили там павших, на кладбище, в братской могиле. Жаль, тогда тело брата не нашли, мощный взрыв был.

– За это спасибо, порадовали. Я там четырнадцать бойцов потерял, но роту диверсантов мы уничтожили и все три моста взорвали, железнодорожный, там я командовал, и два автомобильных. На одном Савелий и погиб. Я его к званию Героя представил. Что дали?

– Красную Звезду, посмертно.

– Так и думал, что зарубят. Ладно, боец, помни, твой брат герой, это он крикнул бойцу в окопе, чтобы взрывал. Там три бойца выжили из полутора десятков.

Лейтенант и второй боец нас слушали, но не перебивали, тут мы козырнули друг другу и разошлись. Да уж, разбередила эта встреча старые душевные раны. А ведь два письма семьям погибших я так и не отправил, и они ушли в хранилище магеньша. Надо будет переписать и отправить, вроде территорию, где жила одна из семей, уже освободили. Нет, а как похож парень на своего старшего брата, фактически одно лицо. На момент начала войны старшему из братьев Арбузовых было тридцать, того призвали, и после подготовки он вошел в охрану моста, а младшему сейчас двадцать два.

Вот так на пролетке я и покатыл в сторону главного управления РККА, там и отдел кадров был. Это я его так называю, у военных немного по-другому. Там дежурный направил меня в нужный кабинет, где некий подполковник долго орал на меня. Из его слов я понял, что тот вчера до полуночи ждал меня. Приказ был дожидаться, а я, скотина такая, не пришел. Что-либо говорить подполу смысла нет, тот уже завел себя и ничего слышать не желает. Я же недоумевал. А с какого перепуга я сайгаком к нему нестись должен был? Между прочим, мне ничего такого не говорили. Пусть спасибо скажет, что сегодня пришел, мог и на завтра перенести. Я тут с дивчиной симпатичной

познакомился, и хотелось продолжения. А то со службой и личной охраной никакой личной жизни. Туда не ходи, сюда не ходи. Только в Варшаве немного отдохнул, посещал одну панночку. Поляков я терпеть не мог, но это не касалось их женщин. О, из воплей подполковника выяснилось, что меня ночью ждал самолет для срочного вылета к месту службы. Но не дождался и уже улетел, рейсовым был. Я на это пожал плечами с пофигистическим видом, что мужика еще больше завело, ор стоял на пол-этажа. Кто-то пытался зайти, но тот рявкнул, и неизвестный скрылся, хлопнув дверью.

Сам я с задумчивым видом поглядывал на подполковника, подумывал, как бы его из живого состояния перевести в неживое. У меня вообще-то гордость есть и чувство собственного достоинства. И вот так орать на себя я не позволяю никому. И плевать на то, какие у того погоны. Глубоко наплевать. А сейчас я размышлял: сразу его хлопнуть, приставив ствол трофейного пистолета к голове и нажав на спуск, под видом самоубийства на фоне крайнего эмоционального состояния. Или подкараулить ночью? В первом случае могут на меня подумать, во втором вряд ли. Кивнув своим мыслям, я смотрел на подполковника уже как на пустое место. Его нет, он труп. Тот, видимо, взгляд уловил, запнулся, закашлявшись, и передал мне бумаги:

– Тут проездные, направление и остальное, включая продаттестат.

– Товарищ подполковник, тут какая-то ошибка. Я прохожу службу в Шестой армии Третьего Украинского фронта, а тут Второй Украинский.

– Теперь служить будешь на этом фронте.

– Да? А что я с этого буду иметь?

– Пошел вон! – Он снова взорвался, я же спокойно убрал документы в карман френча и покинул кабинет. По-моему, в дверь прилетела чернильница. Какие-то тут нервные офицеры. Кстати, в приказе у меня стоит прибыть на военный аэродром, и там меня попутным бортом подкинут к штабу Второго Украинского. А подполковника этого истеричного убивать я не стану, потому что уже отомстил, и куда неприятнее. Теперь до конца жизни он будет страдать непроизвольным мочеиспусканием. Я поработал незаметно амулетом-диагностом, потом лекарским амулетом, по сути убрав клапан, что сдерживает. Так что приятной ему жизни. По мне так вполне адекватный ответ. А так, понятно, что ни на какой аэродром я не

поехал, а покатыл на пролетке в глубь города. Вернусь в нашу Шестую общевойсковую армию, к Михайлову, тот прикроет. Что вообще происходит, я понял. Командарм не раз говорил, что в последнее время его просят на время переуступить меня. Даже приказы приходили о моем переводе, но тот смог их скинуть или отменить. Вот кто-то на халяву и решил меня к рукам прибрать. Обломится. Но провести приятный вечер с девушкой я не смог. Та динамщицей оказалась, поела за мой счет в ресторане и свинтила. Я надеялся, что медовая ловушка, интерес ко мне был, я слежку засек, но не сложилось. Как стемнело, тот же возничий на пролетке отвез меня за город. Тут тоже преследование было, «полуторка» и две пролетки, «Глаз» показал мне их. А ушел легко, отпустил возничего, щедро расплатившись, с премией, и вошел в темный ночной лес, а там побежал. Тут дивизии не хватит меня найти. Из леса, с берега лесного озера, там место подходящее, взлетел на «шторьхе» и на брющем полетел к штабу моей армии. Где тот стоял, я в курсе. Перед тем как встать, мы сорок километров до Умани не дошли.

Не стоит думать, что так на этом легком самолете и летел. Нет, он мне нужен был, чтобы покинуть лес и отлететь подальше от ПВО столицы. Вот на пятьдесят километров и удалился. Сел на дорогу, подморозило, та хорошо укатанная, не особо и сильно трясло, сменил на «мессер» и полетел уже на нем. Тот и скоростнее, и комфортнее. С одной дозаправкой успел добраться до Днепра, но там грозовой фронт, дождь, – пришлось облетать, однако все же был на месте. Сел километрах в тридцати от штаба. Обслужил обе машины, заправил, как раз рассвело, и я, выйдя на дорогу, проголосовал. Как раз патруль подъехал, и они лично обо мне не знали, хотя командир слышал. Довезли до штаба. Там особисты опознали, так что развязали руки, вернув вещи. Я как раз позавтракал с кухни, когда к Михайлову вызвали, тот тут был. Документы я уже начальнику штаба армии сдал, описав свою ситуацию. А тот и передал Михайлову. А вот тут неожиданность, он подтвердил приказ из управления кадров РККА. Морщился, но сообщил, что на него надавили из Генштаба, так что развел руками. Он тут даже со своими связями ничего сделать не мог. Так что мне выдали самолет, и, взлетев, мы отправились на север, Второй Украинский фронт действовал ближе к Киеву. Хотя брат его будет, похоже, Первый. Ладно, за два часа долетели, тут не так и

далеко. Даже вполне благополучно, немцы не перехватили, да и погода не мешала, хотя боковой ветер был, но главное не встречный. Сели на полевой аэродром связной эскадрильи штаба фронта, там проверили документы, и сопровождающий, на «полуторке» довез до зданий штаба в небольшом городке. Летчик, что меня доставил, также привез какие-то документы, это переписка между штабами, и ждал ответа, чтобы привезти его обратно. Меня же быстро оформили, я в принципе не опоздал, и начальник разведки фронта, генерал-майор, спросил, как я буду действовать, что для этого нужно. Мой вопрос был вполне конкретен:

– Что я буду с этого иметь?

– Не понял? – тот явно удивился.

– Война перешла тот переломный момент, когда уже знаешь, что наша берет. До конца войны год-полтора, не больше, вот я и собираюсь активно наращивать свое благосостояние. Имею в виду чины и награды, другое меня не интересует. Что вы можете мне предложить?

Генерал оказался из неадекватов и поднял ор. Не понял, что в моем вопросе ему не понравилось? Все чины и награды любят. Оказалось, тот был возмущен моим цинизмом, тут родине помочь нужно, а я собственник и куркуль, требую за это что-то себе. Не понял, он что, с себя звезды будет снимать, чтобы мне передать? Снял, стал полковником, а я майором. Или награды со своего френча снимать? В общем, мне этот генерал не понравился. Ему не устраивал недержание, повторяться нельзя. В этот раз другое. Банально нарушил ему нерв правой руки, тот правша, и рука через день-два окончательно обвиснет, и он не сможет ею пользоваться. Это на остаток жизни ему. Будут тут еще на меня орать. Тот схватился за руку, почуял что-то, но, побледнев, явно решил, что у него инсульт, прохрипев:

– Сердце.

Не спеша подойдя к двери, я толкнул ее и сказал помощнику генерала:

– Там вашему начальнику плохо. Инсульт, похоже.

Тот мигом забежал в кабинет, пока писарь вызывал медиков. Я же в приемной занял свободный стул и, надвинув шапку на глаза, решил подремать, а то сутки уже на ногах. Во время полета сюда не спал, следил за небом, чтобы нас не застали врасплох, вот и пользовался свободной минутой. Генерала вынесли на носилках, я это еще успел

рассмотреть, и уснул. Разбудили меня через полчаса, стрелки часов подтвердили это. Полковник, неизвестный мне, велел пройти в кабинет, где занял место генерала.

– Полковник Селиверстов, помощник, замначальника штаба по разведке. Что произошло в кабинете?

– Генерал начал орать, потом схватился за грудь и сказал, что у него сердце. Я сообщил офицерам в приемной, они вызвали медиков.

– Почему товарищ генерал повысил голос?

– Не понравился мой вопрос.

– Капитан, из тебя слова вытягивать нужно? Доложите все, что было.

– Генерал решил, что я мать Тереза. Бесплатно работаю. На мой вопрос, что я буду иметь за разведданные и свою работу разведчика, тот начал орать. Остальное – последствия.

– Да-а, – протянул полковник, постукивая карандашом по столешнице. – Ты, я смотрю, тот еще кадр.

– Не понимаю вашего командира. Да и вас тоже. Вон, на Калининский фронт в командировку отправили, комфронта обещал, если пробьем коридор к Ленинграду, звание даст и награду. Обещание выполнил, капитана я получил и «Боевик», а у вас прям какие-то истерики по этому поводу. Как будто я у вас последнее отбираю, изо рта вынимаю. В разведке правило: сманивать офицеров в разведку обещанием чинов и наград. У вас не так?

– Так-то так. Генералу твой тон не понравился, наглый, с ленцой.

– Я сутки не сплю. Моя армия это Шестая общевойсковая, и я не подавал рапорт о переводе к вам. Генерал-полковник Михайлов, мой командир, ему я помогаю по долгу, он мне много хорошего сделал. А вас я знать не знаю. Зачем мне напрягаться за просто так?

– А помочь Родине, освободить территории от захватчиков?

– Я столько помогал, и мне по рукам надавали, что все желание просто так помогать убили. Трибунал был, меня лишили наград и звания. Тоже тогда в сорок втором капитаном был, две Звезды Героя, с другими наградами. Не будет самоотдачи, идите на... Я надеюсь, понятно все сказал, разжевывать не надо? И пугать меня не стоит, я пережил шесть штурмов Сталинграда, после штрафбата снайпером в первых рядах шел. Там выжил и тут выживу.

– Трибуналом тебя не напугать, – задумчиво изучая меня, сказал полковник.

– Не-а, – ухмыльнулся я.

– Да, генерал был прав, с тобой сложно будет. Свободен пока, дежурный устроит, где будешь проживать. Пока решу вопрос с тобой.

Молча козырнув, я покинул кабинет и, прихватив вещмешок, что ожидал меня у стула, покинул с помощником дежурного здание штаба. Он занимал четыре здания, чтобы все службы вместить. В офицерском общежитии, где четыре койки, на одной меня и устроили.

– Задержанный Одинцов, на выход, – велел конвоир. – Руки за спину.

В этот раз задержание меня, да и прошедший уже трибунал, было вполне себе настоящее. И я даже особо не возражал против приговора, десять лет лагерей. Сейчас же посадили в машину и в лагерь, чтобы дальше отправить по этапу. Знаете, пока тут в камере сидел, я понял, почему себя так нагло и вызывающе веду. Хотя я считал, что отстаиваю свою честь и свободу. Это амулеты. Да, владение ими подняло мое самомнение и уверенность в себе. Вот и дошло до этого. Впрочем, я не был расстроен или огорчен и, если бы все повторилось, повел бы себя так же. Там ситуация так сложилась, и прогибаться под кого-либо я не хотел ни тогда, ни сейчас. Что по случившемуся, то тот полковник из разведотделения сообщил командованию, точь-в-точь передал нашу беседу, и член Военного Совета был разъярен, приказав заставить меня. Начальник Особого отдела не нашел ничего умнее, чем направить ко мне зама, подполковника, чтобы надавить. Тот за сутки, пока я отсыпался и обустроивался, нашел нужную информацию и, когда меня вызвали к особистам, при трех офицерах (сюда и член Военного Совета заглянул, любопытничал) начал меня шантажировать. Так и сказал, если не будет работы, мой сын пострадает. Больше подполковник ничего сказать не успел, в моей руке появился «вальтер», и грохнул выстрел. Тот зашатался, держась за грудь, из которой толчками текла кровь, и упал, невольно прислонившись к стене, а я, подойдя, хладнокровно выстрелил ему в голову, забрызгав содержимым черепной коробки стену, после чего, осмотрев шокированных свидетелей, поигрывая пистолетом, сказал:

– Никто не посмеет шантажировать меня сыном, с каждым будет так же, как с этим ублюдком.

Сопротивления я не оказал, положил пистолет на стол и отошел. Разоружили меня бойцы комендантской роты, дальше после ареста трибунал. Уже на следующий день – приговор. Звания и наград снова лишили. Погоны сорвали, а наград не нашли, как и документы на них. Ну, я уже научен опытом. Ха, снова, как только стал капитаном, и

трибунал – подозрительная тенденция. Удивило, что не вышку дали, я-то уже готовился на рывок уйти. Впрочем, и сидеть десять лет не собирался. Однако тут был сделан финт ушами. Меня вот вывели из камеры и в машину, дальше полевой лагерь, тут были офицеры, попавшие под трибунал. Почти сотня набиралась. Многие, как и я, лагеря получили. Смертные приговоры, если кому и были, уже приведены в исполнение, так что тут те, у кого сроки. В общем, одиннадцатого ноября вечером нас выстроили, и военюрист, при свете двух фонарей на столбах, зачитал постановление Генштаба тем, кто получили срок в десять лет и меньше, принудительно заменить лагеря штрафбатом. Не я один зло сплюнул. Не порадовали. Хм, что-то больно вовремя этот приказ, подозрительно, я даже до Воркутлага не доехал. Направление у меня туда было. Решил, что свалю по пути, все равно Горький не миновать, будем проезжать, сойду без разрешения, так сказать, сына на руки и сваливаю. Пока не знаю куда, вокруг сражения и войны, но я английский хорошо знаю, определюсь.

– Вот скоты, как под руку решение это, – сказал я соседу, бывшему майору, командиру гаубичного дивизиона, что потерял свой дивизион. Ошибка чужая, но его сделали крайним. Я пояснил: – Я собирался утечь, пока перевозят на Север.

– Странно это все, – проговорил тот. – Тебя, Герман, вообще шлепнуть должны были за убийство особиста. Десять лет – это ниже минимума, что ты должен получить.

– Вот и я думаю, что это все неспроста.

– Сам где думал устроиться?

– Не знаю, Казахстан, может, в Китай уйду. Подальше от войны...

Строй обсуждал то, что сказал военюрист... Нам дали на это время, но тут охрана пробежалась, и мы замолчали, вот и известили нас, что нашу группу направляют на пополнение одного из штрафбатов Второго Украинского фронта. Он как раз недавно из боя, понесли большие потери.

– Пovoюем, – вздохнул сосед.

– Не знаю. Может, и утеку, не решил еще.

– Бросишь своих? – как-то с неприязнью удивился сосед.

– Понятие «свои» у меня потерялось после первого трибунала. Так что да, легко брошу, если ты это имеешь в виду.

Я на самом деле был в сильном сомнении. Амулеты защиты, конечно, есть, но очередь пулеметную или из ПП тот долго не держит, как и разрыв снаряда рядом или гранаты, держит что-то одно. Или менять амулет надо, благо еще два в запасе, пусть третий и слабее, или накопители. Хорошо, еще накопители есть, небольшой запас, однако все же заимел, что радует. Так что я действительно размышлял, колебался. И явно склонялся не в пользу штрафбата. Да пошли они все. Я еще и того полковника из разведотделения и члена Военного Совета найду и шлепну. Это все из-за них. Все, решено, как все успокоится, уйду. Соседу говорить не стал, не вызывал тот у меня доверия, прилип именно ко мне. Наконец перекличка закончилась, и нас, построив, повели, к воротам, а там за территорию лагеря. Конвойные по бокам, с оружием в руках, внимательно все отслеживали. Ввели нас к железнодорожной станции, она тут недалеко. Подходящее место было, темное, если отбежать, там овраг, я было дернулся, но ноги заплелись, мне подставили подножку, да еще навалились сверху, и знакомый голос майора прошептал зло:

– Нет, сволочь. Заслужил штрафбат, вот и пройдешь его.

Конвойный остановился рядом и велел подниматься. Майор сказал, что споткнулся и случайно сбил меня с ног. Он же и хотел мне помочь подняться. Отбив его руку в сторону, я сам встал, отряхиваясь, – снег выпал, да и мелкий начал идти. И двинул дальше, а майор, или кто он там, уже не уверен, не отставал. Как цербер, следовал за мной, отслеживая каждый шаг. Я споткнулся и навалился на него, быстро сделал шаг назад и скрылся в колонне остальных заключенных, а «майор» стоял и шатался. Нож в печень, это смертельно. Это сразу заметили и подбежали, нас остановили и, светя фонариками, начали обыскивать, поскольку то, что у «майора» ножевая рана, уже заметили. Да, а это еще и проверка была, показала, что все не так и просто. Обыск начали с меня. Это не звоночек, а колокольный набат. Впрочем, майор оказался еще жив и указал на того, кто его подрезал. Однако меня даже раздели до исподнего, но не нашли ни следов крови, ни ножа. Даже обочину и поле на дальность броска обыскали. Мы медленно замерзали, притаптываясь на месте, а они продолжали шмон. Наконец от станции прибежал офицер и погнал нас дальше. А меня выдернули и увели в сторону. Это было какое-то помещение в управлении станции. Посадили на табуретку,

единственный источник света – керосиновая лампа на столе, и севший за стол полковник, не знаю его, вздохнул и спросил:

– Зачем ты убил капитана Кривошеина?

– Это кто?

– Тот майор-гаубичник.

– Подставной? Так я и думал. Глупый вопрос, даже отвечать не буду.

– Он не дал тебе на рывок уйти, за это отомстил? Почему не хочешь реабилитироваться в штрафбате?

– Подсчитал, что шансов выжить у меня немного. Не люблю рисковать. Сколько мне дадут еще за этого майора? Вы ведь собрались его ко мне пристегнуть?

– Это вышка. Ты понимаешь, что под расстрельной статьей ходишь?

– Тут как нельзя кстати поговорка: что ни делается, все к лучшему.

– М-да, склонен согласиться с врачом, что тебя осматривал. У тебя действительно психические отклонения.

– Психологические. А ответ прост: у меня отсутствует чувство страха. Это вы держитесь за стабильность в привычных рамках жизни и службы. Если что не так идет, паникуете и стараетесь вернуть все, как было. Даже через штрафбат согласитесь пройти, хотя там выживает мизер, лишь бы это все вернуть. Я не такой. Звание и награды уже терял, давно это переболел, уже не держусь за это. Убил советского офицера? Так за дело, он угрожал жизни моего сына, шантажировал меня. Я в своем праве был. Тут же майор был на пути к свободе, я убрал это препятствие. Я и через вас пройду. Вы мне не свои.

– А кто свои? Немцы?

– Вот уж нет. Я их тысячи полторы перебил. Мне свои это простые бойцы, что в окопах сидят и в атаку идут, а вы церберы, охрана, препятствие на пути к свободе. Долги государству я отдал, считаю, что ничего не должен. Пусть другие геройство проявляют, мне это уже не нужно. Дожить до конца войны и на гражданку, на свободу с чистой совестью.

– Ясно все с тобой. Знаешь, в некотором роде да, офицеры были неправы, не с той стороны пошли, но убивать, да еще демонстративно

добывая в голову... Тут ты сильно переборщил. Дать в морду, тебя бы поняли, даже если старшего офицера ударил, а вот так...

– Это ведь вы устроили, с приказом отправить бывших офицеров в штрафбат? Больно вовремя он появился.

– Ты слишком преувеличиваешь мои возможности.

– А вы тут при чем? Я про ваших хозяев.

– Даже если так, я не в курсе. Вот что, Одинцов, есть предложение. Не от себя говорю, поэтому слушай внимательно. Есть предложение снять все это. Сделаешь, что тебе скажут, и вернут все, что потерял. Отметят, что искупил.

– Эк вас натужило. Сами же отобрали, и вернуть за работу? А ничего не треснет?

– Ты сам под трибунал подставился, – напомнил подполковник. – Мы протягиваем тебе руку помощи.

– Если бы я действительно держался за все это, может, и сработало бы. Послушай, подполковник, я уже выбрал страну, где буду жить, какой у меня будет дом. Черт, я даже придумал кличку для своей собаки. А тут променять это на непонятно что? Как-то желания нет. Вот если что сверху накинете...

– Что ты хочешь?

– Вернуть все, что было, и то, что по первому трибуналу, в сорок втором, полную реабилитацию, чтобы после окончания войны не прицепились, а то знаю я эти открытые дела по новым обстоятельствам. Звание майора. После окончания работы на вас.

– Видел я людей, что охренели в той или иной ситуации, но ты это что-то особенное.

– Это я вам нужен. Сами пытаетесь меня оседлать и ехать, неудивительно, что жеребец недоволен.

– Жди, – велел тот и вышел.

Почти час не было офицера. Меня охраняли двое солдат с ППШ, внимательно отслеживая все движения. Вернулся он, отослав солдат, и, снова устроившись напротив меня, сказал:

– Командование дало добро.

– Я могу ему верить? – чуть улыбнувшись, спросил я.

– Ты о чем?

– Я похож на идиота? Меня советские генералы постоянно обманывали, им не сдержать свое слово что сплюнуть. Где гарантии?

– Доедем до штаба, там получишь свои гарантии. Идем, машина снаружи ждет.

Везли меня на «эмке», сзади грузовик с бойцами... Места беспокойные, постреливают, но проехали за два часа, добрались до того самого городка, где штаб фронта и где был проведен трибунал, что меня осудил. Ночь была, мне выделили место, не забывая охранять, ведь я парень резвый, и это знали. А с утра к генералу армии Коневу, комфронта. Вот он и дал гарантии. Ох что-то я ему не верю. Однако устный договор заключен, я собираюсь выполнять его с полной отдачей. Посмотрим. Если Конев не сдержит слово, то у нас появится первый писающийся комфронта. А достало все, используют меня и думают, что ответки не будет. Все будет. А пока работаем. Правда, я как был штрафником, так им и оставался, поэтому под охраной постоянно. В этот раз меня даже не охраняли, а сторожили скорее. В самолете я прикован наручниками. Оружия нет. Вот так зимними вечерами, когда нет снега и погода позволяет, что не всегда бывает, один раз чуть не упали, обледенение на нашем «У-2» появилось, но информация пошла в штаб фронта. Подготовившись, фронт пошел вперед, а то немцы ранее остановили его и строили крепкую оборону, а теперь зная, чего ожидать, войска шли вперед.

Знаете, было время подумать, может магеныш какие-то установки дал, и они остались, но, прикинув за и против, я понял, что сам психанул. Нечего на других валить, где сам виноват. Есть такое, однако ни о чем не жалею. Тот шантаж меня просто в край взбесил, внутри красная волна жажды крови поднялась.

* * *

Поправив ремень карабина Мосина, я посмотрел, как движется рядом пехотная колонна советских войск, ее по обочинам обгоняют грузовики и легковые автомобили, часто встречались «виллисы». Я был в новенькой красноармейской форме, с чистыми погонами, вещмешок за спиной, пилотка на голове. Поперек груди скатка шинели, на ремне каска. В кармане новенькая солдатская книжица и листок с направлением на дальнейшую службу в девяносто девятую стрелковую дивизию. Я был полностью снаряжен, но это не отменяет

того факта, что Конев меня все-таки кинул. Да, нашли причину, мол, не предупредил о фланговом ударе немцев, наши тогда серьезные потери понесли. А как предупрежу – второй день пурга, погода не летная у нас была. Февраль месяц. А у немцев порядок, тихо. Вообще полгода тянули и не реабилитировали меня, то есть не сняли судимость, хотя фронт наступал так лихо, что вон в апреле сорок четвертого Львов взяли, а в мае к Бугу вышли. Я же штрафник, свободы нет, после вылета сразу в землянку под охрану, еду носят, а как новый вылет, выводят на аэродром, кандалы и вылет. Это знаете ли бесит, но терпел. А потом понял, что никто не будет меня реабилитировать. Я с охраной поговорил и велел куратора позвать, это еще в марте было, тот и передал слова Конева. За тот удар немцев, что свалили на меня, отмены приговора не будет. Ну не будет, так не будет. Разведданные в ноль ушли. Разведка пешая и воздушная сама работала, а я все пустым возвращался, с пустыми картами.

Сначала куратор пытался уговорить, потом и Конев, но все впустую. А привыкли иметь свежие и точные данные, уже через губу разговаривали. Все, лавочка закрыта. Кинули меня, работать смысла на них нет. Меня в каталажку и в ближний тыл, убеждать. Два месяца убеждали, пока не плюнули, и вот махнули рукой. В общем, отметили как искупившего вину, все же неплохо фронт воевал, и не без моей помощи. Дали звание рядового, звезды капитана и награды не вернули, не сдержали обещания, и вот направление на службу в одну из дивизий Второго Украинского фронта.

А что, я на склады, у меня было разрешение получить с них все что нужно, там гарнизон городка снабжался, вот и получил все. Старшина, что там командовал, понятливый, договорились, и все выдал отличного качества. Вот только бледный я, два месяца солнца не видел, загореть бы. А вокруг тепло, двадцатое мая, птички поют, зелень яркая. Хорошо. Из новостей: Анна забрала нашего сына из Горького. Не выдержала все-таки. Кормилица ничего поделывать не могла, та винилась в письмах, Анна в документах ведь как мать вписана. Я уже по факту узнал. И где мне ее теперь искать. Да и буду ли? Забрала и хорошо. Сама не писала, или письма перехватили, что скорее всего. Честно говоря, к сыну я относился несколько прохладно. Да я его и видел-то несколько дней, где тут узнать и полюбить? А то,

что особиста за него застрелил, тут за сам факт запугивания и шантажа.

Всего пять часов назад я еще в камере в кости играл, а потом успели озвучить решение суда, побывал на складе, и вот, покинув город, искал попутную машину. Тут около четырехсот километров до позиций дивизии. Добраться надо. Хотя задумался, а стоит ли? Думаю, все же стоит тихо довоевать до конца, и свободен, это ли не радует? О, еще из новостей. Тот пробитый нами коридор к Ленинграду немцы схлопнули. Не знаю, где они резерв взяли, да и еще целую танковую дивизию, но смогли. Сейчас вроде снова коридор пробили. Ну и еще кое-что... В камеру ко мне многие разные попадали, опрашивал их. Те, не владея полностью информацией, слабо понимали, что за движуха идет, а я понимал. Меня искали, серьезно искали. Конев же, действовал в стиле «не моя, так не доставайся же ты никому». Я сам не сразу разобрался, но потом понял. И содержался я в этих бараках лагеря временного содержания под номером, а не своими данными. Да и в лагере не было никого, кто продержался бы два месяца, как это со мной было. Меня прятали, это было ясно. А сейчас видимо ситуация изменилась, выдали пинка, иди и служи. Все же своей работой я на три отмены приговора заработал. Еще одна подлянка, которая меня больше порадовала залогом спокойной службы и войны. Насчет этого как раз я не возражал. Мне документы выдали не на Германа Одинцова, а на Германа Одинцовского. Небольшое изменение, но оно уже значительно усложняет мои поиски, если они не прекратились.

Чтобы добраться до дивизии, мне двое суток дали, вполне нормально, сухпай получил как раз на это время. На складах старшина выдал горячей воды, я побрился, с ним и пообедал, и задумался. До дивизии доберусь, да воздухом, самолеты есть, и топлива хватает, но первым делом нужно посетить штаб фронта, у меня там трое недругов, коих стоит «отблагодарить» за все хорошее. Конева, члена Военного Совета и того подполковника... Он, кстати, уже полковником стал, начальником разведки фронта. Два ордена получил. Еще бы, мои разведданные через его отдел шли.

Вот так осмотрев пешую колонну, что шла по этой оживленной трассе в сторону ближайшей железнодорожной станции, это километров сто, а может и сразу к передовой, а что им четыреста километров отмахать, несколько дней, это явно маршевая рота, я

развернулся и стал уходить по тропинке к лесу. Тут уже пару месяцев как земли освобождены, люди возвращались, посевной занимались, тех, кто пережил оккупацию, силой заставляли пахать. Жизнь в детстве Юрия Гагарина, да и его семьи на этот период только доказывает это. Им прямо в лицо говорили, что они под немцами были, поэтому люди второго сорта, не будут давать объем продуктов, поедут на Север или на Колыму. Поэтому по пашне идти не стоит, поймают, уши надерут. А по тропке нормально. Сканером проверял на мины вокруг. Да, тут недалеко семья погибшего у Мценска бойца проживала. Письма я давно написал, пока память свежа, отправил только сегодня. Тот старшина со склада обещал почтальону отдать, надеюсь, есть выжившие из родных обоих бойцов. Они должны знать, где их родные погибли и похоронены. Раньше не мог отправить, с тем тотальным контролем и охраной. Уничтожили бы те письма, факт.

Это не лес, роща, где было немало артефактов войны, даже тел непогребенных хватало, в основном немцев. Наших похоже прибрали, я прошел небольшое минное поле, сняв три десятка немецких «лягух», пригодятся, и убедившись, что слежки нет. «Глаз» он всё видит. Я и стал готовить. Я немного потратил, своей еды не так и много ушло, среднего качества продукты выдавались, но сытные, а вот напитки быстро уходили, поэтому и вскипятил воды, заварил чая, потом какао размешал с молоком. Остатками. Надо будет пополнить у немцев. Как-нибудь выделю время. Также молочную ферму ограблю. Потом побродил по роще. Нашел большую редкость – среди штабелей боеприпасов шесть ящиков с патронами, для МП-44. Их калибр. самого оружия у меня не было, но надежда добыть имелась, поэтому прибрал. Ну и там по мелочи. Дальше кинул шкуру на траву, использовал шинель, сам разделся и уснул. У меня будильник был, громко звенит, поставил на десять вечера. Пяти часов мне хватит, чтобы выспаться.

Да уж, не нашел я Конева, двух других отыскал и наказал, а комфронта не было. Точнее не так, новый командующий войсками принял фронт, два дня назад, а Конева в Москву отозвали. Теперь понятно, почему меня выпустили. Смысла держать дальше не было. Ничего, земля квадратная, как-нибудь встретимся за ближайшим углом. Я прикинул, как бы рвануть в Москву и поискать его, но по времени не успевал, дезертирство припишут, если вовремя в дивизию

не прибуду. Так что потратил остаток ночи и добрался до нужного района, – где находится дивизия, я знал примерно, вот и добрался. Даже поспать успел, а с утра, позавтракав, покинул кусты и вышел к дороге, туда, где регулировщики у перекрестка. Они мои документы проверили и через час посадили на обоз, как раз до моей дивизии шел. С тыловым обеспечением. Я у возницы и вызнал, что дивизия на передовой окопы занимает. Недавно к старой границы вышли. Пока стоят, тылы подтягивают, пополняют людьми и вооружением.

Уже к часу дня мы прибыли в тылы дивизии, там отвели в штаб, где меня быстро оформили обычным рядовым бойцом в двести шестой стрелковый полк. В первый батальон первой роты. Пока оформляли, даже покормили с кухни, там осталась каша. Я так понял, меня за новобранца приняли. Да все новое, даже карабин в светлом лаке. Не захватан руками. Есть выписка суда, но смысл мне ее предъявлять? Солдатская книжица есть, а ее должны обычно выдавать в части, после поступления сюда, но мне раньше выдали, не все так просто с этим, и есть направление в эту дивизию. Вот книжицу и направление отдал. Показывать, что я штрафник, точно не стоит. Вот так получив документы, комсомольского билета у меня больше не было, отозвали комсомольцы после второго трибунала, я отдал, плюнув на это, жил без них и дальше проживу. Это всего лишь статус. В полк офицер направился, он меня с собой и прихватил, там в штабе внесли в списки, а потом познакомили с ротным. Меня направили во второй взвод третьего отделения, там было всего пять бойцов, я стал шестым, командир – ефрейтор Галушко, из хохлов. Боевой, орден Красной Звезды имеет и две медали «За Отвагу». Они два дня как тут встали, успели нарыть окопов и вот землянку закончили. Меня как новичка просвещали, и это, кстати, нужно. Я участвовал в боях за Сталинград в передовых порядках, но там своя специфика с городскими боями. Я не окопник, небольшой опыт в Крыму тут не поможет. Да и сообщать что я снайпер, не собирался.

Мы стояли перед рекой Буг, песчаный берег, с той стороны низина и уже немцы. Тут передовая насыщалась войсками, готовилась десантная операция, собирались перебираться на ту сторону. Так что я впитывал бесценный опыт бойцов, многие были с наградами и с нашивками за ранения. У некоторых не по одной. Сообщать о своем опыте, и вообще кто я, не собирался. Оно мне надо? Планы – тихо и

спокойно дожить до конца войны и уйти на покой. Никакого другого желания у меня не было, и надеюсь, получится. Хотя сильные сомнения, что удастся. Амулеты, а они в порядке, даже накопители все заряжены, мне помогут выжить.

Пару раз нас накрывали гаубицами, но чаще работали батальонные минометы. Две недели мы спокойно жили на этом песчаном берегу. Даже поставили пограничные столбы. Потом дивизия стала переправляться, немцев не было, ушли, и наши высадились чуть дальше в двух местах, понтонные переправы навели. И войска продвигались, выравнивая линию обороны. Сам я тоже эти две недели без дела не сидел. Осваивал науку, многие ухватки бойцов, ну и тоже готовился к боям. Плавсредства мы тоже делали, у нас небольшой плотик был, поэтому, когда пришел приказ, на руках спустили его на воду. То там, то тут вставляли пенные фонтаны – немецкая артиллерия держала реку под огнем, видать корректировщики где-то. Вещи и оружие покидали на плот и сами стали переплывать речку. Кто не умел, держался за плот, толкая его. Я плыл уверенно, рядом загребал младший лейтенант Синицын, который только что из школы младших лейтенантов прибыл, наш взвод принял, это первое его назначение. А так взвод доведен до штата, у нас в отделении уже одиннадцать бойцов. Командир отделения тот же. И все так же ефрейтор.

Я помог одному бойцу, а то тот уже воды нахлебался, и вытащил его на берег. Вообще со стороны немцев тут низина, это наш берег высокий, множество островков, где у тех опорные пункты, оттуда минометами они били, но и наши тоже накрывали. В общем, плот не бросили и, двигаясь по мелководью, толкали его по каналу. Только оружие в руках. Так и добрались до суши, тут уже разведка наша, они еще ночью переправились. Мы быстро оделись, и взводный повел нас дальше. Впереди разведчики и дозор шел. Саперы проверяли на минирование. А за ними переправлялась артиллерия, там саперный батальон споро строил переправу. Уже все готово для этого было, материал завезли, осталось мост собрать. Так и шли колонной. Только однажды нас обстреляли из чего-то скорострельного, не пулемет, думаю, самозарядка. Не наша, да и звук не знаком, впервые слышу. Мы тут же попадали кто где шел. Я скинул ремень карабина с плеча, «Глаз» постоянно в небе, и, прицелившись, дистанция триста метров до опушки леса, спросил у командира отделения:

– Товарищ ефрейтор, держу стрелка на прицеле. Разрешите уничтожить?

– Давай. Тут можно без спросу.

– Есть.

Грохнул выстрел, и из-за дерева вывалился стрелок, пацан лет шестнадцати. Это видели многие, привставали. Тишина была. Поэтому командиры поднимали бойцов и снова строили, а моему отделению ротный приказал проверить стрелка и нагонять их. Стрелковая колонна нашего полка пошла дальше.

– Мне это поле что-то не нравится. Саперы его проверяли? – спросил наш пулеметчик у Галушко.

Тот и сам задумчиво смотрел и, прищурившись, уточнил у меня:

– Одинцовский, это у тебя у левой ноги не мина случайно выглядывает?

Я присел, изучая, и, встав, сделав пару шагов к дороге с обочины, кивнул тому.

– К черту этого стрелка. наших нагоняем.

А впереди уже слышен был стрелковый бой, и довольно интенсивный, похоже, разведка и дозор уперлись в немецкую оборону. Всего километров на десять от Буга ушли. Я был доволен тем, что мы наконец сдвинулись. Да, не покинуть расположение взвода было, патрули вообще зверствовали. Даже ротный не мог уйти, если не имел письменного разрешения. Тут не отойдешь даже ночью, сплошь войска стояли. А я хотел слетать к Варшаве, ферму молочную посетить, закончилось у меня молоко, да и сметаны нужно пополнить запасы. Может, и ближе где что было, но я не знал, где тут другие фермы, а местоположение той, что у Варшавы, мне хорошо известно. Я уже прикинул, что успею за ночь мотнуться и вернуться. Поэтому наступление играло на руку. Думаю, как встанем на ночь, так и слетаю. А пока бой разгорался все сильнее, уже и пушки работали, поэтому колонна наша рассыпалась, звучали команды, и мы, расходясь выстраивались в атакующую цепь. Впереди несколько дымов от пожаров, не техника горит, у тех дымы гуще, что-то деревянное. Вот так и сближались быстрым шагом.

Я уже примерно знал, что тут происходит, немцы все резервы перекинули к плацдармам, и тут не так и много сил. На берегу реки особо оборону не строили, а вот тут она крепкая, с двумя рядами

окопов, бетонными дотами. К счастью, командование дивизии оказалось адекватным и не стало с ходу кидать подразделения на хорошо подготовившегося противника, поэтому мы, сблизившись, стали копать окопы, выстраивая свою линию обороны перед противником. Пока наши не подтянут артиллерию, саперов, не подготовятся, атаковать явно не собираются. Поэтому я работал пехотной лопаткой, земля вполне ничего. Сначала укрытие для стрельбы лежа, потом полноценную стрелковую ячейку и уже расширяю вправо, к соседу. А слева сосед ко мне, так мы и копались до самого вечера. Окопы вырыли, а вот с землянками не успели закончить, но позиция по сути уже есть. Немцы активно нам мешали минометным огнем и пушечным, но и наши минометчики не менее активно отвечали, а чуть позже и наши пушки голос стали подавать. Значит, переправу навели и тяжелое вооружение перевезли. Это хорошо.

Как только стемнело, я незаметно покинул свою ячейку, вещи не оставлял, и убежал в тыл, километра на три, откуда с дороги поднялся на связном «мессере», он просто быстрее, и полетел к Варшаве. Понятно, шум мотора и взлет слышали, тылы дивизии всполошились, но я уже улетел. Сам полет и управление не мешали мне размышлять. Пока все отлично, в роте я прижился, некоторый авторитет заработал, как того стрелка снял, все видели, и еще двумя выстрелами заставил замолчать пулеметчика в доте. Я сначала одного поразил в голову, потом его второго номера, что занял его место. После этого тот стих, другие немцы рисковать не стали. Также с окопом не филошил, земля тут вполне неплохая, но я еще дополнительно размягчал амулетом-землеройкой, облегчая себе работу. В общем, пока всем доволен. Также старался облегчить за эти две недели хранилище, перебирая содержимое. Однако свободного было всего полтонны. Этого мало. Задумался насчет мотоцикла и «опеля». Может, избавиться от них? Мотоцикл весит почти сто кило, легковой «опель-кадет» – тонну. Это уже кое-что. В принципе, до конца войны они мне и не нужны, а там перед демобилизацией подберу что-нибудь. Машину жаль, новая, а это редкость. Хотя вместо «опеля» я бы ту амфибию предпочел, вроде той, что магеньшу ушла. Однако решение принял, и на месте взлета, на дороге, оставил и «опель», и мотоцикл, тот на подножке стоял. Пусть наши ими пользуются. Я даже отказался пристроить технику через

какого-либо снабженца, это уже палево. Да и отберут, тут рядовые бойцы бессловесная скотина.

Наконец добрался до Варшавы. А тут не так и далеко, полтора часа летел на скорости двести пятьдесят километров в час. Посадку совершил на ночную дорогу и до фермы доехал на мотовелосипеде. Я его уже подготовил, обслужил, бак заправил, вполне шустро на нем катил. Впервые опробовал на ходу. Недалеко от фермы был дорожный пост и зенитная батарея, но они мне не помешали все проверить.

В этот раз я забрал полтонны свежего молока, полтонны сметаны, ох и вкусная, полтонны сливочного масла, остальное, это около ста кило, сливками. Брал без тары, все самосливом в хранилище, ну кроме масла. И вот так полетел обратно. В Варшаве тихо, восстания пока не было, да и рано. Надеюсь, наши тут так же поступят, встанут и будут терпеливо ждать, пока немцы не задавят полностью восстание. За дело так поступят, я лично «за». Вообще история идет с заметными изменениями по сравнению с моим первым миром. Наши сейчас на Украине и Белоруссии драться должны, а мы уже в Польше. Да, с Прибалтикой сильные затруднения, но наши от Минска хотят отрезать те войска противника, что у Ленинграда, но пока не получается, хотя коридор уже пробили, причем огромный, после ремонта дороги поезда в город пошли. То есть войска, если брать историю мира моей первой жизни, опережают где на пару месяцев, где на полгода, и надо сказать, все это не без моего участия, есть чему втайне гордиться. Так что порядок.

Вернувшись, сверху приметил, что дорога пуста, нашли и забрали легковушку, и мотоцикл. Сам я отлетел подальше в тылы дивизии и сел. Правда пеший патруль побежал к месту посадки, но я, пользуясь темнотой, ушел и вернулся в свой окоп. Это произошло за два часа до наступления рассвета, даже успел уснуть, и разбудил меня носильщик, с термосами. Завтрак принес. Пшенная каша с куском трески, два кусочка хлеба и чай. Свой котелок дал и кружку. В окопах наших сейчас все пищу принимали, ложки так о котелки и стучали, ничего так, вполне сытно, а тут как раз стала работать наша артиллерия. Хорошо накрывали, сам видел два попадания в дот, пусть тот и выдержал их. А потом нас подняли в атаку. Надо сказать, прорвались к окопам немцев немногие, бежали мы за огненным валом, я впервые это делал, повторял за другими. Два накопителя сменил в амулете-

защиты, но спрыгнул в окоп и, застрелив из карабина немца-автоматчика, закинул карабин за спину и подхватил его оружие, сунув три магазина за голенища сапог. Дальше зачищал окопы с помощью МП, да и наши начали подползать и спрыгивать вниз, участвуя в зачистке. Закидав блиндаж гранатами, мы зачистили его и пошли дальше. В общем, первую линию обороны взяли, уже обустроивались, а вот на вторую сил не было, и немцы немалые потери понесли, немногие смогли отступить по переходам на вторую линию.

Обед уже прошел, его нам в термосах принесли из тыла, когда к окопу, где я обустроивался на стрелковой позиции, МГ-34 на бруствере устраивал, ленты поудобнее укладывал, вышел мой ротный с незнакомым капитаном.

– Одинцовский, поступаешь в распоряжение товарища капитана, – сообщил ротный.

Я окинул того взглядом. Отметил, что стал предметом такого же изучения. Тот сразу заметил новенький орден Красной Звезды у меня на гимнастерке. А что, комполка так и сказал, кто первый окопы возьмет, тот орден получит. Я первым был, это многие из тех, кто следом за мной добрался, признали. Честно заработный орден. Ну почти честно, о магической защите забывать не стоит. Я незаметно прибрал амулет зарядки из ниши, там накопитель стоял, в ноль разряженный, прикрытый моим вещмешком. Сидор за спину, карабин на плечо, каску я не снимал, и поспешил за капитаном, что велел следовать за ним. А двинули мы в тыл. Я думал, к штабу дивизии топаем, но он остался в стороне, тут уже тылы дивизии и артиллерийские батареи. На опушке рощи стояли две машины и броневик, генеральский трофейный «мерседес», «ЗИС-5», что доставил два десятка бойцов, которые сосредоточились вокруг, ну и пушечный броневик, укрытый под деревьями. Кто в машине сидел, я уже опознал, «Глаз» помог. Это был член Военного Совета нашего фронта. Я ухмыльнулся и с такой вот ухмылкой, а имел право, и дошел до стоявшей техники. Чуть дальше наши интенданты работали, склад какой-то создавали. На нас они поглядывали, но не подходили. Бойцы охраны разоружили меня, карабин и обе ручные гранаты забрали, обыскали, достав нож из-за голенища сапога, и толкнули к машине, а капитан велел:

– На заднее сиденье садись.

Интенданты за этим настороженно поглядывали, но ничего не делали. Вот так открыв дверь, сел рядом с генерал-лейтенантом и сразу почуял тяжелый запах больного человека. Застарелой мочой пахло. Судя по утолщениям в районе паха и бедер, у того надето подобие подгузника. Член Военного Совета с ненавистью глянул на меня и сказал:

– Я точно знаю, что это твоя работа, – сказал он, интонациями выделив слово «знаю». – Я прошу убрать это. Вот твои документы и решение полевого суда о полной реабилитации и восстановлении капитана Одинцова в рядах Красной Армии с возвращением звания и наград. Их в наличии не было, ты не сдавал.

– Красиво все сделали, – усмехнулся я. – Только я не Одинцов, вы ошиблись. Я Одинцовский. Ничем помочь не могу.

– С-скотина. Что ты хочешь?

– Неприятно поразила такая твоя догадливость, что это моя работа. Как тебе жизнь новая, ссыкун? По-моему, все честно. Вообще-то я вас троих, включая комфронта, просто шлепнуть хотел. Снайпер же. Три выстрела, и три моих врага отправятся в ад, но нет, это слишком примитивно, да и жажду мести не удовлетворяет. До Конева я еще не добрался, но поверь, он получит то же самое. Дело принципа.

– Точно ты. Мои люди собрали информацию. Тот подполковник в Москве, из управления, дружок Конева. У него та же болезнь, что возникла после встречи с тобой. Потом заместитель начальника штаба фронта по разведке и я. Все верно?

– А за полковника почему не просите?

– Да пошел он. Пусть сам договаривается. С тобой можно договориться, это многие говорят, кто тебя знает. Что ты хочешь?

В этот раз я не проигнорировал вопрос и озвучил, что желаю от него получить. Вернуть оплату за мою работу. А за излечение генерала беру драгоценными камнями и обещанием забыть обо мне и не мстить, иначе уже я отомщу.

– Ладно, будет приказ на майора. Это оплата за работу на фронт, я понимаю, а за излечение меня цена не совсем радует. Другое приготовил. Вот тут в шкатулке пять золотых слитков по килограмму, это плата за излечение. Насчет забыть тебя, это клянусь, больше не увидимся, да и мстить не буду, это тоже клянусь. Звание майора получишь через неделю, приказ придет.

– Хм, ладно, договорились.

Прибрав офицерское удостоверение и выписку полевого суда с решением о реабилитации и с возвращением всего отобранного, также и слитки, незаметно убрав их в хранилище, я просто положил левую руку на живот генерала, а правой, где был лекарский амулет, за десять минут восстановил ему клапан. Пришлось подождать, когда генерал наконец расплывется в счастливой улыбке.

– Не течет.

Ничего отбирать назад тот не стал, клятвенно пообещал выполнить договоренности и велел своим людям везти к реке, где есть пляж. Он явно остро желал помыться, да и форму постирать. А я двинул к штабу дивизии. Оружие и вещи мне уже вернули, нужно поставить в известность командование дивизии о решении суда. Вообще фигово, конечно, что так все повернулось, все же я желал простым бойцом войну закончить. Однако раз уж так все повернулось, пусть будет. Жду полковника с дарами. Надо еще до Конева добраться. Пока же прикидывал, как мне оформиться в дивизии и куда меня назначат. Там вроде офицеров полный штат. Мне бы задержаться, чтобы звание майора не упустить, приказ придет по линии связи нашей дивизии. Не думаю, что генерал меня обманет. Ему хватило тех двух недель, чтобы осознать все, и повторения он явно не за хочет. Плюс насчет ордена, что мне сегодня вручили. Он-то на фамилию Одинцовского, как записано в орденской книжке, а не Одинцова. Пусть штабные думают. Оформлюсь, сменю погоны и остальные награды на гимнастерке размещу. Они честно мной заработаны.

Ага, вижу полуземлянки штаба. Пройдя проверку у охраны, я запросил встречи с начштаба дивизии. Час подождать пришлось, пока меня не пустили к нужному полковнику.

– Что у вас, рядовой? – прямо спросил тот.

– Я после штрафбата, товарищ полковник. Военно-полевой суд признал меня искупившим вину, вернув звание и награды, – сообщил я, протягивая ему листок с решением суда, свою книжицу рядового и офицерское удостоверение, что тот начал с изумлением изучать.

– Капитан? С какого года воюете?

– С второго дня войны. Первый бой в городе Владимир-Волынский. Майского призыва я. Школа младших лейтенантов в Киеве, ну и остальное.

– Одинцов, а не тот ли дважды Герой?

– Это я. Это был первый трибунал. В сорок втором, как раз капитана получил. Тут второй трибунал.

– Не везет тебе, со званием капитана.

– Я тоже это заметил.

Дальше полковник забрал мои документы и ушел в другую землянку, я так понял – к комдиву. Минут через двадцать вернулся не один.

– Одинцов, кем служили? – прямо спросил генерал-майор Сараев.

– С осени сорок первого и до весны этого года практически все время в разведке. В основном штабные должности.

– Значит, о тебе я слышал как об асе разведки передовых позиций врага. Навыки не потерял?

– Да вроде нет.

– Назначаю помощником заместителя начштаба по разведке. Наш как раз ранен, вот на его место и пойдешь. И да, почему Одинцовский?

– Не знаю, такие документы дали.

– Угу. Оформляйте.

Последнее он сказал начштаба перед уходом, и тот стал оформлять меня. А чуть позже познакомил с непосредственным командиром, который в звании майора был, и с подчиненными. Также приказал получить офицерское довольствие. Сдать карабин, получить личное оружие и остальное. Вот я и занялся делами. С орденской книжицей проблем не возникло, просто затерли последние буквы, чернила еще свежие были. Писарь явно с криминальными замашками был, ловко все сделал и вернул обновленную книжицу. В списках личного состава дивизии также поправили мои личные данные. Я же направился к интендантам, уже завтра приступаю к работе, поэтому остаток дня потрачу на обустройство.

У ротного старшины получил что нужно, он комендантскую роту и всех офицеров штаба дивизии обслуживал. То есть, если что, шли к нему. Форма у меня в порядке, даже в крови не испачкана, хотя в бою за первую линию окопов чего только не было, до рукопашной доходило. Вляпаться легко. Поэтому я просто сменил погоны, сдал рядового, надел полевые офицерские, сам закрепив звездочки. Готовых погон не было. Также разместил другие награды рядом с орденом, что сегодня получил. Надел гимнастерку, заметно тяжелее стала, сдал

ремень с подсумками, карабин, патроны. Мне выдали офицерский ремень с кобурой, пистолет ТТ в консервационной смазке, пятьдесят патронов. Я оружие тут же почистил и зарядил. Уточнил по пистолетам-пулеметам в наличии и получил ППС, с подсумками запасных магазинов. К нему еще три сотни патронов. Шинель сдал, получил офицерскую, пришлось и тут погоны крепить. Ну и дальше. Пилотку оставил, хотя фуражку выдали, пока убрал ее в хранилище, а вот планшетку и все что положено по довольствию получил, благо все было в наличии. Старшина на двух грузовиках перевозил имущество, за которое отвечал. Меня уже устроили в землянке, та еще сырая, недавно вырыли, но нары были, обустроился, вещи разложил, и в штаб. Пока время есть, можно начать работать, заодно комдива перехватил, тот к машине шел, один из полков собрался посетить, я пообщался с ним. Сообщил, что мне нужно пять дней свободных, пусть оформят командировку в тыл, по какой-нибудь левой причине, а я отработаю потом их. Тот пять дней категорически не желал давать, но подумав, дал трое суток. Так что я получил чистую топографическую карту, машину, это была «полуторка» с пожилым сержантом за рулем, в кузове двое бойцов для охраны, автоматчики из комендантской роты, и вот стал объезжать позиции дивизии. В принципе, я охватывал их «Глазом», но некоторые лучше поближе посетить. Так что к наступлению темноты, когда мы вернулись, некогда чистая карта имела множество обозначений, что я передал своему непосредственному командиру, а тот уже начальнику штаба. Там закипела работа. К немцам подошли резервы, о чем наши не знали, вот и поторопились нанести артиллерийский удар. У нашей дивизии имелся легкий пушечный полк, из двух дивизионов. Это «трехдюймовки», если кто не понял, и дивизион гаубиц в сто двадцать два миллиметра. Вот их и двинули, а в полночь по этим резервам нанесли удар. Я не видел, спал давно.

Неплохо вышло. Мы следующие два дня так и стояли, и с моей помощью наши артиллеристы и минометчики выбивали пушки и минометы противника. Наносили массированные удары по их местоположению. Немцы серьезные потери в расчетах и орудиях понесли, также наши били по штабам, выявленным складам и скоплениям резервов. Два дня, и все запасы снарядов подошли к концу, но мы серьезно ослабили противника против нас. Пока выполнялся

заказ на пополнение снарядов, интенданты уже давно на склады отбыли, еще не вернулись, меня и отпустили в командировку. Я с облегчением отбыл. А на следующий день, как я снова погоны капитана надел, вернулся комиссар дивизии, что отсутствовал неделю. Тот со мной изучил ситуацию и насел, узнав, что я больше не комсомолец, да и в партии не состою. Тот вообще на это дело грозный, достойный, значит, будешь. Не хочешь – заставим. Вот и склонял меня вернуться под руку комсомола. А мне этого не надо, вот и отбивался. А тут, к счастью, командировка. Я до вечера штатно отработал, передал карту, уже сам наносил, и, получив командировочное удостоверение, все что полагается, отбыл. Вещи, понятное дело, не оставлял. А как стемнело, уже был недалеко от Буга, подкинули на попутной машине. Даже на ту сторону перешел, машина попутная в пробке стояла, а там на «мессере» полетел в тыл. Конева искать. А что, думаете, я забыл и буду ждать до конца войны? Да ничуть не бывало. Найду, и будет отвечать за то, что со мной произошло. Дело принципа.

Вот так за шесть часов и добрался до окраин столицы. Даже на велосипеде на территорию города проник. Сам я в гражданской одежде был, форму снял, ну и двинул к зданию Генштаба. А откуда я знаю, где его искать? Пока устроился в парке. Использовал «Глаз», подслушивая, что происходит в здании Генштаба. Да там в основном дежурные офицеры отслеживали, что на фронтах происходило, и обрабатывали информацию. То, что Конев не принял другой фронт, это точно, я бы знал, значит, что-то другое ему поручили. Скорее всего тут где-то служит, в Генштабе. А вообще подслушивать долго могу, поди знай, помянут того или нет? Язык нужен, насчет этого я и размышлял. А информацию я получил уже в девять утра. Да просто увидел мальчонку лет десяти, что бегал, газету продавал, громко выкрикивая новости. Подозвал и, показав крупную купюру, задал несколько вопросов. Как и думал, тот много чего знал. Конев уже два месяца как маршала получил и командует сейчас Карельским фронтом. Против финнов воюет. М-да, не ближний свет. Впрочем, командировка моя только началась, да она с этого утра начинается, ночь я прихватил, так что это время не входит. Хотя сведения, полученные от мальчишки, я проверил, зашел в чебуречную, некоторые местные тут похмелялись, задавал вопросы по командующим фронтами, вот и Конева помянул. Ну так и есть, Карельский фронт. А откуда мне знать было? Где я

воевал и где этот фронт? На трамвае доехал до окраин города, дальше на велосипеде, и в лес ушел, где вскоре искупался в речушке и уснул в летнем спальнике. А то больше суток на ногах. Мне еще штаб фронта искать. Я не знаю, где он находится. Надеюсь, не в Мурманске. Это далеко.

Штаб фронта, оказывается, в Беломорске стоял. В принципе, не так и далеко от Мурманска, не сильно ошибся. Конева нашел, все что хотел сделал, причем не показываясь никому на глаза, и сразу полетел обратно. Даже не смущало то, что половину пути летел днем, благо тут глубокий тыл был, наших истребителей нет.

Успел я, эти трое суток для меня впритирку прошли, но вовремя вернулся. Даже искупался, натянул свою форму и вернулся в дивизию, которая уже второй день наступала, сбив немцев и со второй линии окопов, так что с ходу приступил к своей работе, закрыв командировку, отчего дивизия стала наступать куда увереннее. Комдив знал от и до, что вокруг происходило. Несколько разведывательных групп противника в тылу дивизии уничтожили и двух корректировщиков, так и наступали, за пять дней пройдя немалые расстояния, даже освободив два небольших городка. Особо не спешили, чтобы соседи не отставали, но, когда встали, до Буга теперь семьдесят километров примерно было. А приказ поступил – встать в оборону, вот и выполняли. А тут и приказ нагнал, мне майора дали. Хм, все же член Военного Совета с понимаем отнесся, сумел я его испугать, договор он выполнил. А может, узнал, что с Коневым стало? Хотя это наверняка в большой секретности находится, понял, что я не шучу, и поторопился выполнить договоренность. Тем более генералу это ничего не стоило. А может, и не знал о маршале, времени мало прошло, чтобы информация разошлась. Пусть даже слухами. Вот так снова сменил погоны, оставшись в прежней должности, удостоверение не менял, просто внесли новую информацию. Кстати, забавная ситуация произошла во время наступления. Меня же из роты забрали, ничего бойцам не объяснили, а тут я по своим делам, проводил разведку и посетил их позиции. Те в шоке, молодой пацан, а с погонами капитана, иконостасом на груди. Чуть за ряженого не приняли, вот я и объяснил ситуацию с трибуналом. Впрочем, ефрейтор Галушко что-то такое подозревал, не сильно удивился. Ну вот, едва успел звездочки майора обмыть, как на следующий день, после того как погоны сменил,

прибыла группа офицеров контрразведки, трое, от подполковника до старлей. Третий – капитан. Приехали конкретно за мной.

Я комдиву сразу сообщил, если заберут, в дивизию уже не вернусь, это точно, так что тот в позу встал. Впрочем, вскоре связались с ним из штаба фронта и надавили, уступил, вот так, забрав вещи, бумаги у этой группы серьезные были, и в машину, две легковушки было, мы покатали в тыл. Я думал на аэродром везут, в тылу нашей дивизии, в тридцати километрах, уже тут на территории Польши, аэродром наш фронтовой развернули, истребительный полк, но нет, покатали дальше, к Бугу. Там, кстати, уже второй мост построили, по одному в одну сторону, по-другому в обратную, пробок уже больше не было. По этой переправе целая армия снабжалась. Почему я про аэродром подумал, так у обоих «виллисов» на лобовых стеклах эмблемы ВВС, погоны у водителей и четырех бойцов охраны, синие, с крылышками эмблем того же рода войск. Эти трое офицеров явно прилетели на самолете и позаимствовали машины и людей на каком-то аэродроме. Только видимо тот тыловой, на нашей территории, туда и ехали. А то, что в дивизию я не вернусь, это точно, в штаб дивизии подполковник этот передал приказ о том, что меня направляют в отдел кадров Главного управления РККА, в Москву. То есть меня уже вывели из списков личного состава дивизии. Я в подвешенном состоянии. Сам я ехал в первой машине, тот капитан с бойцами во второй. Пыльно было, техника-то открытая, а мы еще вклинились в автоколонну порожних грузовиков. Так Буг проехали, еще километров десять, когда регулировщик на перекрестке показал на поворот влево, на дорогу, что вела в лес, хотя нам явно надо было прямо.

Впрочем, старший у нас, тот подполковник, особо не возражал, мы свернули и с колонной грузовиков двинули в лес. Хотя вижу, «Глаз» показал впереди разрушенный мост, что чинили, нас направили на объездную дорогу. Не ряженный тот регулировщик. С попутчиками я не общался. Еще во время свары за меня в штабе дивизии подполковник рявкнул на меня, велел заткнуться, теперь я на принцип пошел, с ним не общаюсь. Так и двигались по лесной дороге, темнело, как-то мрачно все выглядело. Я поначалу и не понял, что происходит, пока лобовое стекло вдребезги не разнесло, а тела водителя и подполковника, что спереди сидели, задержались от попаданий пуль, как и старлей, что сидел справа от меня. Справа, по ходу движения,

была довольно грамотно засада организована. Уже горело несколько грузовиков, а наши две машины из пулеметов расстреливали. Видели там бойцов охраны и убирали опасность. Меня тело старлея спасло и то, что на мне защита, это дало крохи времени, чтобы выпрыгнуть из медленно катившейся машины. Причем я успел убрать вещмешок и шинель в хранилище. Вот ППСа у меня не было, сдал перед отъездом. Ничего, запас у меня солидный, его и использую. Я, пока разведку проводил в дивизии, у бойцов наменял на вкусности всякое разное. А что, я решил коллекцию оружия собрать, хотя бы по одному экземпляру. Так что три единицы интересного оружия заимел. Это была снайперская винтовка «Спрингфилд», видимо, кто-то из немцев из Франции прибыл, с трофеем. Отдали легко, патронов к ней не было совсем. Потом добуду. Вторым приобретением был английский револьвер «уебли», к нему всего два патрона. И немецкий карабин «маузер» с оптикой. Вот к нему целый ящик патронов.

Стоит сказать, что я на полном обеспечении был как военнослужащий, поэтому особо запасы свои не тратил, но мечь Коневу, это другое. Почти тонна освободилась в хранилище за счет потраченного топлива. В общем, тонна и тридцать шесть килограммов свободного веса. А я так и не добыл многие образцы оружия, может, у диверсантов добуду, что тут встретились? Есть куда убирать. Поэтому перекатившись и при этом потеряв фуражку, я рванул к дереву и залег, сменил накопитель в амулете, тот уже пустой, и рванул дальше, я был в зоне риска. Отбежав, укрываясь за деревьями, метров на сто, залег за стволом сосны и, достав «маузер» с оптикой, он снаряжен, снова сменил накопитель на полный, а мне в это время две пули в спину прилетело, но защита отбила, и я стал выискивать цели. Дым от горевших машин, деревья, все это мешало, но видя точки выстрелов, особенно пулеметов, тут не меньше двух десятков ручных работало, я наводил и стрелял. «Глаз» здорово помогал. Как я эту засаду не заметил? Впрочем, моя вина. «Глаз» работал в разном режиме, я не переключал его в подобие тепловизора, тогда бы он подсветил тела тех, кто в засаде. Теперь-то что уж корить себя? Я больше изучал вокруг, где тот аэродром, куда мы ехали. Время полдень, я голоден, надеялся, что доедем и покормят. В общем, я заткнул три пулемета и свалил шестерых стрелков. При этом уже видел, кто против нас действовал. Не диверсанты, не немцы. Это националисты оказались,

каратели, полицаи. Вся эта накипь в лесах пряталась и вот напали. Тут для засады место удачное. Что есть, то есть. Они пытались выйти к колонне, осмотреть тела павших, собрать документы и оружие, но я, перемещаясь, не давал. Уже десяток противника уничтожил. Нет, парни, теперь вы моя добыча, я от вас на отстану. Те решили атаковать строем, рванув ко мне. На звуки моих выстрелов. Я тут же достал МГ-42 с сошками и, поставив на пенек, открыл прицельный огонь, сразу задавив атаку на корню. Полтора десятка нациков положил и снова сменил накопитель. Точно стреляют, гады.

Не все в засаде погибли, я все же переключил «Глаз» в нужный режим, – четыре точки двигались прочь от дороги. Остальные остались на ней. Не знаю, всю колонну охватили или нет, но засада удалась. Атаку отбил, но меня охватывали по флангам две группы, по семь-восемь человек где-то. Это может быть опасно, поэтому я рванул к левой группе, меняя карабин на ППШ, тот тут в лесу вполне неплох. Что я отметил, «виллис» горел, тот, на котором я ехал. Огонь уже на тела погибших перекинулся. Дело в том, что предписание с направлением меня в Москву было в планшетке подполковника. При мне мое офицерское удостоверение, и все. Все документы, проездные, дорожные, все у него было. Он их получил за меня. И все это горело. Фигово. Ладно, позже об этом подумаю, а пока, укрывшись за мощным стволом сосны, с этой стороны был хвойный лес, достал боевой артефакт. Решил его использовать. Просто у двоих из карателей я заметил оружие, что точно пойдет в мою коллекцию, и не хотелось бы его повредить шквальным огнем из ППШ. Поэтому, войдя в управление амулетом, пометил пять точек из восьми, для удара, это максимум за раз, и пять голов покатались по старым иголкам, почти сразу и трех оставшихся. Вот это другое дело. Подбежав к телам убитых националистов, я быстро собрал трофеи и рванул на перехват второй группы. Потом и за основную возьмусь. Потери из-за меня уже существенные понесли, но я уже решил, пока эту банду полностью не уничтожу, с хвоста не уйду. А из трофеев были МП-44, тот самый, что я искал, у бандита на ремне по бокам два подсумка, в каждом по три магазина, и седьмой в самом автомате. Снял все. У второго ППС, тоже с подсумками запасных магазинов снял. Еще глянул, кобуры у двух бандитов. В одном наган, у другого ТТ. Наган забрал, остальное не

интересно, уже есть. Вторую группу тоже уничтожил боевым артефактом, бесшумно и быстро, это хорошо.

Со второй группы я снял уже три единицы оружия, которого у меня не было. Какая разношерстная группа. Один был пулеметчиком, с пулеметом «Брен», к нему восемь запасных магазинов и один, что в пулемете. Правда, патронов осталось едва полторы сотни. От оружия серьезно несло сгоревшим порохом. Недавно из него изрядно постреляли. Потом был гранатометчик с тремя фаустпатронами и польским пистолетом «ВИС» в кобуре. Все забрал с него. Третий интересный образец вооружения – это СВТ. Да, у меня ее не было. Прибрал с запасными магазинами в чехлах. Также глянул мелкие трофеи и рванул к основной группе. «Глаз» показывал, где наблюдатели, я сначала их уничтожил, все тихо, работал артефактом, заимев также ручной пулемет ДП, винтовку Мосина с оптикой и комиссарский «маузер» с деревянной кобурой-прикладом. Всего бандитов я насчитал полторы сотни, около пятидесяти я уже уничтожил, осталось еще немало. «Глаз» показывал, если от основной группы отделялись мелкие, то я шел на перехват и уничтожал их. Также обнаружил пулеметчиков, тут позиция была станкового пулемета ДШК, на колесном станке, к нему шесть снаряженных лент, но бандиты его не использовали, целей для него не было. А я прибрал. Надолго банда не задержалась у места засады, минут пятнадцать, перевязали и собрали раненых, а потом двинули прочь, отправляя посыльных за своими наблюдателями или группами, что должны отсечь помощь. Те с ДШК как раз из таких. Однако я всех перехватил.

В одном месте установил МГ и ударил длинной очередью по плотной колонне врага, что шла прямо по лесу на меня. Не стоит думать, что прямо всех уничтожил. Десятка три осталось лежать, некоторые шевелились, раненые, остальные, бросив носилки с ранеными, приснули в разные стороны, укрываясь. Я же добил ленту, прибрал пулемет и, скатившись вниз, а стрелял со склона оврага, быстро отбежал. Бандиты вполне толково отреагировали, охватывали засаду по бокам. У меня уже такое было, только в этот раз их там по три десятка. Ничего, сначала одну группу перехватил. Потом вторую. А там и до остальных дошло. Что плохо, когда от банды два десятка осталось, то рванули по одиночке в разные стороны. Трех я из винтовки с оптикой свалил, за остальными побегать пришлось. Кстати,

еще трое привели меня к бункеру, где скрылись. Точнее не так... Я «Глазом» отслеживал перемещение всех выживших бандитов и, пока уничтожал других, видел, куда эта тройка ушла, скрывшись под землей, добил самого скоростного и, добравшись до замаскированного бункера, снял двух наблюдателей и незаметно проник в бункер. А это их госпиталь оказался, там порядка семидесяти раненых и врачи. Причем наши. Их в плену держали, заставляли лечить своих. Да уж. Было трое врачей и две медсестры, заморенные, все с синяками. Били их явно часто. Да и думаю, насилие бывало. Кто бандитов сдерживать будет? Из пятерых только один мужчиной был. Тут уже боевой артефакт не использовал, работал ножом. Амулет-сканер отлично все показывал, я возникал за спиной очередного бандита, одной рукой зажимая рот, другой нанося удар в бок, доставая до сердца. Так четверых уничтожил, один из моих беглецов, один из охраны и двое из восстанавливающихся раненых были, в туалет ходили. Он тут в бункере один, на три очка.

Сам я в порядке был, кровь на меня не попадала, старался этого не допустить, форма чистая, награды на месте, пилотка на голове. Фуражку-то потерял. Кобура с пистолетом и планшетка на боку. В общем, обычный советский офицер в полевой форме. Именно таким меня увидели врачи, когда я зашел в комнату для отдыха, но для местных – камеру для содержания, где обычно врачей держали. Ко мне двое бандитов спиной стояли, один из них из беглецов, второй явно из охраны бункера. Стоит отметить, что бункер всего километрах в пяти находился от места засады. Бандиты не настолько идиоты, чтобы рядом устраивать бойню, где отдыхают и готовятся к новым нападениям. Да, вы правильно поняли, та банда не из бункера, они вообще с другой стороны пришли, судя по следам. Видимо, один из той тройки, что от меня убегал в панике и ужасе, ведь им не раз попадались обезглавленные тела товарищей, знал о схроне, вот и рванул сюда. Зря они это сделали, навели на него меня, остальное – следствие. Один из бандитов сообщал, что условия содержания врачей изменятся, правда, по какому поводу, сказать уже не успел, неожиданно всхлипнул и повалился на пол. Второй, дернувшись в сторону, запутался в ногах, я подножку подставил, и он тоже получил нож в грудь. Разогнувшись, вытирая тряпицей лезвие ножа и глядя на тарашившихся на меня врачей, я сказал:

– Чернобровая, снова мы с тобой встретились. В последний раз вначале зимы сорок первого это было. Думал уже все, а тут снова встречаемся.

Та, всхлипнув, вскочила с лежанки и, подбежав, обняла меня. Да и остальные тоже решили поучаствовать, кроме врача-мужчины, тот стоял и держался за грудь, видимо сердце, разбитые губы чуть кривились в улыбке, а по щекам текли слезы. Успокоить их стоило мне немалого труда, но все же повел их наружу. Как выбрались из замаскированного люка, стали щуриться от света. Бледные, видимо давно на воздухе не были.

– Вот видите ту сосну? Идите на нее, с тропинки не сходите, тут минное поле. До сосны дошли, дальше двигайтесь чтобы солнце по правое плечо было. Там я вас нагоню. Мне в бункере закончить надо.

Стоит отметить, что никто не стал возражать или вопить, что там раненые, переглянулись и быстрым шагом двинулись по тропинке, а я вернулся в бункер. Раненых в шести помещениях держали, одно видимо для подобия офицеров. Почти все вооружены были, пистолетами и револьверами, обходить и расстреливать их было лень, заглянул в арсенал, там среди боеприпасов две тонны взрывчатки в ящиках, с нашими маркировками, видимо тоже трофеи, подготовил к взрыву, раскидал по помещениям ручные гранаты, и наверх. Нагнал врачей, и только тут позади загрохотало. Никто не выжил, я видел «Глазом». Воронка на месте бункера. Немало кусков бетонных взлетало в воздух, но до нас не достало, на два километра отошли. Хотя верхушки деревьев дрогнули от взрывной волны, но не более. Мы еще километра два прошли, по прямой направлялись к той дороге, где засада была, наверняка там работают следственные органы, да сотрудники охраны тыла, я планировал там выйти, но нас встретили раньше. «Глаз» показал солдат, что цепью шли в нашу сторону. Около роты было. На дороге суета. Вообще уже вечер был. Уничтожить такое количество бандитов дело непростое, я за пять часов справился, большая часть времени ушла на то, чтобы нагнать их. В общем, набегался до не могу.

Нас среди деревьев быстро обнаружили, раздались вопли тревоги, но до стрельбы не дошло, так что мы спокойно дошли до залегшей цепи. К нам уже спешили два офицера, капитан и лейтенант, плюс пять автоматчиков, что их прикрывали. Не линейная рота, это было

подразделение НКВД. Видимо, как раз то, что охраняет тылы и отвечает за этот участок.

Стоит добавить, что пока мы шли, врачи и две медсестры поведали мне, как попали в плен. Да так и попали, нападение на дороге и утащили их к себе. У каждого своя история. Врачи им были нужны. Хотя чернобровую у палаток медсанбата утащили, вышла покурить. Часового убили, видела его, когда мимо проносили. Кое-кто тут с зимы сорок третьего – сорок четвертого, кто-то недавно. Все, кроме мужчины, подвергались сексуальному насилию. Некоторые из раненых, угрожая оружием, заставляли удовлетворять себя. В общем, правильно я их уничтожил. Ну и я описал, как ехал в колонне, попал в засаду и занялся ее уничтожением, похваставшись, что из полутора сотен бандитов никто не ушел. Трое последних и вывели на бункер. Если бы не они, мы бы не встретились. Успели пообщаться, пока на своих не вышли. Также я в арсенале разного оружия изрядно набрал, туда видимо складывали то редкое оружие, к которому боезапас закончился, зато я почти три десятка набрал, даже винтовка Бердана была и ПТРД-41, ну и, заметив пашку казацкую, взял ее. Сейчас в руках нес. Надо же как-то объяснить, чем я шеи бандитов рубил. Уже доставал, красиво сверкает клинок.

Вот так подошедший капитан, козырнув, представился:

– Капитан Лагутин, отдельный полк НКВД, охрана тыла. Кто такие? Документы.

Пока тот изучал мои документы, у медиков их не было, я пояснял:

– В дивизию запрос можно отправить, но я там уже не числюсь, получил направление в отдел кадров Москвы. Хотя там меня наверняка помнят, со скандалом забирали.

– Направление, – протянул руку капитан.

– А нет его. Меня сопровождал неизвестный подполковник, он не представился, с комдивом больше общался, в его планшетке всё. Погиб в засаде, машина и тела сгорели, там два «виллиса» было с эмблемами ВВС.

– В колонне ехали? Помню эти внедорожники.

– Да, повезло уцелеть при первом ударе, выпрыгнул на ходу, залег, добыл у убитого шофера винтовку и стал отстреливать бандитов. Я снайпер, две сотни подтвержденных. Уничтожил полторы сотни

бандитов. Кстати, мне вот подарили шашку, все хотел испробовать, а тут живые манекены, почти добровольцы. Учился рубить шеи.

– Так это вы?.. – начал тот было, но заткнулся, видимо уже встречал обезглавленные тела.

– Да. Уничтожил всю банду, поверьте, никто не ушел, и трое последних привели к бункеру. Большой, бывший польский, там около сотни бандитов лечились. Их лечили наши врачи, взятые в плен, силой заставили. Я освободил врачей и взорвал бункер.

– Тот взрыв, час назад, вы про него?

– Да. Дальше, думаю, ясно, решил вернуться к дороге, а тут вы.

– Ясно, – сбив фуражку на лоб, потер тот затылок ладонью. – Сейчас вас к командованию отведут, пусть решают. Да, медикам медпомощь нужна?

Те покачали головой отрицательно, и три бойца повели нас к дороге, а рота продолжила прочесывание. Приказ с них никто не снимал, да и в то, что я уничтожил всех, похоже особо не поверили. Стоит отметить, что документы мне вернули, но шашку и пистолет попросили сдать, что я и сделал, один из бойцов нес. У врачей оружия не было. Тут уже недалеко было, быстро дошли. Разбитые машины и остовы сгоревшей техники стаскивали на обочину трактором. По дороге шла пехотная колонна, с пушками, или полк, или свежая дивизия. Работали следователи, трое, около взвода бойцов их охраняли да помогали собирать тела. Большую часть, похоже, уже увезли, где-то в братской могиле похоронят. Наблюдатель нас заметил, подал сигнал, так что встретили и довели до раздолбанной «полуторки», что следователи использовали для передвижения и как базу для работы. Ну а дальше опросили. Врачей тоже. Их с сопровождением отправили на свою базу, попутной машиной, а вот меня задержали. До самой темноты я занимался двумя вещами. Писал рапорт о засаде и схватке с бандитами. Потом водил следователей и показывал, где работал, где тела лежат. Они не все нашли. Осматривали их, собирали оружие, что меня не заинтересовало. В общем, те подсчитали, нашли сто пятьдесят два тела, плюс те трое, что в бункере скрылись. Сколько точно было раненых в бункере, сообщили врачи. Воронку и развалины уже осмотрели.

Меня отвезли на свою базу, уже в два часа ночи там были, это на окраине Львова, и «Глаз» показал кое-что, что мне не понравилось. Я

увидел, как чернобровую со связанными спереди руками куда-то увезли на машине. Трофейный грузовой «опель» был. Тут вообще должны были провести проверку у медиков, отправив запросы в их части. Дело в том, что за тем, как девушку сажают в машину, наблюдал один майор. Знакомый. Я его не сразу узнал, но ассоциации с чернобровой сказались. В первые дни войны, когда я вышел из окружения, спас девушек, там была и чернобровая, и со мной начали работать особисты, не скажу, что жестко, но опрашивали настойчиво. Спасенным моим это не понравилось, и они гоняли особистов в хвост и в гриву. Одного так на яблоню загнали и трясли ее, стараясь стряхнуть его. Этим особистом как раз и был тот майор, что сейчас с крыльца здания наблюдал за погрузкой чернобровой. Подозреваю, что тот был старшим на базе. Будет тот мстить за такое унижение? От человека зависит. Наверняка ведь ему до сих пор вспоминают тот случай, придумав какое-нибудь унижительное прозвище. Просто действия с чернобровой мне не понравились, нужно готовиться. Скорее всего майор уже в курсе, что я тут снова был. Может, и не упустит свой шанс. Хотя, когда мы доехали, уже стихло все, так что меня определили в камеру, да, сразу в камеру, да еще в одиночку, где я быстро сменил гимнастерку на запасную. Пришлось погоны снимать, на ней все еще капитанские были. Зато отверстий от наград не имелось, ремень и кобуру забрали, все из карманов выгребли, погоны майора тоже забрали, не так и много там было, и вот оставили отдыхать. Судя по всему, майор перенес мое дело на утро.

Надо сказать, что я голоден был. Еще когда мы вышли к разбитой колонне, меня и медиков покормили сухпаем, это был то ли поздний обед, то ли ранний ужин, хотя ужина не было. Я голоден, поэтому из своих запасов достал солдатский круглый котелок, полный молочной рисовой кашей, сдобренной сливочным маслом, и стал быстро есть. Потом чая попил, ну и лег на нарах, мысленно все прикидывая. Амулет зарядки уже заряжал первый накопитель. Нечего время терять. Стоит сказать, что этот лесной бой многое мне дал. Что есть, то есть. Впервые такое, чтобы я за один день потратил семь накопителей, разрядив их до нуля. Шесть с амулета-защиты, один с боевого артефакта, «Глаз» потреблял энергии мизер, так что тут проблем нет. Знаете, чего мне не хватало, пока за бандитами гонялся, как они в разные стороны рванули? Миномета. Накрыл бы, если бы

батальонный был. От него бы не ушли, но чего нет, того нет. Стоило бы добыть. Впрочем, убирать некуда, из бункера я трофеями набрал немало, в хранилище всего триста пятьдесят граммов свободны, то, что я съел и выпил. Этот бой многое дал мне, тут не только в плане трофеев, а в методике использования амулетов и боевого артефакта в таких вот схватках. Надо сказать, по краешку прошелся. Несколько раз мне почти добавили защиту, пару пуль бы еще словил и поминай как звали. Если бы не лес, шансов бы у меня в открытом поле не было. Нет, я помню про лекарский амулет, но не думаю, что мне дали бы излечить себя, окружив. Так что опыт интересен, но повторять его желательно, имея все козыри на руках. Да, я имел их, не отрицаю, амулеты защиты и «Глаза» и есть те самые козыри, но все равно и видел немало ошибок, что сделал, и вот анализировал их. Нашел несколько новых решений, надо будет отработать, но дальше уже уснул, устал, сморило. А завтрашний день покажет, что со мной будет.

Утром проснулся от того, что открыли дверь с устрашающим скрипом. Специально не смазывают петли? Вот так зевая сел, протирая глаза, и хмуро глянул на охранника. За ним двое конвоиров стояли, значит, за мной пришли.

– Задержанный, на выход, – велел охранник.

Подтянув сапоги, что позволило незаметно убрать амулет зарядки, быстро намотал портянки и, вбив ноги в сапоги, встал, притопнув, после чего направился к двери.

– Руки за спину, – приказал один из конвоиров, и повели меня на улицу.

С прищуром глянув в сторону солнца, определил, что часов десять утра где-то. Что-то поздновато про меня вспомнили. Вообще это похоже местная тюрьма. Все на это указывало. Видимо, сначала поляки использовали, они же и построили, потом наши, после начала войны немцы и вот снова наши. Все окружено оградой, здания мрачные из красного кирпича, с решетками. Нет, это не база НКВД, та в стороне, с казармами, тут именно тюрьма. Ее, похоже, временно используют как пересыльный пункт, и тут работают следователи и дознаватели. Один боец узнал у хозяина кабинета, можно ли меня заводить, и, получив разрешение, завели. Нет, знакомого майора не вижу. Был капитан, здоровый такой, кулаки с мою голову, за столом сидел. Плюс молодой лейтенант у окна, моих лет, тому около двадцати.

Мне к слову в феврале двадцать один исполнилось. Конвой усадил меня на табуретку, и капитан представился:

– Старший дознаватель, капитан Климов. Сообщите должность, свои данные, звание и причину задержания.

– Должности нет, двигался по направлению в столицу, получить новое назначение. Последняя, помощник замначальника штаба стрелковой дивизии по разведке. Герман Геннадьевич Одинцов. Майор. Был задержан у дороги, где произошла засада на автоколонну бандеровцами. Лично уничтожил всю банду в полтораста штыков. Освободил наших медиков и взорвал бункер, что бандиты использовали как госпиталь. Почему тут, не знаю. Проверить, кто я, и подтвердить личность можно легко. Один звонок в Москву или в мою бывшую теперь дивизию, и там подтвердят.

– Конечно, – улыбнулся тот, и я понял, проверять не будут, у него совсем другой приказ.

– Знаешь, капитан, прежде чем ты начнешь, немного опишу, кто я. Чтобы потом претензий не было. Под конец Харьковской катастрофы, в сорок втором, я вышел на позиции стрелковой дивизии, свежая, только прибыла на фронт. Капитаном я был, дважды Героем. Там не поверили, что я капитан, мне было девятнадцать лет. Помогал тогда выводить наши части из окружения. Я контужен был, подбили в танке, в общем, там решили, что я ряженный, пояснение просто железобетонное, мол, молод иш-шо. Начали физическое воздействие. Избивали при допросе. Я убил начальника Особого отдела дивизии, его помощника, того, кто меня бил, и конвоира. На автомате. Сам недавно из боя, а тут эти уроды. Дальше со мной начальник разведки дивизии работал, с сержантом, кулаки у него не меньше ваших. Почти забил. Ночью я оклемался, выбрался, убив часового, сил не было оглушить, потом добыл оружие и вокруг того села кружил, и когда тот майор и сержант, что меня избивал, на виду появились на улице, дважды выстрелил, и два трупа. Головы лопнули, патроны подрезаны были. Я всегда мщу. Ушел, но снова к своим вышел, сообщил о нападении бандитов в нашей форме, но мне не поверили. Трибунал был, сняли все, звание и награды. Получил срок, в Казани на зоне два месяца отбывал, пока меня силой в штрафбат не взяли. Я не доброволец. Хотя я не считал, что искупаю вину, более того, считал, что все сделал правильно, и эти изверги в нашей форме мне не свои.

Итак, сорок третий год, заместитель начальника Особого отдела нашего фронта начал мне угрожать, более того, пригрозил, что мой сын пострадает. Ему тогда год было. Я снова капитаном тогда был. Награды имел. Достал пистолет и выстрелил шантажисту в грудь, потом, подойдя, добил в голову. Снова трибунал, лишили всего, но искупил, вернули и звание, и награды. Вон даже майора заработал. Ты подумай, я всегда мщу. Мне насрать на трибунал и приговор.

– Это подполковника Слепакова ты убил? – уточнил настороженно слушавший меня капитан.

– Да.

– Слышал об этом случае.

– Для этого и рассказываю. Репутацию я себе сделал, нормальные офицеры сто раз подумают, чтобы на меня давить, включая применение силы. От меня не защитят ни должность, ни звание. Я не те другие бедолаги, что через вас прошли, что стараются забыть, что с ними было. Мол, работа у вас такая. А мне начхать. Найду и исполнителей, и того, кто отдал приказ. Там вы мне не свои. Сейчас я в вас врагов не вижу, поэтому не стоит переступать черту. Это все, что я хотел сказать.

Что есть, то есть, убивать я их не хотел, но буду вынужден, дело принципа, личного авторитета и права мести. Не хотел ронять свою репутацию отморозка. Проще вот так пояснить свою позицию, дальше сами пусть думают. Я честен, даю им шанс, а воспользуются им или нет, уже дело их. Моя совесть будет чиста. Капитан около минуты думал и сказал:

– Ожидайте.

Велев лейтенанту приглядывать за мной, он покинул кабинет. Сразу зашли двое конвойных.

Пока капитана не было, я сидел и размышлял. Жаль табурет, спинки нет, чтобы откинуться в расслабленной позе, но и так продолжал прикидывать. Да я все о вчерашнем бое в лесу с бандитами. Да, я вполне осознаю, что по краешку прошел, и знаете, заставляет задуматься. Я вчера перед сном думал, сейчас тоже прикидывал и пришел к такому выводу, что в моих запасах не хватает чего-то с броней. Я вообще за универсальную технику. Мне нужна броня, плавающая, с гусеницами, желательно с пушкой. Обдумал всю советскую и немецкую линейки и понял, что идеальный вариант тут

всего один. Плавающая танкетка Т-40. Правда, их выбили все еще в первый год войны, но, если поискать по рекам и болотам, может повезет и найду. Сейчас поясню, о чем я. Тот бой в лесу на кажущуюся легкость дался мне непросто. Было бы врагов на сотню больше, меня бы загоняли и уничтожили. Лес им был привычен. В поле же у меня вообще нет никаких шансов. Однако, если бы была танкетка вроде Т-40, я бы смог нырнуть в люк и затаиться внутри, пострелять прицельно из башенного вооружения, после чего, запустив двигатель, сбежать в случае опасности. Преодолев и водоем, если бы он попался. Еще и весит эта бронемашина пять с половиной тонн, как мне помнится, что не может не радовать. И проходимость неплохая, все же гусеницы, пусть и узкие.

Один минус – хранилище полное и все необходимо. Однако у меня двадцать пять тонн припасов, я помню, какое голодное время будет после войны, по рассказам, из мемуаров и фильмов, и иметь продовольственную подушку хотелось бы. Однако и танкетка нужна, сейчас я это полностью осознал. Причем не факт, что до конца войны та пригодится, я не исключаю, что после войны советские власти на меня бочку катить будут, а иметь такой шанс для прорыва все же стоит. Да и припасы добыть, если они мне понадобятся, на самом деле не так и сложно. Самолет есть, слетаю во вражеские страны, что активно помогают сейчас немцам, это я про финнов, румын или французов с итальянцами, и доберу что мне надо, совесть молчать будет. Решено. Ищу танкетку, но перед этим освобожу хранилище на десять тонн. Да, тут боеприпас для машины, топливо, но главное, полковой миномет и запас мин к нему. Конечно, мины тут мощные по калибру, но лучше больше, чем меньше и не хватит в нужный момент.

Тут мои размышления прервала скрипнувшая дверь, и капитан вернулся в кабинет. Я на него без интереса взглянул. А все слышал с помощью «Глаза», о чем тот со своим начальником говорил, тем майором, которого я узнал. В общем, капитан откровенно дрейфил меня трогать, он как раз мне вполне поверил, а майор настаивал. Да, нехороший человек. Значит, и чернобровой срок отписал. Какая мстительная сволочь. Почти как я. Хотя я не пользуюсь своими возможностями по службе, предпочитаю тупо убить. Поэтому я знал, что дальше будет. Капитан велел меня в камеру увести, майор просто передавал меня другому дознавателю, из «мясников», как тот его

назвал. Так что один соскочил. Другой, похоже, получит за все, если, конечно, инстинкта самосохранения не имеет. К счастью для всех, майор все же одумался, да и капитан тот подал рапорт обо мне наверх, из тыла быстро вышли на старшего офицера тюрьмы. Майор им все же не был. Заместитель он. Поступил приказ доставить меня на аэродром дальней бомбардировочной авиации и отправить в тыл попутным бортом. Самое интересное, что вызвался меня везти тот самый майор. Кстати, только подслушивая разговоры, я узнал его фамилию. Нормальная фамилия, не какая-то заковыристая. Тальков он. Тот взял «додж», тот, что «три четверти», двух бойцов для охраны, сам спереди сел. А я сзади. Места достаточно, втроем по факту свободно сидели. А там не заднее сиденье, а две лавки по бортам. На одной я сидел, на другой оба бойца. Трасса видимо безопасная, поэтому бойцов для охраны брать не стали. Час ехали, аэродром не у Львова был, я уже на дальности видения «Глазом» видел аэродром, когда Тальков велел остановить машину у посадки, мол, приспичило, до ветру сходить надо. Дальнейшее стало для меня полным шоком.

Майор как-то ловко извлек из кобуры пистолет и трижды выстрелил. Один боец, что хотел спрыгнуть на землю, повис на борту вниз головой, остальные, водитель и второй боец, что успели покинуть машину, повалились. Майор двумя выстрелами добил подранка и держал меня на прицеле.

– Не ожидал? – ухмыляясь, спросил он. Место тот подгадал неплохое, с трассы мы уже съехали, сама дорога пустая, а от посадки, до нее метров пятьдесят было, бежали трое мужчин в нашей форме, два офицера и вроде старшина. Я перевел взгляд с неизвестных на Талькова и подтвердил:

– Неожиданно. Хотя, с другой стороны, уже должен привыкнуть. Вокруг меня постоянно всякая хрень случается. Так ты, значит, на немцев работаешь?

– Ага, еще в прошлом году завербовали. Да я и не против, были причины. Когда тебя взяли, я не мог не порадоваться. Сразу на куратора вышел, тот и велел время потянуть. Так что тебя к немцам, жаждали там. Награда за голову не отменена, и она моя.

Тут та тройка подбежала, споро подхватывая тела убитых, снимая оружие, утаскивали подальше, маскируя в траве, я же покосился на это и уточнил:

– Ты с нами или остаешься?

– Остаюсь. Сказочку о бое с диверсантами опишу, как раненый отстреливался. Отбил, отходя, а ты вот сдался, побежал к ним с поднятыми руками.

– Не поверят.

– Поверят. Я волшебное слово знаю.

– Ну удачи желать не буду.

Почему я не отбиваюсь, хотя завалить этих четырех для меня не проблема, в том, что мне это все как раз на руку. Более чем. Так что играем пленного офицера. На мне была та же гимнастерка без наград, хотя погоны вернули, но все остальные вещи у Талькова, в вещмешке вез, к нему и шашка приторочена была, тот его передал уже диверсантам. То, что это они, я уверен на все сто процентов. Опытные, связали меня, руки за спину, еще и в районе локтей удавку накиннули. Старшина устраивался за рулем машины, а один из диверсантов, с погонами капитана, вскинув руку, выстрелил в Талькова из ГТ, с пяти метров. Майор схватился за плечо и застонал.

– Нормально, – сказал диверсант. – Можно еще вторую рану, касательную, у ребер. Может, и орден за схватку с диверсантами получишь.

Тальков без колебаний поднял раненую руку, и «капитан» повторно выстрелил. Действительно касательная на боку. Дальше заскочили в машину и рванули прочь, вместе со мной, оставив Талькова. Особо не общались, видимо ранее все обговорили, сделали работу и расстались. Надо сказать, действовали неплохо, я бы сказал на высоте, что вызывает уважение. А пока мы катили по дороге, рядом со мной «капитан» сидел, страховал, он явно старший группы; второй, с офицерскими погонами лейтенанта, что на соседней лавке устроился, точно радист, а старшина-убивец, чистильщик, я размышлял. Мне на руку это похищение, как бы странно это ни смотрелось. Я хотел пополнить хранилище тем, что мне нужно, но где время на это возьму? Я постоянно под присмотром. То, что мне комдив девяносто девятой дивизии три дня командировки дал, так это полное везение, да и я потом отработал. Договоренность у нас такая была. Что-то я сомневаюсь, что мне еще время дадут. Во время первого нападения, с засадой в лесу, возможности удрать не было, нужно было врачей до

наших довести. А тут похищен, пока сам не пожелаю выйти, смогу заниматься тем, чем хочу.

Ехали мы почти час, пока не заехали в лес, там бросили машину, еще радист кинул хлыст антенны на ветку и минуты две что-то отстукивал, видать сообщал о моем удачном похищении, а потом шли продолжительное время, пока не вышли на лесную поляну.

– Все, ждем ночи и самолета. А пока... – сказал «капитан», и старшина, кивнув, достал небольшой тубус, а из него шприц с каким-то лекарством. – Ты, Одинцов, парень резвый, сбегал от нас не раз. Вот укольчик, поспишь сутки. Проснешься уже в Берлине.

– У меня аллергия на лекарства, – поторопился сообщить я. – Пухну и задыхаюсь, умереть могу.

– Не ври, я читал твое личное дело и лист с медосмотром. Ничего у тебя нет, здоров как бык. Давай.

Да, план не сработал, думал, с немцами улечу в тыл, а в пути угоню самолет. Придется своей техникой пользоваться, потому как давать себя усыпить я не собираюсь. Вот так веревки исчезли, и в обеих руках у меня появилось оружие, наган и ТТ, и я сразу стал прицельно стрелять. Если «офицеров» застрелил сразу, то на старшину, что ловким прыжком ушел в перекаат, потратил оставшиеся патроны, и половина ушла в «молоко». А руки у меня затекли, я потому две единицы оружия и использовал, не был в себе особо уверен. Тряслись руки. Однако ничего, всех завалил. Прошелся, добывая, и стал собирать трофеи. Первым делом свои вещи вернул, вещмешок они прихватили. Даже шашку не бросили. Потом трофеи изучил. Рацию прибрал, нес ее за спиной в вещмешке, и пошел прочь.

Я тут успел подумать и вот что решил. Припасы выкидывать не буду, местные жители любят рыть схроны, да и поляки разных бункеров накопили, хорошо замаскированы, поди найди. Поищу амулетом сканера подходящий, коим давно не пользовались, и схороню часть вещей. Вот и стал искать. Потом плюнул, на это немало времени может уйти, поэтому вышел к речушке, которая через лес протекала, поднялся на холм, не бункер, проверил амулетом, и проделав отверстие, просто сам стал копать нору в глубь холма. Я освободил хранилище на пять тонн, достав оба самолета и часть топлива, и, убирая куски породы в хранилище, потом скидывал в реку и течение уносило муть вниз. Вот так и вырыл собственное хранилище, о

котором никто кроме меня не знает, на глубине десяти метров. Тут наклонный туннель и чуть выше, чтобы водой не залило, если протечет, место для вещей. Выложил часть припасов, в основном крупы и консервы из немецких трофеев, оружия немало, часть коллекции и боеприпасов. В общем, двенадцать тонн выгрузил, заодно хорошо обслужил оба самолета. А как стемнело, да схрон вырыл и замаскировал за два часа, полетел в тыл к немцам. На «шторьхе», с той поляны только на нем взлететь можно было. Там дальше сел на пустую дорогу и уже дальше на «мессере» летел к Берлину.

Кто-то может сказать, а зачем тогда ушел? Дождался бы прилета самолета, что должен был забрать диверсантов и меня, и улетел с ним. В этом и проблема, я не знал опознавательных знаков, без которых самолет на поляну просто не сядет. Бесперспективно, если проще. Что по направлению в сторону Берлина, то я читал, что на его окраине был музей военной техники, туда немцы чего только не притаскивали, и советскую технику в том числе. Читал в мемуарах, что те, когда мы Берлин брали, использовали экспонаты. Ну громко себя не проявили, но против нас воевали. Я не знаю, есть ли там Т-40, но почему бы не проверить? Это был шанс добыть нужную технику быстро и надежно. Остальное с наших складов добуду. Это я про боезапас. Плюс миномет. Немцы наши минометы, особенно полковые, сами используют, даже скопировали технологию и выпускают. Вот мины и миномет у них уведу. Насчет полкового я, наверное, погорячился, мне батальонного хватит, там мины полегче, больше боезапаса наберу. Дистанция в два километра, как по мне, вполне достаточно. Видно будет, чего гадать? Да, когда я немного не долетел до Берлина, сел на дозаправку, то достал ту рацию, диверсантов, и стал вызывать штаб моей бывшей девяносто девятой стрелковой дивизии. Меня там знали. К счастью, радист дежурный не спал и принял вызов.

– Срочное сообщение особистам, от майора Одинцова. Сообщаю, в тылу у Львова был похищен немецкими диверсантами, при пособничестве майора НКВД Талькова. Он застрелил лично шофера и двух бойцов охраны при перевозке и держал меня на прицеле, пока не передал диверсантам. Потом они устроили представление, прострелили ему плечо и сделали касательное ранение в бок. Еще хохмили, что он орден заработает. Прошу провести расследование,

арестовать предателя Талькова. Сам я уже сбежал, сейчас у немцев в тылу. Как смогу, выберусь к нашим. Это все.

Радист подтвердил, что принял информацию, на этом и прервал сообщение. А то сказку решил рассказать, мол, я теперь об этом уже никому не сообщу. С-щаз, прям. Вот так заправился и дальше полетел. Однако лето, середина июня, ночи короткие, поэтому недалеко улетел, светать начало, но границу Польши и Германии пересек, это точно, так что поторопился совершить посадку на укатанную дорогу, люблю ими пользоваться, обслужив и заправив машину, и на мотовелосипеде отправился к лесу, где покупался в речке, очень хотелось, и устроился в кустах на дневку. Там тень хорошая была. Сытый был, уже поужинал, и вот свежий, после купания, но уставший, быстро уснул.

Быстро выглянув, усмехнулся. Отлично, минометный расчет мертв, боевой артефакт великолепно поработал, а главное бесшумно, я подобрался и стал убирать мины и сам новенький миномет, калибром в сто двадцать миллиметров, германского производства под названием «Granatwerfer 42», в хранилище. Уже четвертые сутки как я в тылу у немцев нахожусь, миномет это последнее, что мне осталось добыть, и все, возвращаюсь к нашим. Что касается Берлина и музея, то потратил две ночи, но добыл что нужно. Да, был в музее легкий танк Т-40 с ДШК в башне. Полностью исправный, заводи и езжай. Причем машина покрашена в цвета хаки, родной цвет для советской бронетехники, имела красные звезды на башне и номер. А взятый сторож, им подрабатывал смотритель завода, сообщил, где боезапас к бронемашине. Не знал, что для всей техники хотя бы один боекомплект, но хранится. Пусть отдельно и охраняется серьезно, но он есть. Там коробка с лентами на пятьсот патронов к крупнокалиберному пулемету и патроны для ДТ. Убрал все в хранилище.

Стоит добавить, что во время посадки у Берлина я разбил «шторх», на котором летел. Он еще и полыхнул. Еле успел выбраться. Поэтому сначала озаботился поиском замены, нашел новую машину на военном аэродроме у столицы Германии, в этот раз в санитарной комплектации. Только потом искал музей и танк. Причем добыл также автомобиль, для него я оставлял место, раз освободил хранилище на двенадцать тонн. Какие только машины не видел на улочках Берлина,

включая спортивную красно-белую «Альфа-Ромео», однако мне нужна неприметная машина, небольшая, чтобы использовать днем. Для ночи самолеты есть, они быстрее. «Опель-кадет», что у меня ранее был, идеально для этого подходил. Не удивительно, что, обнаружив именно эту модель, новенькую, по иронии судьбы, снова бордового цвета, и прибрал. Когда все добыл, что хотел, я отлетел от Берлина подальше. Передневал и потом до ночи время тратил на добычу. Заправил танк, у меня была бочка бензина, как раз нужного качества, залил в баки топлива, моторного масла, снарядил пулеметы, покатался и даже пострелял, знакомился с танком, я же должен был знать, что от него ожидать. Потом сканером осмотрел все, увидел, что одна заглушка открыта, перекрыл и проверил, как тот плавает. Поступления воды по сути не было, но стометровой ширины речку переплыл свободно. Даже пострелял на плаву. Хм, неплохо. Знаете, а радует, мне нравится эта танкетка.

Вообще да, в первые дни войны это был танк, легкий, но все же плавающий танк. Сейчас же плавающая танкетка, и никак иначе. Так что не обращайтесь внимания, если я путаюсь, называя то так, то эдак. А пока почистил пулеметы, доснарядил, долил бензина в баки, мотор прогрет, с машиной позанимался, можно использовать. Потом занялся моим двухдверным «опелем». Я знал, что будут проблемы с замком зажигания, поэтому после кражи машины, озаботился ключами. Я же машину не с улицы украл, а со стоянки офиса продаж. Машина с завода, без пробега, вскрыл ящики с ключами, подобрал нужные и проверил, подходят или нет? Подходили, так что заправил машину, все жидкости залил и прокатился. Норма. А вот следующей ночью никуда не вылетел, ночевал в палатке. Нелетная погода, довольно сильный дождь шел. Еще впервые за это время поставил патефон и слушал музыку. Нет, это не любимый мной рок, в общем, тоска смертная, хотя слушал, не без этого. Еще амулет зарядки постоянно работал. А что, есть возможность, заряжаю. Только одну закономерность выявил, что подтвердилось проверкой. Амулет зарядки работал только когда находится в неподвижном состоянии, да, амулет лежал рядом на сиденье, когда я на самолете летал, но зарядка не шла. Я вот не знал, и магеныш ничего не сказал. Наверное, тоже не в курсе. Однако два накопителя зарядил. Один в ноль был, у другого в половину растрочен запас маны. А следующей ночью я вылетел в сторону передовой.

Решил какой миномет первым попадется – тот и беру. Попался вот этот, полковой.

Точнее я совершил посадку в тылу у немцев, доехав на велосипеде, и «Глазом» изучал что есть, сначала два миномета батальонного типа встретил. Я их посетил незаметно, но состояние их было средним, давно эксплуатируются, а мне чем новее, тем лучше. Следующий окоп с минометом был именно этот. Новенький полковой стоял. Так что боевым артефактом уничтожил расчет, восемь солдат, дальше убрал трубу и диск подноса в хранилище, а следом и мины, убрал все снаряженные, двадцать штук, и дальше, отойдя от окопа к складу боепитания, уже вскрывал ящики и снаряжал мины. Стоит пояснить. Вообще полковой миномет в транспортном положении почти полтонны весит, но в боевом, уже облегченный, его вес двести восемьдесят килограммов, что не может не радовать. Больше мин возьму. Я у немцев забрал плавающий танк, боеприпасы у нему и топливо, плюс автомобиль. Оставил в запасе всего две с половиной тонны для миномета и мин. Так что остальное заполнил именно боеприпасами. С учетом, что одна снаряженная мина, с пороховыми зарядами, весит от тринадцати до пятнадцати килограммов, а я брал осколочные и осколочно-фугасные, то смог набрать двести семь мин в запас. Солидно, как я думаю.

Что по калибру, то вот что я решил. Глупо иметь оружие с небольшой дальностью, когда, владея «Глазом», можно бить прицельно на максимум. У этого миномета это шесть километров. Пусть он будет. В общем, последняя снаряженная мина, двести восьмая, не ушла, так что достал свои вещи, как раз мине места хватило, и двинул к нашим. До рассвета часа три, успеваю. Не просто успел, а проник в штаб пехотного полка вермахта, украв все документы и карты, а также полковника, командира полка, что два вещмешка с картами и нес, у меня в хранилище места не было. Связал его, кляп в рот, и вот как мула использовал. Ничего, колот в задницу острием ножа, и тот быстро перебирал ножками. Сам полковник тучный, даже скорее толстяк, форма пошита по индивидуальному заказу. Да у него живот свисает чуть не до колен, я эту тушу на себе не уволеку, сто пятьдесят кило. Так что пускай сам перебирает своими толстыми и короткими ножками. Часовых и наблюдателей на передовой линии девяносто девятой стрелковой дивизии, где решил

выйти к своим, поскольку меня тут знали, я прошел незаметно, как и у немцев. Я у противника боевым артефактом пользовался, умертвив по пути почти две сотни солдат и офицеров. Штаб полка тоже. А этот полк венгерский, а что они творили на наших территориях – просто ужас. Вот, даже комфронта Ватутин, наслушавшись, приказал в плен мадьяр не брать. Правильный приказ. Было бы больше времени, от полка бы я ничего не оставил, но торопился.

Светало. Вышел к штабу полка, подняв там всех. Меня тут же в штаб дивизии с ценным призом. С полковником разведка и штабные работали, а со мной – особисты. Нормальные парни, я со многими давно на «ты» был. Сначала устно сообщил, как меня похитили, как бежал и до своих добирался. Вон, командира вражеского полка взял в плен с запасом ценных документов, их уже изучали. Комдив не мог не воспользоваться такой ситуацией... Уже рассвело, я написал рапорты, так что с охраной проехался по позициям, нанося данные по противнику на карту. Все что видел нанес. Так что артиллеристы дивизии стали по ним работать, а дивизия готовилась дальше наступать. Я же недолго в дивизии задержался, сегодня двадцать второе июня, утром вышел к своим, а в обед как раз вернулся из поездки за разведданными, пищу принимал, когда меня уже приказным порядком дернули в тыл. Куда – не знаю, тут все через Особый отдел дивизии идет.

В этот раз мимо аэродрома истребительного полка, что почти стерся за время воздушных боев, мы не проехали. Меня сами особисты везли с охраной бойцов из комендантской роты. Там уже ждал самолет, одномоторный, с высоким расположением крыла, на семь пассажиров. Кроме летчика никого не было. Впрочем, командир авиаполка попросил взять дополнительных пассажиров и почту, раз все равно в тыл летим, не отказали ему, и, вот так взлетев, направились в тыл. Я большую часть пути банально проспал, все-таки сутки на ногах, да еще попросили помочь с проведением разведки. Комдив торопился, понимая, что меня скоро дернут в тыл. Не отказался, так что теперь нагло дрых, пока не сели на аэродроме Киева. Сам я был в своей полевой форме, при наградах, фуражку мне новую в дивизии подарили, ту, что у расстрелянной колонны потерял, я так и не нашел. При мне мои вещи, шинель. Шашку убрал в хранилище, документы сохранил, свое удостоверение. В штабе полка мне выдали направление

на Москву, филькина грамота понятно, но хоть что-то. Еще по наградам, комдив за полковника-мадьяра, что я им подарил, особенно за документы добытые, приказал штабным написать на меня представление. На Звезду Героя. Я пытался объяснить, что это бесполезно, мол, в верхах костыми лягут, но награды мне не видать, это с сорок второго повелось, но тот уперся как баран. Я даже предложил дать орден Красной Звезды, которые у того в запасе были, и мне достаточно. Про барана я уже сказал, уперся. Нет, спасибо конечно, но хрень это все. Все равно Красную Звезду дадут, спустив до него. Просто ждать придется от нескольких месяцев до полугода, пока разродятся, это если еще не потеряют наградной квиток, а тут сразу бы получил.

На военном аэродроме у Киева пришлось погулять в стороне, пока заправляют машину, техника безопасности этого требует. Обоих летчиков уже забрали, как и мешки с почтой. Один летчик тяжело ранен был в бою, смог довести машину до аэродрома и сесть, его на носилках везли, а второй травмирован при неудачной посадке. Их сразу в госпиталь, машина ждала, знали кого везут. Как заправились, снова поднялись в воздух и к столице полетели, причем салон полный, попутные пассажиры, снова мешки с почтой, и все места заняты. А я спал.

На всем пути было чистое небо, поэтому добрались без происшествий. время было восемь вечера, когда я, потягиваясь и разминаясь, стоял у крыла самолета. Пассажиры уже покинули машину, два бойца ожидали, чтобы забрать почту. Тут ко мне и подошел неизвестный майор госбезопасности.

– Майор Одинцов?

– Это я, – закончив делать приседания, кровь по венам побежала, подтвердил я.

– Попрошу ваши документы.

Он изучил мое удостоверение и велел следовать за ним, мол, его за мной послали. Ну уж нет, я попросил его предъявить документы. Тот не возражал. Ну не знаю, вроде настоящие. Так что мы прошли к новенькой черной «эмке», и шофер, боец НКВД, повез нас куда-то в город. Ну да, можно было и не гадать, после сорока минут езды остановились у здания, известного как Лубянка. Куда еще меня могли привезти? Не удивлен. Хотя знаете, не против, узнаю, что там с

Тальковым. Да и с чернобровой тоже. А что, особисты девяносто девятой стрелковой дивизии оказались не в курсе. Они сразу передали мое сообщение дальше, но понятно, им никто не докладывал, что там с майором-предателем дальше было. Пока оружие сдавал, тут такое правило, вещи личные оставил, вещмешок с шинелью и поинтересовался у помощника дежурного, что все принимал:

– Мы с вами нигде не встречались? Лицо знакомое. Вспомнить не могу.

– Не припомню, – пожал печами молодой старший лейтенант.

Тот майор, что меня привез, сам же и сопровождал лично в кабинет к знакомому полковнику. А он меня в сорок первом и сорок втором годах допрашивал, вел личное дело, да с секретным оружием тоже. Все еще полковник? Думал, генерал давно.

– Привет, полковник, давно не виделись. Чего не генерал? – спросил я, подходя к стулу.

– С сорок второго не виделись, а все такой же наглый и чинопочитание отсутствует.

– Я же говорил, как вашего брата не люблю. После тех действий зимой сорок первого. Так что и послать не постесняюсь.

– Давай рапорты, – протянул тот руку.

Я не стал доставать из планшетки конверт, просто снял саму планшетку, не моя, и протянул ее хозяину кабинета. Это от особистов моей бывшей дивизии, тут и мои рапорты, и их доклад по пленному полковнику-мадьяру. А сам полковник вскрывать конверт не стал, встал из-за стола и велел мне:

– Идем.

Мы вдвоем поднялись на этаж выше, тот майор, что меня привез, куда-то пропал, и прошли в приемную наркома. Полковник без спросу отрыл дверь, потом вторую, и мы прошли в кабинет Берии. Секретарь и несколько человек, что ожидали в приемной, промолчали.

– Доброго вечера, товарищ Берия, – поздоровался я. – Можно чаю, а то пообедать, это было, а ужина нет. Я вас хоть на печенье ограблю.

– Ничуть ты не изменился, – сказал тот и велел: – Садись, чай сейчас принесут.

Сам я за стол сел, куда нарком показал, а полковник, передав тому конверт, устроился на стуле, что рядом стояли у стены.

– Интересные у вас дела тут в здании происходят, – сказал я, вытягивая ноги и с удобством устраиваясь. – Знакомое лицо встретил.

– Воевали вместе?

– Ну можно и так сказать, они против меня, я против них.

Берия, что уже сделал по телефону заказ секретарю, вскрыв конверт, начал листать толстую стопку листов, с удивлением поднял голову.

– Объяснись.

– Это еще в начале войны было. Вы мой рапорт читали. Я там майора-связиста добыл, используя секретное оружие. Еще отчитывался за каждый выстрел. Не все я там доложил, ох не все.

Берия отложил листы и не мигая стал смотреть на меня. Неприятный взгляд, надо сказать, заставляет себя чувствовать виноватым. Даже против меня работал.

– Что? Написал бы, так меня бы крайним и сделали. Я же не в своей дивизии вышел, соседняя, на птичьих правах был. Особисты свой провал, что врагов не выявили, на меня бы свалили, оно мне надо?

– Рассказывай, – велел нарком.

– В общем, я, когда девчат освободил, по дороге к нам присоединились пограничники, с капитаном. Там еще стрелки потом были, сорок штыков, так к нашим и вышли. На участке соседней дивизии, я рассказывал. Там и был конкурс добыть языка. Орденом завлекали. Я не хотел, но тот капитан-пограничник настоял, несмотря на то, что у меня колено травмировано. Вы там дальше знаете. Но вот что я не рассказал. Шел один и сразу заметил, что меня отслеживают, был пограничник из группы капитана. Я тогда молодой был, глупый, думал, на хвост упали, чтобы майора потом отобрать и орден за него получить. В стороне засек остальную группу пограничников, плюс добровольцев из бойцов дивизии. Тоже за орден завлекли. Там один пограничник направился к немцам. Я думал, на разведку, подходы изучить, а он встал и вышел к часовому, подсвечивая себя фонариком. Встретили как родного. Остальные пограничники, оказавшиеся диверсантами, в ножи взяли бойцов дивизии. Я понял, что это враг, и убил того, что за мной следовал. Кстати, очень профессионально, если бы я ночью не видел хорошо, никогда не засек бы его. У него в кармане «вальтер» нашел, в другом глушитель, прикрутил и

пользовался. Спасибо, – это я сказал секретарю, что граненый стакан с чаем подал, вазочка с печеньем тоже была. – Недолго, дал своему бойцу, старшине, и с концами ушел. Это когда в полк Московского ополчения назначение получил. Капитан этот именно мной интересовался, тем секретным оружием. Я же сдал документы уничтоженных патрулей во Владимире-Волынском, гильзы там засветились. Вот он и выманил меня с этой добычей вражеского офицера. Он знал, за кем я конкретно иду, и выяснил у своих, где такой майор-связист есть. Я не искал его, а следовал за капитаном. Он и привел к кому нужно. Дальше знаете, я пострелял и увел майора, угнав машину. Но не сообщал, что немцы, чтобы меня приманить, убрали часть солдат, давали дорогу к телу того связиста, чуть не красную ковровую дорожку к нему мне расстелили и засаду устроили. Капитан тот и его диверсанты участвовали. Даже командовали, как я понял. Хм, вкусный чай... Я секретным оружием не только всю засаду положил, но и капитана с четырьмя его бойцами. Выкрал майора и к своим рванул. С орденом обманули, наврал генерал, ну вы это знаете, но две медали получил, хоть что-то. Меня бы за этих диверсантов крайним и сделали. Не всех диверсантов я убил, не все участвовали в засаде, другие помогали в прочесывании, нашли тело того, что я убил. Никого из выживших диверсантов той группы я больше не видел. До сегодняшнего дня. А тут помощник дежурного, что у меня вещи принимал, оказался одним из них.

– Почему сразу не сообщили? – спросил нарком, когда полковник уже выбежал за дверь. Мигом, раз и нет.

– Так я узнал его, когда по лестнице к вам поднимался и увидел полковника пограничных войск. Ассоциации сказались. Вы его не поймаете, он меня тоже узнал, причем сразу. Я еще, идиот, спросил его, не воевали ли мы вместе. Лицо, мол, знакомое.

– Да, наворотил ты дел.

– А я-то здесь причем?! – возмутился я. – Даже не пытайтесь меня крайним сделать, сами змею на груди пригрели.

– Чуть позже тебя отправят в архив. Просмотришь фотографии всех сотрудников, может, еще кого узнаешь. Подписку дашь, эта информация секретная.

– Хорошо. Что там с Тальковым? А с чернобровой?

– Упустили. Ты же в прямом эфире орал, кто это. Пока информация дошла, пока выехали, за ним в госпиталь пришли и попросили позвать. Он вышел и с концами. Наши люди только через два часа были в госпитале. Ищут. По девушке, как начали его действия расследовать, нашли и освободили. Работу на врага ей вменяли. Все подозрения сняты, уже дальше служить отправили. А теперь опиши, что там у тебя было? Своими словами. И не утаивай ничего, как привык, все как было.

Надо сказать, он довольно придирчиво задавал вопросы, но и слушал внимательно, параллельно изучая листы рапортов, делая какие-то пометки на полях. Берия часто отвечал на телефонные звонки, но это не мешало нашему общению. Полковник вернулся через полчаса, сообщив скорее мне, Берии уже доложили:

– Ушел. Отпросился у дежурного, сказал, что живот заболел, и ушел. С ним пропал капитан Басов. Поисками занимается генерал Скобелев, все выезды из города перекрыты, начали прочесывание города, работает милиция и дружинники. Посмотри, есть кто знакомый. – Полковник протянул мне стопку в три десятка фотографий. Я разложил их на столе, сразу отложив фото того диверсанта, что опознал, а чуть позже еще одного.

– Вот, этот тоже из поддельных пограничников.

– Басов и Кураев, – кивнул полковник. – С сорок первого у нас служат. Три проверки прошли.

– Выясните, кто их проводил, – велел Берия, и полковник, забрав фотографии, покинул кабинет.

Мы же закончили с Берией, снаружи давно стемнело, время к одиннадцати часам подходило, когда я покинул кабинет; посетители все так же терпеливо ожидали в приемной. Там сразу одного пригласили, а меня сопровождающий отправил в архив. Там уже ждали. Личные дела мне никто не давал, просто фотографии. Я быстро перелистывал их, откладывая в отдельную стопку всех тех, кто мне не просто знаком, а по ощущению, где-то видел. Почти шесть тысяч фотографий просмотрел, отложив пятьдесят семь. На соседнем стуле скучал капитан, что занимался мной. Вот так закончив, я вернулся к стопке с отложенными фотокарточками и стал их пристально изучать, вороша память. Некоторые возвращал в общие стопки, это были сотрудники, с которыми я встречался, а некоторые вызывали сомнения.

– Проснись, – потряс я капитана за плечо.

– А? Что? – потягиваясь, спросил тот.

– Вот, этот ваш сотрудник. Я думал, что его убил. Это поддельный капитан-пограничник, в которого я стрелял в сорок первом, в начале войны. Видимо был ранен, оклемался. Хотя нет, бред. Я убил его, попадание в голову было, та просто лопнула. С такими ранами не живут. Может, близнец? Сами выясняйте. Потом вот эти двое. Зимой сорок первого они выкрали меня из штаба моей дивизии, участвовали в нападении под видом командиров НКВД. В Мценск привезли. Я потом сбежал и там трех генералов застрелил. Еще насчет этих пяти, где-то видел, в памяти крутится рядом, но пока не могу вспомнить.

– Понял, – с серьезным видом кивнул тот. – Идемте, я устрою отдыхать. Позже продолжим.

Он мельком глянул на обратную сторону карточек, я раньше посмотрел, данных не было, просто свой номер у каждого. Он записал их и передал меня бойцу, велел устроить в общежитии, а сам быстро ушел. Докладывать по тем, кого я опознал. Люди занимались работой, не спали и ждали информации по тем, кого я опознал. А отвели меня в отдельное крыло здания, тут подобие номеров было, видимо для тех, кто оставался на ночь. Кто-то спал в своих кабинетах, не зря там диваны стояли, кто-то эти номера занимал. Там и душ был, принял его и спать. Номер четырехместный, на двух койках уже кто-то спал, стараясь не шуметь, сам расположился и вскоре уже уснул.

– Да вон он плещется, – услышал я с берега и повернул голову, увидев, как из-за высоких кустов, под тень ивы, где у меня форма сложена, выходят два сотрудника госбезопасности. Одного я знал, тот капитан, что меня курировал.

Вот так несколькими мощными гребками я добрался до берега, тут глубина у самого берега, и, отряхиваясь, выбрался на горячий, почти раскаленный солнечными лучами песок, прыгая на одной ноге, выбивая воду.

– Товарищ майор, почему вы покинули Управление без разрешения?! – требовательно спросил капитан.

– Так и не запрещали, а я искупаться захотел. Тем более оставил под подушкой записку, где буду. Без нее вы меня бы не нашли.

– Тут больше волнует не почему, а как, – наблюдая, как я вытираюсь полотенцем и натягиваю форму, сказал капитан. – Вас никто не видел. Как исчезли...

– Я сам никого не видел, пустые коридоры и свободный выход наружу, – пожал я плечами.

Врал безбожно, укрывался в нишах, амулетом сканера изучал проходы, чтобы никому не попасть на глаза. С трудом, но проскользнул. А здание покинул по секретному тайному туннелю, что выходил в один из подвалов соседних домов. Сигнализация была, я изучил ее сканером, примитив, и отключил, потом вернул как было. Также причина покинуть управление была мне необходима, чтобы объяснить знания, информацию, которую мог получить только снаружи. Купание это так, якобы повод. Так что собрался, мы дошли до машины и вот покатали обратно. А купался я на триста метров ниже по течению от железнодорожного моста на Москва-реке, найти не сложно было, вот и нашли. В управление сразу к полковнику. Вот явно кто ночью ни минуты не вздремнул, усталый вид и покрасневшие глаза с набухшими веками.

– Майор, как ты покинул управление?

– Товарищ полковник, я же не тыловая крыса, а разведчик. Там под ковром прополз, тут тенью мелькнул. Да чтоб меня и заметили? Да в жизнь такому не бывать.

– Угу. Мы еще выясним, как ты это сделал. А теперь говори, зачем покинул управление. И не ври про купание.

– Ну да, это только повод. Скажу так, хочу награду получить. Чтобы раскрыть все, поясню мотив моих действий. Комдив девяносто девятой стрелковой дивизии меня к Герою представил, но награду зарубят, меньше дадут. Вот и хочу получить то, чем наградили. За это я вам сдам место, где прячутся диверсанты, коих вы упустили. Даже три их штаб-квартиры.

– И как ты это сделал?

Говорить, что у меня «Глаз» почти все время в небе и я отслеживал того помощника дежурного, еще не узнал, просто на всякий случай, подозрительно себя вел, как он посещал три места лежки и залег на третьей, понятно не стал. Объяснил понятными ему словами:

– Знакомых у меня в столице нет, чтобы вы там себе ни подумали. Просто вышел на воров, одного авторитета допросил, сломал ему ноги... Э-э-э, провел военно-полевой допрос, и ни черта он не знает. Однако охотно сдал других, видимо конкурентов. Посетил их, второй тоже пустышка, а вот третий навел на эти адреса. Его помощник, он на квартире был, дал четкое описание тех, кто посещал квартиры, были и офицеры НКВД, и я опознал тех диверсантов. Воров они привлекли тем, что золотом сорили. Были там покупки, а те просекли.

– Любопытная информация. Если учесть, что город перекрыт и идет методичное прочесывание, встает вопрос, а как ты через посты прошел? От места, где ты купался, до нашего управления около шести-семи постов, которые тебе не пройти, документов и разрешения на это просто нет. И про то, что ты разведчик, хвастаться не стоит. С момента, как ты покинул управление и тебя обнаружили на реке, прошло часа три. Не успел бы ты все сделать.

– Это да, только вошел в воду и нырнул, уже зовут. А так ушел как в песне: а я по шпалам, опять по шпалам, иду домой по привычке, – пропел я. – По туннелям метро я прошелся. Да и проехался, метро-то работает. И насчет трех часов ошибка ваша, раньше я ушел, пять часов у меня было.

– Допустим. Адреса? – протянул тот руку.

– Со всем моим уважением, но нет. Вы, извините, мелкая сошка, адреса дам тому, кто может дать гарантии по поводу награды. Берия, например.

– Мелкая сошка?..

– В сорок первом вы были капитаном госбезопасности, это считай подполковник-армеец. В сорок втором майором, это полковник, если на армейские звания переводить. Что-то долго в полковниках ходите.

– Да был я генералом, был! – взорвался тот, видимо на больное место надавил. – Сняли. За дело, за провал операции, серьезной операции. Причем по вине присутствующего тут тогда еще лейтенанта Одинцова.

– Но-но, я ничего не знал, не надо вешать чужое на меня.

– Идем к товарищу Берии, он уже прибыл, как мне доложили.

Ну мы и пошли. Полковник не стал из себя обиженного стоять, объяснил мои мотивы наркому, сразу как выпроводили очередного посетителя, и тот сообщил мне:

– Вам итак награда положена, тот полковник-венгр в розыске за свершенные им и его полком преступления против гражданского населения оккупированных территорий. Именно его полк известен тем, что живьем закапывал детей в землю. Заочно приговорен к смертной казни, за его поимку полагается награда. Наградной лист на вас от комдива был в том рапорте, так что ему дали ход. Вам все ясно?

– Блин, зря старался.

– Не зря, сообщите адреса, – велел Берия.

– Они тут, на листке, – достал я из кармана гимнастки листок и протянул полковнику, а тот уже отнес наркому.

– Ну вот и хорошо, – сказал тот, и добавил: – Ваша бывшая дивизия окружила тот полк мадьяр и полностью его уничтожила. В плен не брали. А пока работайте дальше по плану.

Ну мной и занялись. Опрашивали обо всем, не только про последнее похищение и побег. И про засаду, как там полторы сотни бандитов уничтожил. Да почти все, с лета сорок второго. Два дня мной занимались, спал я в той же комнате, одну койку за мной закрепили. Отслеживали все движения, чтобы не смылся как в прошлый раз. Систему охраны и контроля явно переработали и улучшили. Неслабо так поработали. Помимо этого, мне сшили парадную форму старшего офицера, все же майор к ним относится, и на третий день, а было двадцать шестое июня, меня свозили в Кремль, где Сталин, покачив головой, выдал награды. Я потом сходил в отдельную комнату, и там специальный человек помог правильно прикрепить награду к кителю, Золотую медаль Героя и орден Ленина. Мне как в первый раз вручали, с орденом. Я вернулся в зал, а то уже другой награжденный ждал помощи и сидел во втором ряду, слушал, как других поздравляли. А вот на банкете мне не позволили остаться, снова на Лубянку. Да, все же дошло и до того, что я старательно пытался скрыть. Случаи острого недержания у тех офицеров, что мне досаждали. Да, вы правильно поняли, были взяты письменные показания члена Военного Совета, как он со мной договорился, и полковник, тот продолжал со мной лично работать, причем фамилии его я до сих пор не знаю, точнее не помню, прямо сказал, что Конев хочет со мной встретиться. Он в Москве, сегодня ночью прилетел. Не дело советскому маршалу таким недугом страдать. Ну и пытался выпытать, как я это сделал? Вот блин,

засада. Придется прекращать с такими делами, иначе сядут на шею и ножки свесят, итак на меня с подозрением поглядывают.

– Не понимаю, о чем вы, – сказал я полковнику, после чего показал фотографию последнего из сотрудников, что вызвали у меня смутные воспоминания. – Я вспомнил его. Видел до войны. Он из комендатуры Владимира-Волынска.

– Звание помнишь? – изучая фото, уточнил полковник.

– Пустые петлицы.

– Личное дело этого офицера уже подняли. Он никогда не был в этом городе. К началу войны только закончил спецшколу, сержантом госбезопасности. Может, похож? Бывает же такое?

– Что вспомнил, я сказал, дальше ваша работа.

– Это да, поищем тех, кто в комендатуре служил, хотя шансов найти... Поищем. Ладно, ты разговор от Конева не уводи. Сейчас поедem к нему в гостиницу, и вернешь как было.

– А я тут причем? Кто бы это ни сделал, я ему благодарен. За кандалы ему, что на меня надевали, когда самолет на разведку вылетал. Да и другой гадости он мне много сделал. Врун в маршальских погонах.

– Ты язык попридержи, а маршале говоришь. И это не просьба, а приказ. Сверху.

– Что я буду с этого иметь?

– Ты в курсе, что Михайлов фронт принял?

– Да, Первый Прибалтийский. Генерала армии получил. И что?

– Это он с сорок третьего бьется за то, чтобы тебя ему вернули. Даже к Сталину трижды обращался, стучал кулаком по столу. Верните и все тут. Раньше ты под решением трибунала был, а после суда уже стал доступен.

– Так Конев меня прятал на пересыльном пункте под номером от Михайлова?

– Догадался. Да, это его не красит, но у них там свои свары. Это я к тому, что тебя сразу отправят на Первой Прибалтийский. Тем более Михайлов уже узнал, что ты в Москве, сюда лично летит. Опасается, что опять пропадешь.

– Зная генерала, скажу, что так и так буду у него служить, так что ваше предложение не имеет смысла. А что по тем трем офицерам, что погибли под огнем бандитов в засаде? Они откуда?

– Ты довольно известная личность в узких кругах. Не один Михайлов или Конев желают тебя использовать. Кто успел, тот и на коне. Тебя не в Москву везли, в другое место. Тут одному комфронта не повезло.

– Угу.

– Ты снова увел тему в сторону. Сейчас едем к Коневу, и ты его лечишь.

– Ничего не знаю. Я не лекарь.

– На золото в этот раз и не надейся. И то сдашь, что тебе за лечение заплатил... ты сам знаешь кто.

– А вот это уже наглость. Я честно их заработал, и вообще, сначала найдите.

– Ни хочешь по-хорошему, будет по-плохому. Так, трибунала ты не боишься. Как насчет направления на Карельский фронт?

– К Коневу? Да пофиг. На собачьих упряжках покатаюсь, форель половлю. У меня запас отличных снастей имеется. Ой, не то сказал, – схватившись за голову и покачиваясь из стороны в сторону, запричитал: – Не надо меня на Карельский, там плохо, так холодно.

– Тьфу, клоун. Ладно, твои условия?

– Да нет условий. Конев получил то, что заслужил. Это его крест на всю оставшуюся жизнь.

– Все, едем.

Тот меня чуть не за руку, ну за локоть точно держал, сопровождал вниз, мы сели в машину и куда-то поехали. А вот в служебной гостинице, в номер для генералов тот заходить не стал, втолкнул внутрь, а сам снаружи остался, прикрыв дверь.

– А, Одинцов, – пробормотал Конев. Он был явно пьян. На столе пустая бутылка, этикетки нет, видимо самогонка, стакан в дрожавшей руке, заметная небритость. – Это все из-за тебя. Ссылка на Север, еще это. Мне сказали, ты камни любишь. Держи и убери это.

Я, особо не смущаясь и не чинясь, подошел к столу, взял мешочек и высыпал на ладонь камешки, брильянты, посчитал, пятьдесят одна штука. Судя по следам, многие явно из украшений вынуты.

– Неплохо. Только этого мало, клянитесь, что забудете обо мне и мстить не станете.

– Черт с тобой, клянусь, что не буду мстить.

Положив ему руку на живот, быстро поработал амулетом и убрал проблему. Пришлось подождать, пока маршал не убедился, что проблемы больше нет от недержания, мешочек с камешками давно в хранилище был, после чего я покинул номер. Полковник заглянул к Коневу, тот подтвердил, что сделка выполнена, а меня на выходе тщательно обыскали, но камешков не нашли. А вот это уже наглость. Беспредел. Пока обратно ехали, полковник канючил вернуть, это подотчетное имущество из Гохрана, под честное слово взяли. Обалдели, что ли? Нет уж, это за мою работу. Может, еще золото им отдать? Не убедили. Сказал, что высыпал все в унитаз и смыл. В туалет я там действительно ходил. Пускай ищут. То, что гостиницу тщательно обыскивали, особенно туалет, это точно. Потом к Михайлову увезли, даже его подбили уговорить меня отдать все, что мне дали. Просили, приказы не действовали, я их игнорировал. Впрочем, уговорили. Камни нет, не отдам. Это стратегический продукт, который мне нужен. А вот на золото мне наплевать, вот и получили они пять золотых слитков с германскими орлами на них. Это Михайлов подсказал, как ко мне подход найти. Мы при встрече обнялись крепко, год не виделись, ну и пообщались. Вот генерал и сказал полковнику. Да продайте ему квартиру, вот и все. Знаете, я подумал и решил согласиться. Ясно же, что не отстанут, а так я даже в плюсе буду. Да и те ничего не теряют. Только от квартиры я отказался. Есть район правительственных дач, где сосновый лес, я там хочу дачу. Полковник созвонился с начальством, и нам дали добро. Там оказалось три свободных дачи, я скатался, и мне одна понравилась, в окружении сосен, воздух хвойный чистый, да и на территории деревья были. Сорокового года постройки, два этажа, стеклянная веранда. Обстановка полная. Мечта, а не дача. До озера пять минут идти, там пляж. Причем утепленная дача, печки есть и камин, можно и зимой жить. Две постройки на территории. Огорода нет, не те дачи.

Оформили быстро, золотые слитки я передал. Сделал вид, что в подвал одного многоквартирного дома спускаюсь, тайник там, и по описи сдал слитки. Документы на дачу на руках, порядок. Михайлов тут выступал как гарант сделки. И почти сразу на аэродром и полетели на фронт. Как раз темнеть начало. А пока летели, генерал ввел меня в курс дела по фронту, и мы спали до момента прилета. С моей историей тут уже ничего общего. Первый Прибалтийский фронт от Минска шел

в сторону Балтики, на север, отрезать немцев от своих, создать огромный котел. На юге наши уже в Польше, в Румынию вошли, а Прибалтийский фронт все не телится. Очень немцы там сопротивляются. Второй Прибалтийский наступал от Ленинграда. Одним словом, буду помогать. Михайлов с собой перетасил несколько штабных офицеров, они со мной уже работали, опыт есть, так что надеюсь, сразу приступим к работе.

Входя из здания штаба на крыльцо, я был сбит с ног офицером, что до этого, стуча каблуками сапог, поднимался по ступенькам. Тот безвольной тушей, заливая меня кровью, повалил на покрытие пола. И только сейчас донесся хлопок выстрела. Значит, целились в меня, этот капитан из роты связи, явно случайная жертва. Бойцы роты охраны забегали, все же нападение, оборону занимали. «Глаз» уже показал лежку снайпера, и я заорал:

– Стрелок на водонапорной башне!

Откинув тело капитана, тот еще жив был, я рванул в пережат и укрылся за круглой колонной, что удерживала свод крыльца. Тут же взвизгнула пуля, отколов кусок покрытия, и снова донесся хлопок выстрела. А до башни восемьсот метров. Хороший стрелок. Правда, я сам снайпер и знаю, как сложно по движущейся цели бить, так что побежал, скатившись вниз, и, вскочив на легковой мотоцикл, ударив по заводной ножке, с пробуксовкой рванул с места, в сторону башни. Стрелка нужно взять, хочу знать, кто это такой умный, на меня охоту устроил. Вот так двигаясь зигзагами, и гнал к башне. Сам же размышлял. Вообще наш фронт показал себя более чем. Не без моей помощи конечно же. Потери снизились на пятьдесят процентов, а у противника возросли вдвое. Сейчас конец августа сорок четвертого. В общем, фронт дошел до берегов Балтики за месяц. Еще встал на бывшей границе, но основные силы двигались на Псков, зачищая земли от немцев. Те по сути в котле были, только с одной стороны море, почти полмиллиона солдат и офицеров. Какую-то часть они вывезли морем, пусть наши летчики отчаянно бомбили их, немало плавсредств пустив на дно, но вчера наконец котел был полностью ликвидирован, остатки сдались, около ста тысяч. Меня и вызвали сегодня в штаб.

Армии фронта перебрасываются на передовую, в Польшу, наступление там идет, уже до Гданьска дошли, Кенигсберг окружили, польская армия участвует и Первый Белорусский фронт, но у меня свое задание. Я остаюсь тут. Немало немцев в леса ушли, вот и буду помогать их обнаруживать и уничтожать. Михайлов не хотел проблем

в тылу, серьезно к этому отнесся. Как закончу, сразу на передовую, помогать в наступлении, выявляя засады, резервы. В общем, обычная разведывательная работа. Я подчинен знакомому генералу, он и отвечал за чистку тылов, мы уже работали вместе, вполне нормально, и вот по выходе из штаба – он сворачивался, переезжает на территорию Польши – вдруг этот выстрел. Неприятно.

Отметил, что чуть позже за мной рванули два бронетранспортера охраны, американские, поставки по ленд-лизу, из охраны штаба. Я это видел сверху, через амулет, потому как уже давно ушел за угол. У стрелка был транспорт и прикрытие. «Виллис», где сидел нервничающий боец с чистыми погонами рядового. Сам стрелок был в форме капитана советской армии, ловко по канату спустился и запрыгнул в машину, что рванула с места. Башня на окраине была. Проезд мимо блокпоста там был, вот к нему они и устремились, все явно продумано заранее и пути отхода тоже. Я рванул по другой улочке наперерез, но дальнейшие действия диверсанта даже меня удивили. Он застрелил напарника и, выскользнув наружу, швырнул в машину противотанковую гранату, затем скользнул в полуподвальное окно, уходя подвалами. От машины лишь изувеченная рама осталась. Чисто сработано, все решат, что на мину наехали, их тут еще находят, хотя боев за город особо и не было, с ходу взяли, и диверсанты уничтожены. Подъехав к сгоревшему и разбомбленному многоквартирному дому, я поставил мотоцикл на подножку и глянул, где там стрелок. Амулет сканера уже показал, что диверсант залез в развалины, там груды битых кирпичей, но проделан проход, с укрытием. Там лежанка, запас пищи и воды, параша. Он завалил вход и шито-крыто, в убежище скрылся. Сам я его доставать не стал, как подошли солдаты, указал, где он спрятался, вот и начались переговоры о сдаче. Ни фиги не сдался. Застрелился. Вот блин. Надо было дожидаться ночи, вернуться сюда, усыпить лекарским амулетом и достать. Сам бы и допросил. Тьфу.

О смерти стрелка я узнал в штабе. К тому моменту уже доложил начальнику штаба фронта о происшествии, Михайлова не было, тот с частью офицеров штаба еще утром отбыл в Польшу. И то, что целью был я, уже знали. Сдал форму в стирку, надев подменку, награды перевесил. У меня их прибавилось, Михайлов на этот счет не жмот. Уже получил орден Отечественной войны второй степени и орден

Боевого Красного Знамени. Это за две удачные операции. Еще к ордену Отечественной войны первой степени представлен, это за котел, и его ликвидацию. Но пока получить не успел. Нападение было, это да, но работу никто не отменял, так что я покатыл на аэродром, самолет, что за мной закрепили, уже ждал. Это был двухместный истребитель «ЯК-7УТИ». Немало я на нем уже налетал. Да с первых дней, как на фронт попал. Причем скорость его не мешала вести разведку. Я больше времени тратил, чтобы нанести информацию на карту, чем на облет. Планшета же с записью снятых кадров нет, все в режиме онлайн. Впрочем, тут я на связи со штабом охраны тыла, озвучивал, что видел, где, сколько и куда идут, леса мне не мешали, там принимали информацию и направляли ближайшие силы на перехват. Также, если видел брошенную технику, тяжелое вооружение, тоже сообщал. Работа шла.

Я было успокоился, хотя мне количество охраны вдвое подняли и три бронетранспортера выдали, но, когда за две недели окончательно тылы зачистили, я полетал для контроля, больше подозрительных скоплений вооруженных людей не видел, даже мелких групп, и перебрался на фронт, там-то противник и ударил. Я так думал.

Для начала стоит сказать, что у меня было два самолета, двухместных. Я же постоянно в воздухе был, вестибулярный аппарат прокачал на уровне летчиков-асов, ресурс мотора и самого самолета просто летели. Да еще днем летал, у себя в тылу – ладно, там истребителей противника не встретишь, если только зенитные средства, и пару раз мы с летчиком попадали под обстрелы, были повреждения, но до аэродрома дотягивали. Летали на километровой высоте, достать могли. Второй самолет в это время в ремонте находился. Пока на одном летаю, другой ремонтируют и обслуживают. Иногда мотор меняют. Это позволяло вести постоянную разведку с неба. К слову, самолеты однотипные, считай учебные, и управление дублировано. Да, летчики неплохо натренировали меня летать на таких истребителях. Однако днем летать, это именно для глубокого тыла, вот на передовой, только и только ночью. Приказ Михайлова. Поэтому, когда моя пара истребителей получила приказ на перебазирование, и мы поднялись в воздух, техники и механики чуть позже будут, а потом сели где приказали, на полевом аэродроме нового истребительного полка, я к своему удивлению, и даже возмущению, получил прямой

приказ от комполка немедленно подняться и лететь на разведку. Там в окружение целая наша дивизия попала. Немцы неожиданно контратаковали крупными силами. Для начала мне показалось странным, что аэродром полевой, вблизи передовой, тогда как всегда моя пара базируется на аэродроме у штаба фронта. Это позволяет быстро информации доходить до кого нужно. И вторая странность: самолеты не убрали в капониры, я видел пустые ест, а сразу стали заправлять. Меня же и летчика машины, на которой я прибыл, старшего лейтенанта Лоскутова, вызвали в штаб полка и стали ставить задачу.

– Товарищ подполковник, – обратился к комполка Лоскутов. – Мы ночная разведка, подготовлены к ночным полетам.

Еще бы старлей не возмущался. Тот с напарником лично подписывался под приказом Михайлова, запрещающим полеты в дневное время над передовой. Только под его личное одобрение, которого тут и рядом не стояло, а под трибунал Лоскутову не хотелось категорически. Да и подготовка у того довольно редкая и специфичная, с ночными полетами.

– Старлей прав, без приказа комфронта Михайлова мы не имеем права днем проводить проверку.

– Бред не говорите, – разозлился подполковник. – Вас мне прислали по запросу в штаб нашей Воздушной армии.

Мы с Лоскутовым переглянулись и так же посмотрели на подполковника.

– А мы тут причем? – спросил я, летчик мне делегировал переговоры, тот званием не вышел. – Наша пара вообще-то за отдельной разведывательной эскадрильей числится. В штат вашей армии не входит, прямое подчинение штабу фронта.

– Вы что, майор, не знаете, что такое приказ старшего по званию?

– Прекрасно знаем. Вы кто вообще?

– Я командир истребительного авиаполка, подполковник Шарапов.

– Так вот, товарищ подполковник, тут вы никто и звать вас никак. Чихать я хотел на ваши приказы. Вы это поняли?

Тот несколько секунд смотрел на меня, но не взорвался, а повернулся к начальнику штаба полка и велел ему:

– Свяжись со штабом армии. Что-то больно борзые они. Как бы действительно чего не вышло.

Связались. Не со штабом фронта, а со штабом Воздушной армии. Вот только проблема, пока я помогал с чисткой тылов, нашу старую армию вывели в тыл на пополнение и комплектование, а передали новую. Там нас не знали. Поэтому приказ повторили в матерном виде.

– Я прошу дать связь со штабом фронта.

– О, уже просит? – хмыкнул комполка. – Обойдетесь. Готовьтесь к разведывательному вылету.

– Без приказа комфронта Михайлова не могу. Я уже дважды через трибуналы проходил, третьего мне не надо. Вы можете написать приказ в письменной форме, чем возьмете всю кару карающих органов на себя, сняв с нас ответственность.

– Обойдетесь без приказа, – рявкнул тот, видимо чуйка на неприятности у комполка все же была, и подписывать подобное тот явно не хотел.

– Не будет приказа. Не будет вылета, – пожал я плечами.

– Арестовать, – рявкнул тот.

– Ну трибунал так трибунал, – снова пожал я плечами, не акцентируя на том, кому он грозит.

Вот так сдал ремень с кобурой бойцам охраны аэродрома, документы тоже забрали и отвели на офицерскую гауптвахту. Та неожиданно тут была. Лоскутову я посоветовал поступить так же. Второй летчик, лейтенант Павлов, у самолетов был, следил за заправкой. Я же устроился в полуземлянке и с помощью «Глаза» наблюдал за тем, что дальше будет. Додавил комполка обоих летунов, в качестве летнабов посадил своих офицеров, и обе машины поднялись в небо. Странно, у него что, среди своих летчиков нет, подготовленных разведчиков? Подозрительно все это. Дождаться возвращения разведчиков я не стал, судя по тому, как те взлетали отдельно, у каждого свое задание было. В общем, уснул. Привычная бессонная ночь, еще этот перелет, когда отдыхать должен. Отдохнуть мне надо. Вот и отдыхал.

Проснулся, когда целая толпа офицеров ко мне ввалилась. Некоторые знакомые, из моей наземной охраны. Значит, уже перебазировали. Потягиваясь, я сел на нарах и спросил:

– Сколько времени?

Оказалось, семь вечера. В общем, меня взяли под белы ручки, вернули оружие и документы, посадили в машину и повезли сразу в штаб фронта. Там жилую комнату выделили в частном доме, штаб стоял в небольшом польском городке. И только утром я узнал все новости. Штаб Воздушной армии действовал через голову штаба фронта. Да, им был передан приказ даже не дышать в сторону моей пары истребителей. Нашли этот приказ в стопке принятых сообщений. Даже не вскрытый. Арестовано командование полка, похоже до штрафбата их доведут. Арестован начальник секретной части Воздушной армии, это его обязанность довести приказ до кого следует. Генерал-майор, что продавил использование моей пары своей властью и чином, потерял погоны. Из генерал-майора стал просто майором. Получил пинка под зад в управление ВВС, с припиской «превышение должностных полномочий». Михайлов был в ярости, только карал, не миловал. Я тоже был зол. Немцы как с цепи сорвались. В общем, Лоскутов и Павлов из боевого вылета не вернулись, и прикрытие из двух пар истребителей не помогло. Их тоже в землю вогнали. Немцы отлично знали, что это за машины, и за их уничтожение летчикам люфтваффе серьезные блага полагались. А как опознали их, да еще в тылу у себя, подняли что смогли. Наши узнали о таком нетипичном использовании истребителей-разведчиков именно из воплей немцев в радиоэфире. Радостных воплей. Быстро провели расследование и получили не ту информацию, на которую надеялись. Немцы праздновали не зря, никакой ошибки не было. Михайлов за сердце схватился, думал, я там сгинул, но меня нашли на гауптвахте. В общем, он был в такой ярости. Погоны летели со свистом. В общем, пострадали почти два десятка человек. Тех, кого я ранее описал, уже серьезно получили свое.

Самое отвратительное в этой ситуации – потеря опытных летчиков, имеющих большой опыт ночных полетов, и самих самолетов. Редкого, надо сказать, типа. Их немного выпустили. На фронте мало осталось, большинство в авиашколах. Эти-то два наши интенданты с большим трудом достали. Есть пока ПО-2, но это слабая замена, что штаб фронта прочувствовал сразу, я уже начал работать. Не сравнить легкие бипланы-тихоходы и истребители с хорошей скоростью. Пока информация доходила до штаба фронта, она успевала устаревать, события-то на передовой быстро менялись. Наши

снабженцы с ног сбились, искали замену, но большая часть самолетов были потеряны ранее, и они не выпускались. Я всего две ночи на ПО-2 полетал, пока меня не пересадили на Пе-2, пикирующий бомбардировщик с опытным экипажем, у которого большой налет в ночное время суток. Вместо штурмана сидел. А удобно, тут даже складной столик сделали, чтобы наносил метки на карту. И дальность больше. Хотя скорость и подкачала, чуть меньше, но мне так даже лучше, успевал карту разрисовать. Так что сообщил своим, что меня устраивает этот самолет, снабженцы вздохнули свободнее. Они нашли латаный-перелатаный «Як» и договаривались его получить по бартеру, а тут свернули переговоры. Уже не надо.

Немцы, понятно, каждую ночь, как мы летали над передовой, пытались нас перехватить. И зенитками засады устраивали, и истребителями-ночниками, целая эскадрилья действовала, а я наводил наших ночников на них, но удавалось уйти. Тем более я предложил, а чего пустыми лететь? Лучше с бомбовой нагрузкой уходить в вылет. Скинули на сладкую цель бомбы, и можно разведку вести. Идея понравилась. Меня сначала штурман учил бомбометанию в теории, а потом я уже практику получал. Между прочим, с каждым разом все лучше и лучше получалось, пока не стал наводить точно на цель. Нашими целями были в основном артиллерийские батареи, склады боепитания и штабы. Два самолета мы потеряли. Нет, их не сбили, просто настолько побитыми возвращались, что их на запчасти пускали, и новые «пешки» выдавали. Именно что новые, прямо с завода, и числились те за разведывательной эскадрилей. А экипаж как заговоренный. Ну я-то понятно, но у командира борта и стрелка тоже ни царапинки. К слову, сам я в третьем разведывательном отделении штаба фронта числюсь, заместитель командира отделения. Это информационное подразделение.

Сентябрь так и пролетел, октябрь пошел. Наш фронт уже стоял на берегу Одера, несмотря на отчаянное сопротивление немцев, дошли, уже брали город Штеттин, ту его часть, что на нашей стороне. Вообще на севере мы сильно опаздывали по сравнению с фронтами, что южнее наступали, но к сентябрю выровнялись. До Берлина остались считанные километры. Около сотни. Румыния вышла из войны, и финны на днях тоже. Причем без потерь, сразу став нашими

союзниками. Бесит. Все же в Кремле сидят политические проститутки. Тьфу на них.

Какие еще новости? Михайлов получил маршала и вторую Золотую Звезду Героя. Было за что. В остальном воюем, и я мечтаю дожить благополучно до конца войны, что было бы неплохо. Анна все же ответила на мои письма. Да, я был прав. Она писала, но письма не доходили. Да и не возвращались, с отпиской, что адресат не найден, и та думала, что я просто не хотел отвечать. Она подтвердила, что сына забрала, впрочем, это мне еще на Лубянке сообщили. Эти все знают. Живет в Москве, работает в военном госпитале. С мужем разбежались. А тот в нее стрелял, пьяным был, заревновал. Такое даже с терпением и всепрощением Анны простить сложно. Оборвала все с ним контакты, и недавно бракоразводный процесс завершился.

Также я получил еще две награды. Меня нагнал орден Отечественной войны первой степени и новый, это был орден Суворова третьей степени. Я уже стал полным кавалером орденов Отечественной войны, хочу стать и полным кавалером орденов Суворова. Михайлову намек дал. До конца войны не так и долго, надеюсь, успею заработать, благо летаем каждую ночь, редко непогода мешает. Еще меня в середине сентября нашел подполковник. Тот, из отдела кадров, что на меня орал. Полковник из разведотделения Второго Украинского фронта пропал с концами, как и его командир, генерал, у которого рука отнялась. Причина моих поисков та же, убрать проблему, что я на него навесил. Ссыкун. У него командировка на несколько дней, главное понимающий, узнал про драгоценные камни, привез двадцать штук. Крупные изумруды, не обработанные где-то нашел, так что убрал проблему, что я, не человек? Не жалко его, понятно, за дело получил, но тот заплатил, и я провел лечение. Все честно. Так что уехал обратно тот довольный. Жаль, камни есть, а обработать все некогда.

Самое главное, первого октября, когда началась десантная операция, мы пытались занять плацдарм на той стороне Одера... И меня похитили. Нагло, красиво, да просто великолепно. Я в восхищении.

Очнулся я от привычного гудения моторов. Только шум не «пешки», к которой привык, кажется, это «Юнкерс-52», у него такой

знакомый надрывный гул, не спутаешь.

А что я последнее помню? Так, авария на переправе, встречный мощный американский грузовик, сталкивая машины, врезался в нас, мой внедорожник лег на бок, и мы полетели в воду, под начавшуюся перестрелку. Тут меня крепко и больно схватили за ногу, резко дернув вниз, укол в бедро, и сознание почти сразу уплыло. Мы в шестидесяти километрах от передовой были, у штаба фронта, рядом один из притоков Одера. Красиво все проведено было, я в восхищении. Причем стоит отметить, что к ноябрю на меня еще три покушения состоялось. Тот случай со стрелком на водонапорной башне не считаю. Хотя этот случай позволил усилить мне охрану, даже прибыли сотрудники из Москвы, по просьбе Михайлова, и их усилили ротой НКВД. То есть меня охраняли порядка трех сотен солдат и офицеров и пять единиц бронетехники. Это на земле, а вот в воздухе все на свой страх и риск. Да и ничего сделать те не могли. Однако и с такими силами перехватил несколько групп ликвидаторов, и все же допустили попытки выполнения в трех случаях.

В первый раз были два пулеметчика с МГ-42. В результате восемь убитых из охраны, меня амулет спас. Потом четыре снайпера с разных точек работали. Чудом выжил. И наконец, третий случай, минеры-подрывники работали, заминировали дорогу, по которой мы ехали. Изувеченный бронетранспортер, в котором меня везли, отлетел в сторону, кувыряясь, из него я один живым выбрался, даже не контузило, что многих поразило. Меня уже откровенно стали считать заговоренным. Только погибших тогда было двадцать два. Так что меры охраны драконовские были приняты, я по сути заложник – туда не ходи, сюда не ходи. Понимаю, что нужно, просто удивляет, что с таким-то контролем – и вот удалось похищение. Не убийство, что все же легче провести, а именно похищение. И оно удалось. Похоже, боевые пловцы работали. Любопытно, как сделали, что я не захлебнулся, когда сознание потерял? Меня же так и тянули ко дну, удерживая. Это было последним, что я запомнил.

Кстати, посмотрим, кто тут еще кроме меня? Вот так я чуть приподнял веки и через щелочки глаз стал изучать салон самолета. А вот тут я серьезно испугался. Не ощутил на себе двух амулетов, защиты и «Глаза». Видимо, приняли за украшения и сняли. Где я их теперь искать буду? Ничего, найду. Тут просто деваться некуда.

Хорошо, что документы и награды не потерял, они на парадной форме, а та в хранилище, сам я обычно ходил в летном комбинезоне без погон. Да и не нужно мне это ничего, с такой охраной доступ к моему телу проходил по особому разрешению. Черт, да командир моей охраны в звании подполковника был. Похоже, это не диверсанты. В салоне сидело четверо солдат СС, в серой полевой форме, вооруженные МП-44, они конкретно охраняли меня. Также сидят несколько офицеров. Всего девять человек, я десятый, лежу на полу связанный. Руки связаны спереди, у локтя тоже, тело затекло, я руки и ноги по сути не чувствую. В общем, та еще ситуация, и стрелять направо и налево нельзя. Тут видимо заметили, что я очнулся. Скорее всего по движениям глазных яблок. Раздался гортанный окрик предупреждения, и один из офицеров подошел и сделал мне укол. Похоже, перевозить меня в сознании сильно опасались.

Это снотворное, я почувствовал, как проваливаюсь в сон, но не в этот раз. Я чуть отжал пальцы от веревок, отчего небольшое свободное пространство появилось, и вызвал амулет-диагност, успел провести диагностику. Была остаточная гадость в крови, так что сменил диагност на лекарский амулет и почистил печень и почки, перед тем как новый укол сделали. В общем, эта гадость действовала быстрее, чем я лекарским амулетом работал. Правда и очнулся я вскоре, самолет явно шел на посадку. То есть амулет, пока я без сознания был, продолжил выполнять последний приказ – чистить внутренние органы и кровь, убрав снотворное. Немцы же, будучи уверенными, что я долго просплю, особо не стеснялись. Лежал я на носилках, когда самолет сел, вынесли на них, убрав в крытый кузов грузовика, куда забрались и эти четыре солдата.

Лекарский амулет я уже убрал, тот свою работу сделал, и старательно изображая, что все еще без сознания, также под пальцы вызвал амулет-сканер, еще в самолете это сделал и просканировал. Нет, амулетов защиты и «Глаза» так и не нашел, не было их при мне и в самолете. Скорее всего те, кто меня брал и прибрали их к рукам. Прилипли к их жадным ручонкам, придется искать. А кто меня взял, да и где они сейчас, думаю, узнаю у офицеров, что меня везли. Это те языки, что мне нужны. Пока же меня везли, я работал диагностом и занимался лечением тех проблем, что нашел, – тут помимо последствий долгого сна, трое, а то и четверо суток, еще и синяков

хватало, и в легких вода. Ну ее выкашляю чуть позже, синяки и травмы убирал. Главное кровь разогнал, чтобы тело не таким затекшим было. Заколело тут и там, но это даже хорошо.

Судя по эху снаружи, катили мы по улочкам, да и поворачивали часто. Где-то около часа в пути были, но вот остановились. Двигатель смолк, меня сразу вынесли и куда-то потащили. Что за город – не знаю, но где бы ни был, все равно утеку. Хотя это как раз не самое важное. Мне языки нужны, узнать, где мои амулеты. А так снаружи вечер, слышал сирену воздушной тревоги, звуки далекой бомбежки, не Берлин ли это, но меня внесли в помещение и после недолго движения подняли на второй этаж, лестница точно была, и в палату внесли. Я уже достал амулет-сканер, и тот показал. Одиночная палата с решетками. Два солдата в палате, на стульях у двери сидят, и двое в коридоре, тоже у двери. Хм, еще двое внизу у окна. Это не те, что меня сопровождали во время перевозки, другие. Как те интересно меня охраняли. Ну или от меня.

Через полчаса после доставки в палату с двумя офицерами зашел врач. Что привлекло мое внимание, один из офицеров нес ручные и ножные кандалы. Ясно. А то я думал, что так и буду спутан веревками. Видимо при враче меня решил развязать и приковать к койке. А вот это плохо, тот сразу поймет, что я симулирую. Я не настолько профи, чтобы еще врача обмануть. Поэтому убрал амулет-сканер, и на его месте появился боевой артефакт, который я сразу использовал, пометив тех, кого нужно уничтожить. Это врача, обоих солдат в палате, что вскочили со стульев и ели начальство глазами, и тех двух солдат в коридоре. Дверь открыта, их видно. Одновременный удар и пять голов покатились, а тела, некоторые с шумом, повалились на пол. Веревки тут же исчезли, у меня полторы тонны свободного в хранилище, есть куда убирать. Потом объясню, как смог освободить столько места. Пока же резко сел и наставил на офицеров пистолет «Вальтер», у него набалдашник глушителя накручен был. Те замерли шокированные. Помните, я банду побил в лесу? Еще в бункере освободил наших врачей. Вот у этой банды собрал немало трофеев. Было и три единицы относительно бесшумного оружия. Наша СВТ с глушителем и два таких «Вальтера». А пока немцы не осознали все и не пришли в себя, злым шипящим голосом задал первый вопрос:

– Где мой комбинезон и украшения с него? Говорим быстро.

Те молчали, поэтому я выстрелил каждому в левую ногу, для стимуляции памяти. Те, кто с криком, кто со стоном схватившись за поверженные места, повалились на деревянный пол. Видимо крик привлек ненужное мне внимание, кто-то заглянул, и увидел обезглавленные тела солдат в коридоре, и сразу раздался женский визг. Времени у меня мало, вот и поторопился с допросом, пристрелив одного офицера. Тот почти вытащил из кобуры пистолет «маузер», чем-то тот на пистолет Макарова похож, я забрал, но смог получить что хотел. В коридор стал гранаты кидать время от времени, там шум множества сапог слышно было, команды, солдаты прибывали. Это дало мне время. Но впустую его потратил. Ничего про амулеты те не знали, хотя лично принимали мое тело у диверсантов. Наверное, мне стоит возгордиться, ведь меня брал сам Отто Скорцени, главный диверсант Гитлера, со своими солдатами. Самое главное, я узнал где база их и куда они после выполнения операции отправились. Там буду искать свои амулеты. Мне без них просто край, лучше даже не возвращаться. Амулет защиты ладно, его со скрипом готов потерять, но не «Глаза», без него мне хана. Пока шел допрос, я натянул гражданскую одежду и надел амулет защиты, точно такой же, запасной мой, второго уровня. И да, я в Берлине. Почти в центре города, в тюремной больнице, ею Гестапо заведует. Гитлер тут, в городе, а он лично на меня посмотреть хотел. Сам Берлин в руинах, и это не наша работа, союзничков. Тут они тоже Дрезден и Мюнхен в пыль бомбардировками стерли. Да и Второй фронт поторопились открыть, раньше это сделали, видя, какими темпами мы наступаем. При слабой подготовке двадцатого мая они высадились в Нормандии, сейчас на полпути к Парижу. Немцы там серьезно сопротивляются, обороняются.

Главное узнал, можно начинать поиски. Вот так одевшись, снова кинул пару ручных гранат и следом противотанковую, и пошел на штурм после разрывов, закидывая по пути в открытые двери палат ручные гранаты. Я с солдат автоматы снял и боеприпасы, пистолеты с офицеров, зарядил и приготовил к бою. Мне тут каждый ствол под рукой нужен будет. По сути, я зачистил второй этаж, порядка полусотни трупов, и только половина солдатские. Остальные медики и пациенты. А с учетом, что это тюремная больница... Да, пофиг, главное выжить. А ушел так: убрал с другой стороны здания решетку в

хранилище и спрыгнул на брусчатку со второго этажа, тут солдат не было, повезло. Хромая, ноги отбил, убежал в улочки. Уже темнело, скрылся. Дважды накопитель у амулета-защиты сменил, в ноль опустошены были, но к счастью обошлось.

Забравшись в какие-то горелые развалины, я проверил себя диагностом и удивился, лодыжка сломана, и я с таким переломом полкилометра умудрился отмахать от тюрьмы. За полчаса, потратив накопитель, убрал перелом. Уже стемнело, по городу явно работали поисковые группы, но затемнение играло мне на руку, вот так и двинулся к окраинам города. Нужно как можно быстрее покинуть Берлин и добраться до базы диверсантов во Франции, где те сейчас, я очень на это надеюсь, находятся. Вообще Скорцени действовал против союзников, но тут его дернули именно меня пленить. Во второй раз. Первая проба закончилась провально. Я вот не знал, что еще в сорок третьем против меня операция готовилась, но я там сам под трибунал угодил, – это мне язык сообщил.

Как бы то ни было, но я потратил всю ночь и только под самое утро оставил окраины Берлина позади, спешно удаляясь на велосипеде прочь. Сложно было, очень трудно уйти, но я смог. Именно что ночь помогла. Да уж, как непривычно-то без амулета «Глаза» – просто не передать. Иначе я бы давно город покинул. Амулет-сканер помогал, и хорошо, но у него дальность всего сто метров. Он тоже немало мне помог выйти из города, показывая засады. Добравшись до берега реки, я отметил, что все рощи и опушки лесов заняты, какие-то части стояли, в основном зенитные и инженерные, а тут густой кустарник, можно передневать. Поел, обтерся влажным полотенцем, и спать, в зимнем спальнике. Холодно. Шкура медвежья вниз, тент сверху, а то что-то тучи низкие, как бы дождем не разродились, и вот уснул.

Взяв амулет «Глаза», я покачал его в руке, зло сплюнув. Две недели, как проклятый, я его искал. Больше двух тысяч немцев и итальянцев на тот свет спровадил, всех людей Скорцени тоже. А итальянцы участвовали в операции как боевые пловцы. И что? Амулет защиты нашел у одного из участников операции по моему захвату. Тот прибрал к рукам как трофей. А сколько я допросов провел, сколько поисков, но амулета второго нет и нет. И только два дня назад догадался проверить место захвата. А все оказалось просто, мокрый летный комбинезон с меня сняли и бросили на месте. Вот в нем и остался амулет незамеченным.

– Тьфу, – снова сплюнул я. – Столько сил потратил. Зла не хватает.

Вообще я на месте бывшей перерывы сначала на дне поискал, почти на километр ниже спустился. Мусору много, включая ценного, но нет амулета. Диверсанты сунули мое тело в гондолу, накачав ее воздухом, и спускались вниз по течению, километров на пятнадцать, где их ждали. Там меня раздели и, переждав две ночи, поскольку не могли принять самолет, все же вывезли воздухом. Только когда из гондолы доставали, раздели и бросили мой комбез. В нем я и нашел что нужно. Ну вот как так? С другой стороны, радуется. Не потерял, при мне.

Да, плюсов немало с этим похищением. Я добыл вожаемую мной спортивную «Альфа-Ромео 8С», двухместную, красно-белую, в комплектации кабриолета. Машина сорокового года выпуска, а пробег всего пять тысяч. Вес с полным баком тысяча триста килограммов. Стояла в гараже поместья одного из итальянских офицеров, что служил в команде боевых пловцов. Также ночами вскрывал ювелирные магазины и похищал некоторое количество драгоценных камней. Жаль, там было мало запасов. Война, не держали ничего серьезного, чтобы не отобрали или вот так не ограбили. Хотя сотни три камней было мной добыто. Большая часть не обработаны. Да, помнится, я говорил, что у меня полторы тонны свободны в хранилище. А я запас продовольствия продавал полякам. Точнее обменивал на драгоценные камни. Также неплохое количество набрал.

Дождусь окончания войны, найду ювелира, может двух, и будут мне обрабатывать их как надо, шлифовать до круглого состояния. А так, еще немного посидел, сбросил с себя негатив, а то вспышка злости была, и направился к переправе, где похищение мое состоялось. Ее уже не было, отремонтировали мост, и по нему активное движение шло. Пока темно было, я вернулся на занятую немцами территорию, там по радиации вышел на радиороту штаба моего фронта, сообщив, что сбежал: мол, угнал самолет, следующей ночью вернусь. Там действительно светало, так что отъехал на мотовелосипеде, устроил место для дневки и вскоре уснул. Все, я успокоился. Успокоился, я сказал!.. Блин, две недели псу под хвост.

Местоположение фронта уже сменилось, но я нашел и сел на угнанном «шторьхе» на новый аэродром разведывательной эскадрильи. Там, понятное дело, меня взяли под белы ручки, как покинул салон самолета. Сразу на транспортный самолет и в Москву. Одно смог узнать. Михайлова не было, а фронт другой командующий принял. Маршала еще неделю назад в Москву отозвали за новым назначением. Так тасовать командиров у нас любили, редко кто больше года на одном месте просидел. Еще Сталин был за здоровую конкуренцию между командующими фронтами и подсуживал их специально.

Я как был в форме солдата вермахта, так меня в Москву и привезли, сопроводили по коридорам Лубянки, на что многие офицеры оборачивались вслед. Завели в кабинет следователя, не знаю его, немолодой майор с сединой на висках. Хотя вроде тот был на фотокарточках сотрудников управления, что я в свое время просматривал. К слову, результаты до меня не доводили. Да я бы удивлен был, если бы до этого дошло, не в их правилах такое. Тот представился, фамилия Васильев, завел лист протокола допроса и как писарь начал работу, попросив устно описать, что со мной произошло.

– Устно? – потер я шею. Форма была тяжелая, жарко в ней, вот и расстегнул пуговицы, и сказал: – Началось все с переправы. Грузовик, снося все на своем пути, несся на нас и столкнул в воду. Я выпал из машины, последнее, что помню, как меня схватили за ногу и тянули на дно, а потом укол в бедро. Еще вроде маску на лицо надевали. Там сознание потерял. Очнулся в больнице. Тюремной, судя по решеткам.

Состояние плохое было, явно долго под лекарствами находился. Во время осмотра убил врача и солдат охраны да сбежал. Покинул Берлин, угнал самолет и вот добрался до наших. Это если кратко.

– Кратко, – согласился майор и, чиркнув раз пять спичкой, все же прикурил папиросу. – Только вот не сходится с тем, что немцы сообщили. Переговорщик от них был. Очень просили забрать тебя от них. Мы тогда и узнали, что ты жив, до этого думали, что погиб во время покушения на переправе. Тело только не нашли. Вот только немцы сообщили, что ты сбежал сразу, как привезли в больницу Гестапо, убив изрядно людей. И где ты был эти две недели?

– Вот блин. Не немцы, а...

– И все же?

– У меня в комбинезоне был мешочек с драгоценными камнями, полсотни брильянтов. Я был уверен, что он у немцев, к чьим-то рукам прилип как трофеи. Искал.

– И для этого тысячу солдат и офицеров перебил, многих после пыток?

– Че это тысячу? Две, помнится. Один раз ночью огнеметом в казарме больше трехсот заживо сжег. Там же на базе и Скорцени погиб.

– И что, нашел? Уверен, что нашел, раз вернулся. Где были-то? У кого?

– Да эти... – экспрессивно начал я. – Эти дебилы комбез мой стянули и не осмотрели даже карманы. Где бросили на берегу реки, как меня раздели, там и нашел.

Майор захохотал. Я мрачно смотрел на него, потом отвернулся.

– Представляю лица тех, кого ты допрашивал, и как злился на их непонимание, – майор еще больше захохотал, увидев, как я надул губы. – Да, забавно. Значит, ты незаметно перелетел на нашу территорию, нашел камешки, вернулся на их территорию, а дальше уже вышел на штаб фронта и официально прилетел на угнанном самолете. Так проще, чем объяснять, как на свою территорию вернулся.

Я лишь молча кивнул. Чертовы немцы, все слили. Явно подставить меня хотели. Ну вот как тут против них воевать, если все секреты выбалтывают?

– Значит, камни у тебя. Придется сдать.

Я молча показал майору кулак левой руки и стал справа от него правой рукой крутить, как будто ручку шарманки, и кулак медленно трансформировался в кукиш. Я в шоке посмотрел на него и, приложив правую руку к груди, сказал с искренностью в голосе:

– Товарищ майор, клянусь, я не знал, как эта штука работает.

– Не отдашь, значит?

– Нет у меня ничего.

– Конечно же нет, тебя всего обыскали, каждый шов прощупали.

Чуть позже к нашему врачу сопроводят, на промывание, он в этом ас, большой опыт, думаю, в желудке носишь.

– Кроме богатого внутреннего мира у меня там ничего нет.

– Ладно, теперь давай уже нормально составлять рапорт.

Пять часов убили, но все легло на бумагу. На промывание меня все-таки не водили. Решили не рисковать. А просто вызвали майора в кабинет непосредственного начальника его отдела, меня в столовой в это время кормили, перерыв был, и я подслушал через форточку с помощью «Глаза». Так вот, там сам Берия был, тот велел вопрос с брильянтами закрыть. Мол, если я за них две тысячи немцев уничтожил, причем очень непростых подразделений, элитных, то, что я своим за это сделаю, даже думать не хочется. Кстати, правильное решение, наконец-то благоразумие проявили. Так что к теме брильянтов мы больше не возвращались. А так закончили, и меня отвезли в одну из служебных гостиниц управления РККА. Никаких претензий ко мне не было, более того, еще и наградить обещали за разгром элитных подразделений Гитлера и Муссолини. Эти два кадра объявили меня личным врагом номер один. Ну Гитлер в третий раз, а вот Муссолини впервые. Тьфу на них. А так еще пока шли допросы, мне принесли форму майора. Новую, пусть и полевую. Хотели парадную, но я сообщил, что сохранил свою, со всеми наградами. Цена за парадку и полевую форму разная. Последняя куда дешевле. Так что, чтобы не ходил в форме солдата вермахта, мне и выдали форму, с сапогами, зимним нательным бельем, шинелью, шапкой-ушанкой. Холодно, минус десять где-то. Вот трофейная форма куда-то испарилась, не успел прибрать. Так что я в гостиницу ехал в офицерской форме. Кстати, свои документы, офицера. На них нанесли новые специальные метки, и мне выдали письменное разрешение находится в столице. Трехдневное. Надо будет отдел кадров

управления Красной Армии посетить. Меня же погибшим признали, из списков личного состава Первого Прибалтийского фронта исключили. Так-то уже восстановили в рядах Красной Армии, по запросу от НКВД, но назначение новое надо получить. Узнаю, куда Михайлова отправили, и я туда. Пока не знаю где он, на Лубянке не смог выяснить. Или врал, или действительно не знают, где он.

Приняв душ, я устроился в номере. Уже стемнело давно, на ужин опоздал, но меня бутербродами с рыбой покормили, с чаем, когда допросы шли. Обед в столовой не считаю. Так что познакомился с соседями, их в комнате на четыре койки двое было. Одна свободна. Оба майоры, как и я. Пообщались, выпили за знакомство, и я вскоре уснул. Дальше выпивать не стал, за знакомство можно, но я не любитель этого дела.

С утра посетил столовую, она на первом этаже этого же корпуса, а талоны мне дали на питание. Вот один проштамповал и поел. Гречка была с жареным куском трески, чай, так себе, слабенький, два куска хлеба, кусок сливочного масла и чуть подсохшей копченой колбасы. Это все. Вот так собравшись, уже переоделся в парадную форму, со всеми наградами, и направился в управление. А оно тут рядом, до перекрестка пройти, вверх по улице метров триста, и слева будет нужное здание. На улице шел мелкий дождь, что почти сразу замерзал на всех поверхностях куда попадал, и выходить под такое небо мне крайне не хотелось, а надо. Машину бы добыть, не свою использовать, а поймать попутку. Вчера мне это удалось. А вы думаете, это меня на машине с Лубянки везли? Ага, как же. Отпустили, уже хорошо, дальше сам добираться.

Вообще ситуация забавная. Пока делал свою работу на фронте, меня три сотни человек охраняли. А тут я никому не нужен. Охраны нет. С другой стороны, пока я отсутствовал, в общей сложности восемнадцать дней, это две недели – искал амулеты, но до этого меня четверо суток держали под снотворными, наши войска прорвали несколько немецких укреплений. Все, наши у Берлина, уже крайние дома заняли, началась битва за Берлин. Союзнички запаниковали и тоже рвались к Берлину, часть Германии они уже оккупировали. Это я все к тому, что моя ценность как редкого военного специалиста падала с каждым днем приближения Победы.

Выглянув на улицу, я поморщился, но накинул поверх шинели моряцкий непромокаемый плащ, большой капюшон на шапку, и, уверенно покинув гостиницу, направился к углу здания, что стояло на перекрестке улиц. Куда идти – мне вахтер объяснил. Пока шел, размышлял. Может, Анну посетить? Она тут служит. Да, насчет женской ласки, да и сына повидать. Два в одном. Или какую-нибудь местную девушку поискать? Вообще, насчет женского пола – проблемы уже в край. Мне просто не давали все это время, с такой охраной, пообщаться с прекрасным полом и сговориться. Когда у немцев в тылу был, так там вообще не до этого, а женщину уж очень хочется. Я не монах, даже близко не стоял. Нет, поиграть в монаха я могу, настоятелем женского монастыря, или еще в какие ролевые игры, но это когда есть партнерша. А лучше не одна. Поэтому я шел, стреляя глазами в разные стороны. Не мой день, непогода разогнала всех по укрытиям. Обидно. Редкие машины проскальзывали, да совсем редкие прохожие. Переполненный трамвай мелькнул, звеня звонком. Сапоги у меня хорошие, хотя пару раз чуть не свалился, ноги разъезжались на мокром льду, все вокруг покрывалось ледяной коркой, ветки деревьев склонялись все ниже и ниже, но ничего, дошел до нужного здания и, осторожно ступая по мокрым ступенькам, открыл тяжелую пружинившую дверь и прошел внутрь. Сначала в гардероб, потом к дежурному. Дежурный, изучив мои документы, внес в журнал учета и сообщил куда идти. Я тут не в первый раз. Знакомый кабинет. Интересно, подполковник-ссыкун там же сидит?

Оказалось, нет, тут другой офицер был, хотя тоже подполковник. Сам заниматься мной не стал, передал подчиненному в звании капитана, тот меня и оформил. Первый Дальневосточный фронт. Удивили. Карельский фронт расформировали, как финны из войны вышли, и вот некоторые части и в основном командный состав направили на Дальний Восток. Я знаю зачем. Японцев бить. Да мне пофиг, спокойно там дождусь конца войны, там пока тихо, и в запас. С японцами воевать я не собирался. Недолго ждать осталось, так что, как все оформили, получил документы, до места службы пятнадцать суток давали на дорогу, где штаб фронта находится, узнаю на месте. Меня направляли все так же по линии разведки. Причина, почему я не возражал, в том, что умел задавать нужные вопросы и получил тут в управлении ответы на них. Конев снова на коне, новый фронт принял,

участвует в охвате Берлина. Первый Дальневосточный фронт другой командующий принял, генерал-полковник Фролов. Он и до этого им командовал, заболел, и Конев подменил, пока лечился. Михайлов тут, в Москве, место Шапошникова занял, начальника Генштаба, что по болезни ушел с должности. Так что мне действительно пофиг где служить то время, пока война не закончится. Тем более снасти есть, действительно порыбачить хочу. Там, говорят, отличная рыбалка. Сделаю запас красной рыбы, особенно семгу уважаю.

Подойдя к стойке, протянул номерок, забрал протянутую шинель и вопросительно посмотрел на гардеробщика.

– Вы что-то еще хотели?

– Плащ мой где? Немецкий, непромокаемый.

– Ах, этот... Его товарищ генерал забрал, ливень вон какой снаружи. Он сказал...

Это последнее, что произнес гардеробщик. Удар в нос, а потом, когда слитным движением я перепрыгнул через прилавок, или как эта штука называется, еще мощный пинок в голову, который окончательно заставил того замолчать. Да и вырубил серьезно. Я же придирчиво осмотрел, что висит на вешалках, нужно найти замену по качеству и цене лучше, чем потерял. А что, я генерала буду искать: верните, пожалуйста? Пусть плаща второго у меня такого нет, замену я тут найду. А отвечать гардеробщик будет, что раздает чужое как свое. Привлекло мое внимание отличное кожаное, явно дорогое пальто с меховым воротником. Вот его в хранилище и убрал. Покинул гардероб, тут доска поднималась, и направился к выходу. Сам гардеробщик не военный служащий, нанятый работник. Думаю, опознают меня легко, майор и со звездой Героя. Вряд ли тут много в этот день их шастало. Ну и что? Меня ограбили, я возмещал потерянное. А на улице я зонтик открыл, раз шинель не защищена, ушел подальше, где при отсутствии свидетелей достал «опель», быстро устроившись за рулем, мотор прогрет, в салоне тепло, у этой модели встроенная печка обогрева была. Мне кажется, машина чей-то заказ, и, стронувшись с места, я покатыл к выезду из города. Город не блокирован, поэтому свободно покинул его и направился к закрытой территории правительственных дач. Хочу пару дней на своей дачке пожить. Подтоплю, прогрею. Запаса дров там нет, а у меня в хранилище немного есть. А до штаба фронта доберусь на своем самолете. Оно так быстрее. Не хочу на

поезде трястись. Ни душа, ни удобств нормальных. Мне комфортнее именно самолетом. Тут главное, чтобы погода не помешала, а то опоздаю, и считай дезертир.

Остановившись на перекрестке, пропуская колонну грузовиков, я побарабанил пальцами в кожаных перчатках по рулю машины. Нет, не хорошо как-то, был в Москве и командира не навестил. Михайлов и обидиться может. Пару бутылок его любимого французского красного вина подарю, из трофеев. Поглядев на время, половина одиннадцатого, вздохнул и, с пробуксовкой стронувшись с места, – дождь продолжал лить, щетки машины работали, – развернувшись, покотил к Генштабу. Заехал в арку жилого дома рядом со зданием Генштаба, тут ближе всего идти. Покинув машину, тут сухо, накинул на шинель мотоциклетный плащ, он тоже непромокаемый, хотя с моряцким большая разница, и подготовил презент. Две бутылки бордо, сладкие консервы, сыры. В бумагу завернул и бечевкой перевязал. После этого убедившись, что свидетелей нет, убрал машину, пакет в вещевую сумку и направился ко входу в здание Генштаба. Стройная фигурка девушки в пальто, с цветами в руках, привлекла мое внимание, не я один на нее косился. Та уже мокрая, замерзала, но упорно кого-то ждала. Повезло кому-то. Я боковым зрением увидел, как падают цветы на асфальт, и вспышки выстрелов в районе груди девушки. Та палила в меня из небольшого пистолета. Узнал, «Коровина». Так вот кого она ждала? Главное не это, от ближайшей машины бежали двое офицеров в шинелях и фуражках, стреляя на ходу. Не в девушку, в меня. И они продавливали защиту, но не это главное, амулет-сканер дал сигнал. У девушки был магический амулет.

Понятно, что я не стоял как цель, поэтому ушел в перекат за одну из припаркованных машин. Большая часть пуль с визгом рикошетила от асфальта, но и в меня попадали. Я же достал «парабеллум» и палил по девушке и обоим нападающим из-под машины. Некоторые из офицеров, что в это время оказались у входа в здание, или прятались, или присоединялись к бою. Как и часть водителей, что ждали в машинах. Та, за которой я прятался, чуть затряслась от попаданий, посыпалось битое стекло. Однако как девушка, так и двое других нападающих были поражены, смертники. Быстро сменив накопитель в амулете защиты, я вскочил и подбежал к девушке, отпихнув выпавший пистолет. Делал вид, что проверяю ее, а сам прибрал в хранилище

амулет, что был в виде драгоценной броши. Не на пальто, под ним, на платье закреплен. Девушка мертва, ей полголовы снесло, берет упал на дорожное покрытие. А вот один из липовых офицеров еще жив был, шевелился и монотонно стонал. Народу сразу прибавилось, многие выбегали без шинелей. Я же встал и, следуя приказам держал руки выше головы, дав возможность обыскать себя, оружия не нашли, ремень пустой. Табельное пропало, когда похитили, новое еще не получил. Документы стали проверять, тут прибежал адъютант Михайлова, тот меня знал и велел отпустить, после чего повел в здание. Я проверил ношу. Удивительно, бутылки не побились. Сдал шинель, та особо не замаралась, плащ был сверху, шапку-ушанку тоже. Пообещал гардеробщику оторвать руки, если плащ или что другое пропадет, и с адъютантом поднялся на этаж выше. Оказывается, маршал выглянул на шум и опознал меня. Велел привести.

– Как услышал стрельбу под окнами, сразу про тебя подумал, – сказал он, когда я в его кабинет зашел.

– Почему про меня?

– А кто еще?

– Ну это не лишено логики, – хмыкнул я и передал пакет. – Презент с фронта.

– Ох, балуешь ты меня, – убирая бутылки в стол, сказал маршал. – Давай садись, рассказывай, как выжил. Я ведь действительно думал, что ты погиб. Очень порадовало твое сообщение, что сбежал. Мне сразу доложили, и как потом к нашим перелетел. Погоди, позову кое-кого.

Через селектор вызвал несколько человек. Сплошь генералы, даже один маршал был, вот так те сели и стали меня слушать. Описал то, что на Лубянке рассказывал. То есть правду. Ну кроме амулетов, заменив пропавшее имущество личным, крайне дорогим предметом, про брильянты не говорил. Нечего людей провоцировать. Так что слушали с немалым интересом. Оказалось, мои приключения во Франции в Италии, по версии немцев, уже разошлись. Как подрывал казармы, огнеметом работал, допросы офицеров и солдат вел. От непосредственных участников моего похищения. Ведь тогда на переправе среди наших погибло полтора десятка человек, некоторых я хорошо знал. Среди погибших нападавшими признали всего четверых.

Как закончил, пошли вопросы. Однако и тут удовлетворил интерес. Кто-то покинул кабинет, кто-то остался, а Михайлов спросил:

– Назначение уже получил?

– Так точно, вот, на Дальний Восток.

– Они обалдели там, что ли?! – возмутился маршал, изучая бумаги, что я подал. – Значит так, направление другое будет, куда, еще решу. Пожалуй, на фронт к Мерецкову, что-то медленно наступает в Австрии.

– Прощай, рыбалка, – вздохнул я.

С другой стороны, там в отставку выйти проще будет. На Дальнем Востоке не факт, что отпустят, зная, что скоро война с Японией будет.

– Обед, идем, поешь в нашей столовой, – сказал Михайлов, вставая.

– О, маршальский хавчик, – потер я ладони в предвкушении.

Мы направились по коридору вниз, там в отдельном крыле и была столовая. Пахло приятно. Мы уже поели, чай с булочками пили, когда от входа я расслышал окрик:

– Кто тут майор Одинцов?

Полуобернувшись, я рассмотрел полковника, тоже с общеармейскими эмблемами, как у меня, с рядом наград на груди. Тот держал на сгибе локтя знакомый мне плащ.

– Это я, – поднял я руку.

Он быстрым шагом подошел и, попросив у маршала разрешения обратиться ко мне, получив его, протянул плащ.

– Вот ваш, возвращаю. Верните мне мой, тот кожаный, черный. Воротник меховой.

Я же мысленно матерился. Мне плащ понравился, мой размер, поэтому разменом я был скорее доволен, чем нет. По стоимости и не сравнить, кожаный раз в пять дороже.

– Конечно, – легко согласился я, а куда деваться, все честно, вот он мой бывший плащ, придется вернуть замену. – Давайте мой плащ, я схожу в машину и принесу ваш. Попейте чайку пока, он тут замечательный.

Тот без вопросов и сомнений протянул мой плащ, я действительно покинул столовую, но не само здание, и вернулся в столовую уже теперь с чужим. Полковник забрал его с довольным видом и пояснил на мой грустный взгляд:

– Подарок. Дорог как память.

После этого ушел. А пока мы с маршалом возвращались в его кабинет, он сказал:

– Полковник Лопахин описал мне, что это все было. Жестко ты с гардеробщиком, хотя винить не могу, ты собственник, а тот этого не знал. Кстати, знаешь, что у него сломаны нос и челюсть?

– Да пофиг. Ему поручили следить за сохранностью вещей, пусть и следит.

– Он тебе хотел сказать, что генерал обещал вернуть плащ, адъютант привезет. Не успел, ты быстрее. Адъютант действительно привез. Минут через десять, как ты ушел.

– Плащ этот кожаный жалко. Понравился он мне. Взял взамен утраченного.

– Да. Нашли тебя быстро. Из-за перестрелки по сводкам прошло, что ты тут, вот Лопахин побыстрее и приехал, чтобы вернуть свое.

– Ушлый.

А меня ждали органы госбезопасности. Точнее сотрудник из этих органов. Они уже закончили с работой на улице, тела увезли, тот третий тоже умер, опросили очевидцев и участников, и вот до меня дело дошло. Я Михайлову пока не нужен, так что тот велел выделить отдельный кабинет, и там меня опросили. Около часа потратили. Зато узнал, что никаких похищений уже не будет, все, только оплата за голову. Десять миллионов рейсмарок за мое убийство, и Муссолини еще от себя пять добавил.

– Понятно. А эти, кто на меня напал, кто такие? Не профессионалы явно.

– Почему вы так решили? – спросил майор Губарев, что вел допрос.

– Так лохи, из трех стволов палили, ни разу не попав.

– Да в вас попади, крутились как юла и за машину ушли. А так вы правы, местные это, деляги. Резидентура немцев в Москве осталась, как ее не ищем, в криминальных кругах пустили слух, сколько за ваше убийство дают и сколько это в золотом эквиваленте. Желающих подзаработать сразу стало много. Это первые ласточки.

– Спасибо за неприятную новость. Не порадовали.

– Командование уже в курсе, решило вернуться к практике вашей охраны, заодно почистим город от ненужных элементов, что решат на

вас подзаработать.

– Опять живцом работать?

– Опять? Когда это было?

– Так зимой сорок первого. Гитлер тогда тоже осерчал, когда я трех его генералов убил. Сами похитили, а потом орут, а нас за ш-шо?!

– Это я в вашем личном деле пропустил. Буду знать.

В это время дверь распахнулась, и забежали двое в форме офицеров госбезопасности, лейтенанты, держа на прицеле пистолетов майора. Тот вскочил и распахнул шинель, она не застегнута была. Захват сразу остановился, к внутренней стороне подкладки шинели были пришиты цилиндры динамита, а в руке у «майора» иницилирующее устройство, туда провод по рукаву шел.

– Не волнуйтесь, не работает. Он весь час пытался активировать, даже незаметно посмотреть, что сломалось, и починить, – сообщил я и тихо выскользнул из кабинета, пока того крутили.

А я сразу понял, что он ряженный, уже привычка появилась всех амулетом сканера облучать. Динамит, это что-то новое в снаряжении офицеров госбезопасности, так что ждал, чем тот себя выдаст, но то, что он подрывник-самоубийца и решил меня с собой прихватить, это стало неприятным сюрпризом. А испортил я ему взрывное устройство амулетом-землеройкой. Так что ждал, кто первым будет, тот себя выдаст или вот эта штурмовая группа ворвется? Час ждал. Зато пообщались неплохо, тот особо ничего и не скрывал. Этого подрывника несостоявшегося унесли, а у него сердце... Даже реанимационные мероприятия проводили, и уже настоящие сотрудники начали со мной работать. Как-то это все поднадоело. Как бы в отшельники уйти? Тихо, безопасно. Меня снова опросили, и то, о чем с майором говорили, тоже. Он, кстати, настоящим сотрудником оказался, но это дело не вел, чем и насторожил коллег. Почему тот самоубийством хотел покончить? Я подслушал «Глазом» беседу двух офицеров, он был серьезно болен, на морфии жил. А вот почему меня решил с собой прихватить, ведь я его впервые видел, это те не обсуждали. Со мной тем более. Опросили и отпустили. Кстати, охрану и охоту на живца подтвердили, так и будет. Чуть позже ко мне подойдет старший охраны, познакомимся.

И никакой передовой. Тут в Москве служить буду. Наши на местную резидентуру выйти хотят. Так что поплелся к Михайлову. Тот

занят был, я с его адъютантом посидел в приемной, чай погоняли. Тут и познакомился с полковником, что меня теперь охранять будет. Нужные бумаги он предъявил. А потом, когда совещание закончилось, пригласили к маршалу.

– Знаю уже. Товарищ Берия лично звонил. В Генштабе никакую должность давать не буду, не хватало еще, чтобы тут развалины были. Получишь должность в разведуправлении. У них свои здания и службы, охрана хорошая. Все ясно?

– Так точно.

Дальше меня отвезли к месту службы, познакомился с командиром ГРУ генерал-полковником Кузнецовым. Тот сообщил:

– Давно хотел посмотреть на Одинцова. В наших кругах известная личность. Меня просили дать какую-нибудь должность, чтобы отбывал тут время. Зря сидеть не дам, офицеров не хватает, будешь работать от и до. Назначаю во второе управление, в первый отдел. Он по Германии работает. Завтра с утра приступаешь к работе.

Меня оформили, выдали нужные бумаги, дальше у секретчика побывал, подписался на некоторых бланках, потом к особисту, тут по секретности и всему остальному. Там еще инструкции почитать. Да и вообще, чем заниматься буду, нужно узнать. К слову, я обычным рядовым сотрудником буду, не на командирской должности. Время шесть вечера, стемнело уже, когда меня повезли к месту жилья. Мне служебную квартиру выдали. А на самом деле втихую в другую проводили, где, не включая свет, я принял душ и лег спать, а охрана в той квартире делала вид, что я там живу. На живца брали. А когда в кровати лежал, уже засыпал, понял, что я попал. Причем вина на Кузнецове, потому как его именно что попросили дать мне какую-нибудь липовую должность.

Михайлов отлично знал, что я считаю дни до конца войны, чтобы в отставку выйти. И то, что армию и службу не переношу, также в курсе. У нас и договоренность была, что после окончания войны он подпишет приказ о моей отставке. А тут ГРУ, да там такие подписки и секретность... сотрудники этой службы в отставку выходят только на пенсию или вперед ногами. А я служить дальше категорически не собирался. Нет, надо как-то соскочить, шанс еще есть, я пока никаких секретов не знаю. Кузнецов явно решил прибрать к рукам перспективного разведчика, что идет в разрез с моими планами.

Придется шипы выпускать. В общем, нафиг работу. Там, если втянут, уже не соскочишь. Не выпустят, это точно. То-то Кузнецов так порадовался.

Утром покормила меня девушка, тоже из сотрудников охраны. Вообще мне уже нравится. В квартире я один, никто своим присутствием не докучает, понимают, как это важно – личное пространство. Та утром пришла, приготовила завтрак, покормила и стала убираться, а меня повезли в управление ГРУ.

Доехали к счастью без проблем, видимо охотники за головами пока не узнали, где я служу и где живу. Это ненадолго, не в тактике на живца, через своих агентов слух пустят, так что будет им работа. А вот Кузнецов отказался со мной встречаться, типа постоянно занят. Только я не стал читать инструкции и остальное, подписывать чего-либо, сообщив сотрудникам, что тут я временно, служить дальше не намерен, на гражданку уйти в планах, так что больше сидел в кабинете. Тут три стола и два сотрудника, и я откровенно баклуши бил. Только на третий день первое покушение состоялось. Неожиданное. Из фаустпатрона выстрелили по машине. Там погибли все, но и стрелка взяли при отходе, даже почти живым. Сам я ехал в другой машине, обычное дело с подменой. А вот злые сотрудники работали со стрелком. Не любят те, когда их убивают. Похоже, ниточку потянули. Тот сдал того, кто его нанял. И в этот же день со мной Кузнецов решил пообщаться. Настаивал, я отбивал все его красивые речи о помощи Родине и все такое. Пояснил свои мотивы, сразу сказав, даже если будут держать, не подписывая рапорты об отставке, я просто забью на службу и не выйду, и отдыхать отправлюсь или еще куда. На последствия мне наплевать. Так какой смысл давать мне секретную информацию, если я все равно оставаться не собираюсь? Он покривился, но все же сдал назад, так что тут моя служба скорее декоративные функции выполняла, как и должно быть.

И все же я ненавижу Гитлера и органы госбезопасности, что лишали меня личной жизни. Да какие тут девушки с таким контролем и охраной? Хорошо, те поняли проблему, поэтому их сотрудница, что за повара и горничную, согрела мою постель. Уф-ф, убрал проблему. Вот так две недели и прошли, и я пережил шесть покушений. Шесть! После этого мне пинка под зад, из Москвы выкинули на фронт. Почему? А целое здание взорвали. То самое, где я жил в квартире. Как

умудрились столько взрывчатки пронести, закладка в подвале была, не знаю, но первый секретарь Москвы был сильно недоволен. До Сталина дошел. В принципе, план удался, агентов и резидентуру взяли, поэтому особо не возражали отправить меня прочь из столицы. Сам я при взрыве понятно как выжил. Амулет защитил, там вообще много жертв было, а я только накопитель сменил и пыль с формы стряхнул. Подрыв был, когда я в прихожей шинель снимал, только приехали.

Вот так я получил назначение на Второй Украинский фронт к Ватутину, он тут жив был. Меня посадили на транспортный самолет, что летал в нужном направлении, и явно с облегчением вздохнули, помахивая вслед платочками. Последнее, это предположение. Я же тоже порадовался. Достало все, отбывал роль живца как наказание. Хотя почему меня отправили на фронт, не ясно. Берлин уже неделю как окружен полностью, бои в городе шли. Хотя, конечно, немцы кое-где серьезно сопротивлялись. Тот же блокированный Кенигсберг до сих пор не взяли. Впрочем, мой теперь фронт не участвовал в битве за Берлин, он южнее прошел и двигался дальше, захватывая территорию Германии. Навстречу союзникам шел. Чехословакию освобождали и на днях Дрезден взяли, вернее, то, что от него осталось. Так что еще есть где повоевать. Немцы бьются отчаянно за родные земли, не считаясь с потерями. В строю уже практически дети и старики.

Самолет летел к Варшаве, прямого рейса куда мне нужно не было. Там дальше сам доберусь. В предписании указано четверо суток, так что я изрядно экономил. Никакой охраны, типа доберусь, там выдадут. Может быть. Интерес ко мне был потерян, свои задачи москвичи выполнили, изрядно почистили столицу, столько всего всплыло, аврально работали, и милиция поддерживала, и что дальше будет, уже не важно. Также за эти две недели меня порадовали наградами. От Михайлова орден Суворова второй степени и звание подполковника. Дать хотели до того, как я пропал, да не успели, вот теперь и нагнали. Маршал распорядился. А в Кремле, куда меня возили, да не тайно, с помпой, еще и в газетах информацию дали, наградили второй Звездой Героя. Это за уничтожение элитных подразделений Гитлера и Муссолини. Так что по сути я был обласкан властями чинами и наградами. Не думайте, что я прямо так их порадовал. Это скорее позлить Гитлера с его итальянским дружкой, потому с такой шумихой награждение и шло, в газетах союзников об этом написали. Квартиру

выдали, как дважды Герою, в Москве положена, еще и бюст на аллее Героев. На даче я так и не побывал, еще не хватало привести охотников за головами к моей любимице. Квартиру получил, ордер, но сам там не бывал, сразу отбыл на фронт. Что еще? Ювелиров не посетишь, но это и понятно, не зря оставил на послевоенное время, но изучил ту брошку, что с девушки-киллера снял. Да, дошли до нее руки. Надежд, что та заработает, было крайне мало. Может, вообще на мага рассчитана, а не на простеца, там совсем другое управление, аурное. Мне точно недоступное. К счастью, к своему огромному облегчению и радости, я смог активировать артефакт. То, что для девушки это было лишь украшение и та не знала о его свойствах, – факт.

Тут немного отвлекусь, пока летим, самолет пассажирский «Дуглас», с креслами, подремать можно, и вот размышляю.

Я знаю, как управлять своими амулетами, для каждого свой способ. Сначала я вынул накопитель, практически в ноль разряженный, всего один процент был, и зарядил его. Три с половиной дня заняло. Вернув на место, попробовал приписать к ауре, если у него есть такая опция. Прижал подушечку большого пальца к накопителю и знаку активации. Досчитал до десяти, и в нужное время палец кольнуло. Приятная новость, привязки у амулета не было. После этого стал пробовать все попытки запуска, что делал со своими амулетами. Когда я использовал способ активации боевого артефакта, стоит отметить, что последним, не было надежды, что это он, то загорелась рамка прицеливания, и комната чуть подсветилась, видно было внизу людей. Дальность метров пятьдесят. Индикатор заряда. Столбик каких-то надписей, подозреваю, мощность заряда. Я навел на открытую форточку и выстрелил. Это файербол был: огненный шарик размером с теннисный мяч улетел, и чуть позже последовал взрыв на крыше соседнего здания. А подумали, что новое нападение, неудачное. На это списали.

Ясно, заряд был с фугасным эффектом. Три процента заряда накопителя в минус. А неплохо. Изучу артефакт чуть позже, когда возможность будет. Сейчас-то ее точно нет, но понял, что есть шанс найти на планете еще такие магические находки. Амулет-сканер поможет. Правда, он видит их как магические пятна, схемы плетений или чего подобного нет. Ну хоть так будет выявлять, и за это спасибо скажу. Сомневаюсь, что это маги Земли поработали, я вообще не знаю,

были тут они в прошлом или нет. Скорее всего имущество какого-то пришедшего мага, бродят они по мирам, уже с двумя встречался. Вот в это поверю, такое может быть. Вероятно, тут такое и было? Погиб, и все с него разошлось. И стоит поискать, что еще при нем было. Где можно найти такое имущество? В частных коллекциях или у кого на руках и... в магазинах старинных вещей. Антикварных. В ювелирных не было, я взламывал шесть штук, амулет-сканер использовал. Ничего такого тот не показал. В общем, будем искать. Вот, дело себе интересное нашел, как война закончится, и я свободу получу.

Стоит прикинуть, где погиб этот иномирный маг и где поискать его вещи. Я пока за основную версию беру именно как маг-пришелец. Девушка с этой брошью была в столице. Это не факт, что он тут где-то погиб, брошка могла разными путями попасть в Союз. Так что искать буду везде, где нахожусь, на удачу. А другого плана нет. Да и не может быть. Может, тут не один маг погиб? Поди знай. А то, что артефакт для простецов, ничего удивительного, маги и такие амулеты и артефакты при себе имеют. Бывает сами используют, но в основном это резервной запас, а в случае нужды могут продать его. Так что шансы найти еще что-то из подобного вполне велики. Я был в предвкушении начала поисков. Причем проверил сканером самолет и пассажиров. Случайно ведь на той девушке нашел магический артефакт, может, еще кто-то имеет подобное, не зная об этом? Пусто. А пока уснул, не мешала тряска и гудение моторов. Я на это дело привычный. Разбудили, когда на посадку шли. Вот так в три часа дня я ступил на бетон взлетной полосы у города Варшавы. Было одиннадцатое декабря сорок четвертого года. Ну городом эти развалины сложно назвать, тут Сталин молодец, так же поступил, после начала восстания остановил армии и под видом перегруппировки войск спокойно дожидался, пока немцы не уничтожат восставших. Правильно сделал. Я это уже говорил. А вот то, что румын и финнов простил, да еще запрет поставили на уголовные дела по их военным преступлениям, тут он конкретно так – козел. Шлюха политическая. Тьфу на него. Но все мысленно, говорить такое вслух – я не идиот. Просто мое личное мнение.

Как и другие пассажиры этого борта, без малого два десятка офицеров было, включая двух генералов из Политуправления, проследовал за остальными и в штабе местной части предъявил направление. Там дежурный почесал шею и сказал, что в нужную

сторону ни один борт в ближайшие два дня не идет. Что дальше будет, неизвестно, да и есть ли там место, тоже. Лучше наземным транспортом добираться. Мне нужно в город Бреслау. Там в комендатуре узнаю, куда дальше следовать. Никто сообщать, где находится штаб фронта, мне не собирался, информация секретная. Обычно так через комендатуры и объясняли, велев следовать в такой-то город, поблизости от штаба, там дальше уже проверяли в комендатуре и указывали, куда еще ехать. Стандартная практика, не в первый раз такое. Вот так покинул территорию аэродрома, попутный грузовик шел в город, на лавке с другими желающими ехал посетить столицу Польши, и добрался до города. В машине было четверо попутчиков.

До нужного города я доберусь воздухом. Получается, у меня есть трое суток. Почему не потратить их на работу с камнями? Иметь запас точно стоит. Да у меня амулет зарядки часто простаивает. Я даже успевал заряжать те накопители амулета защиты, что разряжались при покушениях на меня. А так бы запас маны сделал. Мало ли где пригодится? А пока ювелиры, может и несколько, работают, я в окрестностях города с новым боевым артефактом поработаю. Нужно знать, что от него ждать. Система управления незнакома, буду осваивать методом тыка. Там в принципе не сложно, как я понял.

Машина не в центр ехала, а к комендатуре города, которая на набережной, в здании бывшей гостиницы находится, там и сошел, направившись в улочки. Пленные немцы разбирали завалы под охраной польских военных, ходили гражданские. Уже темнело, четыре часа дня, поэтому обращался я то к одному прохожему, то к другому. Вещи я уже прибрал в хранилище, в самолете для виду был вещмешок и вещевая сумка, вроде баула, сейчас же со свободными руками шел. Только пятый из местных уверенно сообщил, что его сосед из ювелиров. Выжил, хотя еврей. Дома должен быть. А дом, где его квартира, за время боев не сильно пострадал. К сожалению, это оказалось ловушкой. Мужчина, что дал адрес, в засаду меня привел, лично сопровождал. Удар по голове не получился, когда я в прихожую шагнул, защита сработала. Я же, потратив шесть патронов, из «Вальтера» с глушителем уничтожил наводчика, потом того, что наносил удар дубиной, и женщину, хозяйку квартиры. Проверил их, сканер показал, что есть ценного в квартире, трофеи – это святое,

собрал и покинул квартиру. Улицы опустели, комендантский час действовал, но мне это не мешало. Не удалось найти ювелиров вот так с наскока. Я уже тут бывал, трех ювелиров нанимал, адреса вспомнил, вот и направился к ближайшему. Не так и далеко, хотя город изменился, с трудом узнавал его, по сравнению с тем, что помнил. По первому адресу ничего, семью ювелира вывезли в концлагерь, они евреями были. Второй адрес. Эти сами сбежали, еще не вернулись, если живы. Соседи не в курсе. Третий адрес, тут тоже пусто, зато дали координаты соседа, которого видели на днях. Думал, снова ловушка, но нет, действительно был ювелир, не еврей и не поляк, чех он и, главное, сохранил свою мастерскую. Она в полуподвале была. Окна забиты досками, а так все цело.

Думаю, понятно, что тот не в мастерской жил, квартира имелась на втором этаже этого многоквартирного жилого дома, и семья, жена с двумя маленькими детьми и мать-старушка. Договорились мы быстро. Тот сильно удивился, что мне нужна именно круглая огранка, так никто не делает, но не возражал. Я плачу. Причем не продуктами, русскими рублями запросил. У меня они были, несколько пачек. Этот же ювелир мне комнату сдал. Работа спешная, аванс я выплатил, два камня, это были брильянты, выдал, тот приступил. Два дня дал ему, обещал успеть, без отдыха будет работать. Сам же я устроился в комнате, топили плохо, хотя в окнах уже стекла были, но, в принципе, в свитере тепло. Там я поработал, свои дела были, и спать. Завтра боевой артефакт начну осваивать.

Два дня быстро пролетели, ювелир отлично сработал, я проверил, зарядка обоих новых камней шла штатно, так что расплатился и за жилье, и за работу. Им на эти деньги месяц можно свободно жить, ни в чем себе не отказывая. Сам освоился с боевым артефактом, хватило разок на три часа в пригород, в лесок уехать, по сугробам на лыжах, и там опробовал его. Разобрался. Даже система наведения и дистанционного подрыва была. Что-то это напрягает, такой артефакт, думается мне, не меньше первого уровня. Слишком много опций для дешевки. Да и управление на сетчатку глаз выходит, такого даже у третьего уровня не всегда есть. У первого и второго да, имеется. Ладно, как стемнело, я с автодороги поднялся на связном «мессере» и полетел к Бреслау. Добрался быстро, тут не так и далеко, даже половину бака не опустошил. Одна проблема: если над Варшавой

чистое небо, то тут тучи и снежная пурга. Амулет-сканер помог мне сеть на дорогу, я даже землю внизу не видел, лыж нет, поэтому укатанная полоса нужна. Убрал самолет, потом обслужу, и ушел с дороги к лесу. Там поставил палатку, зимний спальник, и вскоре спал. Даже выспаться успел. Утром, сразу после завтрака, вышел на дорогу и дошел до окраин, только тут появилась первая автоколонна, да и то встречная. Патрули сообщили, где комендатура, а там уже узнал, что штаб тут в городе стоял.

Меня, оказывается, потеряли, еще вчера должен был прибыть, знали, что в Польшу из Москвы на самолете прибыл. Объяснил проблемами на дороге. Это генералу, что начальником разведки фронта был. Ватутина не видел. Тот опросил, обо мне немало наслышан. Договорились, что буду летать на «Пе-2», собирая сведения, чтобы командование фронта знало, где их противник и где свои подразделения до километра. Так управлять войсками куда легче. Михайлов на своем опыте легко подтвердит. Это да, редко собранные мной сведения попадали в дивизии первой линии, там у них свои разведчики работали. А вот информация по важным целям артиллеристам фронта передавалась, как и авиаторам. Они и били по ним. Вот и тут так же.

В работу я включился сразу. Вещмешок закинул на койку в комнате, где мне место выделили, это в одном здании с казармами, где солдаты штаба проживали, не отдельная, тут сосед был, тоже из нашего отдела. Охрану выделили, это да, отделение солдат при офицере. И машину, грузовую. Меня на ней же на аэродром и обратно возили. И все. Шесть ночей полетов, даже в непогоду один раз вылетели, снег шел, но на передовой было чисто, взлетали на свой страх и риск. Лед на крыльях, но провели воздушную разведку и с трудом смогли вернуться. Важные сведения добыли. Очень важные, поэтому разбитый при посадке самолет списали без последствий. Ватутин, туда, где я обнаружил группировку немецких сил, явно контратака готовивших, перекинул резервы. Едва успели. Я спал после этого тяжелого ночного вылета, а наши дрались на передовой. Потери большие с обеих сторон, но у немцев все же больше. Шли вперед как иступленные, не считаясь с потерями. Видимо это был их последний порыв, и дальше армии фронта наступали довольно быстро, с небольшими боями у заслонов, что оставляли немцы. Даже с

союзниками соединились, и наконец объявили, это было двадцать шестое декабря сорок четвертого года, что Германия капитулировала. Гитлер застрелился.

Я встретил новость просто с незамутненной радостью. То, чего ожидал столько лет, произошло. Сразу поскакал писать рапорт с прошением об отставке, но меня завернули, приказа распускать армии не было. Ждем. Тут непонятная ситуация с союзниками. Кстати, со мной вылеты не прекратили. Немцы сдавались пачками, авиация их не действовала, так что меня и днем отправляли в разведку. Ватутин хотел знать, что происходит вокруг. Снова менялись день и ночь. А тридцать первого декабря, через три дня после капитуляции, нашей Победы, нашу «пешку» сбили. Четыре американских истребителя, не знаю, что за модель, я и в наших-то путаюсь, несмотря на звезды, спокойно себе атаковали, расстреливая самолет крупнокалиберными пулеметами. Отреагировал я быстро. Те только один заход парами успели сделать, как боевой артефакт выпустил управляемые фэйрболы, те дымными следами устремились к целям, и четыре огненных комка, некогда бывшие гордостью ВВС США, стали падать на землю. Правда, и мы за ними.

В чем проблема? Не все немцы сдались, мы как раз проводили разведку окруженной нами и союзниками крупной группировки противника, вот и летели сейчас вниз, где пока их территории, недалеко от зоны действий союзников. Им немцы сдавались пачками. Летчик явно не управлял самолетом, обмяк, пришлось перегнуться через спинку и управлять машиной. Один мотор молчал, второй сильно дымил. Да уж. Подошли нагло и атаковали, не удивительно такие повреждения иметь. Скользя на брюхе по полю, так и сели. Как замерли, я сразу стал накидывать жгут на ногу летчику, ему оторвало голень левой ноги, пока в это время стрелок выбирался наружу. Он и помог вытащить летуна наружу.

– Давай за пулемет, у нас гости, – глядя на точки, что двигались к нам от леса, приказал я.

К счастью, смертный бой принимать не пришлось. «Глаз» показал, что это британское подразделение с шестью танками. Моторизованная группа. Своим я успел передать, где и кто нас атаковал, пока рация разбита не оказалась. Надеюсь, вышлют самолет и заберут нас.

До перестрелки так и не дошло, хотя я этого ожидал. Британцы видели дымные следы неизвестных снарядов, что поразили их самолеты. Точнее, союзников. Идиоту понятно, что на разбившейся «пешке» находится секретное оружие. Снаряды были с самонаведением, они меняли траекторию полета и, нагоняя, подрывались у самолетов. То есть это засекли. В общем, нас отвели от самолета, и его взяли под охрану. Я спокойно общался на английском со старшим офицером, в звании майора. Кстати, тот похвалил мое знание языка, акцент имеется, но его можно убрать практикой. Я на таком же уровне и немецкий знаю. К себе британцы нас если и планировали увезти, то не успели. Как раз медики закончили с ногой майора Говорова, командира борта, его борт-стрелок помогал, приглядывал, когда мы слышали жужжание моторов. То, что нас нашли, было видно по двум парам советских истребителей, что вились в небе. Ну, конечно, сейчас-то они появились. Расслабились, уже без воздушного прикрытия разведку проводили, и вот получили. За дело. От британцев претензий не было, что четыре истребителя союзников сбиты оказались. Видели, что те первыми атаковали. В этот раз появилось два ПО-2, один в санитарной версии. А что, доступ к рации был, британцы позволили их рацией в штабном бронетранспортере воспользоваться, вот так связался со своими и объяснил ситуацию. Поэтому с момента, как нас сбили, часа два прошло. Майора погрузили на санитарный борт, британские солдаты помогли, там медик был, а мы со стрелком теснились на втором самолете, где было одно свободное место. Оба биплана пошли на взлет и сразу полетели к аэродрому, к своим, поднимаясь повыше, чтобы немцы не сбили. И союзники тоже. Теперь и это буду учитывать. Истребители нас все так же прикрывали. Это другие, предыдущие ушли на дозаправку.

Долетели благополучно. Летчика к врачам, в госпиталь, а меня с борт-стрелком в штаб фронта, сразу к особистам. Правда, карту штабным передать успел. Не все сделал, но метки карта имела. Просто допрашивали, что было, кто на нас напал, как американцы четыре самолета потеряли? На все вопросы я обстоятельно отвечал, кроме того, как были сбиты нападающие. Описывал то же самое, что видел борт-стрелок, дымные следы и попадания. Да и я больше озабочен посадкой машины был, чем следить, что вокруг происходит. Дальше сели, британцы к нам вышли, не все, часть вела бой с немцами, что в

лесу засели. Ну так, легкий. Больше собирали сдавшихся. Самолет да, британцы им заинтересовались, оттеснили нас от него. Документы проверили, личное оружие не забирали, союзники все же. Даже рацией разрешили воспользоваться. Однако особисты именно мной были заинтересованы. А стрелок сообщил, я «Глазом» подслушал, что он хорошо рассмотрел, как именно от носовой части нашего самолета эти огненные шары отделялись. Поэтому вместо обычного опроса на час-другой, шесть часов мне мозги полоскали. А я стоял на своем, я не я и собака не моя. Самолет сажал, где мне отбиваться? Хотя пару очередей в ответ из оборонительного пулемета дал, это было. В общем, я на подозрении, даже хотели запретить вылеты, но штабу они нужны и важны, продавили решение дальше летать.

Едва успел на начало гулянки. Праздновали Новый год, сорок пятый наступил. Хорошо отметили. А с утра без перерыва работа. Дали другой борт, летал теперь ночами, днем редко, если только по особому запросу, и обязательно с истребительным прикрытием. К десятому января бои окончательно прекратились. Те немцы, кто рвался к зоне оккупации союзников, чтобы там сдаться, уже это сделали или были нами перехвачены и разбиты. Однако никто не отменил разведывательных вылетов, ночных. Каждую ночь я уже отслеживал подразделения союзников на этом участке фронта.

Понятно, союзникам это не нравилось, у них, кстати, мобильные радары и локаторы имеются, видели наш полет. Даже пару раз перехватить хотели истребителями-ночниками. Все же мы летали иногда над их территорией. Граница же не ровная, то наша внизу, то их. Мне это все крайне надоело, я ждал дембеля, на чемоданах сидел. Однако приказа все не было, даже первой волны демобилизации, с которой я и собирался уйти. Ждать так тяжело. И чего тянут?! Удивительно, за это время всего одно покушение, узнали наконец желающие подзаработать, где я служу. Пытались перехватить, когда меня везли к аэродрому из города. Новый разведывалет ожидался. Вся охрана в труху, я один и выжил. Да и нападающих уничтожил в одно лицо. Судя по крикам и мату, поляками были. Когда помощь подоспела, в живых я один остался. Пленных не брал. Вообще я «Глазом» контролирую все, но эти неплохо замаскировались, под советских военных дорожных ремонтников, и с трех точек отработали фаустпатронами с фугасной начинкой. Выжил я случайно, когда

увидел, как те готовят пусковые, с криком предупреждения открыв дверь кабины, выкатился на ходу. Заряды попали, и остатки грузовика полыхали, а я стрелял из автомата по противнику. При этом постоянно перемещаясь. Использовал МП-44.

Нападение серьезно озаботило командование, теперь взвод меня охраняет. Как-то разницы не ощутил. Зато это нападение неожиданно помогло мне в поисках чужих амулетов и артефактов. Нет, у нападающих их не было. Я уже все Бреслау обошел, сканером проверяя на находки. Глухо. А тут пока вел бой, сканер уловил на границе дальности что-то магическое. Сто раз тут проезжал и не подумал бы, что совсем чуть-чуть за дальностью работы сканера имеется что-то из магических находок. Сразу я туда не рванул, больно быстро помощь подоспела, незаметно прибрал автомат и дальше командовал.

Решил проверить находку чуть позже. А меня после военных следователей, это они занимались нападением и гибелью военнослужащих, срочно отправили в ночной вылет. Когда вернулся, то отдыхать лег. А в полдень, разбудили, вызвали в штаб и выдали предписание. Да, предписание о переводе на новую службу, на другой фронт. Первый Дальневосточный. Это кто же такой настойчивый пытается меня туда запихнуть? Надо выяснить и «отблагодарить». Все знают, как я жду приказа о демобилизации. Да и не я один такой. Уже у начштаба фронта был, взятку дал дорогими продуктами и его любимым коньяком для германских офицеров. Обещал меня первым на гражданку. А сейчас что?

Глядя на предписание, я посмотрел на офицера, что мне его выдал, и спросил:

– Это что за хрень? Я в отставку жду приказа выйти. Служить дальше не собираюсь. Какой к черту перевод?

– Это не ко мне. Приказ из Москвы пришел. Все как положено оформлено.

– А кто подписал?

– За подписью майора Лунько. Это офицер, что отвечает за отправку, он тут не принимает решение.

– Я к начштабу.

Однако и это ничего не дало. Тот даже вышел на Генштаб, знакомый там его, связь прямая имелась. Там проверили и

подтвердили приказ. Зато узнал, кто его отдал. Жуков. А этот-то с какого бока? Мы с ним по сути и не пересекались, минула судьба меня от подобного. Так что генерал развел руками, тут чины повыше его приказы отдают.

Ах так, да? Да и пошли они тогда со своей разведкой. Сами ее проводите. Нет, я на Дальний Восток слетаю, никогда там в этой жизни не был, в прошлой, первой моей, да, бывал, и не раз, но на мою работу могут не рассчитывать. Рыбалка, вот ей отдамся и все. Так что оформил все как полагается, охрану, между прочим, с меня сняли, так что взял штабную машину и сразу на аэродром поехал, там вечером борт летит, связной, меня подкинет до Киева. Там его конечный маршрут. А пока ехал к аэродрому, «виллис» был, велел свернуть с дороги, и мы поехали по сигналу неизвестного амулета. Встали на берегу речки. Боец настороженно поглядывал по сторонам, тут до сих пор постреливали, а я спустился на лед и сумрачно огляделся. В семи метрах от берега, глубина три метра, сканером костяк нашел. У него фонит маной какой-то амулет. Судя по каске, немецкий солдат. Их, кстати, там хватало, видать под лед провалились, когда переправлялись, ведь тут бои шли и льда не было, и утонуло несколько десятков. Видать преследование по пятам шло. Вернувшись к машине, забрал вещмешок и велел сержанту:

– Возвращайтесь к штабу, вы мне больше не нужны. Я тут пешком дойду.

До аэродрома действительно было недалеко, полтора километра. Там бетонная полоса бывшего аэродрома гражданской авиации. Сейчас транспортный полк, разведывательная эскадрилья стояла, ну и авиаполк ПВО, что защищал город и штаб фронта.

– Есть, – радостно козырнул тот и, развернувшись, покати по своим следам к дороге. Зря боится, мин здесь нет.

Укатил, поднимая снег, легкая поземка мела, минус пятнадцать где-то, не так и холодно, а я, спустившись вниз, тут крутой обрыв, деревья на берегу росли, стал раздеваться. Скинул шинель, остальное, оставшись голышом. Амулет подводного дыхания и климат-контроля достал, но пока не активировал. Дальше убрал кусок льда, прямо над трупом. Привязал веревку, вбив крюк в лед, активировал амулеты и спустился. Вода не обжигает, помогает амулет, и я стал на дно опускаться. Дышать немного тяжелее, чем обычным воздухом, еще и

водой со всех сторон сжимает, но все, я внизу. Пришлось по дну вернуться, меня течением снесло, и, найдя в остатках тела даже два амулета, они рядом друг с другом в кисете находились, и для сканера получались одним пятном, я стал по веревке подниматься наверх. Выбрался, дальше понятно – оделся и стал изучать находки. Сам кисет имел вышивку с надписью: *«Дорогому фронтовику от труженников тыла»*. Похоже, немец забрал его у нашего убитого или плененного солдата. Высыпав два десятка предметов, кольца, сережки и все такое, стал изучать, определяя, что же фонит магией. Так, кольцо, и что меня насторожило, камня-накопителя не было, но все равно сканер показывал, что это магический предмет. Причем кольцо украшено орнаментом, думаю, это магические руны. Ладно, вторая находка. Довольно стильный мужской браслет. Оба предмета сделаны из металла желтого цвета, возможно и золото, поэтому погибший солдат и соблазнился ими. Остальное убрал в кисет, а тот в хранилище. Ну и эти две находки следом. Сам же направился на аэродром. Добрался благополучно.

Там отметил у дежурного, до вылета часа три. Мне койку выделили в офицерском общежитии, можно отдохнуть. Но я в полете выплюсь, поэтому изучал находки. Они меня сильно заинтересовали. Браслет тоже с рунами оказался. Могу точно сказать, те амулеты, что у меня есть, и вот эти, они явно сделаны по разным магическим технологиям. Я умел, пусть и кое-как, работать с другими, а как с этими – без понятия. Я их и в руке сжимал и, порезав ладонь, кровью испачкал. Ну а вдруг кровная привязка? Потом залечил порез. Нет, не реагируют. Что настораживало, те в магии светятся, но как-то тускло, мои куда ярче. Вот честно, рисковать амулетом зарядки я не хотел, но, мысленно перекрестившись, достал его, положил кольцо на пластину и активировал зарядку. Да, кольцо стало ярче светиться, и чем дальше, тем больше. Час в амулете зарядки находилось, я настороженно следил, что будет, тут руны вдруг ярко засветились, и я резким движением выхватил кольцо из амулета зарядки.

Пальцы ожгло, как будто я раскаленный докрасна металлический прут взял. Однако уронив кольцо, не обнаружил ожогов, да и боль уходила. Подобрав потерю с пола, изучил. Потом проверил амулетом-сканером. Меня испугало увиденное, амулет уже не светился, ничего магического в нем больше не было. Я только зло сплюнул. Вот не

везет. Покрутив его, надел на мизинец. А оно взяло и сжалось, хотя по размеру на большой едва влезет. Я сразу радостно вздохнул, не спалил, скорее всего опция маскировки от магических сканеров включилась. Через минуту, видимо, там тест или подключение шло, на сетчатке левого глаза засветилась картинка. Я бы назвал ее рабочим столом. У моих прошлых амулетов тоже нечто подобное есть, как и у броши с девушки-киллера, но не настолько хорошие. Я бы сказал, тут совершеннее. Правда, надписи и цифры не понимал. Языка этого я не знал. Однако отметил, что мигает картинка, подсвеченная красным тревожным цветом. Мысленно навелся на нее и попытался активировать. Со второй попытки получилось. О как, кольцо подсвечивало один из амулетов на мне. А их три: защита, «Глаза» и сканер. Именно защита и мигала красным контуром. Похоже, она мешала. Подумав, я отключил ее и убрал в хранилище, и красная картинка сразу пропала.

Мне кажется, это кольцо тоже защита и не могло работать в полную силу из-за моего амулета, что я постоянно носил. Тот помехи вносил. Как бы проверить это? Кольцо-то явно активно, значит, и защита должна быть. Бросить под ноги гранату? Я не настолько псих. Сам в себя стрелять не могу. Это нужно найти дерево, привязать пистолет, тонкую бечевку к спусковому крючку, встать под ствол, не меньше трех метров, тянуть и смотреть, что будет после каждого выстрела. Причем, чтобы пуля в притирку проходила, ранений я получать не желал. Однако до вылета десять минут, самолет уже готовят, так что собрав вещи, кольцо не снималось, защиту старую все же возвращать не стал и пошел к полосе. Туда подходили и другие пассажиры. Самолет семиместный, я на таком летал, с одним мотором и верхним расположением крыла. Как взлетели, я вскоре уснул, пользуясь возможностью. Да и другие пассажиры так же поступали, кто мог заснуть при шуме мотора.

А вообще планы такие. Из Киева на своем самолете до Горького, дом свой посету, дальше уже по железной дороге поеду. Не хочу ресурс своей авиатехники тратить, да и не тороплюсь я. В Москву мне не надо, все что нужно на руках, дорожные припасы, приказ. Все есть. Жукова в Москве нет, он тоже сегодня отправлен на Дальний Восток, там найду и поквитаюсь. Ссыкуном делать не буду, повторяюсь, сразу на меня подумают. Так что будущий полный импотент еще не знает,

что его ждет. Вот такой план. Пока в Горьком буду, займусь кольцом, да и браслетом. Заинтересовали они меня, очень.

Просыпаться было тяжело. Я чувствовал, что меня трясут, пытаются привести в сознание, и это начало получаться. Смог поднять руку и отмахнуться, с некоторым трудом открыв глаза. Я все так же сидел в салоне самолета, на своем сиденье. Рядом летчик стоял и, видимо врач, в белом халате поверх формы был. Самолет стоял, тишина. Похоже, в Киев прилетели. Врач же, осматривая меня, сказал:

– Так, мне это не нравится, похоже на отравление. Я забираю товарища подполковника с собой. В медчасти полежит.

Летчик только пожал плечами. Два бойца, которых позвали снаружи, аккуратно меня вынесли и уложили на носилки. В это время началась заправка самолета. Пока несли, меня укачало, и я снова потерял сознание. Интересно, с чего бы? Хотя можно и не гадать. Кольцо виновато. А только оно при мне, амулеты сканера и «Глаза» перед вылетом я тоже снял, отключил и убрал в хранилище. Только кольцо и осталось. Дальше начались двухдневные приключения в медсанчасти. Врач использовал все способы, чтобы я в сознании находился, издеваясь, а мне же нужно было тихое и спокойное время. Наконец я понял, что происходит. Меня обучали языку и письменности. Те символы, что были на рабочем столе кольца, я стал понимать, и чем дальше, тем лучше. Наконец нашел значок, что убирает рабочий стол. Точнее, как сворачивать его, а то одним глазом смотрел. До этого пытался свернуть, тыкался во все программы и, как я сейчас понимаю, случайно и запустил обучение. Ну да, та сенсорная кнопка, что за это отвечала, была в доступе, и я тоже ее пытался активировать, не зная, что это. По-моему, даже дважды. Плохо мне было сутки, вторые заметно легче. Зато стал понимать, что я получил на руки, что это за находка. Выяснить было не сложно, у кольца на рабочем столе была иконка с информационной сноской, где и описано, что это. Да, второй ночью, когда полегче стало, я тот браслет сунул в амулет-зарядку. Нужно было срочно перезапустить его и приписать к кольцу, они одно целое, но ждал уже шесть часов, пока руны не засветились, и я сразу выдернул его наружу, главное не спалить. Снова как будто ожгло, с трудом сдержал крик, но думаю, это экстренная привязка к моей ауре. Потом спокойно застегнул браслет на левой руке, тот ужасся. На правой я обычно ношу наручные часы. Кто где

носит, а я на правой. Кольцо уже подключилось к браслету, и его возможности резко подскочили.

Так вот что это? Я прям с ходу не могу объяснить, но если брать аналоги, то это пульт управления, мощный комп, почти что искусственный интеллект. Плюс это нейросеть из тех фантастических книг, что я в прошлой жизни читал. Да, это магическая нейросеть, самый близкий аналог. Если прошлые амулеты, включая брошь, это сделанные на коленях поделки левых колдунов, то вот это высокотехнологичное устройство, сделанное полностью на магии. Кольцо это – сама нейросеть, мозг, система управления. А браслет ее мозги и память. По сути кольцо – это нейросеть, браслет импланты на интеллект и память, причем прокаченные в десятки раз. Когда кольцо приписалось к браслету, обучение меня языку, что шло так тяжело, потому и голова болела и ощущения как будто избит, закончилось за пару минут.

Я изучал устройство, это просто бомба. Оно может многое. Я еще изучаю, мне на это немало времени понадобится, но, например, нейросеть работает в поиске устройств, к которым может подключиться, дальность километр. Я сразу активировал эту опцию, пока чисто. Так как сеть сама подзаряжается, накопители ей не нужны, работает поиск часто, раз в пять минут срабатывает. Также с помощью нейросети я могу выходить в глубины своей памяти и все, что видел или слышал, если это не утеряно, скачать в память нейросети. Она чистая, к сожалению, перезапуск, и новая привязка удалила все, что было раньше. Скинуло к заводским настройкам, если это можно так назвать. Так я сразу создал отдельную папку для рока и стал записывать музыку, тут есть возможность убирать посторонние шумы, ведь, слушая ушами, я не только музыку слышал, но я пока не задействовал эту опцию, еще учусь.

Это все что успел, всего два десятка музыкальных композиций записал. Могу слушать их, звук обалденный, во сто крат лучше самых качественных колонок. В общем, врач меня осмотрел и выдал бумагу, что я задержался на двое суток из-за болезни. Он явно считал, что я обдолбан чем-то был, видимо какие-то похожие симптомы.

Вот так я натянул форму, вещи забрал, справка в кармане, и покинул территорию аэродрома. Я уже узнал, что попутных бортов не было, завтра летит один на Москву, но мест нет. Может, и освободится,

но ждать из-за призрачного шанса как-то не хочется. Есть еще транзитники, но тут тоже палка о двух концах. Лучше на своем долечу. Чувствовал я себя действительно прекрасно, у нейросети, – буду так ее называть, хотя у той было свое название, в описании нашел эту информацию, – был встроенный свой меддок, но я пока там в настройках не разобрался. Вроде и своя защита есть, та же проблема. Нет времени. Ничего, путь до Дальнего Востока долгий, несколько недель поезда идут, если не скорые, конечно, успею изучить. Если не все, то многое. А в справке была написана причина госпитализации, если это можно так назвать, с симптомами отравления. А так я быстро в себя пришел, у врача не было причин меня задерживать, хотя явно хотел. Вот и выпустил. С вещмешком в руке я покинул аэродром. Машин не было, только что ушла одна в город, я не успел. Не расстроился. Времени было три часа дня, так что не спеша шел по укатанной дороге, некоторые машины притормаживали, но я махал рукой, мол, проезжай. Когда стемнело, я был на льду Днепра, достал «мессер», взлетел благополучно и направился в сторону Горького. А что, я планы менять не собирался. Там сяду на поезд, заодно узнаю, что там с моим домом. Я всего одно письмо получил от кормилицы. Порядок у них, живут. Однако проверить надо, так что загляну.

Не хватило дальности моего связного самолета до конечного маршрута. Всего каких-то сто километров оставалось. Однако ничего, сел на лед Оки, обслужил и заправил машину, а дальше полетел уже на «шторьхе». Не скажу, что погода радовала, сильный ветер, но не встречный, боковой, так что полет прошел спокойно. А вот сам Горький был скрыт снежным фронтом. Летел я по сканеру, в восьмидесяти метрах над землей. Температура где-то минус двадцать, крылья быстро покрывались льдом. Чую еще немного и рухну. Сел все так же на лед Оки, когда до Горького уже рукой было подать. Все, дальше не могу, еще немного и рухнул бы. Так что тут тоже обслужил и заправил самолет, а дальше поехал на «опеле», чуть трясло на наносах снега, но без проблем доехал до города, тут как раз переправа, песком склон посыпан, вот там и поднялся на берег, и покатил к комендатуре. Помню, где она, с прошлого и пока единственного посещения этого города. Темнота не мешала – светя фарами, доехал до нужной улицы. Кстати, патрулей военных особо не было, а народу гражданского хватало. А что, восьмой час вечера, ночи по сути еще

нет, просто темное время суток. Так что, светя фарами, и доехал куда нужно. Народ вел себя спокойно, даже радостно. Победа, о чем было объявлено еще две недели назад, салют в Москве, почему бы людям не радоваться? Они заслужили. Ждем приказа на демобилизацию, и то, что пока первой волны не было, сильно настораживало. Кстати, только два дня назад сдался гарнизон Кенисберга, вчера по радио слышал в медсанчасти аэродрома.

Машину я решил не светить, тут не было фонарей, убрал ее и пешком дошел до комендатуры. Там дежурный офицер быстро меня оформил, я сказал ему, что по службе убываю, но задержусь тут на пару дней. Насчет места ночлега узнавал. Так что тот направил меня в общежитие. Они там устраивают командированных и вот таких, как я, случайных пассажиров. Зашел, это рядом было, оставил вещмешок, а сам на трамвае доехал до железнодорожного вокзала, где напрямик к военному коменданту. Тот изучил журнал и сообщил что завтра вечером проходит поезд. Идет на Красноярск. Там можно пересесть дальше. Я согласился, так что тот мне выдал билет. «СВ», жаль, не было, я узнавал, мог доплатить или купить, но были купейные вагоны. Поезд отходит по расписанию, в восемь вечера. Ровно через сутки. Опытный комендант советовал за час быть. Иногда расписание меняют в последний момент. Ничего, нагоню. Тут же на площади у вокзала нанял деда на санях, тот так левачил, и он отвез к моему дому. А чего завтра, что ли, заезжать? Все на работе будут. Сегодня у нас шестнадцатое января, завтра семнадцатое, среда. Около дома была большая снежная горка, тут уйма детей, со всей улицы, наверное. В основном маленькие, те, что постарше, на берег Волги бегали, там высокие и крутые берега, кататься интереснее. Тут и дети кормилицы были, когда к калитке подошел, подбежали. Полтора года меня не было, не узнали. Я на час задержался. У них все нормально, припасы пока есть. Живут одни, та семья заводского инженера еще осенью сорок третьего убыла на Урал, главу старшим инженером завода назначили. Новых не заселяли, так что жили те неплохо. Вот так пообщались, немного припасов оставил, а то у них к концу подходили, и ушел.

Дед в санях ждал, шкуру на ноги накиннул, кажется волчью, и дымил трубкой, наблюдая, как детишки катаются. Я велел везти меня к общежитию, а завтра утром в семь часов как штык. На весь день

нанимал. С утра на рынок, запасы сала пополнить надо, а то у меня много ушло. Что сам съел, что дарил знакомым, угощал. Быстро уходили. Комнату мне выделил комендант, для старшего офицерского состава, на двоих. Соседа нет, он командированный, танкист, на заводе где-то, так что пока один разместился. Душа нет, но имелась банька, посетил, тут рядом, пять минут идти пешком, до полуночи работает. Причем вот так с улицы не попасть, хотя и городская. Комендант квиток на разовое посещение выдал. Вот так вернувшись, я занялся плотно нейросетью. Что еще порадовало, похоже никто и не понял, что я тот самый местный Одинцов, дважды Герой. А это фигура. Надеюсь. раньше уехать, пока не сообразят.

* * *

С поезда меня сняли в Свердловске. Это будущий Екатеринбург. Я бы сказал бывший-будущий. Пришли трое в форме НКВД со строгими лицами, один офицер, капитан. Поначалу я услышал, как вроде меня ищут. Заглядывают в соседнее купе и спрашивают подполковника Одинцова. И голос приближался. Вот я и крикнул в открытую дверь:

– Эй, кто там?

– Подполковник Одинцов? – заглянул к нам солдат НКВД, за плечом виднелся ствол карабина Мосина.

– Это я.

Сам я был в простой полевой форме, без наград. А что, в парадной потеть? Тут жарко, несмотря на морозы снаружи. Эта хорошо разношена, самое то для долгих путешествий. Боец на миг исчез и вернулся с другим бойцом и капитаном. Тот и потребовал мне проследовать за ними.

– С какой это радости?

– У меня приказ, – хмуро сказал капитан.

– Мне нет дела до приказов, которые вам отдали. Я еду на новое место службы, и в приказе о том, чтобы сходить в Свердловске, ничего не указано.

В моей руке появилась «лимонка», ручная граната Ф-1, из которой я демонстративно выдернул кольцо и отпустил предохранительную скобу. Зашипел замедлитель, из запала пошел дымок. Все трое

ломанулись прочь от моего купе, судя по шуму, попадав на пол, я же убрал гранату в хранилище. Это настоящая граната и примерно через три секунды взорвется. Как достану из хранилища. А что, у меня там десятка два таких гранат, удобно в бою, не нужно кольцо дергать, уже приведены к срочной инициации. Так что бояться сотрудникам НКВД нечего, а вот воспринимать меня серьезно, да и с опаской, теперь точно буду. А то гонор тут показывают, челюсть вперед выдвинул и приказным тоном общается. Не понравилось мне это. Я на верхней полке лежал, посмотрев вниз, попросил попутчицу:

– Подайте стакан воды, пожалуйста.

Та подала. Вообще, купе полное. Старушка ехала с двумя внучками, одной семнадцать, это она воду подала. С ней я от Казани и флиртовал. И как-то терять такое общество по желанию какой-то морды не собираюсь. Почти минута прошла, я уже стакан пустой вернул, это мой, когда капитан осторожно заглянул и, несколько нервно рассмеявшись, сказал:

– Ну и шуточки у вас, товарищ подполковник. И все же вам придется пройти с нами.

– Приказ? – протянул я руку.

– Только устный.

– Тогда нет. Второй раз я на эту удочку не попадусь. А то было уже, пройдемте с нами на Лубянку. А там в карцер, где ледяная вода по колено. Три дня держали. А между прочим, декабрь месяц сорок первого был. Так что, капитан, кругом, и вон отсюда.

– Товарищ подполковник, – тон у него стал просительным, – у меня приказ вас доставить на аэродром, там борт сядет, что летит в Хабаровск. Посадить на него. Я сразу говорю, у меня полномочий хватит, чтобы отцепить ваш вагон и отправить поезд дальше.

– Вот гад. Ладно, собираюсь.

Собрался я действительно быстро, у меня вместо шинели полушубок овчинный был, тут реально холодно снаружи, так что с вещами покинул вагон, как раз дали сигнал к отправке, поезд из-за нас на минуту задержался. Дальше к машине, это был трофейный «опель», четырехдверный, и вот покатали куда-то. Втроем, те два бойца на вокзале остались. А так, подождав два часа, меня действительно посадили на «Ли-2», причем транспортный, с лавками по бортам, и мест нет, но мне нашли, и далее уже сам полет, с дозаправками. Вот

честно, лучше на поезде. Я только-только начал разбираться с магической нейросетью. А вот такая спешка насторожила. Войны с Японией пока не было, в Горьком об этом тоже не слышал, но торопят, значит, скоро начнут. Кто-то из генералов, что меня хорошо знал, решил задействовать такую единицу и отдал приказ побыстрее доставить. Вот и выполнили. Настораживает. Хотя ладно, я уже смирился, буду ветераном не только Великой Отечественной войны, но и ветераном войны с Японией. Рыбалка, я лечу к тебе.

Добрались до конца маршрута за четыре дня. А чуть больше двух суток пережидали на затерянном среди бескрайних лесов аэродроме. Тут была заправочная станция, непогода, снежная пурга прижала нас к земле. Впрочем, я не расстроился. Повар на аэродроме был специалистом-кулинаром, его изюминка – торты. Кондитер. Делал лучшие. Он ожидал демобилизации, чтобы вернуться в родной город Казань. При хлебопекарне работал, как раз торты выпускали и разные сладости. А какие он чак-чаки делал? Ум-м, пальчики оближешь. Я о поваре узнал, как и о том, что мы тут надолго, часа через два после посадки. Не дали нам разрешения на взлет, вот и устраивались в деревеньке при аэродроме. Я сразу договорился с парнем, и тот активно работал на кухне, даже в неурочное время, выполнял мои заказы. Продукты и мед, включая банки сгущенки, я ему дал. Тот пек торты, сладости разные. То есть то, что любил больше всего на свете, но делал редко, по заказу кого-либо из офицеров или еще кого. А тут три дня без остановки, ну кроме сна, изрядно напек мне всякого. Я запасы десертов для чая солидные сделал.

Особо на это не обращали внимания, хотя каждый убивал время как мог. В самолете летели и генералы. Вообще из полутора десятков пассажиров всего двое в гражданском пальто. Причем самолет транспортный, там холодно. Всего трое офицеров, включая меня, были в полушубках, плюс один моряк в бушлате. Нам проблем нет, нам тепло, остальные в шинелях мерзли. Тут хоть отогрелись. Также я занимался нейросетью. Как я понял, такого понятия, как базы знаний, тут нет. Все изучаешь на собственном опыте. Благо как раз на сети имелась страничка, описывающая, что может сеть и как работать с ее опциями. Все это я и осваивал. Главное экстренно, копировал с памяти музыку и фильмы. Память штука сложная, новая информация вытесняет старую, и та теряется. Даже с помощью магической

нейросети не все можно восстановить. Поэтому я мало занимался изучением нейросети, оставив это на потом, потому что не хотел терять и секунды драгоценного времени, боясь еще что-нибудь потерять. Да, были обрывки музыки и фильмов, которые я бы хотел иметь в запасе, но не повезло.

Ну и опишу, что же это такое эта сеть? Почему я ее как-то назвал пультом дистанционного управления. К сети можно приписывать другие амулеты, она их изучает и подключается, и уже через нее можно управлять ими. Быстро, в полном объеме и качественно. Пока без понятия другие мои амулеты и артефакты можно так настроить, или нет? Пробовать надо. Однако пока не до этого, закончу с самым важным, уж как меня радует, что я теперь рок могу слушать, да и другие песни, что только этим и занимался. Копировал что сохранилось. Уже две тысячи песен и около трехсот фильмов в памяти сети есть. Причем память огромная, даже процента не занял. Одна доля процента, разве что.

В общих развлечениях у пассажиров борта карты, игры, кто-то даже на охоту съездил с местным охотником, несмотря на пургу, но я не участвовал. Лежал на койке и делал вид, что дремлю. А на самом деле плотно работал с сетью. Иногда уходил, чтобы забрать очередную партию шедевров от местного повара, и обратно, так для меня трое суток и пролетели. А ведь и в поезде, пока ехал, немало смог сделать. Есть еще одна причина, почему я держал дистанцию с офицерами, моими попутчиками. Я на разных фронтах воевал, многих старших офицеров знаю, а они меня. Вот и среди пассажиров была такая не самая приятная личность. А это тот самый член Военного Совета фронта, которому я увлекательные две недели устроил, с мокрыми штанами. Сейчас тот генерал-полковник, видимо, по своему ведомству летит на Дальний Восток. Похоже, действительно скоро начнется. Тот тоже старался меня не замечать, не общались, делали вид, что не знаем друг друга. Также еще пара полковников знакомы, так перекидывались парой слов. Но и только, остальных не знаю. Когда добрались до Хабаровска, я по сути закончил. Вылавливал остатки. Основное скопировал, осталась мелочовка. Еще добавлю по встроенной защите носителя нейросети. Была такая. Она активна, в пассивном состоянии, но мощность неизвестна. В описании есть отметки октанов при попаданиях, но вот как раз мне эти цифры ничего не давали. Зато

выяснил, что защита, принимая удар, получает энергию, подзаряжая амулет. Удобная функция.

Да, пока летел, попробовал подключить амулет «Глаза». Тот десять минут настраивался на него, и на рабочем столе появилась иконка. Да, я через нейросеть мог использовать «Глаз» и только сейчас выяснил, что и на треть процентов его опций не пользовался. Просто не доступны были. А сейчас пожалуйста. Думаю, я теперь оператор амулетов на уровне магов, как они через ауру управляли. Этот амулет нейросети делал меня подобием мага, что не могло не радовать. Это находка так находка, жаль, времени мало и это все что успел. Мы прибыли в Хабаровск. Борт, к слову, дальше летел, как и часть пассажиров, но многие сходили здесь.

Кого машины ждали, кто сам шел к зданию управления этого военного аэродрома. Там же рядом штаб части, что тут дислоцировалась. Похоже, тут стояли истребительный полк и бомбардировщики. И не те, что тут всю войну простояли, видно, что фронтовики. Видимо, из Германии перебазировались. Я в курсе, что некоторые подразделения грузили на эшелоны и увозили. Похоже сюда те и шли. Меня никто не встречал. Я не стал отмечаться в штабе полка, а уехал в город на грузовике ЗИС-5, что тут выполнял роль автобуса. Эти автобусы тут днем с огнем не сыщешь. Большая редкость. Лавки в кузове есть, крыт тентом, и хорошо, замерзнуть не успеешь. Причина, почему в штаб при аэродроме не пошел, думаю, понятна, там наверняка ждет меня приказ, что делать дальше. Клал я на этот приказ. Отмечусь в комендатуре, и у меня две недели свободного времени. В моем предписании прибыть в часть черным по белому указан крайний срок, дальше дезертир. Вот до момента, когда этот срок наступит, за несколько часов, и прибуду куда следует. А до этого я свободен. У меня по сути отпуск. А все просто, я подписался под предписанием, а в том, что раньше должен был прибыть в часть, нет. Удобно пользоваться канцелярскими ходами. Предъявить мне ничего не смогут. Я ничего не нарушил, даже в комендатуре отметил. По сути, законный отпуск и есть, кто же не воспользуется им? Меня высадили недалеко от комендатуры, так что зашел, отметил, и свободен. К слову, дежурный сообщил, где штаб фронта. Да тут же, в городе.

Глупо было надеяться, что про меня забудут, на пятый день нашли. Да раньше бы это сделали, на самом деле найти в Хабаровске можно легко. Тут все под контролем. Вот только жил я не в Хабаровске, а в небольшой деревеньке недалеко от города, та стояла на берегу Амура. Порыбачил, понравилась подледная ловля, у местных покупал красную икру, слабосоленую, очень вкусная. Жил в доме старейшины, думаю, он меня и слил, участкового в деревне не было. Я занимался нейросетью, просто отдыхал и ловил рыбу. Горбуша была, разделявал, неплохо порыбачил. Что получше – оставил, остальное местным ушло. Да те на мою ловлю с улыбками смотрели. Они-то сетями ловят, это их хлеб.

Скандала не было, прибывший офицер-связи вручил мне приказ явиться в штаб немедленно. То, что война с Японией уже вторые сутки идет, я в курсе. Да забил болт на это. Двадцать четвертого января Дальневосточные армии двинули. Выполняли соглашение с американцами, это было одним из их условий за ленд-лиз. Так что изучил приказ, зло сплюнул, житья не дают, только расслабился, только почувствовал этот сладостный воздух свободы, приехали, забираем на войну. Офицер на машине был, по льду приехал, так что собрал вещи, и с ним в Хабаровск, и сразу в штаб фронта. Там оформили мне прибытие и назначение в разведывательный отдел фронта. В этот раз в первое отделение, войсковой разведки. Жуков был тут, встретил меня хмуро, отчего я широко улыбнулся. Тот прищурился, с подозрением меня изучая. А что, в первую ночь после прибытия я в городе был, хотя работал комендантский час. Навестил незаметно маршала. Тот, говорят, женщин очень любит. К слову, действительно он не один спал, не женщина, молодая дивчина была. Судя по форме, из связисток.

Все, больше не сможет. Я как раз лекарский амулет, как и диагноста, привязал к сети, вот и попробовал. Черт, да я теперь и отсутствующие органы, и конечности отращивать смогу. В общем, Жукову не до женской ласки теперь, видимо поэтому и раздражен. Пока я видимо вне подозрений. Такое еще не применял. Думаю, тот осерчает, нрав-то крутой, когда догадается. Да и пофиг. Уберу, как только прошение об отставке оформят и подпишут. Условие такое. Кстати, я все амулеты привязал, как и оба боевых артефакта, хотя большую часть так и держу в хранилище. Достаю, когда нужно, а то

весь в украшениях буду, не поймут. Я и браслет убрал на ногу, там его не видно. К слову, та брошь, боевой артефакт, нейросеть ее признала по качеству выделки раз в пять лучше, чем то, что от магеньша получил. Похоже, тот мне все же ширпотреб слил за все. Хотя я вполне доволен и этим.

Боевая работа сразу пошла, раз надо, делаем. Летал днем на «пешке» с сильным истребительным прикрытием. Да и ночью, но уже одни. Информация пошла в штаб, и очень точная, Жуков оценил, даже похвалил как-то через неделю наступления. Так вот, Жуков не в первый раз меня к рукам желал прибрать. Помните тех трех офицеров, что погибли в засаде бандеровцев? Его люди. И до этого тоже пытался меня к себе дернуть, там разные накладки выходили, не получалось. А вот тут, уже после окончания войны, у него это вышло. Японцы против нашего фронта просто ничего сделать не могли, где они выстраивают оборону, наши уже знают, сколько и каких сил, и направляли те силы, что способны сбить их и гнать дальше, если не окружить. То есть ночами хорошо мы работали, с полной отдачей. Стоит отметить, что меня не охраняли, от слова совсем. Смысла не видели, те, кто за мою голову давал большую сумму, или мертв, или под арестом. Я потерял привлекательность для убийц. Да тут пока меня никто не знал, да и жил я на аэродроме, где дислоцировалась разведывательная эскадрилья. И еще, пока вел разведку и вообще дожидался конца войны, не думаю, что японцы долго выдержат, много о чем думал. Да я про амулеты. Шансы найти новые есть, как я уже убедился. Просто задумался. А где их можно найти? А если в запасниках или на складах вещдоков НКВД и милиции? Поискать в разных городах. Те же тащат себе все интересное и странное? Мысль стоящая. После войны и загляну. Хотя на Лубянке был, сканером не раз пользовался, сигналов не было. Но это ни о чем не говорит. Может, просто не повезло.

Надо сказать, фронт наш двигался более чем успешно, вырвавшись далеко вперед по сравнению с другими фронтами. Мы уже к Корее выходили. Три недели прошло, не со дня начала войны, а с момента, как меня служить вернули, и сразу, в эту же ночь, на разведку послали. Как я уже говорил, Жуков, да и офицеры штаба фронта быстро оценили удивительно точную и качественную разведывательную информацию, что им поступала от меня.

На улице вьюжило, ветер сильный, в общем нелетная погода, было два часа дня, я после плотного завтрака, а проснулся в двенадцать, сидел в бревенчатом здании клуба авиадивизии, на аэродроме которого дислоцировалась наша разведывательная эскадрилья. Раньше это был большой амбар, но военные строители поработали, и тот стал клубом. Штаб фронта двигался за наступающими войсками. Тут до Кореи километров сто, как и до передовой. Нормально. Непогода мешает, а так неплохо идем. Сегодня было шестнадцатое февраля, мне вчера двадцать два года исполнилось, уже отметили. Так вот, я проснулся, узнал, что погода нелетная, да никто в такую погоду не летает, тучи низкие, вот посетил столовую и в клубе, сидя у окна, с командиром своего борта, майором Пеговым, играл в нарды. Стрелка нашего не было, парень молодой, на год моложе меня, отсыпался. Тут и забежал в клуб офицер связи дивизии, сообщив шокирующую новость:

– Жуков убит!

– Где?.. Когда?.. – посыпались на того вопросы со всех сторон.

Мы с Пеговым тоже отвлеклись от игры и с удивлением посмотрели на молодого лейтенанта.

– К наступающим частям поехал, с инспекцией. Два «зеро» прорвались и успели сделать заход. Там погода устойчивой была. Трое погибли, включая командующего. Только что охрана командующего сообщила открытым текстом.

Я чертыхнулся. Рабочая схема с отставкой полетела к черту. Ладно, что-нибудь придумаю. Значит, Жуков не будет убивать Берию, кто-то другой постарается. Вообще с Берией много странностей. Думаю, его застрелили при аресте, а суд и исполнение приговора были только на бумаге. Ладно, было и было, и фиг с ним. Так что мы вернулись к игре. В клубе довольно оживленно стало, новость-то многих шокировала, обсуждали, кто примет фронт, пока ясно, что командовать будет начальник штаба. Я же изредка поглядывал в окно. Тут я заметил кое-что интересное и озвучил это:

– О, смотрите, капитан Пунак в санчасть пошел. Полтинник ставлю, что люлей получит.

– Принимаю и поднимаю до ста, – послышался за спиной голос подполковника Свиридова, командира бомбардировочного авиаполка. Неожиданно, я вообще-то это говорил Пегову.

– Хорошо.

Достав нужную сумму из нагрудного кармана френча, положил на стол, сюда легли и купюры комполка. Вообще такие споры на деньги не редкость, поэтому большая часть офицеров столпились у трех окон на эту сторону и напряженно ожидали, что будет, не одни мы побились об заклад, еще с десятков офицеров последовали нашему примеру. Только суммы были поменьше. Меньше минуты, и Пунак вылетает из двери санчасти спиной вперед, кувырок через голову, и тот сидит, широко расставив ноги и держась за правую щеку. Следом вылетела форменная шапка. Вот так, с довольным видом прибрав выигранные деньги, я вернулся к нармам, делая ход. Вообще с девушками в армии проблемы. Надо сказать, что свободных почти и нет. Сколько бы ни прошло времени, но все равно ложатся под кого-нибудь. Уговаривают отдариться женскими ласками, кто-то и чинами давит. Поговаривали, что покойный Жуков как раз сторонник последнего способа был. Так что девушки разные, есть серьезные, есть и те, кто поддается. Причем не одного любовника имеют, а несколько. Таких называют «скорострелками», они подразделяются на два типа: «автоматчицы», у этих много связей, но они разборчивы, и «пулеметчицы» этим вообще пофиг, со всеми спят. Понятно, кому надо знают кто-где, и идут с мелкими подарками, получают что хотят. Помнится, я служил зимой сорок первого – сорок второго в одной дивизии, так там две девушки были, за которыми я приударил, еврейка, художница в штабе полка, и ефрейтор. Динамили меня просто по-черному, так что я плюнул и нашел другую. Так вот, ефрейтор еще ничего, сошлась с одним офицером, даже поженились. Тот правда погиб, а беременную вдову сослали домой. Это все что о ней знал. А еврейка потом по рукам пошла, та самая – «пулеметчица».

Это я к чему все, просто в санчасть неделю назад прибыл новый медик, лейтенант медицинской службы. Настоящая казачка, красotka каких поискать. Я со стороны глянул и понял, не мой вариант, такая только для серьезных отношений. А та вот отбивается от наглых ухажеров. Даже за то, что старшего по званию ударила, ей ничего не будет. В таком деле шум не поднимают. Правда, если руки тянут, тот видимо полапать хотел, вот и получил. Сам я проблем с постельными утехами не имею, купил у местного торговца двух девушек шестнадцати и семнадцати лет, живут со мной, переезжая с места на

место. Договорился с ними так, до конца войны те со мной живут, я им дома покупаю, и расстаемся. Для местных это нормальные торговые отношения, даже богатое предложение. И те отработывали от и до. Правда, Политуправление вчера узнало, настучали, я как раз день рождения отмечал. Намылили шею. Велели убрать их с территории военной части. Убрал. Теперь сам ночью в соседней деревушке, где снял дом.

Сегодня прямо день сюрпризов. Не успели мы закончить партию нарда, Пегов ушел, его место тут же занял комполка, отыграть свою сотку решил, как в клуб зашло знакомое лицо.

– Демин? Черт, неужели ты, котяра?

– Это кто? – спросил мой партнер по игре, обернувшись к дверям.

– Демин, мой подчиненный бывший, с конца зимы сорок второго не виделся. Тогда старшиной был, из разжалованных командиров, сейчас, смотрю, майор уже. Позывной боевой – Кот.

Причем зашел тот не один, еще три офицера с ним, похоже его подчиненные. Тоже погода их здесь задержала.

– Командир, – привлеченный моим возгласом, он двинул ко мне. – Давно не виделся. Как твои колокольчики?

– Еще рас спросишь, у тебя останется восемь жизней.

Тот захохотал, и мы крепко обнялись, хлопая друг друга по спине. Да, неожиданная и приятная встреча. Извинившись перед комполка, потом партию сыграем, за нарды уже другой офицер сел, их на клуб немного, мы отошли пообщаться. Что по колокольчикам, это только нам двоим понятная хохма. В той дивизии меня еще одна девушка динамила. Причем с другими спала, не с одним, а мне отворот поворот. И прям вся в моем вкусе. Вот я, когда у нее интим, колокольчиками и привлекал внимание, звон по всей округе шел. Плюс небольшие колокольчики. Патрули уже привыкли бегать на звон. У той никакой личной жизни. Правда и парни, что к ней ходили, недовольны были, но это можно пережить. Догадалась та быстро, чья это работа, да я особо и не скрывал, и пообещала оторвать мои... колокольчики. Я серьезность обещания понял и отстал. Но эта хохма еще долго гуляла по дивизии. Тут же согнав пару офицеров из-за стола, я стал доставать из карманов бутылку коньяка, закуски. Демин круглыми глазами смотрел, что я делаю. Правда, не сплеховал, ловко вскрыл первую

бутылку и разлил по рюмкам. Осмотревшись, я сказал офицерам, что за нами следили:

– Что? Мы три года не виделись... Ну, за встречу.

Не напивались, тем более другие офицеры натащили закуски и спиртного, и пошла стихийная гулянка. Так что на всех не так много спиртного было. Все-таки такая встреча. А к своим девчатам я шел твердой и уверенной походкой, пусть от меня и попахивало. Там и вырубился. Как раздевали, уже не помнил.

– Жуков жив, только сильно ранен! – забежавший в столовую при аэродроме дежурный офицер своим громким криком заставил многих офицеров поморщиться, массируя виски.

Начавшаяся вчера пьянка продолжалась дальше без меня, и многие были сейчас в плохом состоянии. Хотя командование сильно не ругалось, людям тоже отдых нужен, да и погода все так же нелетная, но вот продолжить уже не дали, поэтому многие приходили в себя, пусть и не все выползли к обеду. Другие еще спали. Когда я еще шел к себе, включил автодоктора сети, так что проснулся бодрячком и похмельем не страдал. Хотя тоже поморщился и сказал сидевшему напротив Коту, что со своими офицерами задержался на аэродроме:

– Слышат звон, а не знают где он. Погиб, погиб...

– Бывает, – пожал тот плечами, продолжая мешать ложкой кашу. Первое блюдо тот почти все съел, а на рискованной каше встал, все же тоже похмельем страдал.

Сам дежурный, сообщив эту новость, сразу покинул зал столовой, а офицеры и сержанты, что получали пищу, стали обсуждать услышанное. Поднялся легкий гул от разговоров. Девчата-официантки тут же унесли информацию на кухню, но продолжали носить тарелки, забирая грязные. Люблю на аэродромах жить, тут шикарные условия, лучшие. Это если брать другие рода войск, летуны впереди планеты всей. Уж я знаю. Ну кроме моряков, с ними как-то мало пересекался. Было один раз, в Крым нашу дивизию доставляли, но это не опыт, так, мелочь. Да и шел на гражданском судне, временно переделанном в транспорт, и кормили там сухпаем. Хотя чаю было в досталь, постоянно матросик с чайником бегал. Есть с чем сравнить, поэтому, когда приказали жить на аэродроме, я не возражал. Хотя конечно же Политуправление и тут на мозги капает, то не делай, туда не ходи. Им

вообще какое дело как я живу и с кем? Тем более жизнь свою личную я не выставляю напоказ и не бахвалюсь. Если бы случайно не спалили моих девчат, никто бы и не узнал. А так размышляя, я пил чай. На самом деле погиб Жуков или нет, для меня все едино, план не сработал. Да и не сработает. Нужно искать кого-то другого, чтобы прошение об отставке подтвердил, а то в последнее время начались странные телодвижения вокруг меня. В основном старшие офицеры, комиссары подходили, говоря, что служба в армии дело почетное, высокая зарплата, и все такое. На мозги капают, как я понял. Не знаю, в армии остается много достойных офицеров и им нужны места для службы. Я хочу на гражданку и занимать чужое место также не желаю. Те же не хотят упускать дважды Героя, прямо говоря о шикарных возможностях карьерного роста и остальное. Какая карьера? Мне двадцать два года, и я подполковник. Покажите мне еще одного офицера, что достиг таких успехов? Нет уж. Это все лишено смысла, поэтому пока пил чай, просто отметил эту волну на меня, что поднялась примерно неделю назад.

Тут я чуть не захлебнулся, чай не в то горло пошел. А моя нейросеть дала сигнал, что в зону ее работы вошло что-то магическое. Не человек, предмет, амулет или артефакт, и на довольно большой скорости приближался. Не самолет, скорее всего машина. Демин с силой постучал по спине. Я же со слезами на глазах откашлялся, прочищая горло, и хрипло того поблагодарил:

– Спасибо.

Сам же, встав, прошел к выходной двери и, выйдя на крыльцо столовой, стал задумчиво изучать служебный автобус. Кажется, он от железнодорожной станции прибыл. Наш, аэродромный. Среди тех, кто покинул салон, была знакомая казачка, лейтенант медицинской службы, что вчера отправила в красивый полет одного из офицеров БАО. Это я к чему... Та шла красивой и уверенной походкой, завораживающей, в сторону санчасти, сумку несла, и моя сеть уверенно показывала именно на нее как на носительницу живого амулета или артефакта. Чтобы это точно выяснить, нужно было это неизвестное нечто подключить к моей нейросети, а это прямой контакт, прижать к сети. Черт, и как это сделать? Потерев челюсть, я задумался. То, что у девушки раньше ничего не было из магических предметов, факт, значит, или приобрела, или нашла у станции. Там

пассажирский перрон, где был стихийный рынок. Я так понял, девушка ездила на склады по служебной надобности, увольнительные пока не давали, вот думаю, что зашла на рынок. Сам я охотился за любой магической новинкой, и то что она там нашла, меня очень заинтересовало. А что, пока ехал сюда на поезде из Горького, сканер сети работал – глухо. Потом правда на самолет посадили, но тоже – глухо. И воюю какую неделю подряд, никаких сигналов. А тут раз, есть, и у кого? Вставал вопрос, сразу идти или подождать? Если девушка купила понравившуюся ей безделицу, это может привести к тому, что и не перепродает, даже не обменяет на что получше. Да и как я к ней обращусь? Товарищ лейтенант, продайте то, что у вас в правом кармане или в вещмешке? А как я об этом узнал? То-то и оно. Ситуация пока патовая, но надеюсь, решение будет найдено.

Вернувшись в столовую, я закончил обед. У меня бутерброд с маслом и сыром не доеден, да и чай остался, и вот так поев, готовили тут отлично, пообщался немного с Деминым, больше не получилось, его срочно сдернули с аэродрома, машину прислали, и тот с офицерами убыл. Когда теперь увидимся? Попрощались, как будто лет десять не увидимся. А тот так и не сказал, где службу проходит, в сторону разговоры уводил, я и перестал спрашивать. Погода вроде налаживалась, уже «окна» в облаках видно, моторы самолетов звучали, техники заканчивали ремонт и обслуживание, воспользовавшись этими двумя свободными днями. Несколько машин, включая разбитую при посадке, вернули в строй. Часа в три дня я покрутился у санчасти и все же уверенным шагом направился ко входу. Сканер показал, что все пять работниц, а это врач, майор медицинской службы, казачка и три медсестры, с интересом следили из окон, как я ходил кругами у медсанчасти, как мартовский кот. Не знаю, чего они там себе надумали, а все пятеро девушки, но планы у меня были другие. Вот так оббив сапоги от снега на пороге, отмахнул метелкой и прошел в холл, где за столиком сидела дежурная. Едва успела сесть и поправить прическу, как я зашел. Сканер это показал. Та со строгим лицом обернулась ко мне, делая вид, что ее оторвали от написания в журнале чего-то важного. Лицо держала, а в глазах ехидства на десятерых.

– Что-то случилось, товарищ подполковник?

– Мне казачка нужна. Она где?

– Товарищ лейтенант медицинской службы Вера Андреевна Полянская пока занята на перевязке.

Сканер показал, что те чаи гоняли, а раненых в санчасти всего двое, травмировались при посадке. Командир борта и штурман, бортстрелок отделался испугом. Травмы легкие, в госпиталь отправлять не стали. Сейчас оба офицера играли в карты, прислушиваясь к шумам снаружи.

– Я подожду.

– Товарищ майор свободен.

– Она не сможет мне помочь.

– Ждите, – указала та на лавку и продолжила якобы что-то писать.

Правда быстро закончила и ушла в комнату отдыха, где и зашептала, что я сказал. Зря делала, те все слышали, подслушивали, чуть приоткрыв дверь. А вот казачка праведным гневом пылала. Правда, быстро в себя пришла и прошла в процедурную, велев одной из медсестер вызвать меня. Причем руки разминала характерно так. Поправив воротник френча, что-то он тесным стал, шинель на вешалке ранее оставил, я прошел следом за медсестрой в процедурный кабинет.

– Проходите, – велела казачка, взмахом руки отпуская медсестру, хотя та явно желала остаться.

Впрочем, я бы сам постарался выпроводить ее, но девушка успела первой. Когда мы остались вдвоем, я подошел к столу, с другой стороны стояла на вид расслабленная казачка, что прямо с ног сшибала своей сексуальностью, и сказал:

– Со станции вы что-то привезли. Купили или нашли, не важно. Хочу это получить, обменять.

После этих слов выложил на столешницу несколько ювелирных украшений. Два комплекта сережек, пару колечек и женский браслет, все из желтого металла. Да, золото, просто ювелиры обучили, пока точно не уверен, желтый металл, а не золото. Да, надо сказать, ошарашил так ошарашил. Та с удивлением посмотрела на меня, во взгляде что-то такое мелькнуло. А что, я решил в лоб идти, чем разговорные кружева плести. Девушка она решительная, может и не дослушать. Конечно, вряд ли дойдет до того, что старшего офицера ударит, тем более как другие за всякие волнительные упругости и холмики я хвататься не собираюсь, но неожиданность наше все. Та подумала, чуть неуверенно кивнула и смела все, что я предложил, в

руку, после чего вышла. Сканер уже показал, что тот предмет не в медсанчасти, а в полуземлянке, где жили медики и некоторые девушки с узла связи. В общем, женское общежитие, куда ходило на охоту немало офицеров. Кто-то удачно, кто-то нет. В общем, обложили девчат со всех сторон. Ну да ладно, десять минут, а это быстро, пришлось подождать, пока та не вернулась и протянула предмет, сильно фونهاющий магией. Проверять что-то при девушке не стал, что пристально разглядывала меня своими черными омутами, но, мельком изучив, уточнил:

– Где вы его взяли?

– На станции мальчонка лет десяти пристал, продавал всякое. Я местных языков не знаю, но вот эту штуку купила.

«Эта штука» имела вид плоского бронзового медальона, с мой кулак размером, судя по скобам, носилась на цепочке, на груди. По кругу шел красивый орнамент, это я знаю, что это руны, а девушке просто понравилось украшение. Уточнив, как выглядел мальчонка, искрение поблагодарил ее и покинул кабинет, оставив девушку в недоумении. Я быстрым шагом направился к штабу авиадивизии, что дислоцировалась тут, не вся, но машину взять я там мог, и брал, когда нужно, но меня перехватил дежурный. Поступил приказ срочно явиться в штаб фронта. А он тут рядом, в той деревне разместился, где я комнату снимал для своих девчат. Так что машину я все равно взял, быстрее доехать. А видеть меня желал новый командующий фронта. Жуков в госпитале, уже две операции сделали, состояние стабильно-тяжелое. Перевозить нельзя пока, а то самолетом бы в Москву отправили. Это я от офицеров узнал, пока командующий меня не принял. Кто это, уже знал, Мерецков. Он неделю назад прибыл и вот изучал действия фронтов. Представитель Ставки главнокомандующего. Мы с ним лично не знакомы были, тот обо мне много слышал, хотел увидеть такого уникама разведки, вот и познакомились. Пообщались где-то с полчаса, остались довольными друг другом. Я прямо сказал, в армии до конца войны с японцами, потом буду писать прошение об отставке. Тот не возражал. Пока же изо всех сил стану стремиться работать в своем направлении. А так два дня нелетная погода. Впрочем, ночью постараюсь вылететь, данные авиаразведки уже как воздух были нужны.

На этом и расстались. Водителю велел сначала на станцию везти, не зря же машину брал. Мальчонку я быстро нашел, сканер начал сигнализировать, что еще три предмета видит, два в одном месте, третий с другой стороны станции, еще когда мы подъезжали. Сначала подъехали к лачугам, тут беднота жила. Оставив машину, отбиваясь от мелкой детворы, что кланчили деньги, по виду китайцы, я быстро нашел нужный домик. Мальчонка был, семья принимала пищу, похоже, те впервые полностью наелись, это не с продажи ли того медного диска? Дальше постучался, попросил позвать мальчонку, общались вполне уверенно, матушка его русский худо-бедно знала. Тот и продал мне два оставшихся предмета. Печатку из металла, вроде серебра, и пластину. Металл не знаю, белый он. На обоих предметах также руны. Щедро оплатил, семья явно нуждалась, а так протянут с год на такие деньги. Потом доехали до второго сигнала. Патруль только взглядом проводил. Старшие офицеры вот так могут передвигаться и без разрешений или увольнительных. Удобно. В этот раз был мелкий лавочник. Я сам в его вещах порылся и добыл нужный предмет. Любопытно. Очки. Не как наши, скорее мотоциклетные, но стекол нет, а был металл, испещренный рунами. Очки ночного или дальнего видения? Станный выбор. Выкупил, лавочник отчаянно торговался, но я торговлю сбил, просто оплатил столько, сколько тот сразу запросил, и, убирая покупку на ходу в хранилище, покинул лавку, и мы покатали на аэродром.

На аэродроме дежурный сразу отправил меня отдыхать, ночью вылет, уже самолет готовят. Остальной экипаж тоже отправлен спать. Так что устроился у себя в комнате, с девчатами моими, помиловался, конечно, но сразу не уснул, поработал со всеми четырьмя предметами. Откуда они взялись, я узнал от самого мальчонки, его мать переводила. Спер ранец японского солдата, там все и лежало. А он жил в их лачуге, бежал так, что все забыл. Солдат хвастался, те слышали, что убил странного человека и много что с него снял. А лавочнику те очки сами продали, вернее обменяли предмет на еду. Правда, дали мало, и остальное тот старался на рынке продать. Так и купила Вера Андреевна.

Что по вещам, то все удалось активировать и приписать к нейросети, полчаса заняло, так что изучил, что это. Ну диск этот, уже ясно, что магическая защита. Довольно мощная. Странно, что при

такой защите можно было носителя убить. Хотя если целая рота по нему палит, да с пулеметами, может и продавило, пока перезагружалось, скидывая излишки энергии, могли достать носителя. У всех защит есть свои плюсы и минусы. Ладно, что там дальше? Печатка – это удивительная вещь. Безразмерное хранилище. Вмещает семь тонн вещей. Причем заполнено почти до полного. Потом изучу, что внутри. Хм, нейросеть показала, что там хранится что-то живое. Выясню, не тут же это делать. Главное отметил, что там можно хранить живое. Это не мое хранилище. Очень порадовала такая находка. Теперь точно все силы на поиски брошу. Пластина – это климат-контроль, качеством куда лучше, чем тот амулет, что у меня уже был. А вот с очками – никак не мог разобраться. Надел и изучал, что вокруг есть. Контуры девчат подсвечивались, но и только. Магические предметы те не видели, в этом я убедился. Ладно, потом их изучу. Вот так обнял обеих девчат, не люблю спать один, и вскоре уснул. Кстати, не думаю, что это все, что было с того мага или путешественника по мирам. Часть наверняка разошлась по рукам других японских солдат. Мало амулетов. Боевых артефактов так совсем нет. Очки эти еще непонятные. Кстати, та брошь, что огненными шариками стреляет, сделана по одному принципу с этими четырьмя находками. Похоже, она из комплекта вещей того погибшего мага и неизвестными путями добралась до Москвы. Интересно, куда разбежалось остальное? Буду искать.

Следующие несколько дней я активно летал и работал по своей специальности. Видимо не зря, еще один «Боевик» получил. Наши армии вошли в Корею. Скоро до бывшего Порт-Артура дойдем. Полсотни километров осталось. Штаб фронта, а следовательно, и наша разведывательная эскадрилья, двигались следом. Я там уже всю деревню изучил, станцию и все вокруг, но сигналов от сканера больше не было. Зато разобрался с последними находками. Ну магическая защита и климат-контроль – это понятно, случайно выяснил, что очки отлично показывают ветра. Именно потоки ветров, подсвечивая на дальности десяти километров. Мощная штука. Для летчиков неплохая находка. В коридоре с попутным ветром можно изрядно экономить время полета и запасы бензина. Дольше пролетишь, если проще. С печаткой не так все радужно. Нет, барахло я там все вытряхнул, вещи переворошил, припасы и остальное. Большую часть продал местному

перекупу на одном из стихийных рынков. Припасы тоже ушли, есть неизвестное из других миров я не собирался. Вот с живыми в печатке не так все радужно, молодые девушки, некоторые совсем еще дети, все со следами сексуального насилия. Вот урод тот маг. Правильно его убили. Всех их через наших медиков отправил в Хабаровск, как жертв от действий японских солдат. Как я понял, маг на Земле был некоторое время, пусть и недолго, но несколько дней точно. Две девочки из местных оказались. Видимо прихватил тех, кто понравился. Их постарались вернуть в семью. Также помимо слабого пола был верховой вороной конь. Я глянул, различий с нашими не было. Может, тоже из этого мира? Не знаю, магического в перстне ничего не было.

Внутри хранилища вообще никаких амулетов и артефактов не нашел. Я тут же заподозрил подвох. Проверил и убедился. Не принимает тот магические предметы. Отторгает. Буду знать. А коня продавать не стал. Оставил. Мало ли где пригодится? Тот статный, вполне породистый. Правда, заморенный, видимо внутри печатки стазис. Погоняли на нем, убрали, не дав прийти в себя. Нужно дать отдохнуть и покормить. В остальном с делами справился. Из вещей оставил себе отличные новые сапожки, по моей ноге были, новый шатер, полосатый, белый с синим, и несколько ковров. Это все. А печатка вещь, девчат своих буду убирать при переезде. Опыт погибшего мага пришелся в тему, хотя не сказать, что мне понравилось, как он это делал и с кем. А то тайком мне их перевозить сложно было, пусть и справлялся. Сейчас же стало куда легче.

Еще один момент, я стал замечать к себе пристальный интерес казачки. Ее толстая черная коса под синим беретом то тут, то там мелькает, и я видел, что та на меня взгляды бросает. Причем не я один такой глазастый, многие заметили, и слухи пошли, что мы уже живем вместе. Ну вот откуда эти слухи берутся? Мне моих девчат хватало, полностью удовлетворяли потребности. Кстати, я даже не знаю, кто они. Столько народностей в крови намешано, и китайцы, и корейцы, и монголы, и русские. Да кого только нет, но красавицы. Интерес черноокой девушки ко мне меня скорее озадачил. Подумав, решил поговорить с ней. Наша разведывательная эскадрилья, где я числюсь привлеченным специалистом, снова со штабом смешанной авиадивизии расположилась, так что медсанчасть с Верой Андреевной

была опять под боком. Хотя условия проживания гораздо хуже. Однако землянки достраивались, все уже обживались. БАО работал быстро.

Так как медики также обедали в нашей столовой, то я просто пригласил ее на выходе прогуляться. На что девушка подумала, стрельнув в меня из-под густых ресниц, и кивнула. Подружки ее и коллеги направились к санчасти, а мы неторопливо пошли к стоянкам самолетов, просто пообщаться.

– Вера Андреевна, не будем тянуть, скажу прямо. Вы мне нравитесь, в моем вкусе и все такое, но сам я не создан для долгих отношений. Ветренный человек. Тем более после войны большие планы имею, уйти на гражданку и буду воплощать их. То есть на месте я мало буду сидеть, много переездов. Рассматривать меня как объект интереса будет ошибкой. Вы девушка красивая, уверенная в себе, имеете нужную и важную профессию. Вы найдете своего принца, я уверен. Вокруг немало достойных мужчин.

И пока вот так не спеша шли, по сухим местам, резко потеплело, и весенние ручьи потекли, я поработал амулетом-диагностом. Грудь троечка, ум-м, мняка. Она не девушка, мужчины были, не беременна. Неудачный опыт моего первого и пока единственного брака запомнился на обе жизни. Для этого и проверял, одного кукушонка уже вырастил, хватит мне такого неприятного опыта. Нет, я бы взял с чужим ребенком, если бы жена призналась. Возможно. Сейчас сам не знаю, но та убеждала меня, что он мой. Может, сама не знала? Да нет, сильно сомневаюсь. Именно кукушонка подбросила. Тут пока с этим порядок. А пока гулял вот так с девушкой, размышляя о другом интересе. О да, не одна Вера Андреевна ко мне интерес проявила, ей, кстати, двадцать три года, на год старше меня. Последние два дня я замечал к себе сильную заинтересованность со стороны майора Парда, британского офицера, что находится при штабе фронта в качестве офицера-связи. Вряд ли тот гей, скорее всего это последствия, скажем так, отголоски тех событий, что произошли в Германии после окончания войны. Когда меня союзнички сбили. Не нашли те в разбитом самолете то, что нужно, вот и ищут дальше. Будут искать командира борта, стрелка и меня. Данные-то известны. Вот нашли меня, случайно или специально – не знаю, главное сам факт. Пока тот не подходил, но чую это ненадолго. Просто этот майор снова на

аэродроме и со стороны поглядывал на нас. Пока же вернусь к разговору с девушкой.

Она выслушала, что я сказал, легкая улыбка намекала, что все будет не так и просто, как я подумал. Кивнула явно каким-то своим мыслям и сообщила нежным голосом:

– Я тоже не желаю дальше служить. Люблю путешествовать, и вдвоем это делать куда интереснее. Мне нравятся уверенные в себе мужчины, вы именно такой. У меня был мужчина, он погиб. Недавно закончился траур, сейчас ищу просто опоры, душевного спокойствия и надежду на счастливое будущее.

– Откровенно, – остановившись, я посмотрел на девушку задумчиво.

Знаете, а ведь она права. Вторая половинка важна. Случайные связи – это не то, нет душевного спокойствия. Когда знаешь, что есть рядом родной человек, что тебя поддержит, это очень важно. Я не грубый материалист, как можно было бы подумать, вовсе нет, и сам прекрасно понимаю, что мне это нужно, чтобы не бросаться из одной крайности в другую. С Верой одна проблема. Она собственница, измен не потерпит. Да и я, если уж обещал, стараюсь держать слово. Да и почему бы и нет?

Это я и озвучил:

– Почему бы и нет? Предлагаю пожить вместе год, просто познать друг друга. Если у нас не будет душевной гармонии, то зачем мучить себя и жить дальше вместе? А пожениться и позже можем, как решим. Ну или по беременности.

Та задумчиво кивала, видимо планы ее я особо не нарушил, и чуть охнула, когда я сделал к ней шаг, просто обняв, и впился в сладкие губы. Та поначалу зажатой была, а потом ничего, разошлась. Опыт поцелуев у Веры оказался крайне мал. Я оторвался от раскрасневшейся девушки, у которой были все признаки сексуального возбуждения, что уже радует, и предложил прогуляться.

– Знаю я про твоих китайнок, все знают. Чтобы их больше не было, – негромко сказала она, почти прошипела. Еще и ревнивая. Будет тяжело, но я справлюсь.

Мы по сути официально закрепили наши отношения, что видели многие, так что погуляли, и я сопровождал девушку к санчасти, пообещав вечером встретиться, когда ее дежурство закончится. А меня

политработник дивизии перехватил. В общем, головомойку устроили, что при всех поцелуями обменивались. Я это выслушал внимательно, повинно покачивая головой, после чего меня быстро отпустили. Я не в первый раз общаюсь с политработниками и в курсе, если слушать с видом пофигиста, могут и час мозги полоскать, а тут сделал виноватый вид – и уже через десять минут свободен. Пока шел к штабу, а время свободное, отдохнуть успел после вылета, вечером вылет, если грязь не помешает, решил пообщаться со знакомыми, выяснить, чего британцу тут на аэродроме надо, раз приписан к штабу фронта, путь там и ходит, а сам размышлял. Про девчат моих Вера не забудет, так что нужно будет выполнить обещание, купить им по дому и выдать денег на жизнь и обзаведение хозяйства. Причем сделать так, чтобы об этом все знали. Ну то, что я своих сожительниц сплавил. Хотя, конечно, очень не хочется.

Но тут есть два момента. Врать своей будущей женщине с первого дня не стоит, и держать китайнок, все же те на них сильно похожи внешне, в перстне, тоже не нужно. Они сейчас там. Это недостойно. Я не тот маг, что по сути в рабстве полтора десятка девчат держал. Дальше видно будет, но у меня моральный запрет на это. Ненадолго проблем нет, привезти куда-нибудь, чтобы никто не видел, а постоянно держать, пусть для них секунды прошли, это не по мне. Вот с такими мыслями я и прошел в помещении штаба авиадивизии. Особо работы не было, самолеты прикованы к земле, ранняя весна резко наступила, пока решают этот вопрос. Войска-то продолжают наступать. Уже сбили две серьезные обороны, и фронт у японцев рассыпался. Не просто отступали, а драпали.

В штабе выяснил, что британец тут по своим делам. Понятно, не стали сообщать по каким, но все законно.

Тут же меня отловил один из особистов, я их всех в лицо знаю, и сопровождал в отдельную землянку. Причем так, чтобы это мало кто видел. Там еще несколько сотрудников находились. Понятно, тут тоже не дураки и причину интереса британца выяснили быстро, вот и намекнули мне, что я должен вступить с ним в контакт. Хотят выяснить, что тому нужно. У меня особого желания этим заниматься нет, что и сообщил. Подойдет сам, пообщаемся, а нет, тогда пошел он. Те особо и не возражали. Самому подходить, действительно подозрительно, будем ждать первого хода британца. Я направился к

себе, где проживал. А вечером, когда уже стемнело, забрал Веру, и мы здорово нагулялись, нацеловавшись. Уже никто не видит, темно. Дальше шарящих по телу моих рук Вера не зашла, попросила подождать. При этом сразу уточнила, что там с девчатами? Обещал, что постараюсь их пристроить. Не тут же, где разруха и бедность? Девчата вообще выбрали Владивосток. По-русски они плохо говорили, я их учил, там быстро освоятся и подтянут знание языка. Домики куплю в частном секторе, пусть живут. С ними самими я еще не говорил на эту тему. Черт, да я их с обеда не доставал. Мы с ними понежились, и вот убрал, направившись на завтрак для меня и других ночников, а обед для всех. Им тоже отдых нужен. Прикинуть все надо. А так проводил Веру к ее землянке, где та ушла к себе, а я вернулся к своей. Она заметно дальше. Ближе к стоянкам самолетов. Уже оттуда к самолету, все же решили рискнуть и попробовать поднять машину.

«Пешку» даже не пытались поднять, тяжелая, шансы перевернуться большие. Просто нашли самолет, японский двухместный разведчик-моноплан, его уже отремонтировали, не специально, инженер и техники развлекались, летчики пару раз поднимались на нем в небо. Решили его использовать. Дальность приличная, скорость тоже. Я сел на место стрелка, тут турель пулеметная, и даже смогли подняться в небо. Разведка проходила поначалу без происшествий, когда вдруг самолет перевернулся и с разворотом пошел вниз. Похоже, на штопор, но нет, летчик уверенно управлял машиной, причем рация у него, тот как раз сообщал в штаб, что мы сбиты и падаем. И координаты. Совсем другие, не те, где мы находились. О-о-очень интересно. Летчика я не знал, он вообще из новичков, в авиадивизию прибыл неделю назад, с пополнением. Засланный казачок? Похоже. Играл недавнего выпускника летного училища, что уже получил боевой опыт в Австрии. Лейтенант с одной боевой наградой. Есть опыт ночных полетов. Поэтому и закрепили того за трофеем. Убивать летуна я не стал, тот управлял машиной и явно шел на посадку. Там зажигались один за другим костры, показывая, где нужно сесть. «Глаз», с которым я вполне активно работал, нанося на карту новую информацию, а действительно много изменений было, о которых в штабе фронта должны были знать, чтобы вовремя отреагировать. Так вот, я приметил на этом участке поля группу неизвестных, два десятка, пару грузовых машин, но и только. Не японцы, европейцы, я их за

нашу разведку принял, поэтому особо на них внимания не сосредотачивал, хотя информацию об обнаружении вооруженных людей и о двух единицах автотранспорта, японского замечу, в блокноте отметил. Такие блокноты я каждый раз получаю новые, перед каждым вылетом, делаю записи, что на карту не нанесешь. Немало обычно исписываю страниц. В общем, «скозлил» лейтенант, удар о землю сильным был, шасси как бы не побил, но хоть на пузо не сел. Прокатились, покачиваясь, и встали.

Оружие у меня уже готово, выстрел в затылок летчику, что сидел в передней кабине, я за ним, да еще спиной к нему, потом хотел открыть огонь по остальным, но фонарь блокирован оказался. Видимо от тряски. Снаружи из пулемета ювелирно прочесали фюзеляж, но меня не задели, и на неплохом русском, сильный акцент все же был, предложили сдаться. Убрав колпак в перстень, там место свободное было, я выпрыгнул наружу и затаился у шасси, торопливо отстегивая ремни парашюта. Костры, к сожалению, подсвечивали, и меня видели. Впрочем, я противника – тоже. А британцы это, к собаке не ходи. Может и наемники, но думаю, что задействовали какую-то свою спецгруппу. Так вот, «Глаз» отметил, где те расположились, я приготовился к рывку, тут открытая местность, как снова заработал пулемет. Не ручной, станковый, японский. Измочалил и так поврежденный пулями хвост, прошелся по крыльям. Запахло сильно бензином. Тут забегали синенькие ручейки, и, вскочив, я рванул прочь. Выкурили. Навстречу шестеро бежало, крепкие, спортивные, не стреляли, живым хотели взять. Умерли быстро, артефакт воздушного лезвия работал без нареканий. В темноту уйти не давали, пулеметными очередями поперек курса били, другие колечко замыкали. Так я к ним навстречу и рванул, пулеметчиков, их там двое, из СВТ с оптикой снял, и остальных, шансов у них, при наличии у меня магической защиты, не было никаких. Двух подранков взял. Да, мои метания для того и нужны были, чтобы выявить командира, но командовали двое, их и подстрелил. Пообщаться хочу.

Самолет ярко полыхал, там рвались боеприпасы и сгорал труп летчика. Допрос быстро завершился, одного, так как второй застрелился, успел до того, как я до него добрался. Профи были. А допрос не закончился тем, чем я хотел. Крепкий, как ни крутил, все примочки, что знал, использовал, трижды сердце запускал после

болевого шока, но молчал гад. В четвертый раз не стал, ясно, что ничего не скажет. Любого можно разговорить, но у того сильная кровопотеря, и так держал его с помощью лекарского амулета, что быстро разряжался. Третий накопитель в ноль. Закончив, я дошел до машин и на одной покатыл навстречу нашим подразделениям. Те встали на ночь всего двадцати километрах от этого места посадки, с попыткой моего похищения. «Глаз» здорово помогал, объезжал редких японцев. Две группы делали легкую оборону, не остановить, а задержать. К счастью, благополучно опознал с секретом танкового полка, выдвинутым вперед, и дальше меня уже на машине в тыл. На аэродроме о моей пропаже знали и мою личность подтвердили, так что прибыл связной По-2, и уже на рассвете мы сели за территорией аэродрома. Там поле, не побитое посадками и взлетами, связной самолет принял, хотя грязь вокруг только усиливалась. Вон, после посадки нашего биплана глубокие колеи в почве были. В общем, авиация пока бездействовала, это было видно. Ничего, наши и так неплохо справлялись. Меня сразу в штаб дивизии, только начали допрос особисты, как дернули в штаб фронта. Как я уже говорил, он тут рядом. Там тоже особисты работали, но уже фронтовые.

Описал, как дело было, летчик предателем оказался, ложную информацию сообщил и посадил машину в другом месте, где ожидала засада. Был бой. Часть я перебил, пользуясь темнотой, часть уцелели. Я угнал их машину и прорвался. Доехал до наших танкистов. Дальше те знают. За мной связной самолет прислали.

А вот с Верой все, дело закончится ничем. Отошью ее. А ее особист, капитан как раз штаба фронта, забрал, на крытой «полуторке» был, сам за рулем, потом в кузове очень там красиво поимел девушку. Любовное ложе приготовлено было. Вот тебе и скромница, подмахивала только так. Даже я такую позу не знал, надо будет с моими китаянками повторить. Заинтересовала поза и возбудила. Хорошо, от девчат не избавился. Даже пока разговора об этом не было, будем дальше жить. Может, после войны в центральную Россию отвезу, будут там проживать. Вряд ли они окажутся против. Им куда угодно, лишь бы подальше от этих мест. А так я подивился, что «Глаз» показал, еще и спустил, заинтересовало, чего это машина встала, на которой Веру везли, и та с капитаном в кузов поднялась. Он ее за попку удерживал, помогая. Подозрения подтвердились, подглядел.

А так меня особисты часа четыре мурыжили. В мою сторону сыграло то, что я быстро вернулся, а вот место боя чуть позже изучат. Те хотят остов самолета найти и тела напавших. То, что те британцы, они вроде как и поверили, но нужно убедиться. А майор этот, что британец, как-то вдруг исчез. Точнее на аэродроме его нет, тут в штабе фронта снова ошивается, своими делами занимаясь. Подслушал «Глазом», что к тому месту с попыткой моего захвата направили тех танкистов, к которым я выехал. Они были ближе всех. Узнать, добрались или нет, не успел, меня отправили обратно на аэродром. Все показания сняты, порядок, так что вернулся в землянку, что делил еще с тремя офицерами. С ними рядом с девушками не помилуешься. Может, воспользуюсь опытом того капитана-особиста? Я ведь обе машины использовал. Точнее одну убрал в перстень, на другой доехал до танкистов. Обе крытые. Вот ту, что забрал, можно использовать как любовное гнездышко. Нужно только все сделать и подготовить, благо необходимое на руках имелось.

У нас банька сбита была, сдал комбинезон, он в грязи, пока кувырчался под обстрелом, замарал, сам помылся и к себе в землянку. Отдыхать.

На ужине, он для всех, я позавтракал, Вера была, мы кивнули друг другу. В общем, мы с Верой вышли вместе, и я сказал:

– Тянуть не будем, мне тут сороки натрещали, как ты с тем капитаном-особистом в кузове грузовика развлекалась. Красивая поза, мне ее ярко описали.

Она с малиновым цветом лица молча остановилась и, закрыв лицо руками, заплакала. М-да, не играет, действительно плохо ей. Так что прижал к груди и стал успокаивать. Как свинья я себя не повел, когда мог развернуться и уйти. Ее на чем-то поймали, это было ясно, принудили к сожительству и работе на себя. Уверен, что и со мной она не по своей воле решила встречаться, тоже принудили. Хотелось бы выяснить. На нас глазели, поэтому я увел ее в сторону, встали за покрытым маскировочной сетью самолетом, осмотревшись. «Глаз» тоже подтвердил, что рядом никого, не подслушают и по губам не прочитают, да и стемнело уже, и я велел:

– Рассказывай.

Судя по рассказу, тут не пахло, а воняло классической подставой. Когда сами организовали, а потом появились на белом коне и спасли, но завербовали. Жестко. Капитан еще и первым ее мужчиной был. Хорошо работает, и любовница восхитительная, и батрачит на него. И да, ее подвели ко мне. Я проявил интерес к безделушке, и те посчитали, что это неплохой повод. Прямой приказ был начать встречаться. Значит, чем-то снова привлек к себе внимание спецслужб. Ставил задачу не капитан, а вообще полковник. Вера думает, что тот из Москвы. Больно офицеры тянулись перед ним. И еще, я не герой ее романа. Ну не в ее вкусе. Она вообще бы предпочла все забыть и уехать. Как на духу выложила. Подумав, я предложил той продолжать для вида имитировать встречи. Дальше что-нибудь придумаем. Да и война к концу подходила. Вот так я сопровождал ее до землянки, подруги сразу увели, расспрашивая, чем это ее я так обидел, что она ревела на моей груди.

Я же в штаб двинул, узнать, будут какие приказы или нет? Карту с пометками еще утром отдал в штабе, там не полная информация, но и набрал уже немало, что немаловажно. В штабе авиадивизии сообщили что вылетов нет, ждем или когда подморозит, или когда все высохнет, а это две недели минимум. Ждем. Так что штаб я покинул, и, отойдя в сторону, хм, следили, но аккуратно, то, что я хорошо вижу ночью, знали все вокруг. Те делали вид, что идут по своим делам, а глазами косили в мою сторону. Грубая работа. Пока же достал машину, та плюхнулась в мокрый снег, тут не стаяло еще, хотя и ночью журчат ручьи, как-то резко потеплело до плюс пяти, ну и стал наводить марафет. Утеплить кузов, ковры расстелил и на стенах повесил, матрасы, постельное белье. Если уж огуливать девчат, то красиво. Зажег лампу керосиновую, из двух мест просвечивало, «Глаз» это показал, я убрал, теперь порядок. Ну и вот достал девчат. Те слегка утомленные, но ничего, довольно весело и с огоньком со мной по очереди покувыркались. Убирать не стал, покормил, и дальше совместно спать. Туалета нет, но поставил ведро с крышкой у входа. Так что обнял девчат и уснул вместе с ними. Была активна магическая охрана для безопасности. Меня или нейросеть за час до рассвета поднимает, или кто пересечет охранный контур. Место глухое, патрули охраны в стороне ходят, но я все равно сократил на сто метров вокруг машины, чтобы успеть одеться и убрать технику. Там дальше уснул

довольный. Нравится мне так служить. Побыстрее бы война закончилась.

Япония капитулировала первого марта. Все, война закончилась. Корею освободили, причем мы. Союзнички не успели свои войска высадить, так быстро мы шли. Сам я летал, когда это возможно, собирал сведения. Жил все так же с китайнками. Раз их так Вера называла, то и я не буду скромничать. Сама Вера разорвала наши якобы отношения. А та прямо сказала куратору своему, это он ее пялил, что были свидетели, как он это делал с ней в кузове грузовика, и передали мне, что естественно отвратило меня от нее. Ну не хотела та врать, вот так и сделала. Капитан расстроился, но не забыл девушку огулять и уехал сообщать своим о проваленном плане. Кстати, я ту позу с китайнками повторил. Хм, а здорово, мне понравилось. Стал почаще ее отрабатывать, набираясь опыта. Я думал, что все знаю.

За это время я превратил свой японский грузовичок в любовный домик на колесах, полностью оборудовав и обжив. Модель машины «Тупе 97». А нанял двух техников, договорился с их офицером, чтобы отпустил, и они превратили кузов машины по сути в автодом, с роскошным ложем. Даже раковина с умывальником были.

Когда объявили о конце войны, меня две ночи гоняли, уже изучали, что там союзники делали. Меня это, конечно, возмущало, но в мыслях, а так исполнял что приказывали, дожидаясь первой волны демобилизации. А она пойдет, весна уже, домой пора, поля пахать, сеять. Это я о простых бойцах говорю. К мирной жизни пора возвращаться. Уже кто-то вернулся, в Германии вторая волна демобилизации шла, от связистов это слышал. Сюда же газеты с сильным опозданием приходят. Честно говоря, жду приказа об отставке, я заявление уже написал, его завизировали в штабе. Дадут ход, когда разрешат, мне твердо гарантировали, но покидать Корею я пока особо и не стремился. А я тут до окончания войны еще два амулета нашел. Правда, какие, понятия не имею, в руках не держал. А тут все просто, приказал летчику держать высоту полкилометра, не выше, и работал сканером во время наших ночных полетов. Были и дневные, но там приказа такого не было, на трех тысячах метров высоту держали. Две засечки и было, я запомнил координаты, «Глаз»

показал в одном месте ров с убитыми японскими солдатами, там он где-то. Второй в сожженной колонне, надеюсь, огонь ему не повредил. Более чем уверен, что и эти две находки из имущества того мага, что уже подарил мне мою прелесть, перстень. Однако свободного времени, чтобы посетить те места, как не было, так и нет. Когда отдыхаю, когда на вылете. А отдыхать тоже нужно.

Поэтому и я ожидал приказа об отставке. Ночами прочешу всю Корею, может, и в Японии побываю. Недолго, месяц потрачу, как раз пока поезда идут до Москвы. А сам самолетом до столицы. Точнее до Горького, где и наконец выйду в отставку. Герман же там призывался. Посещать Москву не обязательно. Пока такие планы.

С китайками я продолжаю миловаться, об этом подозревают, но поймать меня не могут. А пытались. Особенно там один политработник выслеживал. На принцип, что ли, пошел? Еще две недели я ждал, совершал разведывательные вылеты, но все реже и реже. Не каждую ночь, пока наконец не пришел приказ. Ура-а!!! Мое прошение сразу подписали, Мерецков мужик, как и начштаба фронта, мужики, слово сдержали. Я быстро все оформил, получил дорожные, документы, по которым могу отбыть в тыл, и сделал всем ручкой, попрощавшись. Это действительно было то, что я ждал почти четыре года. Крутился, выживал, как мог старался дожить до конца войны, и это у меня вышло. Даже со вполне неплохими дивидендами в виде звания старшего офицера и немалым списком наград. Когда война закончилась, я получил еще одну награду. Это был орден Ленина. К сожалению, орден Суворова первой степени я получить не могу, чином не вышел, там генералы и маршалы. Ничего, и так неплохо. Сам я покинул штаб и перебрался в корейский квартал города, где находился штаб, скажем так, скрылся из глаз. За мной следили, и, как я определил, не только наши спецслужбы. Причем друг о друге те знали и явно проявляли нервозность. А как я пропал от обеих групп, серьезно напряглись. Это не помешало мне дожидаться ночи и улететь на «шторхе». До ближайшего местоположения амулета, или артефакта, как повезет, километров двести.

Стоит отметить что нужно будет поменять авиационную технику. А где запчасти я буду добывать? Сейчас нет войны с Германией, где я мог, да и что говорить, добывал нужное бесплатно. Нужно что-то ходовое с неплохой дальностью и качеством выделки, тем более

обслуживать самолеты я еще могу, а ремонт? Я не настолько на все руки мастер. Поэтому стоит прикинуть. Скорее всего буду брать американскую технику, они ее много делают и по другим странам продают, где я также планирую бывать, проблем с запчастями не будет. Это пока не к спеху, но зарубку в памяти сделал. Просто ресурс обеих моих машин не стопроцентный, а постепенно тает, вот и озаботился заранее. Тем более у обеих машин тактические знаки ненавистного врага. Днем особо не летаешь. Ночь наше все. Все имущество и китайки в хранилищах, вот и летел в нужную сторону. Добрался благополучно, если и встревожил охрану тылов пролетом неопознанного самолета, которого нет в полетных списках, то мне об этом ничего не известно. Летел дальними сторонами, где редко проводил разведку ночами, искал отклики. Пока глухо. Сел благополучно. К сожалению, это было то место, где ров с солдатами. Сейчас тот был закопан. Захоронение японских солдат, и где-то внизу то, что мне нужно. Раскапывать могилу это не достойно, да и вообще не красиво. Помню труп в реке, но там другое. Поэтому я подумал и просто съездил на грузовике до ближайшей деревни. Нанял четырех местных корейцев, они своими лопатами и раскопали могилу. Я в стороне стоял, ожидал. К слову, я был в летном комбинезоне без погон и в шлемофоне. Светить свою форму офицера тут не собирался. За полчаса вырыли метровой глубины шурф, и я указал, что мне нужно. Это был мужской браслет со сломанной застежкой, на вид бронзовый. Мне его отмыли, дважды, в луже, и я забрал находку. Металл как у диска амулета-защиты.

Проследил, чтобы корейцы закопали яму, хотя те плевались, очень сильно ненавидели японцев, расплатился, и полетел к следующей находке. Там сгоревших остовов автоколонны японской техники уже не было. Следы волочения видел, но и только. Быстро тут тыловики подсутились. Это железо на наши заводы шло, на переплавку. Тут недолго искал, откопал в грязи втопанное туда сапогами солдат, не знаю чьих, украшение, со скобой, чтобы на одежду вешать. Вроде булавки. Да, она и есть. Это была золотая рыбка, с трезубой короной на голове. На месте глаза мелкий рубин. Как интересно! Чешуя была искусна выгравирована, а присмотревшись, понимаешь, что это руны такие. Вернувшись к самолету, я его не убирал, в километре стоял, там удобное место для посадки и взлета, и, устроившись рядом, стал

изучать находки. Я не улечу дальше что-то искать, мне интересно. Браслет отозвался вполне неплохо, надо будет потом застежку починить. Это был амулет парашюта. Значит, в том мире было воздухоплавание. Да и очки эти только подтверждают. Кстати, очками пользовался, пока сюда летел, оценил их очень высоко, здорово помогали находить попутные потоки.

Теперь эта золотая рыбка с короной. Какие-то такие интересные ассоциации вызывает. С водой, думаю, что-то связано. Однако нейросеть моя магическая, проверив, проведя привязку, скинув старую, не подтвердила эту вполне себе рабочую версию. Это был боевой артефакт. У меня уже такой есть, воздушными лезвиями бьет. Однако старый куда слабее, этот раз в пять мощнее. Я немного пострелял, пробуя, мощная штука, сразу можно уничтожить двадцать две цели, одним ударом в разных точках. Старый едва пять тянул. Ладно, до конца ночи еще часа три, а на раскопку могильника времени много ушло, вот и полетаю пока. Чем я и занялся.

К сожалению, глухо. День отстоялся в глубоком овраге, в грузовике спал, пока китайки мои возились по хозяйству, им тоже бодрствовать нужно, не спать же постоянно со мной и любовью заниматься? Нашел им дело, чем те и занялись. Стирали мои вещи. Костер развел, котел с водой грелся, тазики и мыло есть. Потом сами помоются, палатку поставил. Охрана магическая на предельную дальность настроена, поднимет меня если что. Ничего, отлично выспался, принял работу девчат, помиловался с одной, вторая все, женские проблемы начались, так что три дня та на обочине жизни. Как наступила следующая ночь, так и летал. Всю Корею облетел, тщательно, зигзагами прочесывал земли внизу. За две недели это сделал, не думайте, что это быстро, все же справился. Была находка. Не зря я так активно работал. Причем находка в одном из городов, в Пусане. Это был трофей одного из солдат моего фронта. Днем подошел, был в офицерской форме, и банально выкупил у того магический предмет за двести рублей. Ротный его сопровождал меня на территорию части и также вывел. Там стройка спешная шла, казармы строились, неразбериха, не сложно было. Амулет оказался довольно интересным, редкая разновидность поискового амулета для работы под водой. Интересно, что за маг это был? Разнообразие амулетов удивляет.

В Японию не полетел, дальности моих самолетов не хватит, да и ресурс заметно упал. Мне пришлось запасы авиационного бензина красть, а то свои-то быстро растратил. Сначала на «мессере» во Владивосток, днем закупился деликатесами, готовыми к употреблению рыбой, икрой и крабами, до полных хранилищ, обоих, заодно город изучил. Нет, таких находок тут нет. У сотрудников милиции и НКВД тоже проверил, глухо, после этого следующей ночью полетел в сторону Горького. Стоит побыстрее получить паспорт и стать свободным человеком. В принципе, потом можно будет сюда вернуться и уже посетить Японию. Пока сам думаю. Мои китайки летят со мной, тут же сидят на сиденьях, щебечут о чем-то. Мест-то свободных три. Более того, мы пообщались, я их русскому учу, и те согласились перебраться в центральную часть России и устроиться там. Изучат что и как, и если не понравится, то в другую страну перевезу. Как-то так. Да, те видели, что идет смена обстановки, я их касаюсь и вдруг вокруг все меняется. Те это время были в перстне, но вопросы особо не задавали, считая меня местным колдуном.

За первую ночь мы пролетели три тысячи километров. Последние две сотни уже когда рассвело. Сложнее всего найти в этих местах подходящие площадки для посадки. Ох как я вспоминал поплавковые гидросамолеты. У японцев они были, и шустрые, тут они были как раз в тему. Вернусь в Японию, да и Монголию, которую с частью Китая стану прочесывать, постараюсь добыть поплавковую машину. Топлива хватало, я так прикинул. К счастью, посадочные места я искал заранее, запаса бензина еще было километров на сто, находил. Благополучная посадка, пока девчата разминали ножки, я заправлял машину, готовил к дальнейшему полету и новый взлет. Так что третья посадка, уже световым днем, также прошла благополучно. «Глаз» показывал, где ровное место без скрытых препятствий. Передневали в машине, и новый полет следующей ночью. А тут тоже все таять начинало, конец марта, пора уже. Дважды садились на лед рек, он еще крепкий, и один раз на лесное озеро. Тут же в лесу, на опушке у берега озера достал грузовик, в его кузове как обычно и ночевали. Амулет климат-контроля держал отличную температуру, никакой печки не надо. Тепло было, если проще. А на третью ночь и добрались до Горького. Я считаю, что вполне быстро. Правда топлива осталось одна бочка полная, плюс баки обеих машины заполнены, но это все что было.

Использовать авиатехнику довольно затратно, хотя бензин я не покупаю, а ворую. Как ни крути и ни играй словами, но это так.

Сели мы все так же на лед реки Волги, до Оки не добрались. Близко с городом не сближался, обе войны закончились, это да, но тут крупный военно-промышленный комплекс, поди знай, как там бдят зенитчики. Да и тревогу поднимать своим прилетом, чтобы все войска вокруг подняли, как-то не хочется. В основном это и заставило сесть раньше. Дальше до окраин доехал по льду на «опеле», а тут катаная дорога. Санями в основном, но и следы автотехники были. Сканер показывал, где лед тонкий, я эти места объезжал, так что на рассвете мы уже были в городе. Так на машине и доехали до моего дома. Жильцы так и жили, те же самые. Разбудил понятно, время шесть утра, они чуть позже встают, но ничего, устроили нас в свободной комнате, освободили ее. Я сообщил бывшей кормилице, что дом мне не нужен, дарю им. Продавать даже и не думал, а вот подарить, это легко. Как пришло, так и ушло, тем более у меня квартира в столице и личная дача на охраняемой территории. Хватит их для жизни. Вон, китайки пусть живут, осваиваются. Сами девчата легли, те со мной ночью бодрствуют, а днем спят. Я же надел форму офицера и направился в военкомат. Девять утра было. Кормилица ушла разузнать, как сменить собственника дома, что для этого нужно. На работу та дочку отправила, сообщив, что задержится. Кормилица все так же работала санитаркой в роддоме. Главное быстрее сменить форму на обычную гражданскую одежду, и дальше уже можно свободно заниматься делами.

Однако в военкомате меня сильно ошарашили. До крайней степени злости довели. Хотя постарался не взорваться, а опросил самого военкома, к которому меня сопровождал дежурный офицер. А тот лишь руками развел. Меня искали по пути сюда, а думали я железкой ехал, вот и оставили приказ в военкомате. Отменили мне выход в отставку, дан приказ прибыть в Москву, в отдел кадров. Вот блин. И не сорвешься на местных, они исполнители, тут ни при чем. Причем мое личное дело уже отправили в центральный военкомат города Москвы. А я теперь житель столицы и в отставку там выходить буду. Обложили, одним словом.

– Ладно, поищем, кто это решил меня обратно в погоны дернуть, – пробормотал я, покидая военкомат.

Приказ вручен, никуда не денешься, если хочешь иметь чистое личное дело, пока стоит играть по правилам. А по пути отомстить тем, кто это все устроил, я новые проказы подготовил. Не только мочиться и импотентами будут, а кое-что и похуже. Пока дошел до дома, немного успокоился. Впрочем, мой вид мрачной тучи явно не обманул кормилицу.

– Что-то случилось?

– Да, мне отказали в отставке. В Москву вызывают.

– Значит, вы большой человек, вон сколько наград.

По мнению той, я в шоколаде, у меня же было противоположное мнение. Ничего, разберемся. К счастью, особо сильных бюрократических проволочек смена владельца дома не требовала, мы с кормилицей дошли до исполкома, там, робея от моего грозного вида и блеска наград, – жарко, я шинель снял, – работницы быстро все сделали, так что расписался где нужно, была дарственная оформлена, не купля-продажа, и все на этом. Дальше та сама остальное оформит. Я уже не владелец дома. На этом мы разошлись. У кормилицы дела, на работу нужно, остальное по дому потом сделает, моя помощь не требуется, а я на железнодорожный вокзал. У военного коменданта получил билет на ближайший поезд. Действительно ближайший, проходной, в два часа дня проходить будет. А время уже двенадцать, так что я поспешил нанять сани и на них доехал до дома. Забрал китаянок, убрал в перстень незаметно и покатил обратно к вокзалу. Тут уже в чистую решил ехать, чтобы отследить меня могли. Я же не знал, что меня искали, думаю, сильные подозрения кинул на то, как прибыл в Горький. Нет, тут все на виду, как полагается. Да еще в «СВ» получил билет. А я доплатил коменданту. Это вполне законная услуга. Дальше дождался посадки, устроился в купе, и не один ехал, с барышней тридцати лет. Оказалась та журналисткой столичной газеты. Вроде как известная, с ее слов, но я эту газету не читаю, поэтому без понятия. Сам я разделся, пока соседка в туалет ходила, и, накрывшись пледом, вскоре уснул. Сама женщина что-то писала в блокноте, сидя за столиком. Я бы, конечно, за ней мог приударить, но не голоден, да и такие пухленькие не мой типаж. Это не медовая ловушка, как можно было бы подумать, проста соседка такая. Тут нет купе с гендерными различиями.

Выспался я отлично. Мы уже Владимир проехали, к столице приближались. Встал в три часа утра. Я человек военный и то, что поезд шел, мне не мешало. Да выспался, куда мне больше? Сходил за чаем к проводнице и вот сидел, попивая чай, пока соседка сопела на своем диване.

Потом зарядка в коридоре, никто не шастал, поэтому мне не помешали закончить тренировочный комплекс. А что, зарядку сделал, немного побоксировал с тенью, та с трудом уходила от моих стремительных ударов. Как бы то ни было, но поезд шел, сближался со столицей, и это радовало. Пока было время, я занимался своей памятью. А тут нашел опцию восстановления утерянного, и то, что потерял в памяти или было сильно повреждено, старательно восстанавливал, не все смог, но большую часть все же вернул к жизни и убрал в память браслета. Увеличивал свои запасы музыки, мультов и фильмов. В отличие от других офицеров, я не скучал, слушал музыку, и остальное делал. Мне было действительно отлично воевать с такими удобствами и магическими технологиями. Вот так время и проводил, завтрак был, потом обед. Каждый своими запасами питался, кто желал, мог пройти в вагон-ресторан, он в поезде был. Кстати, проводница по секрету сообщила, что это редкость. Страна пока с трудом встает на мирные рельсы и не все получается, не восстановили жизнь, как в довоенное время, однако стараются, и это хорошо. Потом был обед. Тут я также, в отличие от своей соседки, в ресторан не ходил, своими припасами питался. У меня их солидно. Как раз обед закончился, когда окраины Москвы пошли. Приехали. Только через час поезд встал у перрона вокзала. Все успели собраться, я тоже. Шинель застегнул, шапку-ушанку на голову, и вот покинул поезд с одним чемоданчиком в руке. А старшим офицерам с вещмешками передвигаться, это потерять лицо. Пришлось соответствовать.

В планах было добраться до квартиры, через управдома официально открыть, подготовить к жизни, оставив китаянок досыпать, а самому в Главное управление Красной Армии, узнать, какого... мата не хватает. Какого черта мою отставку отменили и чей это был приказ? Руки чешутся отомстить. Я направился было к выходу, двигаясь среди толпы других пассажиров, тут и там мелькали другие офицеры. В моем вагоне, например, даже генерал ехал, причем ВВС.

Думал, они только по воздуху передвигаются, попутными бортами, а тут как человек, на поезде.

Я не сразу понял, что это меня окликают.

– Товарищ Одинцов? Товарищ Одинцов!

Остановившись, отчего моя соседка по купе ткнулась лбом мне в спину, я посмотрел вправо, там ко мне спешил молодой офицер. Ремни туго охватывали его щегольскую шинель. Да и был в новой фуражке, а не как я в форменной зимней шапке. И целенаправленно спешил, опознал. Я его ранее не видел, значит, тот меня по фотографии узнал. Встречают? Почему? Ах да, мой финт с Дальневосточным фронтом. Искали и за ухо привели служить. Отпуска не вышло, тут вообще подобного шанса не дали.

Что же по соседке, так я не мог уйти и не помочь ей. В одной руке нес ее чемодан, в другой свой, а та несла довольно тяжелую сумочку. Хорошо еще пишущей машинки не было.

– Товарищ подполковник, мне приказано встретить вас и сопроводить в Генштаб.

– Даже туда? Вы на машине?

– Так точно.

– Хорошо, отвезем товарища журналиста, куда она скажет, а там можно и в Генштаб.

Лейтенант возражать не стал. Подхватил оба моих чемодана, а я забрал у бывшей соседки по купе сумку, так и дошли до почти новой «эмки». За рулем боец дремал, так он выскочил и помог загрузить вещи. Тут нет багажного отсека, а тот, что был, мелкий, так что чемоданы пошли в салон. Дальше женщина показала, куда ее отвезти, к счастью недалеко, это была редакция ее газеты, лейтенант даже занес вещи в здание, а дальше уже в Генштаб.

Вещи оставил у дежурного, регистрацию прошел, шинель в гардероб, с подозрением глянув на гардеробщика, за последние полгода они у меня доверия не вызывали, ну и направился за сопровождающим куда-то на верхние этажи здания. Не к Михайлову, тот до сих пор тут главный, его кабинет в стороне остался. Сопроводили меня в приемную какого-то генерала. Я покопался в памяти и вспомнил его. Не боевой, все время тут на разных должностях, но награды имеет, за какие-то разработки и участие в обеспечении боевых операций. В общем, на хвост сел и ухватил удачу.

Хотя нет, в сорок первом тот стрелковым корпусом командовал в Прибалтике, что сгинул в окружении, а его самолетом вывезли. С тех пор на передовой его не видели. Сейчас уже генерал-полковник. А войну начинал генерал-лейтенантом. У секретаря узнал, какую должность тот сейчас занимает. Он командовал формированием и комплектованием частей Красной Армии. Так у этого отдела вроде свое здание, чего он тут сидит? Хотя ладно, ждать долго не пришлось, через полчаса вызвали. Странное дело, вроде среди генералов о моей мстительной натуре слухи ходили, а этот орет как торговка в базарный день. Крайняя степень его возмущения заключалась в том, что я еще два дня назад должен был прибыть за новым назначением. И то, что бумаги у меня в порядке, с этой стороны не надавишь, его не волновало.

Проорался и велел идти оформляться на новую должность. Сам я с видом пофигиста выслушал этот рев, при этом спокойно работая лекарским амулетом. Мне уже не нужно близко подходить, дальность пятнадцать метров, тут ее вполне хватало. Так что теперь этот генерал – тоже ссыкун. Ничего нового я пока не делал. Достаточно и этого, чтобы прочистить ему мозги. Я покинул приемную, но двинул не туда, куда мне указали, а к Михайлову. К сожалению, его не было, у Сталина находился с докладом, так что я чай распивал с его адъютантом, вторым, у того их два, да байки рассказывал про войну с японцами. Нормально, два часа пролетели быстро, в приемной народу хватало, в основном в форме, хотя было и двое в гражданке, один с тубусом. Видать чертежи принес.

– А, Герман, заходи, – опознав меня, велел маршал. – Ты, вообще, что делаешь тут? Я думал уже в отставке.

– Какое-то чмо меня выдернуло к вам в столицу.

Маршал остановился в дверях и обернулся ко мне, то, что разговор шел в приемной и много свидетелей было, никого не волновало.

– Это ты чего удумал? Зная тебя, можно ожидать, что скоро пройдет серьезное сокращение числа старших офицеров Генштаба и управления по кадрам. Ты мстить будешь?

– Конечно, буду. А главному, что мне отставку отменил, еще и с разбегу удар ногой между ног. Будет фальцетом говорить.

– Иди в кабинет, клоун.

Я рассмеялся и зашел в кабинет. Маршал пока адъютанту давал задания, по мне, узнать, кто такой умный решил меня задержать, и подготовить приказ о моей отставке. Тот давно обещал поспособствовать. Вот так, без связей не проживешь. После этого хозяин кабинета зашел внутрь, прикрыв дверь, сообщив другим ожидающим, что придется подождать, и, устроившись за столом, спросил:

– Ты как вообще?

– Да нормально. В военкомате Горького передали приказ об отмене отставки и сразу второй, прибыть сюда, в Москву. Да еще мое личное дело в столичный военкомат переслали. Теперь тут в отставку буду выходить, как местный житель. Хочется узнать, кто это так подсуропил мне.

– Планы какие, как в отставку выйдешь?

– Обжить квартиру и дачу, поживу тут до лета, а дальше на юг, на море.

– Я думал куда устроишься?

– Шутите? На войне кто как может зарабатывает. Я же слышал, как генералы целыми вагонами добро вывозили. Кто-то даже под суд попал. Так и я не хуже. Мне на жизнь хватит. Может быть, устроюсь на какую-нибудь левую должность, чисто декоративная работа, даже зарплату получать не буду, а сам в постоянных поездках. Хочу Рим посмотреть. Париж. В Лондоне побывать. Да и мимо Мадрида не стоит проезжать. Те же бычьи бега. О, и фестивали там красивые, девушки заводные.

– Кто тебя отпустит?

– Командир, ну вот знаете же меня. Плевать я на границы хотел. Незаметно покину страну и также вернусь. Пусть докажут, что где-то был.

Тот только хмыкнул. Похоже, не поверил мне, дальше расспрашивал, в качестве очевидца как с японцами воевали. Около получаса поговорили, и хватит, все же маршал человек занятой. Адъютант его заходил, принес листок с информацией. Мне не показали, я «Глазом» подсмотрел. Узнал, кто это меня так дернул в столицу, с отметкой об отказе в отставке. А ни фиги не тот генерал, что ссыкуном сегодня стал. Вообще левый генерал. Ничего, узнал, кто виноват, навещу. Так что получил на руки приказ об отставке за

подписью Михайлова и покинул здание Генштаба. Поспешил в отдел кадров управления Красной Армии, тут уже предупреждены, адъютант Михайлова постарался, выдали нужную справку, и с ней уже в военкомат. Вот так в пять часов дня я был свободен как перст. Даже справку имел на руках. Новый паспорт осталось сделать, старый был утерян. Этим завтра займусь, а пока светло, добрался на нанятой пролетке до дома, где моя квартира. Управдом был на месте, опознал меня, да и ключи от двери у меня свои были. Тот снял пломбу, я сзади стоял с чемоданчиком в руке, и мы совместно проверили квартиру. Порядок. Тот предложил прислать женщину, которая подрабатывает вот так, приводя жильё в порядок, отмоеет, что нужно, погладит, стирает. Подумав, я согласился. Мои китайки не для этого, я их в другом виде использую. Вот так управдом ушел, вода, газ и свет включены. Достал китайнок, те проснулись, когда я уложил их на кровать, та большая, втроем вполне уместимся, но велел им дальше спать, мол, переехали в другое место. Не уложил, поначалу показал квартиру, где удобства, воды попить можно. Те в окна выглядывали, как машины проезжали, то, что это другой город, еще не поняли. Да особо им и не надо этого, снова легли, они действительно не выспались, сон нужен, а я пока легкую влажную приборку сделал. Мне не трудно.

С утра разбудил звонок в дверь. Я успокаивающе махнул рукой проснувшимся девушкам, те со мной проснулись. Да понял я, что ошибку сделал, выспятся те и что, ночью по квартире бродить будут? Убрал в перстень и уже в полночь достал, вот и спали дальше.

Пока же те одевались, свои халатики сексуальные, мы неплохой гардероб закупили в Корее, мне нравился этот стиль одежды. Так вот пока те одевались, старшая из девчат поспешила в ванную комнату, первой ванную занять, они это дело любят, я в халате, тоже с драконами, подошел к двери и открыл ее, не спрашивая, кто там. Не видел смысла, сканер уже все показал, был управдом и молодая светловолосая женщина, лет тридцати. Это и оказалась горничная. Профессия ее. Пройдя в кабинет, что был в квартире, мы быстро оговорили условия найма, я выплатил аванс, и та приступила к работе. То, что в квартире я не один, предупредил. Девчата русский пока плохо знают, но все понимают. Мы позавтракали на кухне, пригласив и

новую работницу, отказа я не принимал, дальше та работала, а я занялся делом. То есть мы с девчатами оделись и направились на улицу. На них красивые меховые пальто просто отлично смотрелись. А направились мы напрямиком в милицию. Я в форме был, даже погоны не снял, хотя уже в отставке. Там оформили заявление, через неделю можно будет паспорт получить, заодно провентилировал вопрос насчет моих спутниц. Хотелось бы им советское гражданство получить. Мол, беженки от японцев. Привез с Дальнего Востока, где воевал. Старший лейтенант, с которым я общался, потер массивный бритый затылок и выдал два листа, написать заявление на получение паспортов. С отметкой как утерянные, восстановить. Это самый быстрый способ. Я за девчат все и написал, выдав их данные. Тот завизировал и убрал в папку, велел также через неделю приходить. И все. Вот такая бюрократия. В будущем бы долго по кабинетам гоняли. Впрочем, не факт, что это нужно было делать, девчата серьезно отнеслись к моим словам, что какая страна им понравится, там и устрою их. Так что, может, и не тут будут жить. Видно будет. А пока прогулялись по городу. Погоны я все же снял, милиционер посоветовал. Комендантские могут прицепиться. Патрулей хватало.

Прогулка проходила неплохо. Заметив ювелирный салон, зашел. Своего мастера у них не было, но дали адрес неплохого ювелира. С бронзой тот тоже умел работать. Машину останавливать не стал, прекрасно прошлись пешком. Подморозило, не слякоть, грех было упускать такую возможность. Была бы дальняя даль, понятно, без транспорта какого не обошлось, но тут не так и далеко, минут за сорок неспешным шагом дошли. Там показал ювелиру браслет со сломанной застежкой, сообщив, что за качество ремонта хорошо доплачу, тот при мне, я отказался выпускать амулет с глаз, мало ли чего, довольно быстро его отремонтировал. Действительно очень качественно, так что я легко расстался с той суммой, что, подумав, назвал ювелир. Чуть завышена, но все же границ мужчина не переходил. Проверив, как тот застегивается на руке, активация не требовалась, я не падаю с большой высоты, и, кивнув на отсутствующую ногу мастера, уточнил:

– Где воевал?

– Панфиловская дивизия, пополнение из московского ополчения. Нас под Ржев бросили. Там и потерял. В первый год войны еще.

– Понятно.

Я незаметно достал две банки трофейных мясных консервов, в городе голодно, и поставил на стол. Положив руку ему на плечо, чуть сжал и направился к выходу. Девчата за мной. Вот так, снова подхватив их под локотки, мы и направились дальше. Просто гуляли, без определенных тем. Тут цирк увидели, оказалось, работал. Вот и зашли. К счастью, нашлись места, пусть и в разных рядах. Ничего, очень довольными остались. Честно говоря, вот такая погода меня утомляет, к вечеру снова потеплело и была слякоть, не мое любимое время, депрессию навеивает, поэтому мы вернулись домой. Квартира уже была отмыта, ужин готов, продукты я выдал. Мы поужинали и занялись своими делами. Горничная уже ушла, так что ничего не мешало нам порезвиться в спальне. А что, дело молодое. Я как пионер, всегда готов. Вообще трудно привыкать было к мирной жизни, не нужно никуда вскакивать, не кричит никто «подъем» или «боевая тревога». Нужно привыкать к тишине и тому, что живешь на одном месте. И нет, про дачу я не забыл. Только сейчас я туда не поеду, в городе освоюсь, паспорт получу, там, кстати, фотографии велели занести, недавно ввели правило, дела есть. А ночью, уложив девчат, я незаметно покинул квартиру. Вернулся через три часа. Мне этого времени хватило, чтобы добраться до того, кто отдал приказ отменить мне отставку. А «Глаз» отслеживал весь день его, не сразу нашел, конечно, но потом не упускал и где тот ночевал, я теперь знал. Так навестил, поработал и вернулся. Это все осталось незамеченным. Да, я соскочил с того, куда меня хотели втянуть против моего желания, но мстить нужно всегда. Это принцип моей жизни. Даже принять душ и поспать успел, вполне свежим встал утром.

Неделя неплохо пролетела. Фотографии сделал и отнес, получил паспорт, да и девчата мои тоже. Все же я решил проверить дачу, нанял на весь день машину такси, по телефону вызвал, и мы доехали до дач. Тут неплохо все, чищено, дорожки. Только территория дачи в снегу, хотя тает неплохо, ручейки текут.

Первым делом я проложил тропинку, лопата своя, дачу открыл и разминировал. Да, для меня это тоже сюрпризом оказалось. Видимо отголоски тех действий, когда на меня самая настоящая охота велась, пока я был в столице. Ставил не профи, снял легко. А проник тот внутрь строения, отжав аккуратно окно. Потом также запер. Я чуть

позже починил защелку. Проверил, дача в порядке, так что пока девчата все изучали и прибирались, я очистил уже нормально тропинки до ворот и строений. Пикника не будет, мы и так жили сколько времени походной жизнью, дайте впитать домашний уют и тепло. Просто готовили дачу к эксплуатации. Изучали все. Сторож на въезде в курсе, что я владелец, в лицо он меня знал, порядок. Такси я сразу отпустил, сообщив, когда за нами приехать, нечего ему тут ждать и стоять. А так приятный свежий воздух с запахом хвои. Все же дачи стояли в сосновом лесу. Красивые места. Как я видел, в некоторых дачах жили, дымок из труб шел, другие стояли запертые. Я и сам протопил обе печке в доме. Правда не сразу все прогрелось. Да и понятно, всю зиму стояла. Да не одну. Сам я, наводя порядок на территории, особо головой по сторонам не крутил. А зачем? Для этого «Глаз» есть. Он все видит. Я почему свою технику не использовал? Да потому, чтобы меня постоянно отслеживали, да с момента, как в квартире жить начал, слежка велась непрерывно. Я поначалу думал две группы работают, но какое там. Четыре не хотите? Правда, одна слилась, увидела, что ее обнаружили, и исчезла. Думаю, это кто-то из-за границы. Британцы скорее всего. Три другие, явно конкурируя, отслеживали все, что я делаю. Знаете, ну вот не приятно, когда такой контроль и слежка. Долго не выдержу. Да банально покину столицу и направляюсь на юга, а там и другие страны посетю. Просто тает все, сырость, слякоть, грязь, в такую погоду начинать путешествие желания как-то мало.

А пока с дачей закончили, привели все в порядок. Таксист точно в нужное время подъехал и отвез нас домой. А там ожидал второй адъютант Михайлова, мы хорошо друг друга знали. Сказал, что шеф ждет. Девчат оставил, те на кухне возились, кто-то ванну принимал, а меня повезли к жилому дому. Тут в четырехкомнатной квартире с семьей и проживал маршал. К слову, семь вечера было, уже темнело. Я повесил пальто, уже неделю в гражданской одежде хожу, привыкаю, и прошел за адъютантом в кабинет, уже зная, кого я там встречу. А оба генерала были, с которыми поработал. Один орал, другой отставку отменил. Михайлов тут роль переговорщика и гаранта выполнял. А быстро те вышли на меня, неделя едва прошла. Цены знали, проблемы я убрал, так что генералы ушли, а мы с маршалом сидели в кабинете и пили неплохой коньяк. Армянский, из довоенных запасов кто-то ему

подарил. Что интересно, «Глаз» показал, что обоих генералов повезли в больницу, где ждали врачи и, похоже, ученые по этому направлению. Оп-па. Спалился. Думаю, генералы прошли осмотр и все процедуры, прежде чем их направили ко мне на излечение. Да, идиотами местных точно считать не стоит. Будут вопросы по этому поводу, как новый осмотр генералов даст результат. Я не лечил их болячки, а убрал только то, что сам натворил. Ответ простой, валить нужно из столицы, и очень быстро. Меня не взяли за холку по той причине, что приказа не было, а он скоро будет. В этом случае будет сложно уйти, да и без жертв не обойдется. Так что эта встреча тут у маршала это все, рубикон перейден, решение принято, этой ночью уходим. Очень надеюсь, что не опоздал. Впрочем, темнота поможет. Одно сожалел, девчат в перстень надо было убрать. Возвращаться на квартиру опасно, но нужно. А то, что я не смогу жить простой жизнью фронтовика после войны, понял еще в сорок третьем. Так что по-любому за границу уходить придется. Ну или где в глуши устроиться жить, но это не в моем характере.

Вот так общаясь с генералом, я параллельно и строил планы, заодно приглядывал за домом, где у меня квартира. Там порядок, девчата на месте, никто не приходил со строгими лицами и не увозил их. В принципе, под видом долгих прогулок по городу, когда на такси катались, мы изучили весь город. Сигналов не было, тут находок в виде амулетов и артефактов я не встретил. Да, они большая редкость. Повезло, что некоторые нашел. Поиском буду заниматься, но это все равно, что искать иголку в стоге сена. В виде трофеев те могут разойтись по всему миру. Поищу, конечно, по местам боев, может, где будет сигнал от сканера, что в земле осталось или потеряно, но я уже говорил, шансы есть, однако очень небольшие. Даже такие призрачные шансы толкают в дорогу. Жаль, что так рано, но как видите – нужно. И действовать стоит очень быстро. При этом я не торопился, мы вполне неплохо пообщались с маршалом, тот попросил больше так не делать, а потом сменил разговор. Так узнал, что его, похоже, снимут. Идет война за продвижение по карьерной лестнице, и самые пробивные лезут наверх. Вот и его пытаются скинуть. Какие там страсти царят, но не удивлен. Задержался я примерно еще на час, с момента, как те два генерала ушли. Семья маршала вернулась с прогулки, меня им представили, ранее не знакомы были, так что попрощался и покинул

квартиру, направляясь вниз. Покинув парадную, там консьерж сидел, пожилая женщина, я подошел к машине маршала, тот обещал, что меня отвезут обратно, так что отвезли домой. Девчат сразу в перстень, «Глаз» показал, что к моему дому стягивают силы. Мелочь прибрал и все перекрыл, заперев квартиру, так и ушел по чердакам и крышам.

Уже через час «мессер» под моим управлением улетал прочь от столицы. Со льда реки взлетел, и с трудом, уже хрустел лед. Все тает, апрель наступил, не удивительно. Теперь с посадками будут проблемы. Скорее разобьешь машину в этой грязи, чем посадишь. На дорогу тоже не сядешь, они сейчас все разбиты, будем уповать на везение. Я летел точно на юг, надеюсь, там уже все стаяло, и можно будет нормально посадку совершить. Все же дальность у моего связного самолета тысяча километров, баки полные. Так и спускался к югу. Высоту большую не держал, примерно семьсот метров. Три с половиной часа полета, и эти самые километры остались позади, датчик топлива уже на нуле, когда я стал искать место для посадки. Асфальтированных трасс тут нет, можно даже не искать. Они и в Москве большая редкость. С курса я не сбивался и совсем немного не долетел до города Мелитополь. Считанные километры остались. И тут вполне сухо все было. Юг уже. Посадка прошла на поле у дороги, потрясло, но к счастью обошлось. Потратил последнюю бочку бензина для заправки, после этого снова поднялся в небо и полетел к берегам Турции, частично пересек Азовское море, потом Черное и добрался уже именно до Турции. Карт штурманских этих мест у меня уже не было, летел на свой страх и риск. Засветло успел найти подходящее место для посадки и на «опельке» своем, выехав на дорогу, уже светало, покатило куда-то в сторону Стамбула. По компасу больше ехал. Да к проливам. Пока нахожусь тут на территории, в планах купить или выкрасть авиационного бензина, и можно дальше лететь. А высплюсь ночью, усталость амулетом убрал, там и девчат достану, чтобы со мной поспали. Одинаковый режим бодрствования был.

Работая руки и ногами, в связке с бойцом, что на меня навалился, я его еще и лбом в лицо боднул, мы так и покатались по траве. Я тоже изрядно избит был, но и противнику неслабо досталось. Я боец не из последних. Видимо удар в лицо вырубил противника, и оттолкнув того, я отвалил в сторону, с изумлением осматриваясь, после чего сел. Голова кружилась, меня серьезно избили. Брали жестко, из двенадцати бойцов командос этот шестой, остальные просто не успели добраться до моего тела.

Изумление мое было не наиграно, я из поздней осени в раннем лете оказался. Это как так? Брали меня на берегу Черного моря, у Одессы. Брали не наши, а именно что иностранцы. Впрочем, они же и создали эту западню, заманив меня. А я не мог не прийти. Те первым делом как-то вырубили все мои амулеты и артефакты, даже нейросеть пошла на перезагрузку, это минут на пять, чего им и хватило, чтобы попытаться спеленать меня. Почти удалось, только и у меня ствол был, а как закончились патроны, перезарядить магазин мне не дали, так еще и приемы рукопашного боя неплохие показал. Ладно, амулеты перезарядились, я достал из хранилища пистолет и первым делом уничтожил бойца. Точный выстрел в лоб. Кроме меня на этом лугу никого не было. Ярко-голубое небо без облаков, жара серьезная, зеленая невыцветшая молодая трава. С трех сторон горизонт, с одной роща, километрах в двух, там еще буренки паслись.

– Где это я? – работая диагностом, потом и лекарским амулетом, пробормотал я

То, что портал сработал, к гадалке не ходи. Для меня ничего удивительного, не раз встречался с магами, дважды, если быть точным, и о третьем, покойнике, слышал. То, что я переместился, да еще с противником, факт. Только куда? Эта же планета, просто другое место? Может быть даже континент? Или другой мир? Если другой, то где я? Его и озвучил. Морщась я встал. Сломанный нос – меня хорошо отделали – уже исправил, травмы убирал, и вот так лучше смотрелся. «Глаз» поднялся в небо. Оба хранилища активны.

– Земля, – уверенно сказал я, видя в десяти километрах от моего местоположения железную дорогу, да еще состав грузовой. На паровозе спереди красная звезда. – А моя прошлая или нет?

Это я выясню позже, пока же не знаю, как реагировать на случившееся. Пять лет прошло с окончания войны с японцами, с немцами это раньше вышло. Так вот, о магах знали, что они изредка посещают планету. Даже добыли кое-что с них. Не все правители государств в курсе, но главы спецслужб, или специальных отделов, вполне себе да. Сталин вот обо мне знал. В сорок третьем выяснилось, кто я. То, что я маг, а меня за него приняли, те поняли еще под конец войны и отслеживали. Что наши, что противник. После окончания войны уже спецслужбы шести государств обо мне знали, и началась охота. Почему меня раньше не взяли, понять можно, наши все поставили на победу, даже меня не трогали, потому что я был на своем месте, и это понимали, лишь был бы вклад в войну. А он был, и не слабый, на пять месяцев раньше та закончилась, и погибших было куда меньше. Ну а дальше жизнь мирная пошла. Почему меня не взяли по приезду в столицу, я узнал не сразу. Долго смеялся. Причина банальна: не могли договориться, кто брать будет и со мной работать. Сталин любил сталкивать лбами конкурирующие службы, тут вышло не совсем так, как тот рассчитывал. Это дало мне время сделать свои дела и уйти. В Союзе я часто бывал за пять лет, поисками продолжал заниматься, но в основном в Германии, там одна находка, и на Дальнем Востоке, где-то три. Постепенно и на юг перебрался. Эту ловушку похоже давно сделали. Три амулета лежали на земле, и засадная группа рядом. Я на вертолете летел, сразу засек сканером аж три засветки, и радостный, спустившись, убрав вертолет, американский двухместный, направился к этой ловушке. Причем амулеты я прихватить успел, вон в кармане брюк те, а дальше драка и перенос. И непонятно, это что-то из тех трех находок сработало случайно? Или у засады что было?

Да, у них что-то было, и мой сканер видел это. Думаю, защита какая-то активная была, вроде купола. Они ее скинули, когда из-под земли полезли, где сидели в ожидании меня. И главное, та работала в их руках, что вообще необычно и удивительно. Я, когда узнал, что в запасниках спецслужб разных стран есть подобные амулеты и артефакты, то успел найти и вскрыть, украв подобное в двух странах. Остальные видимо прознали, резко озаботились безопасностью.

Теперь и мне не проникнуть. Да и что там украл? У одних три предмета, еще два не тронул, они не магические. У других два, и пять без магии. Да я больше так поисками нашел по планете. Общее количество находок за эти пять лет, как сбежал из Союза, плюс украденные, девять штук. Это были сканеры. Работают на земле, хорошая штука. Потом два климат-контроля, оба идентичные и для помещений. Стационарные, так сказать. Потом амулет дальнего и ночного видения, рунный амулет защиты, видимо запасной, два боевых артефакта – один воздушного кулака и второй пускал огненную стену. Метров на сто все выжигал, шириной полосы метров двадцать. Даже земля плавилась. Но потом две недели заряжался. Удар последнего шанса. Ну и еще два амулета. Один специализированный, отпугиватель против змей, видимо спецзаказ, кто-то их боялся. Второй копия «Глаза», но на рунах и мощнее куда. Дальность сорок километров, режим работы по сути бесконечный. Я теперь им пользовался, а тот первый убрал в личные запасы. Ну и вот еще три амулета, что использованы как приманка. И ведь сработало же.

Эти амулеты я проверю позже, пока же мои интерес вызывал чел, что против меня дрался. Это не наши, хотя на нем полевая форма сержанта Советской Армии. А когда дрался, матерился на английском, да еще штатовский говор, его не спутаешь. Подделать можно, но не в такой ситуации. Те считали, что взяли меня. Ни одного мага спецслужбам не досталось, потому на меня такую дикую охоту и устроили. Кто успеет первым, тот на коне. И ведь какая ловушка изящная, с приманкой. Так вот, снял я с этого типа даже форму. У того АК-47 был, с подсумками. Штык-нож, пара пистолетов в кармане, две гранаты. Неплохо экипирован. Это все убрал, тело уничтожил файерболом. Никаких отметок или татуировок не видел на теле. Отойдя в сторону, дымок от сожжения тела поднимался ввысь, я сел на траву и достал из кармана те три амулета. Визуально изучил, потом амулетом-сканером проверил. Нет, на вид в порядке и все три магически активны, не думаю, что вина кого-то из них. Ведь те тоже попали под удар, а это был магический удар, и ушли на перезарядку. Все же склоняюсь, что виноват был какой-то амулет, что был на теле погибшего противника. А у него на шее цепочка была и колечко пустое, а за пазухой песок. Не от портала ли, что рассыпался, как сработал так явно нештатно? Впрочем, теперь как узнаешь? А вот эти

три амулета я по очереди прикладывал к кольцу на пальце. Нейросеть быстро взламывала и приписывала к себе. Сорок минут, и я узнал, что это такое. Амулет климат-контроля, это личный, нательный, универсальный, работает даже под водой. Второй лекарский, причем довольно неплохой. Не универсальный. Специализируется на ожогах. Второй тоже лекарский и не универсальный, этот уже по сращиванию мышц и суставов. Между прочим, лекарские амулеты, те, что универсальные, они усредненные и по качеству работают куда ниже вот таких специализированных.

Проверка только подтвердила мои предположения, что портал был на теле бойца. Тут и пыль, и то, что только мы вдвоем, при тесном и плотном контакте, переместилось в эти места. Вот так встал, отряхиваясь, а я был в летном комбинезоне, шлемофон потерял во время драки, комбез в грязи, в траве пожухлой, тут стирать надо. Скинул ботинки, снял комбез, потом постираю, достал обычную рубаху, а то жарко, брюки, и легкие туфли, переделся и направился к полевой дороге. Тут до нее метров триста. Это заливной луг, как я понял, чуть дальше берег реки и даже болото видно. А вот за дорогой уже засеянное поле. Кстати, «Глаз» показал за рощей деревню, та на берегу реки стояла, этой самой, что недалеко протекала. Я приблизил изображение, несколько мужчин общались на улице, и только вздохнул. Среди мужчин был милиционер, не ошибешься, синие галифе и синяя гимнастерка, кобура над правой ягодицей. А главное, петлицы. Пустые к слову. Как и в НКВД, в милиции, если с армейскими званиями брать, на две ступени выше. Если тут просто милиционер, то в армии он был бы сержантом. Странно, простой милиционер и с кобурой, револьвера вроде бы. Им же карабины положены? Это я точно не знаю, просто уточняю вслух.

Я отвернул от дороги, делать мне там в принципе нечего. Укроюсь в кустах на берегу реки, а как стемнеет, полечу прочь. Надо еще определиться, где я. То, что другой мир, но это Земля, факт. Места вроде знакомые, но не могу понять, где я. Вот так устроил лежку, летний спальник, даже в речке искупался, а жара серьезная, теплая водичка, и вскоре уже спал в тени.

Оказалось, я не так и далеко от Горького находился. На линии Горький – Воронеж. А железная дорога та из Москвы на Куйбышев

шла. И не первый год войны, не сороковой, и даже не сорок первый. Было второе июня сорок второго. Война шла.

Не стоит думать, что я горевал. Меня все устраивало. Да, я в прошлом мире как дичь был, вон, даже в ловушку попал. А тут меня никто не знает, даже отвоюю честно и закончу войну фронтовиком. Встряхнуться хочу после этих пяти лет. Имея амулеты защиты, да и другие, шансов дожить до конца войны не просто велики, а огромны. Есть, конечно, разные случайности, но постараюсь обойтись. Сам я один был, в печатке пусто, мои китайки со мной два года путешествовали, пока не осели в США. Я им новую придорожную гостиницу купил, с кафе, в штате Вирджиния, они ею владеют и там живут. Гражданство сделал, права и машину купил. Порядок. Мое личное хранилище и перстень заполнены, килограммов по десять свободно, но и только. Хотя нет, в главном хранилище почти тонна свободного. Я авиационного топлива изрядно потратил за последнюю неделю поисков.

Ладно, не об этом сейчас. То, что война уже идет, понял по десятку высотных бомбардировщиков «Юнкерс-86», что шли строем ночью на высоте где-то девять тысяч метров. Причем в ту же сторону, что и я. Бомбили заводы Горького, как я понял, под их шумовой маскировкой и добрался до окраин города. Даже поспать успел на опушке леса. А с утра на рынок. Так и разведал. Особо я не раздумывал. У меня несколько пачек документов в запасе, гражданина Советского Союза тоже. Есть два паспорта, что выданы в сороковом году. Несколько и позже. Думаю, подойдут. В военкомат я сразу не пошел, двинул к знакомому дому. С соседями пообщался. В этой истории извещение о смерти Германа Одинцова пришло за день до начала войны. Здесь он погиб.

Воевать рядовым бойцом не особо хотелось, да и мне двадцать семь лет с хвостиком. Пусть я чуть омолодил себя, но на двадцать три точно выгляжу. Честно говоря, простым бойцом начинать не хочу. Как бы в командиры выбиться? Тут по призыву звания вполне давали, согласно занимаемой должности на гражданке. Ладно, что-нибудь придумаем. У военкомата ожидало несколько семей, похоже новый призыв. Уточнив у дежурного, к кому мне, мол, не местный, родные края оккупированы, а воевать хочу. Тот сообщил кабинет, это второй этаж, туда и прошел. Пришлось подождать, пока меня не принял

пожилой капитан с пустым рукавом френча и орденом Красной Звезды.

– Давай документы и коротко о себе, – велел тот, протянув правую руку.

– Лазарев Игорь Андреевич. Пятнадцатого года рождения. Из Киева.

– Где год пропадал?

– В местах не столь отдаленных.

– За что сидел? – посмотрев на меня, уточнил капитан.

– Убийство.

– Справку об освобождении, – снова протянул тот руку

– Так сдал же, вон паспорт в Казани получил. Думал в Москве призываться, да решил у вас это сделать.

Это да, паспорт казанский, я изменил год выдачи с сорок третьего на сорок второй. Довольно неплохо получилось.

– Служить приходилось?

– Да. Старший лейтенант РККА. Киевский военный округ. Убил сослуживца. Звания судом не лишали. На зону попал за месяц до начала войны.

– Удостоверение? – в этот раз руку протягивать не стал.

– Сказали, что утеряно.

– Последняя занимаемая должность?

– Командир стрелкового батальона. Четыре месяца занимал, пока под суд не попал.

– Причина убийства?

– Несчастный случай. Рикошет от железной трубы. Стреляли из пистолетов по мишеням. В необорудованном месте. Суд не признал несчастным случаем, у нас были недружественные отношения с погибшим. Свидетели об этом сообщили.

– Хм, ясно.

После чего задал мне несколько специфических вопросов по управлению подразделениями уровня рота-батальон. Я ответил на них спокойно, без запинок.

– Ожидайте тут.

Капитан вышел с моим паспортом, а я остался стоять в кабинете, сесть мне никто не предложил. Минут двадцать он отсутствовал, после чего вернулся.

– Значит так, товарищ военный комиссар решил восстановить вас в звании, тем более раз никто вас его не лишал. Командиров не хватает. Батальон вам, конечно, не дадут, но рота может быть. Сейчас все оформим, а вы пока на медкомиссию. Сейчас напишу личное дело и выдам справку.

Я немного офигел, просто так решил языком почесать, а сработало. Конечно, старлей это не подполковник, но и так неплохо для начала, надеюсь, получится, а так за день не успел все сделать, и только третьего июня, на следующий день, я получил командирское удостоверение на имя старшего лейтенанта Лазарева. Форму я не строил, мало ли не получится? Так что меня назначили командиром команды призывников, я их завтра повезу в Москву, там пополнялось несколько дивизий. А пока на склады, где получил не командирскую форму, а красноармейскую, но в петлицах кубари. Нашивки пришил. Оружие получил, пистолет ТТ. Пятьдесят патронов в запас. Помимо ремня, кобуры, планшетки и пилотки я получил вещмешок с полотенцем, мыло, фляжку и котелок с ложкой. Вообще это в части все должны выдать, но мне еще в Москву нужно ехать, в пути что-то иметь стоит. И так немало не выдали. Шинели нет, кружки, каски. Да и много чего другого. Однако я подогнал форму под себя, час работал иглой с ниткой, форму надел, белое исподнее одно, зато портянки выдали две пары. Сапоги неплохие. Старые запасы, как я понял. Вот так вернулся к военкомату, тут рядом общежитие, меня там устроили, вот и эту ночь решил переночевать. А пока мне новобранцев, многие еще присягу не приняли, приказали погонять, научить шагистике. Я опытный командир, нашел сержанта, тот из старослужащих, и приказ ему этот же выдал. Так что сержант гонял молодняк, а я в тени отдыхал, поглядывая на сброд молодежи и довольно зрелых мужчин. Пока строим это не называть, но исправляются. Сержант молодец. Его на семьдесят человек, конечно, мало, однако ничего, громким рыком компенсировал все неудобства.

Недолго я на лавочке посидел. Помдежурного срочно к военкому велел идти. Так что поспешил в кабинет нужного командира. Тот по телефону разговаривал, указал рукой на стул и сказал в трубку:

– Комбата я тебе нашел, а где комиссара найдешь, не знаю. У меня пока нет. По госпиталям поищи, из выздоравливающих. Быстрее будет, если кого пошлешь. Все, давай.

Положив трубку, тот отпил чая из кружки и сказал мне:

– Значит так, через час через нашу станцию будет проходить воинский эшелон. Стрелковый батальон перекидывают к передовой. Стрелковый полк сформирован в Свердловске. Там погибли комбат и комиссар батальона. Подозревают диверсию. Следственные органы работают. Вы примете этот батальон. Все ясно?

– Да, товарищ подполковник.

Тот отправил в канцелярию, сделали временное направление, оформят меня уже в штабе полка, а пока на станцию. Ждать не час пришлось, а два, пока не зашел эшелон на узловую станцию. Тут как раз на тупиковой ветке новенькие «тридцатьчетверки» грузили. За ним почти сразу еще один эшелон зашел, паровозы пополняли дровами и водой. Бойцы бегали за кипятком, получали довольствие, я же занимался делом. К счастью, командование полка и штаб во втором эшелоне и ехали, там еще артиллеристов перевозили, скудно пушек, всего восемь «трехдюймовок». Представился, передав бумаги, меня оформили, потом комиссар полка лично сопровождал и познакомил с командирами и бойцами батальона. Ну а дальше что, эшелон шел к Москве, горел зеленый, свет, я же знакомился с людьми, выяснял, чего от кого ждать. Своей артиллерии, я о противотанковой батарее, батальон не имел. Только два батальонных миномета. Надеюсь, дадут. Наш полк не отдельный, по прибытию на фронт, пока не известно в какой, мы войдем в штат одной из стрелковых дивизий, что понесла серьезные потери в боях. Практика такая редкая, но была. А так наши эшелоны, там шесть их было, весь полк перевозили, и шли. Сначала к Москве, потом на юг. Я сначала надеялся, что ошибся, но нет, на Сталинград нас кинули. В этом направлении. Там войск мало, Харьковская катастрофа, немцы скоро будут рваться к Волге.

Опять Сталинград, у меня о тех боях неоднозначные воспоминания остались. Впрочем, до начала боев еще рано, скорее всего мимо проедем. Не просто мимо, а по железнодорожному мосту, через город и дальше до Донбасса, перекидывали как можно ближе к передовой. Дальше уже немцы. То есть наш полк по сути кинули затыкать дыры на этом направлении. Да все кидали. Помните, те танки на станции Горького? Они за нами следом шли. «Глаз» показал. Двенадцать машин и четыре самоходки «СУ-76». Вот так мой эшелон... он не передовой, перед нами два эшелона первого батальона

шли. Я принял командование вторым. Так вот, мой эшелон прибыл на разбитую узловую станцию, стервятники люфтваффе тут знатно повеселились. Первому батальону досталось.

Поэтому, командуя своими подчиненными, я постарался быстрее разгрузить эшелон, тем более что подходил второй, со штабом полка и артиллеристами. Успели. Выстроив колонну, повел ее прочь, держать их тут нельзя. Дальше начштаба командовал, а я вернулся к станции, получить приказ от комполка, майора Буркова. В батальоне много чего не хватало. Всего одна полевая кухня, да и та времен Первой мировой войны. Котлы заново лудили. Противотанковых пушек нет. А совсем нет, ни в одном из трех батальонов. Только восемь «трехдюймовок» артиллерийского дивизиона, есть в каждом батальоне по взводу батальных минометов, и это все. Ах да, одиннадцать грузовых повозок у моего батальона, санитарная двуколка и пять верховых коней для командиров и посыльных. О, еще взвод связи полка по штату заполнен, что редкость, есть телефонные аппараты да катушки с кабелем. В принципе все, даже палаток нет. Да много чего не хватало, не все бойцы шинели и каски имели. Видимо спешно дернули полк, не дали доукомплектоваться. В личном составе как раз заполненность на девяносто процентов. Это еще неплохо, да и личное оружие у всех. Винтовки и пулеметы по штату, в каждой роте по два «максима», и еще отдельный пулеметный взвод, ППШ вот ни одного нет. Рота противотанкистов, но ПТР всего десять вместо шестнадцати положенных по штату. Ладно, хоть что-то, а пока я вернулся на станцию и, доложившись комполка о сделанном, пока получил распоряжение ждать, тот сам не знал, куда идти и куда полк вести.

К счастью, посыльный командир, запыленный лейтенант на легком мотоцикле, сам его нашел и под роспись передал пакет. Значит так. Наш полк входил в триста первую стрелковую дивизию двадцать первой армии. Сейчас бои шли в районе реки Северский Донец, до нее километров тридцать, нас сюда и перекинули поближе. Шло планомерное отступление, а где и бегство. Комполка передал приказ и направление следования полка, мой батальон шел в передовых порядках, потом третий, управление и штаб, артиллерия, и замыкал сильно побитый первый. Его еще в порядок приводили, выяснялось, какие потери понес. Так что, вскочив в седло, я нагнал свой батальон. Немного не в ту сторону шли, пришлось уходить на боковую тропку.

«Глаз» показывал, как можно срезать путь, к слову, остальной полк шел следом. Там еще разгрузка продолжалась. Не стоит думать, что весь полк уже разгрузили. Да ничуть. Поэтому мне приказал комполка отойти, найти какое-нибудь укрытие, желательно лес, и встать там, ожидая остальных. Ближайшая довольно крупная роща была в пяти километрах, туда и вел батальон. Нормально дошли. Небо чистое, только тройка наших истребителей пролетела в одну сторону, к немцам, обратно не вернулись. ЯК-1, я уже разбираюсь. Вот так доведя батальон, отдал приказ расположиться под деревьями, причем компактно, скоро остальные подойдут, и отдал приказ приступить к подготовке обеда. Сегодня десятое июня, семь дней в пути были. Опасности вблизи нет, можно и поесть, время обеда все же.

Одна кухня, понятно, накормить всех не могла. Так что с нее питались первая рота, минометчики и штаб батальона, остальные готовили как могли и умели. Там ротные старшины возились. Большие котлы не имели, но литров на десять были, вот и готовили, так что дымок над рощей, постепенно рассеиваясь, все же поднимался. Когда обед прошел, командиры и бойцы были сыты, наконец закончился сбор полка. Дальше поступил приказ, и мы двинули следом. Куда, без понятия, мне указали направление, мой батальон все так же передовым шел, остальные следом. Довольно длинной змей растянулись. Уже через два часа я с помощью «Глаза» заметил две стремительные тени, что двигались в нашу сторону.

– Воздух! – заорал я. – Рассредоточиться по полю!

Командиры вторили, передавая мой приказ, я один раз тренировку устроил, знали, что делать. Бойцы стали разбегаться, оставляя орудия, повозки, я тоже отбежал. Мой крик подхватили, но медленно, замыкающие подразделения отреагировать не успели. Впрочем, атаковали центр полковой колонны, без серьезных потерь, успели разбежаться. «Мессеры» скинули две бомбы и пошли на второй заход, чтобы прочесать нас пушками и пулеметами. Зениток в полку всего две, счетверенных пулеметов Максима, на треногах устанавливают, но везли их в повозках и установить не успели. Однако мой батальон активно стрелял по немецким истребителям. Бойцы с ручными пулеметами ставили ствол на плечи находящихся рядом бойцов, используя их как подставку, прицельно били по охотникам. Это по виду они охотники. Так как ручников у меня в батальоне без малого

три десятка, довольно плотный огонь. Да еще бойцы хлопали винтовками. Только станковые пулеметы не удел. В принципе, немцы сами отвернули, видя, что мы для них зубастая добыча, так рисковать летчики не желали и отвернули. Синхронно это сделали и довольно красиво, но вот в чем им не повезло, должны были пролететь как раз надо мной. Я и сбил ведущий самолет. Мелким файерболом, вряд ли кто его заметил, прямо в двигатель. Тот полыхнул, сделал горку и пошел к земле, сев на пузо. К нему неслась толпа бойцов и командиров. Я же, довольный, встал, отряхиваясь. Сбил, а подумают на батальон. Только мой вел огонь, остальные укрывались от атак, я видел. Отлично, пусть на счету моего подразделения числится этот истребитель. Неплохое начало. Дальше сбор батальона, перекличка. Несколько бойцов запоздавших прибежали, новая перекличка, и выяснилось, что мое подразделение потерь не понесло. А потери в полку были, убитых только семеро. Ранеными медики занимались. Их тоже хватало, точно больше десятка.

А немца взяли живым. Побили слегка. Дальше им командование полка занималось. Вроде в тыл отправили. Без особых промедлений, где-то на сорок минут задержались, полк двинулся дальше. Я уже видел сверху Донец, мы прошли две деревни, в колодцах воды набирали, опустошая их, и один раз село было. Не раз видели тыловые подразделения двадцать первой армии. Грузовики ездили, обстрелянные с воздуха машины на обочине видели. Некоторые сгорели. Доносился смрад разложения, где-то лежали непогребенные. Однако мы остановиться не могли, нас гнал вперед приказ. До вечера еще один налет пережили, четыре бомбардировщика, с километровой высоты работали, тоже не без потерь, но малые они, успели рассредоточиться. Хотя и немцы работали по квадратам. Уже вечер был, комполка отправил разведку вперед и по бокам, искать место для ночевки. Да и ужинать пора. И еще мы начали встречать отступающие и заметно битые боевые подразделения теперь уже нашей армии. На многих бойцах белели или серели повязки. Многие в крови.

Встали прямо в открытом поле, на обочине дороги, бойцы оборудовали туалеты, это мой приказ, а то заминируют все вокруг, обустроились на местах подразделений, делились шинелями. Готовили ужин. Всем есть хотелось. Я посетил штаб полка, узнал, что новых приказов нет, и вернулся к батальону. Поужинали, и я уже хотел спать

лечь, секреты и часовые выставлены, как «Глаз» показал, что у штаба полка остановился тяжелый мотоцикл с коляской и к командованию подошел старший лейтенант. Приказ не передал, видимо устный был, но этого хватило. Был поднят полк, развернулись и как можно быстрее двинули обратно. Оказалось, новые рубежи, где вскоре должны встретить врага, остались у нас в тылу. Выравнивалась линия обороны, немцы прорвались, если проще.

Это еще хорошо, что нашли, много потеряшек такие посыльные просто не находили. Их судьба незавидна, не всем везло выйти к своим. Мой батальон в этот раз замыкал колонну. Возглавлял первый. То есть, как шли к передовой, развернулись, так и направились обратно. А мы ведь за день километров тридцать отмахали. Нас и высадили не утром, часов в десять дня, а движение начали вообще после обеда. Я-то снимал усталость амулетом, а бойцам было очень тяжело. Выматывающий поход с двумя налетами, и еще этот ночной. К счастью, недалеко идти было, километров десять, там уже работали, копали, даже ночью, многие подразделения, некоторые мы видели отступающими. Нас развернули вправо и угнали от дороги километров на семь, и мы прямо в засеянном гречихой поле начали рыть стрелковые ячейки. До окопов не дошло, хоть это вырыли, так устали, засыпали прямо где копали. Наблюдательный батальный пункт тоже вырыли. Вообще земля тут мягкая, однако я амулетом еще размягчил, быстро сделал, и окоп готов, где и разместили командование полка. Все, спать.

Утром тишина, подняли бойцов, завтрак, интендант уже убыл в тыл за припасами, а мы начали зарываться в землю, полнопрофильные окопы рыли, для бронебойщиков позиции. Для боеприпасов укрытия тоже. Причем справа у нас соседи есть, окопами соединяемся, а слева пусто, не сплошная линия обороны. Немцы облетят на авиаразведчике и выяснят, где пройти можно. Впрочем, к полудню и там появились бойцы, явно потрепанная дивизия, связные были от них, для взаимодействия, и начали земляные работы.

Первый день тишина, далекая канонада слышна, но и только, вот мы и зарывались как могли. Второй день тоже прошел тихо, хотя под вечер нас бомбили «хейнкели». Нашему полку досталось и соседям. Есть погибшие и раненые. Однако и этот день прошел. Там и третий наступил. И только ближе к полудню этого дня появились немцы.

Воздушный разведчик с утра в небе крутится, а наземные группы только сейчас появились. Те сверкали оптикой, но не приближались. Хотя стоит сказать, что те были в дальности наших минометов, телефонная связь имеется, вышел на командира минометного взвода и стал передавать координаты. Пусть дальность предельная, но два прямых накрытия было. Немцы поспешили удрать, оставив дымиться один мотоцикл и второй, да несколько убитых. Я отправил взвод бойцов собрать документы, трофеи и технику, если целая, прикатить. Еще «Глаз» показал кое-что интересное, и похоже, ночью можно будет повеселиться, ожидаются не слабые трофеи...

Застонав, я открыл глаза. А рассмотрев довольную и лыбящуюся морду магеныша, только закатил глаза, но снова уйти в бессознанию мне не дали, хлесткая пощечина привела меня в чувство.

В принципе, я неплохо себя чувствовал, сел и осмотрелся. Кажется, начинаю понимать, что происходит, местность знакомая. Судя по траве, вокруг осень, стоит, сверкая остеклением, американский двухместный вертолет, на котором я прилетел, лопасти уже стояли, ну и двое рядом со мной. Магеныш и пожилой бородатый мужчина. Судя по одежаниям и балахону, он из того же мира, что и магеныш. А местность та самая, где я, пролетая ночью, засек три артефакта. Ловушка, только ловушку сделали не американцы, а вот эти два мага. Дальше были глюки и бред. Попадание в другой мир, сам добровольно пошел воевать, чушь, в которую сложно поверить. Я бы так точно не поступил, а отдохнуть куда-нибудь улетел да девушек кадрить. Я свое честно отвоевал, две войны прошел.

– Чем это меня? Как защиту пробрили? И что за видения были? – стал я задавать вопросы.

– Амулет снов, очень мощная штука, пока у тебя были видения, я скачал твою память, – сказал маг на чистейшем русском языке. – А защиту не пробивали. Она не действует на запахи, особенно со снотворным эффектом. Сложнее было устроить ловушку и встать у тебя на пути. Ты часто менял направление, пока искал амулеты и артефакты. Значит так, кто я такой – представляться не буду, моего ученика ты знаешь. У нас мало времени, много потратили, чтобы тебя изловить. У тебя два варианта пути. Пытки или ты отдаешь все сам, добровольно. Ну или ты отдаешь все сам добровольно и уходишь на перерождение. Получишь новое тело в каком-то из миров, не знаю в каком. Но перед этим я тебе устанавливаю шестой слой души, мага, у тебя пять, как и у всех простецов. У меня есть Дар мага в запасе, от погибшего ученика, убить меня решил. Не получилось. Этим я тебе оплачу все потерянное. Поверь, обмен будет в твою пользу.

– Так, я в вашей магической кухне не разбираюсь, поэтому давайте договоримся. Я вам отдаю все, содержимое личного

хранилища тоже? – пожилой маг кивнул. – Амулеты и артефакты, что ставят меня на уровень мага и позволяют свободно прожить лет двести. За это меня вышвырнут в другой мир, где я получу новое тело, но буду необученным магом. Да еще не инициированным. Там ведь инициация должна пройти?

– Да, все верно.

– И в чем моя выгода? Обменять амулеты и артефакты на Дар? В чем смысл?

– Маги живут в среднем двести лет, сам Дар их поддерживает. Даже особо и лечиться не нужно, а если лечиться, то все пятьсот лет. Дар – это Дар, да ты должен от радости прыгать до облаков. То, что ты с таким усердием искал несколько лет, ты сможешь создавать сам. Хранилище у тебя останется, оно к пятому слою души привязано, мой ученик все сделал очень качественно. Потом сменишь на хранилище для магов, это уже сам. Я дам тебе копии книг из своей библиотеки по амулетам и артефактам, обучу языку и письменности. Ты сможешь по книгам обучиться создавать потерянное при оплате.

– Чему именно? Тем поделкам, что получил от вашего ученика, или более крутые амулеты на рунах? Не надо считать меня идиотом, уровень между ними огромен, как пропасть.

– Ты прав, магия рун нам не известна, поэтому мы и заинтересовались твоим имуществом, хотя искали тебя по другому поводу. Сейчас уже неважно почему. Что ты хочешь? Имей в виду, все равно оплата останется прежней.

– Раздеваете до нитки.

– И Дар мага, некоторые в рабство идут, чтобы получить его и стать учеником мага.

– Мне это ни о чем не говорит, я это все имею и нахожусь на уровне мага. Пусть и пользователя, а не создателя. Нет, я против.

– Установка Дара мага идет только добровольно, – задумчиво проговорил пожилой маг. – Ладно, книги по лекарской магии.

– Все книги и рукописные методички, что у вас есть, обучение языку и письменности, как на книгах, и Дар мага, – решил я.

Эти двое все равно получают все что захотят, а так хоть при своих останусь. Да и, честно говоря, я не прочь отправиться изучать новый мир. Надеюсь, он будет миром магии. Если кто понял, предложение пожилого мага меня заинтересовало, хотя терять перстень с

хранилищем, магическую нейросеть жуть как не хотелось. Поэтому я вытребовал сделать рукописные копии рун, чтобы потом попробовал их повторить. Хотя что-то поймею с этого.

– Договорились, – согласился маг. – Клятва?

– Конечно.

Ну а дальше началось. Сначала мы убрались подальше от этих мест, пустынные местности нашли, и там прошел ритуал. Одно из условий его, тело умирает, рассыпается пылью, поэтому и перерождение, с сохранившейся памятью. А книги, неслабая библиотека, у мага был амулет копирования, сами болванки книг тот создавал из мусора, другим амулетом. В общем, почти четыре тонны книг и рукописных тетрадей. Ну и листов бумаги и пергамента. Тот поклялся, что это все его запасы. Язык я уже изучил, проверил, книги читать умею, действительно по разным разделам магии. Четырех, если быть точным. Лекарской, по которой и был специалистом маг, артефакторики, его вторая специальность, и еще две, которые тот пока изучал. Это бытовая магия и боевая. Ритуал сработал, и меня унесло в неведомые дали.

Очнулся я довольно быстро. Вот начало ритуала, меня вырубает, и почти сразу очнулся. То есть для меня прошли мгновения, как это все в действительности, может, столетия позади остались, не знаю. Да и вряд ли уже выясню. Чуть позже опишу, что и как было, а пока нужно понять, где я, ведь я беззащитен, ничего магического нет, да и Дар спит, его еще нужно инициировать. Это простая и в то же время не самая простая процедура, но все для этого у меня имеется. Открыв глаза, мысленно пробежался по состоянию тела, болела голова и тело чувствовалось плохо. Вообще полная идентичность попадания в тело Германа Одинцова, когда очнулся в госпитале в городе Владимире-Волынском. Открыв глаза, я под сотрясения земли вокруг, комьями взлетала земля, увидел над собой девушку с рыжей косой, по форме санинструктора Красной Армии. На погонах по одной нашивке – ефрейтор. Что, опять Земля? Да и еще война идет. Это какое проклятие я словил, чтобы возвращаться сюда снова и снова? Даже в глюках вернулся в это время. Два месяца там пробыл, звание майора получил и полк принял, когда погибли все командиры. Хорошо командовал, но это глюки, наведенная фантазия, хотя в реале часов пять прошло.

Девушка, убедившись, что я очнулся, улыбнулась устало и, достав бинт, осматривая мою голову, начала бинтовать.

Что произошло, я уже начал понимать. Видимо ранение в голову, в висок; судя по пульсирующей боли, скорее всего сердце остановилось, одна душа улетела, моя влетела, все это время вот эта девушка возвращала меня к жизни. Действительно все схоже с тем, что было с Германом. А так я лежал в окопе и похоже был бой, шум перестрелки, работа станковых пулеметов, разрывы снарядов, тело ощущалось плохо, слабость, но шевелить руками и ногами я уже мог. Пока же ясно, что часть гвардейская, у девушки на груди значок и медаль «За боевые заслуги». Погоны. Это от сорок третьего до конца войны. Еще было холодно, некоторые бойцы, что перемещались по окопу, были в шинелях. Сама девушка мелко дрожала, замерзла. В это время она упала на меня и закрыла своим телом, а совсем рядом через окоп начал переползать немецкий танк. Да еще «Тигр». Правда, объятый пламенем. Кто-то горючую смесь ему на корму кинул. Стрельба шла, где-то рядом звали медиков, девушка, убедившись, что я в порядке, убежала, ее золотые руки требовались в другом месте. Я же, ощупывая себя, в шинели был, расстегнул клапан кобуры и достал тяжелый для меня ТТ. Командир, значит? Потом изучу удостоверение, а пока привел оружие к бою, достал и запасной магазин, сжимая его в левой руке, и дважды выстрелил в вылезавшего из люка башни немецкого танкиста, он замер чуть дальше, башню видел, остальное нет. Танкист дернулся и сполз обратно в башню, значит, я попал, хотя было метров тридцать, а я уже стрелял в немецкого солдата, похоже гренадерской дивизии, что спрыгнул в окоп, намереваясь штыком своего карабина добить раненого советского бойца. Пуля попал ему в плечо, развернула, а вторая влетела в горло, и он упал на спину, скребя в предсмертных муках каблуками сапог по грязной земле.

С трудом сев, прислонившись спиной к стенке окопа, я стал стрелять в другую сторону, там девушка перевязывала бойца, это она по сути меня спасла. Два немца-гренадера, что спрыгнули к ним, хотели добить. Один, второй прикрывал, куда-то стреляя за поворот из МП-40, я не видел куда. Я едва успел застрелить немца, хотя он ранил девушку-санинструктора в плечо, а потом и второго. Это все, в окопе появились наши бойцы с двух сторон, но зачищать было нечего, живых врагов не осталось. Я хорошо стрелял и туго знал свое дело. Попытался

перезарядить пистолет, затворная рама была в заднем положении, когда меня затрясли. Это сразу отдало в голову, и я скривился.

– Лейтенант, ты как? – опустился рядом старлей, пока некоторые бойцы вели бой, другие осматривали немцев и наших раненых, девушку уже перевязывали.

– Слабость. Вы кто?

– Ты меня не помнишь? – удивился тот.

– Нет. Очнулся, девушка-санинструктор, ефрейтор. Вон она, ранена. Она меня перевязала и другим начала оказывать помощь. Тут немцы появились. Я застрелил из пистолета танкиста, он там через башенный люк пытался вылезти. Того солдата и этих двух. Патроны закончились, хотел перезарядиться, а тут вы.

– Ясно. Ничего, врачи помогут.

Старлей спешил и говорил короткими фразами. Раненых уже выносили. Идти я не мог, так меня на плащ-палатку и волоком потащили куда-то в тыл, туда вырытый ход вел. Других раненых тоже. Их, надо сказать, немало было. Погибших также выносили, включая тела в немецкой форме. Бой был жарким, но стихал, похоже отбились. Сознания я так и не потерял, и это дало время мне серьезно подумать. В душе, в уме я серьезно матерился. Надо же, снова Земля. Я что, к ней привязан навечно? А ведь так рассчитывал на настоящий магический мир. Ладно, надеюсь, еще будет шанс, встречал уже магов, почему бы этому снова не случиться? Ладно, попал и попал, уже ничего не изменишь, но главная радость при мне. Пока предварительная. Я МАГ! Это пока еще подтвердить надо, инициацию провести, но шансы, что все получилось, велики. Жаль потерянного, то тот старый маг прав, я в выигрыше. Когда же я спорил с ним, это скорее старался больше бонусов получить. Второй главный бонус – новые миры. Земля мне как-то поднадоела, однако, как видите, он не сработал, хотя это действительно другая Земля, но все она же. Бой был, я даже пострелял, небезрезультатно, жаль, трофеев добыть не смог, из-за слабости с трудом шевелился. Так что кроме книг, в хранилище моем личном ничего не было. Этот самый старый маг, по заветам магеньша хапал все, до чего мог дотянуться, и я его понимал. Лично я считал себя в выигрыше. Все же быть магом это действительно круто, тот был прав. Простец с амулетом – это жалкое подобие, пусть магическая нейросеть и подтягивала до уровня мага.

Однако если бы я действительно был магом, она бы работала не на пятьдесят процентов, ведь некоторые опции для меня были закрыты. Эта нейросеть для меня самая крупная потеря, столько песен и фильмов, моя личная коллекция, а на остальное плевать. Я надеялся, что меня закинет в какой-то мир, где те в ходу, но видите, как мне «повезло»? Кстати, старый маг сразу установил нейросеть себе, я подсказал, на какие иконки нажимать, тот изучил знание языка и дальше сам осваивал амулет. Так вот, сброс привязки, очистил память, не было у того запасов песен и фильмов, все чисто. С нуля копить будет.

Когда четверо бойцов понесли меня по низине в тыл, там обоз ожидал санитарный, медики суетились, я осмотрелся. Весна, без сомнений, снег видно, грязь и слякоть, тает все. Значит, пока излечусь, пока выпустят из госпиталя или медсанбата, не знаю где будут держать, уже тепло будет и сухо, лето начнется. Это тоже неплохо. Ладно, ясно пока, что ожидается, а в кого попал – скоро узнаю. Вот раненых осматривают, кому-то срочно повязки меняют, донесут, выясню, а пока припомним, что там было до ритуала?

Сначала меня обучили языку, на котором написаны книги по магии, я изучил книгу по ритуалам, особенно раздел по клятвам, все должно быть честно, как сказал пожилой маг. Клятвы были даны, дальше подготовка, что заняла пять дней, и вот сам ритуал. Ну и книги получил и листы, где нарисованы руны тех амулетов, основанных на рунной магии. Еще один момент. Инициацию должен проводить другой маг, да и пентаграмма нужна специальная, а поди знай, в какой мир я попаду. Спонтанные инициации бывают, но это больше редкость. Однако можно провести грубую инициацию, и я решил подстраховаться. Магеныш сделал амулет, он на артефактора учился, сам амулет сгорит, но меня иницирует. Что дальше делать – мне на словах объяснили. Потом буду по книгам учиться. Там есть азбука молодого одаренного, что только что прошел инициацию. Я ее уже прочитал, много интересного есть, и знаю, чего ожидать. Этот амулет, единственный у меня, сделанный на скорую руку, тоже в хранилище. Само хранилище работает, активировал его еще в окопе, до того, как стрелять начал. Старый маг, похоже, обиделся на недоверие, даже те простенькие амулеты, что купил, точнее обменял у магеныша ранее,

забрал в качестве оплаты. Сказал, у меня будет стимул быстро научиться делать их своими руками. Ну в чем-то был прав.

Меня донесли, утирая пот, уложив в рядок к раненым. Сами бойцы поспешили обратно, пока затишье, много что вынести нужно, а ко мне подошла медсестра.

– Кто такой? – спросила она.

– Не помню.

– Имя? Подразделение?

– Не помню, – повторил я.

Девушка сама расстегнула мою шинель и, достав документы из гимнастерки, стала читать:

– Младший лейтенант Чижов, командир минометного взвода. Наша дивизия, это и понятно.

Тут врач подошел в грязном халате, забрызганном кровью, и женщина сообщила об амнезии и мои данные. Он осмотрел и велел грузить, срочного вмешательства не нужно. Тут явно медицинский сборный пункт первичного приема раненых, а повезут уже в медсанбат. Меня погрузили в телегу, к счастью, тут оказался боец минометной батареи, из другого взвода, который и описал, в кого я попал. Ну что знал. Кстати, ту девушку-ефрейтора, что к жизни меня вернула, везли на соседней телеге. Тоже отвоевала. До того, как тронуться, прибежал боец из моего теперь взвода, принес личные вещи и вещмешок. Я недолго общался соседом, качка умотала, и вырубился. Еще и в руках-ногах путался, но старался их поднимать, осваивал моторику тела. У меня также и с телом Германа было, за три дня освоил и уже нормально ходил. Надеюсь, и тут так же будет. Что я успел узнать по Чижову? Я даже имени пока своего не слышал. Значит так, восемнадцать лет. Прямо со школьной скамьи, из десятого класса, в Барнаульское военное минометное училище, где раньше два года учили, теперь за полгода вбивали знания в курсантов. Отличники получили звание лейтенантов, но Чижов младшим был, или не блистал, или середнячок, поди знай. Сам боец особо не в курсе, вроде тот из Вологды, две недели как прибыл в дивизию, сразу из училища. Познавал и осваивал фронттовую науку. А тут бой, немцы на этом участке серьезно решили вклиниться в нашу оборону. Когда мины подошли к концу, Чижов повел своих бойцов в окопы, где уже кипела рукопашная. Причем окопы второй линии, первую враги уже взяли.

Серьезные силы в бой кинули, хотя тут оборона уже давно тихой была. Дивизия напротив Бобруйска стояла. Там дальше бой, Чижова ранило, и я очнулся в его теле. А подходивший ко мне старлей – это командир минометной батареи триста тридцать девятого гвардейского стрелкового полка, который вел вторую группу бойцов, то-то удивился, что я его не узнал. Ну а остальное выясню, когда в тылу буду.

Что по дивизии и что это за участок фронта? Чижову повезло из училища попасть напрямиком к гвардейцам. Сто двадцатая гвардейская стрелковая дивизия, сорок первый стрелковый корпус, который входил в третью армию Первого Белорусского фронта. В принципе, на этом все, там меня уже вырубил тряской, да и так немало узнал. Что по планам, то был апрель сорок четвертого года. А это уже не сорок третий. В принципе, довоевать год – и я честный фронтовик со всеми положенными документами, в отставке, там можно и магические специальности уже нормально изучать и осваивать. Можно на гражданку уйти. А если задержусь в тылу, особо на это упираться не буду, пусть врачи решают, то и воевать меньше. Глядишь, в начале лета на передовую вернусь. Может, успею подготовиться? Это я про инициацию и осваивание некоторых дисциплин на начальном уровне. Черт, а ведь это тоже планета Земля. Я на прошлой планете готовые амулеты и артефакты находил, неужели тут не найду? Поищу. Поэтому первое, что я сделаю, – магический сканер, и чем выше по уровню и мощности, тем лучше. Он на третьем месте после личной защиты и амулета «Глаз», тот мне для моей военной специальности необходим. Для минометчика это настоящий дар богов. Так что поищем амулеты, маги тут наверняка бывали наскоками. Не без этого. Еще что радует, магеныш и его учитель меня теперь точно не найдут. А как? Откуда им знать куда меня отправило? Старый маг все сетовал, что не проследит за своим экспериментом. Я уже язык знал и сделал вид, что не понял, о чем тот. Похоже, установка Дара не такое и простое дело, а тут ему нейросеть помогала, убрала косяки. Надеюсь, Дар я получил. Очень надеюсь.

Очнулся я в медсанбате моей теперь дивизии, после осмотра, сменили повязку, у меня не рана, а вдавленное повреждение, похоже осколок плашмя попал, и отправили дальше. Специалиста по таким травмам в медсанбате, я о потере памяти, у них не было. Тем более

выявили мои проблемы с опорно-двигательным аппаратом. Я даже сидел шатаюсь. Как из пистолета стрелял тогда, сам не понимаю, на адреналине, наверное. Так что уже на машинах дальше, в госпиталь нашей Третьей армии. Он стоял в городке Пропойск. Дорогу запомнил плохо, она мне тяжело далась. Дальше устроили в палате, на носилках подняли на второй этаж, врачи нами занимались, на третий день с момента как пришел в себя, и уже сутки обитал в офицерской палате госпиталя, стал брать тело под контроль. На второй день разрешили ходить по коридору, развивать движения, а потом разрешили и по саду гулять. Там тропинки были. Сам госпиталь разместился в бывшей городской больнице, а до этого тут было дворянское гнездо и сад неплохой, ухоженный.

Я неплохо осваивался, мне рентгеновский снимок сделали. Врачи чесали затылки. С такой раной, у меня височная кость повреждена, выжить я не мог, а я вот он, живой, даже хожу. После консилиума операцию решили не делать. Опасались. Само заживет, нужно время. Также в госпитале был свой контрразведчик. Тот меня проверял, проверку я прошел благополучно, вот и попросил его узнать обо мне. Ничего ведь не помнил. Кстати, звали меня теперь Чижев Валерий Геннадьевич. Обещал сделать. В вещмешке я нашел некоторые вещи, письма от некой девушки Нины из города Барнаула, письма родных, уже из Вологды. Чижев не сирота, я так понял, что имеются мать и две сестры младше возрастом. Школьницы. Еще и бабушка с дедушкой. Последний работает шофером в одном из предприятий города. А что, пусть будут, я не против иметь семью. Я им тоже написал письмо, где и указал, мол, ранен, память потерял, попросил написать, что знают. Пока ответа не было. Да и рано еще. А двадцатого апреля, как стемнело, я покинул госпиталь, якобы погулять в саду, пришло время инициации. Попытки. Заодно узнаю, есть у меня Дар или нет, а то извелся сомнениями. Я покинул территорию и остановился у грузовичка, стоявшего за оградой. Вещей у Чижева особо не было, небогатый парень, однако были наручные часы. На трофей не похожи, простенькие, советского часового завода. Даже секундной стрелки не было. В общем, в уплату доставки водитель попросил их. А тот от нашего госпиталя ездит в небольшой санаторий, тут в двадцати километрах, он и до войны был санаторием, и немцы его также использовали для своих офицеров, и в боях тот не пострадал. Стоял на

берегу озера на опушке хвойного леса. Замечательное место, туда выздоравливающих отправляют. Так-то тот засветло должен был выехать с запасом продуктов, но вот мы договорились, и он, подхватив меня, десять минут как стемнело, покотил к выезду из города. Машина примелькалась, не стали на посту останавливать. Укатил тот километров на пять, где я застучал по борту. Остановился и высадил, покотив дальше. Да, не один он был, женщина еще, врач, но та сделала вид, что не видела меня. Грузовичок укатил, а я направился в глубь поля, стараясь не упасть, ноги разъезжались по пашне. Просто тут метров четыреста, и опушка леса. Там я и собрался пройти инициацию. Обратно уже на своих двоих, и как-то до госпиталя нужно незаметно дойти, не попавшись патрулям, но ждать уже нельзя, каждая минута на счету.

С трудом дошел, по сути все силы на это потратил. Еще и не видно ничего, ветер сильный завывал в проводах, полы шинели трепал. Ничего, замерз, вспотел, пока по грязи прорывался, но дошел. Дальше очистил сапоги и побежал в глубь леса. Форма не моя, а выходная, дают тем, кто выходит погулять в сад, поэтому торопился. На километр умотал в глубину леса. Я не знаю, есть ли кто вокруг, потому как старый маг прямо сказал, что вокруг меня где-то на километр все в пыль превратится, да и на сильный Дар рассчитывать не стоит, но я рискнул. Снял с себя все, голышом был, убрал в хранилище, достал амулет и активировал. Да тут одна пентаграмма и была для активизации. Ох меня и скрутило, но я только радостно засмеялся. Ну попытался, мышечный спазм скривил горло, хриплые каркающие звуки пошли. Разогнувшись, я стал быстро плести детскую сетку из магических линий. Черт, толстые линии, для артефакторов важно: чем тоньше, тем лучше. В волосок и ниже это просто отлично. У меня с шерстяной волос, что по сути закрывает мне путь в артефакторику. Хотя есть уловки, как это обойти. Впрочем, я хоть и расстроился, но Дар есть, и сплести сетку за десять минут смог, накинул на себя, та автоматически ужалась вокруг меня и взяла Дар под контроль. Непроизвольная утечка маны остановилась, я это пока не мог контролировать. Также быстро одевшись и осмотрев огромную поляну, где стоял в центре, действительно все в пыль превратилось, даже деревья, и я побежал по своим следам обратно. Кстати, грузовика

можно не ждать, он обратно только утром поедет. Так что пешочком. Только так.

Чуть в стороне полевая дорога бежала, по ней и вышел к трассе. А то раньше дуриком по пашне пер. Бежать не мог, в рану отдавало, поэтому шел быстрым и мягким шагом, иногда останавливаясь передохнуть. В город не по трассе проник, по огородам, тут район с частными домами. Через шесть высоких заборов перелезал. Дважды от собак ушел, один раз нет, успела за каблук ухватиться, рыча. Там по улочкам и до госпиталя. Ну пару раз заблудился, однако дошел. Главная в ориентации железнодорожная станция Пропойска, по ней госпиталь и нашел. Санитарка ворчала, дескать давно все спят, но одежду приняла и сама проводила до палаты. Особо не спрашивала, где так долго пропадал.

Вырубило меня капитально, еле на завтрак поднять смогли. Кстати, в парня я попал молодого, хорошо развитого физически, видимо физкультуре в училище отдавали достаточно времени, так что мышцы не болели после ночной эпопеи, да и я был вполне бодр и полон сил. Тело невысокое, метр семьдесят два, но крепкое, лицо чуть круглое, симпатичное. Пухлые губы, брови вразлет, прямой нос, темные волосы и ярко-голубые глаза. Вполне себе симпатичный. Недостатков не нашел. После завтрака сил прибавилось. Как ходячий, я питался в столовой, там поел, была манная каша с капелькой растаявшего сливочного масла, моя любимая, и делал ее мастер своего дела. Два кусочка белого хлеба и чай с булочкой. Маловато, конечно, сытым я себя не ощущал, но хоть что-то есть в желудке. Вообще в госпитале кормили неплохо, я уже стал привыкать.

Сон сбили, так что не стал снова дремать или спать, лег на кровать, мне покой прописан был, и, накрывшись одеялом, только ноги торчат, достал книги по артефакторике и стал изучать особенности создания основ для амулетов. Потом буду изучать как создавать плетения для амулета личной защиты. Ну третьего или второго уровня мне пока не сделать, а вот четвертый, ну в крайнем случае пятый, вполне потяну. Я не переживал, что у меня из пальцев выходят толстые магические линии, все просто, до инициации я читал личные записи магеныша, тот имел аккуратный почерк и немало тетрадей, где записывал чему его учили. И там я нашел, как, создав плетение

большого размера, уменьшить его до нужного, и, внедрив в основу амулета, закрепить и подключить накопитель. В книгах я подобного пока не нашел, но главное, я могу делать амулеты, и это радует. Опыт нужен и знания, вот их и получал. Главное книги и тетради не показывать. Просто тут скука, и насчет почитать другие раненые всегда за. Понятно, ничего не поймут, письменности этой не знают, но могут появиться вопросы, как беспамятливый этот язык стал знать? Вот и скрывался, убирая книгу, если кто подходил. К счастью, я в углу у окна лежал, за спиной никого. Сосед слева постоянно где-то пропадал, те, что в ногах, занимались своими делами, палата офицерская, шесть мест, только один не ходячий, с гипсом на обеих ногах. Осколочные ранения, да еще переломы костей, ему тут с полгода куковать. Изучая книгу, к вечеру я понял, что разница среди основ есть, амулеты пятого и четвертого уровня, простенькие, могут создаваться из того, что под руку попадет. Они слабые и недолговечные. Для третьего уровня некоторые ювелирные украшения тоже пойдут, а вот второй уровень, первый и безуровневый – там основы специально создавать надо, что сейчас не в моей власти. Хотя, как создавать, написано подробно, я еще поискал в тетрадях магеныша. Да есть, аж три тетради. Там разные основы под разные амулеты и боевые артефакты, а также свои отдельные сплавы.

Стало ясно, что мне нужно нечто для основ простеньких амулетов. Какие украшения подходят. Ну и камни накопители. Пока создавать амулеты и артефакты я не мог; чтобы видеть магические линии, выделяемые мной из Дара, должно заработать магическое зрение. А оно может завтра появиться или через месяц. У всех это индивидуально проходит. А то, что я свои линии видел, это работа амулета-инициации. Он не сгорел при вспышке, защита была и давала мне магическое зрение, пока я сетку плел, что и позволило закончить. Едва успел, амулет в пыль рассыпался. Ну да ладно, я постепенно выздоравливал, причем оно ускорило, как только заработало магическое зрение. А на пятый день после инициации полчаса незрячим был, пока не научился выключать. Потом включить и снова выключать. Я изучил книги по лекарскому делу, у меня голова болела, в первую же ночь после активизации магического зрения, поглядывая в книгу, на схему, сплел плетение диагноста и пустил в свою голову. Тут же на сетчатке глаз появилась картинка повреждений, даже без

лекарского образования стало ясно видно проблемы, даже самого передернуло. Несколько осколков кости вошли в мозг. То-то врачи побоялись лезть. Я тоже боюсь. Однако, найдя другую страницу, тут отличное плетение по удалению поврежденных костей, сплел его с шестого раза, оно раз в шесть сложнее, чем плетение диагноста, и активировал. Особо ничего и не почувствовал, просто кости встали так, как и должно. Потом плетение заживления. Уф. Куда легче стало, и внутричерепная гематома прошла, головная боль медленно уходила. Полночи этим занимался, сам пальцами плел эти лекарские плетения и активировал на себе. Без амулетов. Да, как маг я мог теперь многое. К слову, я сплел плетение, чтобы определить размеры своего Дара. По градации мира тех магов, что и подарили мне Дар, от десяти до нуля, где десять самый минимум, у меня твердая шестерка. Я считаю, что это очень неплохо, очень даже себе средний уровень. Не слабосилок. Может, и до пятого прокачаюсь. Все в моих руках, главное заполнять источник Дара и опустошать. Кач и есть.

Перед тем как покинуть процедурную, я тут всем этим занимался, а оно одно на ночь пустое, сплел плетение сканера, одноразового действия и то волной разошлось вокруг. Причем плел час, сначала тренировался, чтобы руку набить, не простое оно, и узелки распадались, опыта-то нет. Однако взял волю в руки и, делая руками мелкие движения, все же сплел и активировал. На остатках маны в источнике. А все, своими действиями за ночь опустошил его. На две сотни метров ушла волна, картинка появилась на сетчатке глаз, сложно информацию обработать было, но я смог. Ничего магического я не увидел, зато немало золота подсветил сканер. Причем часть не на людях или в их вещах, а в стенах или в подвале. Три места засек, запомнив. Следующей ночью гляну, если ничейные, приберу, а сейчас спать. Я устал. Не так сильно, как в ночь инициации, но тоже серьезно. Вот так тихо покинул процедурную, заперев ее, научиться вскрывать замки было не трудно, я умел это, тут и замок простенький, обычным гвоздем вскрывался. Так что убедился, что в коридоре свидетелей нет, вернулся в палату и вскоре уже спал. Завтра, к слову, помывка, кого в баню повезут, кого так протирают. Меня в баню не пустят, ранение мое признано тяжелым, ладно, так протрусь. Да и пора уже. Это будет вторая моя помывка в госпитале.

Так и потянулись будни в госпитале. Отправлять дальше в глубокий тыл меня все же не стали, решили тут лечить. Ну как лечили, покой, да повязки меняли. Снаружи рану на виске я не трогал, не хотел привлекать быстрым заживанием и тем, что шрамы исчезли. Мне там рану все же зашили, два шва было. Недавно их сняли. Информация от контрразведчика пришла. Тот вызвал к себе в кабинет и после опроса дал почитать папку по тому, что смог собрать по мне. Много интересного узнал. Да и письма от родных Валерия пришли. Те сильно встревожены были ранением, потерей памяти, но радовались, что жив. Хоть что-то в этой ситуации хорошее. Тут даже не письмо общее пришло, а бандероль. Много листов исписали, даже несколько фотографий прислали. Особенно сестрички старались дать все, что знали про брата. Видимо с фотокарточками бедно было, что смогли. Узнал, что и отец у Валерия есть, воюет, сержант, шофер автобата на Втором Украинском. Я изучил все и отправил обратно, поблагодарив за информацию. Буду писать. Так и делал, писал письма, их почтой отправляли. Три ушло, пока в госпитале лежал. Той девушке из Барнаула написал, извинившись, что писать не могу, был ранен и потерял память, нашел ее письмо в своих вещах. Ответа так и не было.

Между прочим, два месяца продержали, пока я медицинскую комиссию не прошел. Дальше форму в зубы и направление. К счастью, в свою же дивизию. Вообще гвардейцев старались в обычные части не направлять. Если другая, то тоже гвардейская. Я же возвращался туда, с чего начал. Кстати, нашивку тяжелого ранения на гимнастерку нашёл. Форма в порядке, шинель от грязи давно постирана. Выдали пилотку по замене. Моя где-то затерялась в окопах. Вещи, вещмешок полный, и все. Вот так дальше в комендатуру, получил направление, дорожные, сухпай на сутки, уже начались бои за Бобруйск, и моя дивизия там участвовала. Свежих раненых привезли, от них узнал. Потом на склады, нашел попутную колонну, не моей дивизии, и дальше поехал с ними.

Вот так сидя в кабине ЗИСа, перед нами маячила корма «студебеккера», и размышлял. Что я успел за эти два месяца? Если честно, то многое в теории и некоторое в практике, но сейчас при мне всего три амулета, рабочих, два третьего уровня и один второго. Все что мог, все что мог. Если думаете, что амулеты делать так просто, я вас разочарую. Магеныш учился несколько лет, и я вот так за два

месяца, хотя свободного времени было пруд пруди, освою? Нет конечно же. Хорошо, у того в конспектах указаны все ошибки и как нужно делать, это здорово помогало. В Пропойске я нашел ювелира, он из эвакуированных, вернулся недавно, а официально работал бухгалтером. Инструменты и оборудование имел, вот я и сделал заказ. Чем платил? Помните те отклики на золото в бывшей дворянской усадьбе, где развернулся госпиталь? Я нашел все ничейных тайники и вскрыл их. Правда, только два явно дворянские. Прятали от грабителей. Третий, это уже свежий, прошлогодний, явно или какой-то немец, или полицай в спешке зарыл в подвале. Восемь золотых слитков с гербом Советского Союза и разная ювелирка. Я это все прибрал, изучил, некоторые годились для амулетов и артефактов, однако многие для меня лом. Вот то, что мне не нужно, через ювелира и разошлось. Драгоценные камни тот мне огранил до круглого состояния, около полутора десятков, это все что успел. Я уже научился в них сливать ману, не повреждая, другие использовал как лом. Я нарисовал и написал, что делать, и тот отлил мне основы, разных марок металлов. Это может сделать и не маг, опытному ювелиру вполне по плечу. Правда, все вышли в одном виде, как медальоны с креплением для накопителя в центре. Итак, тот успел сделать три основы для первого уровня, очень сложные, пять для второго, семнадцать для третьего. Это все. Поверьте, и это много. Тот по сути все время на меня тратил, я ему два слитка отдал в качестве оплаты, поэтому не удивительна такая его работоспособность. Я, как видите, задействовал три, одну основу второго и две третьего уровня. Я долго набивал руку в плетениях, подсказки из комплектов магеньша помогали, это так, но все равно опыта мало и плетения такого уровня, край какие сложные, распускались. Однако все же за такое время некоторый опыт я приобрел, и даже уловки, без которых не обойтись.

В результате у меня амулет второго уровня «Глаз» и два третьего, защита и сканер. Были и пятого, и четвертого, разная мелочовка, но это я тренировался, руку набивал и развеивал, как сделал, поэтому, когда прошел медкомиссию, на руках только три довольно неплохих для моих знаний и умений амулета было. Да хорошо хоть это успел. К слову, «Глаз» неплохо получился, также работал на двадцать километров вокруг, поднимаясь на пять в высоту. Для меня как минометчика просто отлично. Остальное чуть хуже, но я и этому рад,

будет шанс выжить. А пока учимся дальше и параллельно воюем. Такие планы.

Есть еще новости. Через город, где я лежал, проходил эшелон, сканер уже был у меня на руках, дал сигнал, что там неизвестный амулет находится, перехватить я его не успел, но теперь знаю. Мое предположение вполне себе рабочее. Будем искать. Опыта у меня мало, это да, а где его взять? Время где найти? Если для теории его было хоть отбавляй, знай лежи, читай и просвещайся, то для практики нужно свободное место без свидетелей. А не все ночи свободны, иногда аврал с пребыванием раненых бывал. В городе два госпиталя нашей армии находились, поток раненых также дальше в тыл шел. Бои начались за Белоруссию. Когда потеплело, я выходил в сад и там работал в укромном уголке. Отсыпался до обеда потом. Еще стоит добавить, что пока я осваивал лекарские плетения, то в нашем госпитале, к удивлению врачей, не умер ни один раненый. Даже шестеро с гангренами стабилизировались, и гангрена ушла. Я отрабатывал практику, но старался без свидетелей это делать. Плетения на ауру закреплял, ходил мимо раненых, сначала диагностика, потом лечение. Была палата и с женщинами-военнослужащими, а там девушка-ефрейтор лежала, что мне жизнь спасла, ее штыком в плечо ударили, серьезная рана, рука по сути отнялась. Подлечил. Стала чувствовать ее и шевелить, чему радовалась до слез. Поэтому то, что я успел за эти два месяца, это действительно огромный объем работы.

Вообще медкомиссия была назначена на двадцать восьмое июня, поэтому я спокойно ночью делал амулеты разные, пятого и четвертого уровня, и развеивал плетения. Отрабатывал практику. Знай я, что на сегодня перенесут медкомиссию, на двадцать пятое число, на три дня раньше, оставил бы некоторые. Амулеты дальнего и ночного видения, личный климат-контроля. Да много чего. Почему я отрабатывал практику на таких довольно простых плетениях? А я сразу схватился за мощные, не имея базы в создании такой вот мелочи, а там много нюансов, из-за чего и замедлилось создание серьезных амулетов. Схватился за недостижимое. Нет, я сделал, и вышло неплохо, но чего мне это стоило? Столько шишек набил, которых мог бы избежать. По теории я пока в двух направлениях магии себя обучал. Лекарская и артефакторика. Это пока все, что я мог сказать. Медкомиссия

собралась спешно, это ясно, наступление пошло, и требовалось пополнение, в девять утра уже первых принимали, меня часов в десять вызвали, а в одиннадцать я уже покинул стены госпиталя, направившись к комендатуре. То, что память не восстановилась, я не скрывал, но звания меня не лишали, на передовой обучат заново, так сказал один из членов комиссии. Я был с ним согласен. Причем стоит отметить, что был я не один. А что, я офицер, а комиссию кроме меня прошли еще семеро гвардейцев моей теперь дивизии. Шесть рядовых и один ефрейтор-связист. Все с наградами, давно воюют. И как старший я взял над ними командование. Вместе комендатуру посетили, направление и пайки получили, на склады, там пообедали, и вот выехали к передовой. Те сидели в кузове грузовика, на котором я сам ехал. В кузове вязанки формы, для портянок материя, сапоги и шинели. Во время боев форма быстро приходит в негодность, вот и доставляют на замену, поэтому бойцам в кузове было вполне комфортно. Мягко. Сама автоколонна в два десятка грузовиков двигалась по разбитой дороге прочь от Пропойска. Она не нашей дивизии, но соседней. Высадят поближе, там и дойдем. Надеюсь, добраться за этот день, но сомневаюсь, дорога не близкая. Жаль, немцы разбомбили станцию дальше на путях, могли бы сэкономить, проехав с каким-нибудь составом.

Я даже подремал. А что, почти всю ночь не спал, утром подняли сначала на завтрак, я их не пропускал, и только уснул, уже на медкомиссию. Ошарашили меня этим. Машину мотало, дорога действительно серьезно убита, но я видел, что там и там шел ремонт. Проехали через наплавную переправу, еще засветло пересекли Днепр. Я большую часть дороги спал. Встали один раз в разбитом и сожженном селе, поужинали и сразу двинули дальше. С бойцами порядок, те тоже в кузове дремали, так и двигались. После ужина проехали километров десять и попали под налет. Две пары юрких немецких истребителей атаковали. Не без результатов, два грузовика запылали. В начале колонны зенитка была, четырехствольная, та забила, но немцы ушли, делать второй заход не рискнули. У них сейчас тактика такая, ударил и бежать. Одну машину смогли потушить, а от второй все разбегались, боеприпасы везли. На двадцать минут задержались и дальше. Это все события, что запомнил. Темнеть начало, когда как раз автоколонна сворачивала. Им налево, а нам

прямо, так что нас высадили, и я, осмотревшись, велел ефрейтору построить бойцов по одному и следовать за мной. Уже темнело, поэтому я поглядывал по сторонам, гоняя «Глаз».

Ночью не пойдем, нужно место для ночевки. Фронт близко, уже громыхания артиллерии слышно, и понятно, что тут можно встретить не только наших, но и немцев. А у нас на восьмерых один пистолет, и тот мой. Однако нужно место для отдыха. Например, чуть дальше в открытом поле высокий стог сена, прошлогоднего, потемнел уже. Неплохое место, чтобы поспать. Правда, потом форма колотья будет, но это меньшее из зол. Постирать, и проблема уйдет. Это я все к чему. Меня разбудил шофер, когда встал на перекрестке, сообщив, что приехали. «Глаз» не работал. Я подхватил вещмешок и шинель и покинул кабину, командуя бойцами. «Глаз» только начал работать. Так вот, была подозрительная группа в нашей форме и явно немцы, видать разведгруппа, восемь человек с радистом. А стог вроде пустой, отдохнуть в безопасности можно. Вот только и немецкая разведгруппа нас видела с опушки леса, и те неизвестные в нашей форме тоже. Их уже было полтора десятка, с двумя телегами. Мародеры, судя по барахлу, бок самовара блестел, но может, и трофейная команда. Хотя я сомневаюсь.

Связываться и с теми, и с другими я не хотел. А стог самое то. Он стоял в центре минного поля, «Глаз» показывал обнажившиеся после дождей мины. Также на поле были следы эвакуации подорвавшейся боевой техники. Еще остов нашей сгоревшей «тридцатьчетверки». Наши сунулись на поле, поняли, что это, и обошли, поставив знаки. Места освобождены недавно, линию обороны, что всю зиму стояла и где ранили Валерия, мы проехали ранее. Не удивительно, что не дошли руки очистить поле, но мне это играло на руку. Вообще я изучал историю этого мира. Да ничем не отличается от мира, где я родился и жил, нося имя Добрыня. И это точно не история того мира, где я воевал как Герман Одинцов. Вообще никаких совпадений. Я и историю той войны помню слабо, но совпадения, по тем, что вспомнил, были. Ладно, пока не до этого. Дорога пуста, не вижу ни попутных машин или обозов, ни встречных, как назло.

– Группа, стой! – скомандовал я.

Уже окончательно стемнело, и я видел только силуэты, как и бойцы меня.

– Значит так, внимательно слушаем, только потом задаем вопросы. Похоже, мы попали в неприятности. Я ночью неплохо вижу, наблюдаю группу бойцов в нашей форме, похожи на трофейную команду, но уж больно расхристаны. Скорее всего дезертиры. Да и добро в двух телегах подтверждает это. Сейчас они из того леса выходят сюда на дорогу, можем встретиться через километр. Полтора десятка, все вооружены, есть оружие и в телегах. Это не все, на опушке этого же леса, чуть побитого артиллерией, затаилась уже немецкая разведывательная группа. Восемь человек я насчитал, один с ящиком радиостанции. Обе группы видели, как нас высадили, причем немцы сейчас бегут в обход минного поля, что у нас справа по курсу движения. Видели, что оружия у нас нет, думаю, хотят перехватить. Для чего, объяснять вам не надо. Уничтожить обе группы, без потерь, затея сложная. Я не говорю, что невозможная, но сложная. У меня поставлена задача довести вас целыми и невредимыми до штаба дивизии, поэтому я могу вас провести шаг в шаг до стога, и мы там переночуем. С другой стороны, эти непонятные в нашей форме и немцы. Что они натворить могут в нашем тылу, не мне вам объяснять.

– Товарищ гвардии младший лейтенант, – подал голос один из бойцов, – видел я эти трофейные команды. Туда всех, кто не может нормально воевать, сплавляют. Поэтому со стороны одни действительно могут показаться дезертирами. Там есть офицер?

– Да, есть один.

– Тогда предлагаю отправить посыльного, пообщаться с ними, и если это действительно наши, то совместно уничтожить немцев.

– Хм, дельное предложение. Согласен. Отправляйтесь к трофейщикам, обговорите что и как. Немцы обходят поле и собираются нагнать нас со спины. Про трофейную команду они знают.

– Есть, – уловил я взмах руки, боец козырнул и побежал дальше по дороге, а я повел своих следом. Если повезет и это наши, то вооружу гвардейцев за счет того оружия в телегах.

При этом «Глаз» работал и все фиксировал. Я немало нашел брошенного немецкого снаряжения, техники и оружия, как в лесу, так и в недоступных из-за минирования местах. Да у меня хранилище свободное. Я, конечно, у одного интенданта купил за слиток золота шесть ящиков американской тушенки и пять бумажных мешков ржаных сухарей, как бонус получив мешок сухофруктов, но это все что

было. Да и сторожились серьезно, там на складах как раз комиссия работала, хищения вскрылись, интендант неучтенку скидывал. Мы оба довольны остались. Тем более лицо я не засветил, ночью дело было. «Глаз» тестировал и вышел на него. Да и техники не имею, а там на дне врага на подножке стоял вполне целый на вид легковой мотоцикл БМВ, да и снаряжения вокруг раскидано немало. Меня это все интересовало, хранилище считай пустое, так что разберемся с немцами, и пока бойцы спят, в стоге и устрою их, я пробежусь, приберу. А утром двинем дальше.

Когда рассвело, я зевая потянулся и, пнув по ноге бойца, что лежал рядом, скомандовал:

– Подъем!

Та группа расхристанных бойцов, с двумя телегами, действительно оказались нашими, мы соединились, они даже оружием поделились, но засадой командовал не я, а командир трофейной команды, старший лейтенант. Тот глаза лишился, вот его и списали командовать такой группой. У них было несколько световых ракет, трофейных, пустили в небо и просто открыли огонь. Тут поле, укрытий нет, а у нас два ручника. Половину группы немцев уничтожили, остальные сдались. Вот и все. Собрали трофеи и ушли. А я проводил бойцов к стогу, часового ставить не стал, кто тут еще будет гулять по минному полю? Дал отбой, а чуть позже двинул дальше по этому же полю к оврагу, где приметил интересное. Именно амулет-сканер и помог мне пройти это поле не подорвавшись, а тут ведь мины не только были нажимного действия, но и провода натянуты, вроде лесок. Судя по ямам, во время паводка несколько мин подорвалось. Смешанное минное поле, и противотанковые, и противопехотные. Сканер показал несколько мин, поставленных на неизвлечение. Я пяток мин снял, типа «лягушка», прибрал в запас. Дальше осмотрел мотоцикл, не минирован, просто брошен. Даже в баке на доньшке бензин есть. Подсосал насосом, маленько заводной ручкой поработал и пнул хорошенько. Взревев, тот стал тарыхтеть. Пока движок прогрелся, я изучал, что вокруг еще есть. Много что брошено, почти на тонну набрал, включая мотоцикл, проехал на нем немного, нормально, скорости включаются. Надо будет бензина добыть и моторного масла. Он на смеси ездит.

Вернувшись к стогу, я поработал часа три. Сделал два амулета четвертого уровня сложности. Не на основах, что мне сделал ювелир, а простые украшения местных. Вполне годились для этого дела. Один был дальнего и ночного видения, второй личного климат-контроля. Поэтому и спал отлично, не замерз. Шинели как подстилка. Сейчас же проснувшись, выбрался наружу. Стог шевелился, бойцы выбирались. Я стал делать зарядку.

Мы тут же позавтракали остатками пайков, все ушло, по своим следам вышли к дороге и двинули дальше. Через четыре часа, к сожалению, никто не согласился нас подбросить, но добрались до штаба дивизии. Сначала пост на дороге показал, куда там дальше, проверив, понятно, наши документы, потом зенитчики, они и охраняли штаб, а там дальше разобрались. Не в деревне штаб был, а на опушке рощи. Ну бойцов по своим подразделениям быстро раскидали, туда, где служили, а вот со мной небольшая задержка вышла. Начальник штаба дивизии, изучив мои документы, посмотрел на меня и спросил:

– Память так и не восстановилась?

Я медленно покачал головой в отрицании, но добавил:

– Это не касается моих профессиональных умений минометчика. Расчеты делать умею, как и наводить. Парни в госпитале проверили, тяну.

– В твоей батарее все по штату, недавно новый офицер принял взвод... – Он задумчиво постучал по столешнице ребром пачки моих документов и, кинув на меня взгляд, добавил: – Среди наших свежих трофеев есть три стодвадцатимиллиметровых миномета. Немцы копии наших выпускают. Их пока попридержали. Наши мины они использовать могут. Вот что, я решил использовать эти орудия и создать отдельный усиленный взвод полковых минометов. Минометов никогда не бывает много. Будем перекидывать туда, где будет тяжело. Поддержать где нужно. Потянешь?

– Так точно, товарищ гвардии полковник.

– Взвод будет приписан к штабу дивизии, использоваться как резерв. У взвода четыре грузовика, три для орудий, буксироваться, один для боеприпасов. Приписаны будете к кухне штаба, ротный старшина комендантской роты возьмется за тыловое обеспечение. Все ясно?

– Так точно.

– Хорошо. А что там за происшествие ночью было? Мне доложили.

– Разведгруппа немцев в составе восьми солдат и офицера, с радистом, решили взять мою группу. Видели, что без оружия, из госпиталя идем. К счастью, мы повстречались с командой трофейщиков. Устроили засаду, частично уничтожили, частично пленили немцев.

– Ясно. Пленных они патрулю сдали. Да, лейтенант, во время того боя, где вы потеряли память, вы уничтожили четырех немцев из личного оружия, согласно рапорту старшего лейтенанта Телегина, командира минометной батареи. Это так?

– Так точно, трех солдат гренадерской дивизии, один, к сожалению, штыком ранил девушку-санинструктора, что меня вернула с того света. Еще танкиста. Вылезал из горевшего танка.

– Вас представили к награде. Решили в госпиталь не отправлять, она вас ожидает тут.

Сам начштаба награждать не стал, для этого подошел комдив, генерал-майор Фогель, он и выдал коробочку с наградой и само наградное удостоверение. Неожиданно это оказался орден Красной Звезды. Думал, медаль будет. Вот так поблагодарив, мне один из штабных офицеров помог прикрепить награду где положено, саму коробочку и орденскую книжицу я убрал в хранилище и дальше уже работал по созданию этого минометного усиленного взвода. Там, похоже, еще и конь не валялся. Подразделение создается, комдив вполне мог это сделать своей властью, а в списках личного состава, что составляли, я пока был в единственном числе. Ничего, будут еще и люди, и техника. Для меня стало неожиданностью такое назначение, но я даже рад. Понятно, за мной приглядывали, но видя, что я вполне тяну, за счет пополнения, как из маршевых рот, так и тех, кто возвращался из госпиталей, и был создан этот взвод. Четыре грузовика, все четыре после ремонта. Понятно, не наши грузовики, трофеи. «Опель-блиц» с крытыми кузовами. Уже покрашены в цвет хаки, и с большими красными звездами на дверцах кабин. Даже номера нанесены. Как пояснил главный снабженец дивизии, чтобы, если что случится, были под рукой машины-доноры. Две недели шло формирование, а дивизия наступала и взяла Бобруйск, окружив и

переварив немало войск противника. Не одна понятное дело, в составе нашей армии.

Я в этом не участвовал, а старательно создавал боевое подразделение. Машины не числились за сто семнадцатой автотранспортной ротой, что была у дивизии, именно что были закреплены за взводом. Четыре, конечно, маловато, но что есть. Двух недель хватило, была еще и приемка, мы лихо выезжали на поле, разворачивали орудия и готовились открыть огонь. Никто мины тратить впустую не собирался, боевой опыт получим на передовой, так что взвод все – считай на боевом дежурстве. До этого нас не трогали, хотя разные ситуации случались. Всего во взводе тридцать один боец при одном офицере. По восемь солдат в расчетах, командиры орудий входили, это двадцать четыре, потом четверо шоферов, трое бойцов с радистом, это корректировщики. Ну и я. Вот и получается тридцать один солдат и офицер в списках личного состава. Тылового подразделения нет, куда бы нас ни направили, там присоединимся, временно, к какому-либо другому подразделению, где нас будут кормить, поить и одевать. Ну и боеприпасами снабжать. Как-то так.

В этот же день мой взвод направили на усиление триста тридцать четвертого гвардейского стрелкового полка. Там немцы выбили немало наших минометов, явно работали опытные слухачи, что на этом собаку съели. Именно выбивали наши минометы. Полковые и батальонные. По звуку работали. По прибытию я представился командиру полка, получил приказ разобраться с противником, очень мешают, нас поставили на довольствие, и дальше я начал работать. Надо сказать, остаток светового дня пустил на разведку, а ночью, максимально близко подведя минометы к переднему краю, сам в окопах был, мне сюда телефонный кабель кинули, связисты полка расстарались, и вот так держа связь с расчетами, корректировал огонь. У немцев тут было девять таких же минометов, что и у меня, и порядка двух десятков батальонных, ротных не считаю, довольно плотный огонь днем вели. Немцы же тоже не дураки, меняют позиции часто, но для «Глаза» их маскировка ничто, и вот так и стали мы методично и скрупулезно выбивать как сами минометы, так и расчеты. Даже скорее сначала по расчетам били. Самостоятельно миномет не стреляет. Да, противник пытался нам что-то противопоставить, но только понес потери. Причем, когда мины стали подходить к концу, мы даже позиции не

меняли, я не опасался, что нас накроют, а некому, артиллерия да, может, но до них дело дошло, когда машины уже забрали орудия и увезли в тыл. Всего полчаса плотной стрельбы с часто меняющимися целями, и дело сделано. Более того, «Глаз» засек в пяти километрах неплохой такой склад, и маскировка у него чудо как хороша была. Я и накрыл его. Там с третьей мины произошла детонация. Это с боеприпасами склад был. Зарево на весь горизонт. Вся деревня не спала. Где там, с такой-то стрельбой? Я же доложил комполка, что приказ выполнен, немецкие минометы уничтожены, если кто завтра и откроет огонь, то это единичный случай, после чего к телефону вызвали меня.

Это комдив был. Злой как черт. Приказал сдать взвод минометной батареи полка, пополнить состав ее, а мне прибыть в штаб дивизии за новым назначением. Честно говоря, «Глаз» занят был, я не отслеживал, что в землянке происходило, но тут был капитан, командир батареи полковых минометов, по штату их там шесть орудий, остался один. Еще один в ремонт отправили. Немцы хорошо поработали. У того повязка на руке, думаю, он и наболтал что-то против меня. Больно уж неприветливо и неприязненно поглядывал. Ну да, я действовал не совсем так, как работают минометчики. Так для меня главное эффективность, а не как принято это делать. У меня в прошлой жизни был как раз такой трофейный миномет в личном хранилище, и надо сказать, я не раз его использовал, были такие ситуации. То есть я не новичок и работал с минометом пусть один, но толково и вполне действенно. Да лесных братьев побил пару раз, когда прочесывал местность на Западной Украине, и один раз охотников на меня одной из стран. В общем, кому-то не понравилось, что было. Доказать, что немцев я повыбил, сложно, завтрашний день покажет, а вот взрыв только глухой не слышал, да слепой не видел. Подтвердив получение приказа, я сообщил о нем комполка. Тот отложил его выполнение на утро, мол, пока отдыхать. Поэтому, вернувшись ко взводу, машины были укрыты в кустарнике, леса тут не было, даже рощи, замаскировали пока ветвями, я стал устраиваться на отдых. Отбой уже был, командир первого расчета, старший сержант Борисов, мой зам, я велел отдыхать, как технику замаскируют, вот и сделали.

Утром, а нас уже покормили, тут рядом полевая кухня была, я как раз проводил передачу взвода минометной батареи полка,

присутствовал сам командир батареи и начальник штаба полка, когда прибежал взмыленный лейтенант, сообщив:

– Товарищ гвардии майор, приказ из штаба дивизии, отменить прием техники и взводу вернуться к месту дислокации.

– Приказ, – протянул руку майор, начальник штаба полка.

– Устный.

– Мне приказ отдал лично комдив. Будет письменный, выполню, а пока кругом.

Я тут вообще слова не имел, поэтому, закончив все передавать, подписался где положено и двинулся по тропинке в тыл. Мне нужно прибыть в штаб дивизии, повезло остановить посыльного на мотоцикле, он и довез. Вещи мои при мне были, вещмешок за спиной. А шинель я убрал в хранилище. Дальше к начштабу дивизии, а тот ставит мне задачу на минометное прикрытие другого полка. То, что я накрыл минометы противника, уже было подтверждено. Да и пленных взяли, те и сообщили о сокрушающем ударе по их орудиям. Их минометчики, что выжили, немногие смогли, были в ужасе. Когда поинтересовался, как я в одно лицо это смогу сделать, имея при себе только пистолет, тот вытаращил на меня глаза. Выяснил, что мой взвод ушел в штат полка по приказу комдива, и дальше пошла суета. Я не знаю, какая вожжа попала ночью комдиву, но начальник штаба отменил его приказ, и уже через час мой взвод в полном составе подъезжал к штабу дивизии. Командовал там Борисов, хотя привел автоколонну тот неприятный мне капитан. Пришлось снова скрупулезно принимать взвод, на что я потратил полтора часа, как меня ни поторапливали. Даже инструменты проверил в машинах. Да все. Вроде ничего не пропало. Я, конечно, взбесил серьезно того капитана, но я не выходил за границы правил, все сделал как положено.

А дальше потянулась служба. То, что я оказался экспертом в противостоянии с другими минометными расчетами, вел солидный счет в свою пользу, разобрались быстро, и в основном по этому направлению я и работал. Да и поддерживал наступающие войска. К концу июля, когда моя дивизия участвовала в захвате Белостока, огромные территории за месяц прошли, на колесах по сути жили, я уже имел звание лейтенанта, второй орден получил, в этот раз Боевого Красного Знамени, и командовал не взводом, а полноценной батареей

полковых минометов. Все стволы трофейные, шесть минометов, свой батареиный старшина, почти восемьдесят человек личного состава. Два офицера под командованием, младший лейтенант и второй, лейтенант. Причем именно лейтенант Зверев недавно из училища, а младший лейтенант Ромов из госпиталя, повоевать успел. Это что касается службы и боевых действий, я у командования дивизии на хорошем счету. Моя батарея так и считалась резервом штаба дивизии.

Теперь по тому, что делал, о чем никто не знал. Я за это время создал еще четыре серьезных амулета третьего уровня. Из лекарственных два, диагност и универсальный лекарский. Потом был амулет климат-контроля, стационарной, для помещений. Трофейная офицерская палатка была, с койкой и всей обстановкой, недавно добыл, «Глаз» показал, где она брошена, но амулет там нужен. Жару убирать или холод. Предпочитаю проживать в комфортных условиях. Ну и четвертый амулет – это подводного дыхания. Нужная штука. Нырнул с ним на дно озера у Барановичей, прибрал Т-40 с автоматической пушкой. Явно с сорок первого там на дне утопленный. Двенадцать метров глубины, между прочим. Во вполне неплохом состоянии. Я его медленно приводил в порядок, даже снаряды достал.

Также добыл новенький «шторьх». Его просто бросили на лесной поляне, баки сухие, неудивительно. Топливо я добыл, но пока самолет не использовал, пусть тот и в порядке. Вошел в мои запасы. Большею частью я делал запасы продовольствия. Также мелких ценных вещей. Часы наручные давно у меня имеются, и не одни, фотоаппаратов несколько. Вел фотохронику, сам в кадре часто бывал. Отправлял родным, чтобы знали, что сын их, внук и брат воюет хорошо. Они могут гордиться мной. У немцев и чемоданчик походной фотолаборатории нашел, с солидным запасом пленки и фотобумаги, да и реактивов. А я хороший фотограф и делал карточки бойцам, те отсылали их домой.

В общем, хорошо все шло, после Белостока мне на погоны упала третья звезда, чтобы соответствовал должности, все же простой лейтенант, что командует батареей, это слабовато, вот старлей уже ничего. К награде представили, как и моих батарейцев, но я пока не получил. Чуть позже будет торжественное награждение. Да, все полки дивизии получили наименование Белостоцких. Также командование быстро прочухало, что я не только в выбивании минометов противника

неплох, но и при штурмовых действиях, так по противнику наношу удар, что штурмы довольно легко проходят. Оборону выбивал. Так что дальше я двигался в штурмовых рядах и работал, причем довольно качественно и толково, офицеры хвалили. Вроде все, но есть и кое-что, что стоит сказать. Сканер работал, часто менял опустошенные накопители, но ни одной засветки. Как была одна в Пропойске, с тех пор тишина. Однако я не терял надежду. Да и продолжал совершенствоваться как одаренный. Учился дальше, если проще. Каждую свободную секунду тратил.

Это я вообще к чему? В середине сентября, когда наша дивизия участвовала в штурме крепости Остроленка, там мой сканер и подал сигнал. Есть что-то магическое. Город уже взят, отдельные очаги сопротивления в крепости додавили, выжившие сдались, дивизия перебрасывалась под Ружаны, там плацдарм, поэтому я поторопился выяснить, что дало такой отклик.

Автоколонна моей батареи двигалась по улицам города, пленные расчищали их, когда я уловил отклик. Сканер показал на один из подвалов развалин многоквартирного дома. Остановил колонну, а моя батарея довольно важное подразделение под рукой комдива, поэтому оно вполне себе мобильно, даже имеет армейскую полевую кухню автобуксируемого типа. Это не трофей, с тыла новую прислали. Вот так взяв десяток бойцов, показал на завалы. В подвале одни трупы, немцев, свободных выходов нет, бойцы договорились с конвойными, охраной пленных, и немцы быстро расчистили проход. Замотав лицо платком, я прошел вниз. Меня два бойца с ППШ страховали. В соседнее помещение надо было, там лежал погибший солдат среди десятка других, здоровый такой, из его ранца и шел сигнал. Я, когда ранец снял и вытряхнул все, то почувствовал дежавю. Такие же вещи были у того трупа, в реке, на территории Германии, у меня в прошлой жизни, где нашел кольцо магической нейросети и браслет-усилитель ее. Да что это, они тут и были. Кольцо и браслет. Ну и мешочек других украшений. Как я сдержался от радостного вопля, сам не понимаю, но смог. Музыка, рок и фильмы теперь у меня будут. Я прибрал нужное, и мы покинули подвал. Да, прихватил еще пять ящиков с патронами для автоматов МП-44, у меня три единицы было из трофеев. А вот с патронами не все так хорошо. Вот так и двинулась колонна на Ружаны, куда мою батарею как раз перекидывали. Удачно вышло. Шофер за

баранкой морщился, от меня тухлятиной пахло, но ничего, чуть окна приоткрыли и поехали дальше.

Находка была просто отличной, порадовала безумно, но использовать ее не мог, как стена. Я не смог снять привязку и привязать уже к себе. Подавал ману разной скоростью и концентрацией, но ноль. Отказываются те мне подчиняться и все тут. Тогда я занялся созданием амулета зарядки накопителей. Он первого уровня сложности.

Не отвлекаясь от боев, мы медленно к Берлину шли, я создавал этот амулет и создал его только в середине декабря. Очень сложная штука. Дальше подключил сначала магическую нейросеть, час, свечение, и привязка скинута. Пальцы обожгло, но я надел кольцо на палец, и то ужалось. Привязка сделана. Потом с браслетом. И тут порядок. А что я делал не так, когда из источника подавал ману им? Непонятно. Ладно, главное сделано, я сразу стал заполнять пустую память браслета музыкой, фильмами, пока из своей памяти не потерял. Самое главное, у каждой такой магической нейросети есть свой уникальный заводской номер. У этого кольца тоже был. Я зашел в меню, нашел данные прибора – и оп-па. Я помнил данные того кольца, что старый маг забрал в качестве оплаты, так вот, с этим номером они полностью идентичные. Это как так? Все довольно странно. Если только два одинаковых мира-копии, где создали две одинаковые нейросети с тем же заводским номером. Они достались двум магам-копиям, которые случайно или нет побывали на двух Землях и погибли скорее всего. Мир, где я был Одинцовым, и мир, где я Чижев. Может, копий не две, а десятки? Сотни? Блин, голова кругом идет. Однако факт, у меня точно такая же нейросеть. Впрочем, я рад ее наличию, остальное отметил и отложил на заднюю полку памяти. Потом все обдумаю. Сейчас я спешно скачивал с памяти, что мне нужно и делал запасы. И да, как магу нейросеть мне действительно подчинилась в разы лучше. Я теперь многое мог сделать, что с прошлой было недоступно. И еще, нашел эти амулеты, может, и другие найду? Я помнил где. Хотя все равно поискать придется, тут история-то по-другому идет.

Пока больше ничего не попадалось, хотя сканер, подключенный к нейросети, работал в круглосуточном режиме. Не постоянно, срабатывал раз в десять минут, но работал же. Нет, пока ничего такого.

Сам я к себе сильного внимания не привлекал. В прошлом мире о магах знали, уверен, что и тут так же. Мне этого было не нужно. Привлекал, есть такое, но разве что тем, что считался высококлассным минометчиком, и моя батарея была на хорошем счету. Да так, что постепенно все трофеи менялись на наши аналоги, от техники до самих минометов. Это дело политуправления, не может подразделение, ставшее лучшим, да и известным, выдавать такое на трофеях. Это дискредитирует советское вооружение. Медленно все шло к штурму Берлина, где наша армия действовала юго-восточнее Берлина, но приближался конец войны. Я мог гордиться. Да и гордился тем, что потери дивизии заметно снизились, что я вполне оправданно причислял к своим действиям. Много парней живыми вернутся домой. Как я ни старался помочь именно своей гвардейской дивизии, война так и закончилась девятого мая, когда Германия капитулировала. Союзникам капитулировала восьмого.

Как все знакомо. Я уже был капитаном, для моего возраста, а мне было девятнадцать лет, более чем солидно, и я пользовался немалым уважением у гвардейцев. Моя фамилия было на слуху у всех. Я имел шесть боевых наград. Это орден Ленина, три Боевых Красных Знамени, орден Красной Звезды и орден Отечественной войны второй степени. Одна медаль «За Отвагу». Это на нас окруженцы вышли, и был ночной бой. Я там лично два десятка венгерских солдат положил. Все, война закончилась, так что я сообщил, что не желаю оставаться армии и готов подать прошение об отставке, сразу как дадут добро. Ну а так как моя батарея является сверхштатным подразделением, ее быстро расформировали. Через неделю после дня Победы. Поэтому в середине лета, когда пришел приказ, и мой рапорт удовлетворили, я числился в штабе дивизии помощником начальника разведки, в этой должности и вышел в отставку. Снова как офицер разведки. Никто палки в колеса не вставлял, легко подписали, и уже на второй день с такими же отставниками наш эшелон проследовал на Варшаву, а дальше на Москву. Неужели получилось? Даже самому не верится. Теперь первым делом оформлюсь, чтобы свободу получить, и полечу искать кольцо-хранилище. Надо найти, уверен, что и оно где-то тут. Да и остальное тоже. Планы на лето огромные, надеюсь, хватит времени.

Поезд, а тут и купейные вагоны для офицеров, и теплушки для простых солдат, так и шел по Польше, а когда уже на нашу территорию

проехали, пересекли границу, вдруг сканер подал сигнал. Недалеко от насыпи железнодорожного полотна показал магический предмет. Закопан с чем-то еще на глубине полметра. Место я запомнил. А на следующей станции сошел, забрав вещи, сказал соседям по купе, что однополчанина навещу. И покинул станцию. Чемоданчик в руке, вещмешок за спиной, в парадной форме, вот и шел по полевой дороге, возвращался откуда приехали. Когда стемнело, доехал на мотоцикле. Думал, это могила какого-нибудь солдата, нашего или немца, наспех похоронили, но нет, чей-то схрон с добром. Вот его как раз наспех и сделали. Причем добро такое солидное и ценное. Забрал почти все. Нейросеть просканировала находку, и я озадаченно замер. В прошлой жизни мне такой боевой артефакт не попадался. Стрелял он ледяными копьями или стрелками. Довольно мощный, но не на магии рун. Вот так достав «шторьх», я нагнал свой эшелон, определил, на какой станции тот ночью встанет, чтобы пополнить паровоз углем и водой, сел неподалеку и вернулся в свой вагон, когда эшелон замер на путях. Соседи удивились, но место было свободно, никто не успел занять. Так и покатали дальше.

Интересная находка, думаю, не зря сходил. Я уже изучил ее, артефакт не самый мощный, третьего уровня сложности, но интересен. Я изучил книги, нашел описание схожего. Небольшие изменения в плетениях, а так один в один. Создан по тем же технологиям, что и я изучаю.

Что дальше было? А дальше добрались до Москвы, там я баньку посетил городскую, форму отдал в химчистку, заодно достал билеты на Вологду, и, когда пришло время, в столице на трое суток задержался, направился дальше. Кстати, три ночи катался на своей «полуторке» по столице, тоже с сорок первого в реке находилась, наши топили машины при отступлении, но брошь ту так и не нашел, не было сигнала. Хотя даже выселки объехал. Телеграмму о своем скором прибытии уже отбил. Тут не так и далеко оставалось, за сутки наш поезд добрался до Вологды. Через Ярославль ехали. Вечер был, но нас встречали. Перрон и площадь у вокзала заполонила толпа, я не один, тут много кто с войны возвращался. Своих я сразу узнал, по фотокарточкам, сестрицы уже подросли, старшая невестилась, в десятый класс перешла, младшая в шестом пока. Тут же и мать, и бабушка с дедушкой. Бати пока не было, хотя он под мобилизацию

попал, в пути видимо. Долго обнимались и целовались, у женского пола слезы ручьем, но это нормально. Да мы не одни такие были, радость от Победы и возвращения так и стояла над вокзалом. То, что память не вернулась, они в курсе, так что семейные отношения мы по сути выстраивали заново. Однако все же пора было идти. Меня по пути знакомили с теми, кто меня знал, соседи, родственники, одноклассник один был. Многие в курсе моего ранения и амнезии. Однако ничего, дед нес мой чемодан, мама вещмешок, я еще отдавать не хотел, мол, сам донесу, но так посмотрели, что сам отдал. Им же это приятно. Шли довольно долго. Дом, большая изба-пятистенок, из мощных ошкуренных стволов деревьев, находился на окраине города. Тут частный жилой район, вот среди домов стоял и наш. Бревна потемневшие от времени и погоды, немного мрачновато все вокруг, хотя зелень и старалась скрасить краски. Жили все вместе, дом был разделен на три части, две печки, вполне хватало всем места.

К нам начали сходитья соседи, оказалось, в саду уже стол накрыли, тут все соседи собрались, некоторых я на вокзале видел. Вот так праздновали мое возвращение. Не все вернулись, многие похоронки получили. Однако была и радость, не я один вернулся. Так что отмечали и праздновали от души. До полуночи сидели, песни пели. Место мое еще днем показали, где спать буду, я вещи оставил, подарки раздал матери, сестренкам и понятно дедушке с бабушкой. Всем что-то свое, индивидуальное. Да и не скрывал, что это трофеи. Даже выспаться успел. А с утра, прихватив младшую сестренку, ей интересно было, в военкомат, где и прошел двухчасовую процедуру оформления выхода в отставку. Даже паспорт Валерия сохранился, тот его получил в шестнадцать лет. Их выдавали в городе. Это вам не деревня. Закончив, погоны с формы можно снимать, мы вернулись домой. По пути хотели посетить магазин. Да уж, очередь на пол-улицы, выкинули сосиски. Редчайшая редкость. Дефицит всего и вся. Я рукой махнул, они у меня были в запасе. Гражданская одежда тоже, портной пошил в Германии, пока ожидал приказа. Так что вернулись, я переоделся, а чуть позже выдал матери ящик с тушенкой, американской, несколько мешков с крупами, мешок соли и две сахарные головки. Даже столитровая фляга с медом была. Те серьезно потратились, отмечая мое возвращение, вот и возместил. Да и отец скоро прибыть должен. А это новая гулянка. Этому богатству она,

конечно, удивилась, но велела убрать что-то в погреб, что-то в кладовку. Я все и разнес.

Деда не было, на работу ушел. Вчера все кручинился, что начальство машину не дало. От вокзала доехали бы с ветерком. Я же задумался. А что делать дальше? Понятно, что просто жить. Устал я от войны, а тут хорошие и душевные люди. Найду девушку, свадьбу сыграем, и буду жить жизнью простого вологдчанина. Недолго, лет тридцать, дальше скрывать то, что я не старею, не удастся, придется инсценировать свою гибель, но эти тридцать лет мои, и я хочу их прожить, изучая магию. Однако пока лето, до заморозков хочу заняться поиском амулетов, мне срочно нужно на Дальний Восток, вот и размышлял, как об этом сообщить матушке, что уже и место работы мне нашла, и двух кандидаток в жены. Дождусь бати, отметим его возвращение, и тогда можно на пару месяцев покинуть Вологду.

Отца ждать пришлось две недели... Чем можно заниматься дома, имея подсобное хозяйство и две печи? То, что тянул один дед за время войны, теперь и я делал. Заказал в лесхозе доставку стволов деревьев, их трактором волоком доставляли. Шесть раз. Потом с дедом пилой пилили их на чурбаки, а дальше клиньями, кувалдой или колуном колот их. До зимы еще далеко, но запас дров нужно делать уже сейчас. В дровяном сарае есть немного, но там на пару месяцев при экономии. Это на юге печи в домах не топят, иначе от жары не продохнуть, тут же ситуация другая, север, летних печей просто нет, поэтому одна печь, та, что на кухне, работает часто, готовят в ней, и не так жарко.

Вечерами я гулял, тут уже ходили парочки, парни были в военной форме, фронтовики, с наградами. Ну думали, что и я так ходил. Все куда проще, я посещал молодых вдов. За две недели трех сговорил и если не каждую ночь, то как можно чаще их посещал. Кому любви и мужского тепла нужно было, я щедро делился, кто-то детишек хотел. Тут я тоже не прочь помочь. Очень даже не прочь, главное тут конфиденциальность, и у меня это отлично получилось, не скомпрометировал женщин. Впрочем, подозрения на них все равно упали, слишком довольные были. Сам я вроде и посещал речку, купался после свидания, а матушка все равно сказала, что от меня женщиной пахнет. Впрочем, ничего более не сказала, только промокнула краешком головного платка слезы в уголках глаз. Я уже поговорил с семьей, что есть планы на лето, но к осени, наверное,

вернусь, устроюсь куда-нибудь на работу. До конца весны следующего года, а там дальше видно будет. Кстати, запасы продовольствия заметно оскудели у нас в кладовке. А родные занимали припасы где могли, чтобы отметить мое возвращение, и вот сейчас вернули долги. Я снова немного пополнил кладовку. На зиму точно хватит.

Пилил и колол я не только у себя, но и соседкам помогал, тем, что вдовы. Некоторые соседи ждали мужей и братьев, их еще не демобилизовали. Их тоже считали счастливицами, дождались, живы. Я не один такой был, те немногие из фронтовиков, что вернулись домой, соседкам тоже помогали. У одних дом полыхнул, имущество едва успели спасти, сам дом сгорел. Так мы в сорок человек, большая часть фронтовики, за восемь дней поставили новый сруб, подвели под крышу, уже внутреннюю обстановку ладили, печки две ставили, окна. Тут как раз и батя приехал, бравый старший сержант с тремя медалями и орденом Красной Звезды, и новая гулянка была на всю улицу. Это нормально, у всех так. Действительно душевные люди, я тут жил и просто оттаивал душой после войны. Да и вообще от всего что было. С отцом познакомился заново, я его только на фотографиях видел. Тот, понятное дело, в курсе моей амнезии и что память не вернулась, но и гордился таким сыном: гвардеец, офицер, капитан, орденосец, в общем, воевал я хорошо, и командование дивизии отметило меня многочисленными благодарностями и наградами. Теперь в доме хозяин появился, он уже включился в работу. Да и вернулся в ту же организацию, откуда его мобилизовали в августе сорок первого. Вместе с машиной мобилизовали, но вернулся без нее. Обещали дать новый грузовик, скоро должны прибыть с завода, а пока его направили в ремонтные мастерские автопредприятия. На три дня я задержался после гулянки, как отца встретили, и вот мой поезд пошел на Москву.

Билет я заранее купил. Хочу еще изучить столицу, вдруг все же отклик будет, что-то появилось недавно? Могли что фронтовики привезти в качестве трофеев? Вот и я гляну. Также ночами на «полуторке» покатаюсь, дальше поезд и на Дальний Восток. Я помню, что в хранилищах спецслужб разных государств есть разное снятое с магов, скорее всего с их трупов. Красть не буду, это такой звонок, даже ревун, что на планете есть маг. Надо мне такие проблемы? Все что надо я сам сделаю. Не сразу и не быстро, но сделаю. Живу тихо, как серая мышка, вот и дальше так жить буду.

Тут хочу заметить по технике, что у меня в хранилище. А вы ее знаете, я перечислил ранее. Всего четыре единицы. Это понятно танкетка плавающая, с мелкокалиберной пушкой Т-40. Та приведена в порядок и находилась в полном боевом. А штука нужная, в прошлой жизни у меня такая была, с ДШК в башне, здорово пригодилась. Раз пять. Без нее я бы из засад не вырвался. Потом «полуторка», новой была, когда ее утопили в сорок первом, почти без пробега. Я договорился с механиком автороты дивизии, и тот привел ее в полный порядок. Даже тент в кузове заменил на новый. После машины идет трофейный легкий мотоцикл. Ну и «шторьх». Это все. Было пять новеньких велосипедов со склада, в Германии увел, но я их не считаю, тем более четыре осталось, один семье оставил. А то тот, что у них был, продали в голодный год. Транспорт нужен, сестрицы теперь ездят на нем, батя брал на работу съездить, восстановится. Вот теперь все. Да пока больше и не надо. Сейчас хранилище свободно на тонну, это я припасами поделился, еще топливо потратил, пока на самолете летал.

Особо я не спешил. Доберусь на поезде до Хабаровска, оттуда и начну поиски. Где примерно искать и что, я знаю, это изрядно сократит поиски и время. Запасов авиабензина пять тонн в бочках, экономлю, предположу, что изрядно запасов уйдет на полеты и поиски. Поэтому и поезд. Ничего, к осени вернусь.

Пока же поезд бежал к Москве. Снаружи уже стемнело, завтра вечером прибыть должны, я размышлял, лежа на полке. Да о том, как жить и что делать. Появилась у меня тут одна навязчивая идея. Хотя нет, тут я немного приукрасил. Просто идея. Почему бы врачом не стать? Вторую неделю кручу ее в мыслях и так, и эдак. Тут два плюса. С помощью амулетов я стану первоклассным диагностом и смогу лечить людей. На терапевта обучусь, не хирурга, резать людей не люблю, хотя иногда приходилось, но делать это своей профессией... А так, уважаемая интеллигентная профессия. И второй плюс: смогу получить знания по медицине. А то, что подсветил диагност, то и лечу, не имея даже элементарных знаний. Может, я что делаю не так? Из минусов нужно учиться, а у меня магия в приоритете, и забивать память мусорными знаниями, что мне вряд ли пригодятся... Вот как бы и на елку залезть и не ободратиться? То есть диплом врача иметь я желаю, а учиться – нет. Точнее не все знания, что там преподают, мне нужны. Вот об этом я и размышлял, покачиваясь в вагоне, иногда

вдыхая дым, идущий из трубы паровоза, что влетал в открытое окно, я во втором вагоне ехал от паровоза. А топили дровами топку, это не уголь. Да что думать, запоминать не буду, все в память браслета нейросети пойдет. Будут спрашивать преподаватели, так нейросеть и подскажет ответ. Да, отличный план, только нужно его обдумать со всех сторон. А пока ехал, покачивал головой в такт, играла песня «Короля и Шута».

– ...разбежавшись, прыгну со скалы. Вот я есть и вот меня не стало... – тихо напевал я в такт песне.

В Москве снова чисто оказалось, ни одного отклика как назло, зато план с институтом сработал. Я забрал школьный аттестат за десять классов, у мамы хранился, и пришел в деканат подавать заявление на обучение. Оказалось, я был первой ласточкой, в основном девчата приходили, так что быстро приняли меня и оформили, даже без экзаменов. Фронтовикам сделали льготы по решению правительства. А все, я принят и зачислен на первый курс Первого московского ордена Ленина медицинского института. Потом решил вопрос с общежитием, тут четырехместные и даже шестиместные комнаты были, но повезло урвать койку в двухместной маленькой комнате под крышей. Сосед уже был, тоже из фронтовиков. Общежитие совместное, тут комнаты и девчат, и парней были, я уже в предвкушении. Я оставил некоторые вещи, типа место занято, комендант койку на меня уже записал, так что, распрощавшись до первого сентября, мол, у меня дела, я отбыл из Москвы в сторону Владивостока. Обратного придется на самолете лететь. Большая часть времени на дорогу туда уйдет. А что, уже начало августа, запоздал я со всеми приготовлениями. Да главное перстень найти, остальное и следующим летом можно. Меня особо не гонят, а амулеты и артефакты хорошо от коррозии защищены.

А пока поезд спешил, тот относился к классу скорых, шустрее двигался, чем обычные пассажирские поезда, и ехал я в вагоне «СВ». Вообще начало мне понравилось. Со мной дама ехала в деловом сером костюме, с юбкой до колен, вела себя строго, уверенно, директор фабрики из Казани. Лет тридцати, фигурка самый смак. Я ее уже через два часа сговорил, как раз стемнело, так что опробовали ее диванчик, потом столик и уже мое ложе. Так до самой Казани и занимались

любовью. С перерывами понятно, я не такой неутомимый жеребец, как можно было бы подумать. Надо будет амулет сделать, там в одной книге было описание амулета, что увеличивал мужскую силу. Сложная штука второго уровня. Утомил соседку серьезно. В Казани она выходила на подкашивающихся ногах и с шальной улыбкой. Прощались так страстно. Стоит признать, и я не лучше был. Вымотала. Дальше купе занял пузатый мужчина в костюме и шляпе. Во Владивосток ехал. Я раньше ходил, чем он. В Казани и узнал, что война с Японией началась. Ну ладно, пусть идет.

Амулет глушения звуков я снял со стены. А что, иначе бы мы пассажирам в соседних купе спать не давали, соседка-то вполне крикливой оказалась и сдерживаться не могла. А так никто нам не мешал, вот и мы тоже. Мне лично такая поездка понравилась, за те два дня, что мы в пути были, и я уже не желал один дальше ехать, да и соседи более-менее примелькались. Были там и девушки с симпатичными личиками. К сожалению, не мой вариант, с отцом-генералом ехали, дочки его. Остальные в возрасте. Вагон-то не простой, обычные люди что попроще предпочитали. Это еще мне с соседкой повезло, стройная и красивая, и вполне молодая. Да и не против была, несмотря на неприступный и независимый вид.

Я рук не опустил, проводница тоже оценена была, но не мой типаж. Поэтому прошелся по другим вагонам. Повезло с шестым вагоном от паровоза и четвертым от моего, проводница очень даже ничего. Я и так к ней, и с другой стороны. А что, к себе не поведешь, это раньше лафа, одно купе на двоих, теперь сосед там. А у проводницы свое купе, пусть не пустое, я глянул сканером, два зайца было, но на пару часов сплавить куда-нибудь их можно? Сговорить проводницу удалось, та и сплавила зайцев в купе, где пока два места было незанято, в следующем городе их займут. ничего так, понравилась, конечно, с директрисой не сравнить, та вообще шикарная женщина, но тоже неплохо. Вот я иногда и навещал ее, пару раз в день и один раз вечером, как стемнело, и был вполне доволен. В туалете мылся, я довольно педантичен по этому поводу и гигиену высокую держал. Вообще я монахом и на фронте не жил. Немцы еще в сорок четвертом начали формировать женские боевые, даже штурмовые батальоны. Туда шли жены погибших солдат и офицеров, добровольцы и просто девчата. Вот нашей дивизии и встретился такой батальон.

Частично разбит был, остальных пленили, окружив. Фанатиков расстреляли по решению суда, а девчат офицеры разобрали в качестве военно-полевых жен. Вот и я себе немку прихватил. Блондинка двадцати лет, с хорошей фигуркой и смазливый личиком. Она со мной девять месяцев жила, до самой отставки. Поначалу дважды бежать пыталась, но потом ничего, прижилась. Впрочем, отбивая, я ее хорошо устроил. Домик купил под Берлином, устроил учетницей на ферму, где свиней разводили. Ее уже национализировали. Вполне сытно можно было жить. В Германии довольно сильный голод наблюдался. Та не залетела, я не дал магией, и знала, что с собой в Союз я ее не возьму. Любви между нами не было, просто жили вместе. Я ею вполне доволен был, раскрепощенная в постели.

Вообще слабый пол я люблю, но сразу скажу, даже будучи Германом, у меня не было столько связей, как в теле Валерия. Тут, похоже, химия нового тела влияла. Я постоянно хотел, еще в госпитале завел двух постоянных подружек, что снимали проблему. Поэтому редко бывало, что я проводил ночь без женщины, и знаете, что-то менять как-то не хотелось. Еще мне Эльзы стало не хватать, которую оставил в Германии. Она мне девушкой досталась, сам всему обучил. Стоит подумать. Может, с Дальнего Востока рвану сразу к Берлину? Будет перстень, будет ее куда убрать. А то везти ее в эшелоне с демобилизованными и отставниками, это еще тот трэш. Впрочем, я пока еще не решил. Эльза характер имеет, может, и нож в спину воткнуть, смазливое личико и фигурку я и в другом месте найду. Да на том же Дальнем Востоке. Выкуплю, как в прошлой жизни, девчат, и будут они при мне, в перстне. Это пока так, эскизы накидал, но мне нравится.

А в Свердловске я сошел с поезда. Пути повреждены, эшелон слетел с рельсов. То ли диверсия, то ли старые пути не выдержали активной эксплуатации, разбираются. Другие пути заняты встречными эшелонами, просвета нет. На два дня дорога встала, ремонт проводят и завалы убирают. В Свердловске я на аэродром, где и договорился с летчиками напрямую; две бутылки французского коньяка, и меня воздухом доставили в Хабаровск. На Ли-2. Они как раз туда и летели. Во, сэкономил сколько времени. Дальше я работал ночами, летал на «шторхе». За три дня обыскал немалые территории, особенно в районе, где я перстень нашел на прошлой Земле, тут у мальчонки его

не было, но все же нашел чуть позже. В вещмешке советского бойца, мотострелка танковой бригады. Пообщался с ним и выкупил. Да за триста рублей банкнотами.

Я так до конца августа и летал, найдя еще четыре предмета, три из них на рунах работали. Хватит пока на этом. Перстень я к себе уже привязал, опустошил его, даже коня продал одному советскому полковнику, тот был фанатом этого дела и сильно озадачился, изучая коня, не знал, что за порода, решил, что конезаводчики нового вывели. Всех девчат также передал нашим, медсанбат встретился. Как жертв насилия японских солдат оформили. Ничего не меняется. Себе я наложниц купил, да те же самые девчата. Не успели их кому другому продать. А я щедро за них заплатил. Тем более знаю их как облупленных, и они по всем статьям мне подходили. Договорился так, живут со мной пять лет, дальше обеспечиваю их и помогаю устроиться в какой-нибудь стране. Сами выберут где. Также опустошил перстень, забил свежей разделанной красной рыбой: форель, семга, другие виды, плюс свежая соленая икра разных видов. Деликатесы, которые в центральном Союзе стоят дорого и поди еще найди, и это не для продажи, мои личные запасы. Я и сам любитель этого дела. Да и в личном хранилище немало места освободилось, топливо-то тратил, пока летал ночами. И тут запасы разные из деликатесов Дальнего Востока. Пока в Корее поисками занимался, три тонны риса еще купил и одежду красивую и дорогую для себя и девчат, с местным колоритом. А обратно не поездом, также с летчиками договорился, деньги не берут, а вот спиртное, особенно элитное, это легко. Зайцем до Москвы. Борт туда летел. Кстати, в самолете среди пассажиров был и маршал Малиновский. Я его по прошлой жизни знаю, тут он меня точно нет.

Знаете, успел едва-едва, двадцать девятого августа мы сели на военном аэродроме Москвы. Ну меня сразу погнали за территорию, а дальше на своей «полуторке» я доехал до центра столицы. В ближайшем городском парке убрал машину, «Глаз» показал, что свидетелей нет, и дошел до общежития. Порядок. С соседом познакомился. Потом в городскую баню, в общежитии душевые были, но не работали, ремонт шел, и я стал решать жилищный вопрос. То, что испортило москвичей. Общежитие – это хорошо, но я собираюсь не один жить, и мне нужно индивидуальное жилище. Причем недалеко от института, чтобы времени на дорогу тратить поменьше. Перед

посещением бани я отправил телеграмму родным в Вологду, мол, поступил в медицинский столичный институт, буду учиться на врача. Как будет возможность, навещу их. Адрес пока не дал. На следующий день, тридцатого августа, а был четверг, я плотно занялся жилищным вопросом. Удалось найти местного специалиста, современного маклера, хотя основная его профессия – это адвокат по уголовным делам. Поначалу тот банально дом со своим участком предложил мне купить, узнав, что проблем со средствами я не имею. Однако вот этого мне не надо. Дом – это хозяйство, что требует пригляда и хозяйской руки. У меня просто нет на это времени. Мне нужна квартира, индивидуальная. Да еще рядом с институтом. Это того заставило задуматься. Действительно не простой вопрос. Хотя он и не сказал, что невыполнимый. И пока спец решал его, выяснял среди своих коллег что и как, я посетил портного, заказал пошив медицинских халатов, обязан иметь не меньше трех, это такая униформа студентов, шапочки еще, и все что нужно для студента и будущего врача. Халаты и шапочки завтра будут готовы, материал портного, тот наценку за него брал, а к вечеру к маклеру направился. Тот меня обрадовал. Узнал от коллеги, что есть неплохая квартирка. Прямо по моим запросам.

Это был кирпичный двухэтажный дом. Еще купец при заводе для высококлассного персонала построил перед самой Гражданской. В домике четыре квартиры с индивидуальными входами в каждую, две квартиры на первом этаже, две на втором. Отопление от котельной, горячая вода и водопровод имеются. Ванные и туалеты в каждой квартире. То есть полные удобства. Дело в том, что дом за заводом так и закреплен, но нашлась лазейка. Инженер, что в квартире жил, на первом этаже, временно откомандирован на Урал, то есть он собирался вернуться, и в квартире жила его семья. Мужа на год отправили на другой завод, не меньше, и жена, отказавшаяся поехать с ним, решила перебраться к матери, а квартиру сдать. На год. Я посетил жильё, снаружи уже стемнело, пообщался с хозяйкой, и мы ударили по рукам. В квартире две спальни, гостиная, кухня-столовая, санузел и чулан. Да, муж ее в курсе сдачи и не возражал. Как командировка закончится, предупредит телеграммой. А меня заселили, без прописки, я в общежитии прописан, как их дальнего родственника. И все довольны. Я, к слову, за полгода вперед оплатил, завтра можно заселяться, ключ мне дали. Вернулся в общежитие, нашел коменданта, она тут жила,

своя комната была. Не одна, муж имелся, мелкий мужичок, на все руки мастер. Ремонтом душевых он занимался, я и сообщил, что отдельную комнату снял, с девушкой жить буду. Койка не нужна, но прописка осталась. Может койку использовать по своему разумению. Та довольна осталась, свободная койка, ее можно сдавать. Адрес мой новый записала, чтобы если какая проверка, вызвать меня, и я подтвердил, что живу в общежитии. Ну это ее заморочки, я лично не против.

Переночевал в своей комнате, соседа не было, я своих китайнок достал. Одна со мной, другая на койке соседа. Тот сказал, что ночевать не будет, к однополчанину ушел, вот я и использовал шанс, чтобы девчата выпались. А с утра к телеграфу, отбил телеграмму родным, сообщив, что снял комнату, и дал адрес, пусть пишут на него. Дальше помог жене инженера съехать, я чуть раньше пришел, та к матери, как я понял, это где-то в Подмоскowie, а сам стал обустраиваться. Квартира была полностью меблирована с вещами, девчат из перстня уже достал, помогали. Знали, что мы тут долго жить будем. Вещи размещали, в ванной бутылочки с шампунем, мылом. Все из Германии, там этого добра хватало. Ну поискав, найти можно было. Вот так тридцать первое августа и прошло. Обжились. А утром первого сентября, китайнок не трогал, те совы, поздно вставали, да и умотал их ночью, я в наглаженных черных брюках со стрелочкой, в белой рубашке, в лакированных черных туфлях, с портфелем в руке, там халат и все что нужно, шел к институту. Вся прелесть в том, что неспешным шагом до входа в здание можно пройти едва за две минуты. Я рядом жил. Этот день был ознакомительным. Сначала в деканат, я получил корочки студенческого билета и зачетную книжицу. Еще нужно будет читательский билет получить в библиотеке. А так собрали курс в три группы, меня во вторую записали, мы познакомились с нашим классным руководителем и куратором группы, знакомились друг с другом, ну и выбирали комсорга группы и старосту. Парней всего семь было на три десятка девчат. Из них фронтовиков всего трое, включая меня, остальные после десяти классов школы. Отличники. Валерий был хорошистом, судя по аттестату.

Не особо хотелось становиться старостой, но я офицер, о чем в деканате знали, орденосец. Кого как не меня? Других достойных

просто не было. Комсоргом стала одна из девчат, приезжая с Кубани, и пробилась ведь. Видно, что активистка. Я составил список группы, кто комсомолец, а кто нет, сам тоже комсомольцем был. Да все они были, без билета бы не поступили. Дальше ознакомительная экскурсия по корпусам института, показали кафедры, помещения больницы при институте, тут бывало принимали больных, для получения студентами старших курсов практики, да и преподаватели практику вели, чтобы навык не потерять, прозекторская, ну и остальное, включая библиотеку. Я, кстати, сразу заторопился провести всю нашу группу и получить читательские билеты. Расписание занятий на завтра выдали, так что после ознакомления в восемь утра как штык на первое занятие. Учебники мы получили в библиотеке. Они тут готовы были, для первокурсников, стопками стояли. Некоторые перевязаны бечевкой. Ну и разошлись по домам. Стоит отметить, что куратор группы, доктор медицинских наук, сообщил, что практика, введенная в войну, где врачей учили четыре года, уже отменена, так что у нас полные пять лет. Да, интернатуры тут не было, сразу врачами выпускали. Видимо позже введут. Я не в курсе. Как-то вне сферы моих интересов было в прошлых жизнях. А практику будем получать летом между семестрами.

Дома меня ожидала телеграмма, почтальон принес и девчатам отдал. Те русского почти не знали, но приняли. От родных. Адрес получили, знали куда отправлять. Сообщили, что были рады моего такому решению, еще бы, врач очень уважаемая профессия, и мне как никогда подходила. Не так и много написано, все же не письмо, а телеграмма. А я вот, разложив вещи в моей спальне, что для себя выбрал, был рабочий стол с настольной лампой, отличное место для учебы, и стал писать уже нормальное письмо. Предложил сестриц на школьные каникулы ко мне отправлять, место есть. По столице погуляют, изучат. Старшей сестре, Марине, после окончания школы в следующем году предлагал поступить сюда же, ко мне в институт, я поспособствую. Будет два врача в семье. Да и почему нет? Конверты редкость, купить сложно, дефицит, я сложил в привычный треугольник, и когда мы с девчатами пошли гулять, купил на почте марки и отправил. Порядок.

Ну а дальше?.. А что дальше? Протекала учеба и наша жизнь в столице. Я нашел нужного человека, чиновник в жилищном ведомстве, он помог, не безвозмездно, встать в очередь на квартиру в столице. Даже не комнату. А я желал закрепиться в столице. Ушлют в какую-нибудь Тмутаракань при распределении, оно мне надо? Мне столичная жизнь нравилась, пусть сейчас Москва одна большая стройка и по сути деревня деревней, просто широко раскинулась. Где квартиру получу и в каком районе – пока не знаю, будет распределение, этот чиновник протолкнет меня в первые ряды, за что получит хороший бонус, там уже узнаю. На однокомнатную квартиру в доме сталинской постройки рассчитываю. На двушку не махаюсь. Сделал паспорта китайкам, учил их русскому языку и английскому, даже начал письменность давать. Школьный аттестат за восемь классов сделал. В следующем году решил их устроить в кулинарное училище, чтобы не скучали и профессию имели. Те не против были, а пока осваивали русскую речь и письменность.

На осенние каникулы приехали сестрицы. Их посадили в поезд в Вологде, а я встретил в Москве. Мне телеграмму отбили, когда пребывают и какой вагон. Также и на зимние каникулы и летние. Отлично время провели, сестрицы в восторге были, в цирк не раз ходили, в театры. Один раз в оперу. На метро катались. Марина уже твердо решила поступать следом за мной в медицинский, готовилась к этому. Еще и несколько одноклассниц сговорила, описав, что видела, те тоже загорелись. Да и заниматься вместе легче было. В отличие от меня она еще в специализации не определилась. То, что я на терапевта учусь, пока два первых курса общеобразовательных, знала, кем будет сама, еще решала.

Тут стоит отметить, что мои китайки у сестриц поначалу вызвали неоднозначную реакцию. Марина явно понимала, что мы делаем у меня в спальне. Вторую уступили сестрицам. Краснела, глядя на нас. Я объяснил, что они мои любовницы, обещал, что через пять лет каждой куплю дом и обеспечу при расставании, тогда Марина задумчиво посмотрела на девчат, потом на меня. Она имела деловую жилку и мое им приложение оценила. Вопросов по этому поводу больше не было, да еще сестрицы здорово подтянули тех в языке и письменности. А так сестриц я встречал на арендованной квартире осенью и зимой, а вот летом привез уже на свою квартиру. Все, моя, новая, весной сдали, я

уже прописался, пятиэтажный дом сталинской постройки с высокими потолками, четвертый этаж, с балконом, лифт имеется. Шестьдесят два квадрата. Я уже косметический ремонт сделал, новую мебель закупил. На кухне диван, он раскладывающийся, в комнате такой же, плюс у меня в запасе койка для гостей. Она вроде раскладушки. Три недели уже как обживал квартиру. Марина не уехала, у меня жила с одноклассницами, диван на кухне ее, плюс койка и еще матрас на полу расстилали, места хватило. Они поступали в мединститут. Я с китаянками в комнате жил. Вот так год и прошел, очень даже неплохо. Практика у меня летняя пролетела, я себя отлично показал, да и твердым хорошистом считался в вузе. Заодно своих наложниц устроил в кулинарном училище, те уже числятся среди студенток. Три недели отдыха, можно навестить родных, и начнется новый учебный год.

Марина с подружками осталась на квартире, пусть живут, я ее потом пропишу, а сам на самолете на Дальний Восток. Пассажирские воздушные рейсы туда еще редки, и цена кусалась, но билет я уже купил. Две недели поисков, нашел три амулета, два на рунной магии, и, снова накупив деликатесов и заполнив оба хранилища, вернулся обратно. Также самолетом. По пути завернул и неделю жил в Вологде, отдыхая, да и с семьей общаясь. Снова дрова рубил, бате помогал по хозяйству. Незаметно подлечил деда и бабушку, отца и мать тоже, а то годы идут, а они не молодеют. Теперь подольше проживут. Узнал, что у меня два сына родилось, от двух вдов из трех. Третья удачно замуж выскочила, в залете, но срок небольшой. Не мой. А что, я обоих вдов снова посещал неделю, да еще серьезно финансово помог, им моих детей растить. Между прочим, я их признал, что довело если не до скандалов, то близко. Обеим матерям подарил за сыновей по новенькому велосипеду, те, что из Германии. Мой жест оценили многие. Алименты теперь платить буду. Матушка, конечно, покачала сердито головой, но это своя кровь, тем более одна из матерей очень дальняя родственница нам, уже общается с вдовами, договорилась, что внуков будут к ним носить, если посидеть будет надо, а оставить не с кем. Впрочем, вдовы не одни, у самих мамки и бабушки есть, имеется кому присмотреть. Матушка и не против оказалась молодой бабушкой стать, как внуков впервые подержала на руках.

Ладно, тридцать первого августа я вернулся в Москву. Квартира пуста, девчата поступили, все четверо, и более того, им выделили одну

комнату, на четыре койки, чему те были довольны. Уже халаты и шапочки шили. Марина решила не смущать нас и пожить в общежитии, проявить самостоятельность, на что я не возражал. Да и не смущала та нас, если только мы ее. И вот первое сентября, китайки с портфелями в руках направились к училищу, им на трамвае ехать, без пересадки, туда и обратно, маршрут запомнили, а я пешком к институту. Дальше и потянулась учеба. Вроде все хорошо, но было два момента, что мне не понравились. Первое, кто-то настучал, что я живу с двумя девушками. Отмазался тем, что они у меня комнату снимают. Вроде пока отбил, но ожидаю второго захода с этой стороны. Второе, меня сняли с должности старосты. А я привык к ней и имел некоторые бонусы. Отдали новичку, тот к нам на второй курс перевелся из другого города, фронтовик, санинструктор танковой бригады, орденоседец, но главное – член партии. Даже не кандидат. Единственный у нас в группе. Еще в первый день меня ошарашили изменениями у нас в группе. О девушках узнали только через две недели. Ничего, головомойку устроили, что я пропустил мимо ушей, в личное дело это не вносили, и дальше учеба пошла. Хотя за месяц этот уже стало ясно, что замена старосты стала не самым верным решением декана. Староста опаздывал, бывал пьян, видно, что любил это дело, да и гонору хватало. Чем дальше, тем больше. Расписание уроков не получал, из-за чего мы часто опаздывали на лекции, пока комсорг на себя половину его обязанностей не перетянула. В общем, тот еще тип. Кстати, через месяц куратор группы намекнул на возвращение, как все было, но я вежливо отклонил. Много времени освободилось, тратил его. Я же продолжал магией заниматься. Плотно изучал лекарскую магию и артефакторику, плюс основы начал изучать по боевой магии и бытовой.

Однако за такие потери, в должности и личной репутации, слухи о двух любовницах начали ходить по институту, узнаю, кто распускает, язык оторву. Видимо минус всегда притягивает плюс. Сканер сработал, в Москве появился магический амулет. А может, и боевой артефакт. В общем, что-то было. А я на лекции сидел, и не вскочить, препод из строгих неадекватов, не отпустит, только сканером проследил, как мимо здания проехала легковая машина, «мерседес» из германских трофеев, их в столице много, внутри трое, и скрылась за углом, уйдя за дальность работы амулета. Тот был в машине. У пассажира спереди.

– Любопытно, – пробормотал я и вернулся к теме занятий, нейросеть вела запись, если что, перемотаю.

Как занятия закончатся, обыщу Москву и найду владельца амулета. Что еще? Китайки мои учились. Им там пока все нравилось. Я их отметил как представителей редкой народности Крайнего Севера, поэтому на многие их незнания смотрели снисходительно. Даже выделили девчат-добровольцев, что им начали помогать, подтягивать. Я хорошо поднялся в знаниях по магическим специальностям и учусь дальше. Причем то, что я отучился год в медвузе и один из лучших на курсе, ничего не значит. Да я особо и не запоминал материал, по сути нейросеть и была студентом, а я так болванчик, отвечал на вопросы, писал конспекты, да и не надо мне этого всего. Я сюда за дипломом пришел. Кое-какие знания, конечно, получил, но не все то, что нужно. Что еще? О, тараканы на кухне появились. Об этом знаменательном событии я узнал под визг одной из наложниц. Напугал ее усатый. Видать, кто-то с вещами при переселении перевез, и вот они расплодились. Неделю делал амулет третьего уровня, что отпугивает насекомых. В его базе может быть четыре наименования, отметил тараканов, мух и комаров. Что еще будет, внесу в последнюю строку, и все, на кухне их больше не было и не будет тараканов. Вот только амулет-то на одно помещение. Сейчас создаю еще четыре. Для комнаты, коридора, санузла и темнушки, что еще была в квартире. Жить с насекомыми я не собирался, пусть соседей радуют, что их привезли, мне такого не надо. Ну и еще одно. Мотоцикл и грузовик, конечно, хорошо, но уже стало ясно, что нужна легковая машина. На грузовике никуда с девушками не съездишь. Я в курсе, что в этом году московский автозавод разродится серией автомобилей «Москвич», копией немецкого авто, у меня даже был такой в одной из жизней, вот только в частные руки пойдет мизер. Да и как я, простой студент, его куплю? Вон, тем, что квартирой обзавелся, серьезное внимание к себе привлек в вузе. Мне снова такого не надо. Одни вопросы будут, откуда деньги на машину?

Впрочем, мне и не нужна машина, официально зарегистрированная на меня. А вон как с «полуторкой» сделаю. Я сделал липовые документы на одно из многочисленных столичных автопредприятий, причем машина там с такими регистрационными номерами действительно была, и липовые права для себя на другое

имя. Переодеваюсь под шофера, даже кожанка есть и кепка, и использую. За год ни разу не остановили. Я как невидимка среди тысяч таких машин. Так почему бы и с легковой машиной так не поступить? И место есть. Я часть припасов родителям в кладовку скинул, почти на тонну. Те по родственникам постепенно распределяли. Еще немного и как раз для авто и найдется. Вот только где его взять? Угнать со стоянки автозавода? Стоит подумать. Не люблю работать там, где живу. Может, «Победу» к рукам прибрать? Ее как раз уже пару месяцев как серийно выпускают. Хотя машина сырая, много конструктивных недостатков. Похоже, придется «Победу» брать. Иностранцы образцы особо не интересуют, я хочу взять то, что примелькалось на улицах и на что уже мало обращают внимания. Трофеи сильно поезженные, а я новую хочу. Есть еще линейка лимузинов ЗИС-110, но там одна машина две с половиной тонны, я проверял. У той же «Победы» даже полутора нет, а «Москвич» – восемьсот кило с мелочью. Или ждать следующего года, и «Москвич» увести? Или все-таки «Победу»? Думаю вот.

Однако ладно, это все пока лирика, проза жизни. Занятия закончились, и я поспешил покинуть медвуз. Вскоре на улочках показалась крытая «полупторка», за рулем которой сидел молодой шофер. Вот и стал я до вечера мониторить Москву. Только перед самым ужином обнаружил амулет. Может, и не тот, но опознал одного из пассажиров «мерса», да и сам автомобиль стоял в сарае, укрытый брезентом. Как интересно. Похоже не простые людишки укрылись на частном подворье этого района. А уж когда опознал боевой артефакт, это была брошь, знакомая, файерболами стреляет, понял, что это криминалитет.

Это действительно были представители криминала. Взял я их легко, хотя те сторожились, к окнам подходили, отслеживали все вокруг. Собака громкая на цепи, гавкала басом. Допросил. Те налетчики, тут на гастролях. «Мерс» угнали на юге, в районе Сталинграда. Это было двухдверное купе, весило тонну двести. Вполне свежий, хотя и побегал. Такой темно-синего цвета. Решил забрать. Временно, пока что советское не добуду. Ах да, у меня сарай появился, четвертого сентября тот риелтор, что помог с квартирой в первый год учебы, нашел отличный сарай. Тут их целая группа стояла, около полусотни. Я выкупил его на свое имя. Так вот, трофеев в доме и

на налетчиках хватало, что в хранилища ушло, а что и в сарай. Я внутрь него и «мерс» загнал, пусть там постоит. Так и вернулся домой, опоздав к ужину.

Девчата учатся, уже отрабатывают на мне изученное. Так что разогрели, и я поел. Дальше потянулась учеба, я побегал по городу и нашел, где есть точно такой же «мерседес», скопировал документы на него, регистрационные номера сделал, изменил на машине, теперь копия этого автомобиля, на котором ездил замминистра легкой промышленности, у меня на руках. Мог использовать. К машине «вездеход» прилагался.

Так год этот закончился, новый начался, младшая сестрица приезжала, на каникулах, не одна, с матерью, та впервые в столице и вообще выезжала из своего города, так что тоже довольно оживленно все изучала. Спали у нас на кухне. Амулеты я уже сделал, повывел насекомых. А четвертый слот занял клопами. И они появились. Теперь только в нашей квартире нет, амулеты их не уничтожают, просто отпугивают. У тех уже рефлекс не приближаться к моему жилью.

Вот и этот учебный год пролетел. Сдавал экзамены, на отлично, и началась практика в одной из столичных больниц. Я ответственно к этому отнесся, хотя меня за операционной закрепили. И еще, я неплохо продвинулся в медицинских науках, освоил базис по боевой и бытовой магии, на уровень старшего ученика по направлению лекаря и артефактора вышел. Мне есть чем гордиться. И записался в группу дальнейшего обучения в качестве участкового терапевта. Марина тоже неплохо отстрелялась и готовилась к практике. Причем никто из ее подруг под отсев не попал, хотя такое бывает. Когда медицина это не твое. Учились упорно.

Из того, что произошло, «мерс» я продал, да через криминал, и ушел он на Кавказ, после чего украл с площадки готовых автомобилей «Москвич-400», приятного такого голубого цвета. Я уже знал, где есть такой автомобиль, в какой организации, и сделал копию документов. В исполкоме такой служебный автомобиль был. Теперь есть настоящий и близнец. Катаюсь на близнеце. Ну когда мне нужно. После практики на Дальний не полетел, все три недели провел у родных в Вологде. Китайки в перстне, родным я их не показывал, хотя об их существовании знали, думали, что в Москве остались. Сами девчата серьезно налегли на кулинарию, учатся они два года. Еще год и будут

готовыми специалистами. Уже сейчас радуют разными блюдами. Припасы я выдаю, а излишки готового убираю в личное хранилище. Делаю запасы готовой еды. Очень вкусной. Хорошо год пролетел. Студенческая жизнь мне нравилась. На третьем курсе уже по специальности начали обучать, и довольно плотно. Я учился так же, как и два первых года. Брал то, что мне интересно, остальное в память нейросети. Марина тоже училась. А вот наша младшая, изучив книги и учебники по медицине, отказалась от нее. Ну не ее это. Учительницей мечтает стать. Ну, это как хочет.

Третий учебный год тоже пролетел, как и четвертый, а вот на пятом меня тормознули. Я бы сказал, за руку схватили в одном не самом приятном уголовном деле, но это будет сказано слишком прямолинейно. Милиция вскрыла мой сарай, он же на меня оформлен, а там многое из того, что числится в розыске. Из ограбленных квартир, магазинов и тому подобного. Это все из дома тех налетчиков, где я еще «мерседес» взял. Причем вскрыли без меня, с понятыми. Задержали меня. Благо у меня был свой адвокат, тот маклер, и я сообщил следователю прокуратуры, что знать не знаю, что там хранится, потому как у меня сарай тот арендовали. Уже три года как. Нет, никаких расписок не было, все на словах. Платили за год вперед, и я не интересовался, что там делают. В общем, на следующий день выпустили, ко мне действительно зацепиться не смогли, но бумагу в деканат отправили, а там взяли и задним числом отчислили меня. Это как вообще? Кто отдал приказ – я выяснил, и декан пропал, тело уже никогда не найдут, взбесил он меня. Дальше подал прошение восстановить, подтвердив, что у милиции ко мне претензий нет, и с некоторым трудом восстановили. Две недели занятий пропустил. Ничего, наверстал, но все равно неприятно было. И китаянок в перстне уже какую неделю держу. Убрал до начала обысков в квартире, чтобы вопросов не было. Наконец черед экзаменов, дипломный проект, я выбрал такое пока еще плохо изученное направление, как язва. Ее не лечат, не умеют, просто понижают кислотность и ждут нового рецидива. Страдает ею пятнадцать процентов населения планеты.

Тут стоит немного отвлечься. Я еще в первой жизни смотрел развивающую передачу, кажется, в две тысячи одиннадцатом в Англии, и там описали, как два австралийца в восьмидесятых нашли бактерии в желудочной кислоте и вывели их. Так и научились лечить язву.

Сейчас же больные язвой это постоянные пациенты больниц. Часто ложатся. Если бы не нейросеть, не вспомнил бы, а так заново просмотрел память, все толково было описано, и написал дипломную работу, передав ее своему куратору, к слову, профессору-микробиологу. Впрочем, тот ее довольно жестко раскритиковал, говоря, что бактерии в кислоте не живут, но принял. Этого хватило, чтобы, сдав экзамены, выпуститься из нашего родного вуза уже дипломированным специалистом. Вообще насчет язвы я не особо хотел приписывать себе это открытие. Если бы профессор занялся, нобелевку бы получил, но раз нет, так нет. Как хочет.

Я же двадцать первого июня пятьдесят первого года с остальными сокурсниками отлично отметил получение диплома, мы на природе отдыхали, я впервые китаянок привел, в их национальных одеяниях, произведя фурор. Кто языком трепал, того я уже вычислил и укротил, и слухи стихли, а тут, оказывается, что я действительно жил с двумя девчатами. Между прочим, они свой срок отработали. А выбрали за границу. Как ни крути, Союз их не устроил, менталитет другой. Капиталистки они, если проще. Свое это свое. Да я такой же, не удивлен. Английский те освоили на высоком уровне, легкий акцент присутствовал, но не более, так что после того, как я получу направление, это завтра деканат нужно посетить, и отправлюсь к месту работы, там дается время, вроде отпуска, перед прибытием к месту работы, а три года обязан отработать по распределению, узнаю куда меня направят. А пока отпуск, посещу за границу, закуплю что мне надо, я уже опустошил личное хранилище, там едва двадцать тонн самого важного и нужного, и три из семи в перстне. Готовлюсь к вояжу по другим странам. Там где-нибудь и девчата останутся. Продлевать договор мы все трое не желали.

Вот сейчас лежа на траве в тени деревьев на берегу реки, поедая шашлык, грузин из нашей группы отлично его на углях приготовил, целая кастрюля, и размышлял. Вы не ослышались, я покидаю столицу. Квартира Марине осталась, она уже там живет, а я уже полгода как в общежитии прописан. Сама Марина учится на педиатра. Причины такого моего решения были. Сначала криминал мной заинтересовался, видимо утечка из милиции была по краденым вещам. А кто их украл – там знали, эти люди пропали. Наглые, подошли, нахрапом решили опросить. Зачистил, теперь и милиция на меня глаз положила, видимо

отслеживала банду, и их пропажа встревожила. В общем, те телодвижения, что происходили, меня не устроили. А так свалю куда подальше, три года обязательки поработаю, и можно будет вернуться. Там видно будет. Слежки я уже несколько месяцев не замечал, но это мало что значило. Я решение такое принял, планы закрепиться в Москве давно поменялись на противоположные. Хочу в какую-нибудь тихую местность, подальше от столичной суеты, которая, откровенно говоря, уже поднадоела. Хоть магией серьезно займусь, учеба в вузе позади, больше времени будет. Что по прописке, понятно, я не жил в общежитии, а снимал нам с китайками квартиру, двухкомнатную. Ограничивать себя я не желал. А так отдохнули отлично. Обсуждали, кого куда. Кто-то уже получил направление, кто-то, как и я, нет. До вечера отдыхали. Тихо и мирно, буйных не было среди нас, хотя приняли на грудь хорошо. И портвейн был, и водочка, и вино. Даже самогон кто-то принес, чистый как слеза первач. Правда, до него не дошло, раньше окосели. Причем классный руководитель и куратор с еще несколькими преподавателями были с нами, пригласили их, но они раньше ушли, тогда и началась пьянка. Некоторые из новоиспеченных врачей, лето, тепло, тут переночуют, а я со своими девушками вернулся на квартиру. На «Московиче». Я на нем за последние четыре года почти десять тысяч километров накатал. На самом деле не так и много.

Девчат я спать отправил, сам давно протрезвел, и посетил стоянку готовых автомобилей ЗМА, в этом году улучшения вышли, новая коробка передач. Вот и угнал машину, точно такую же голубенькую. А старый «Москвич» через криминал толкнул. У меня был один контакт, как раз по этой теме работал. Цену неплохую дали, так как машина с документами и ее можно легально продать. Даже опробовал новое авто по ночным улочкам города. А неплохо, понравилась та.

В деканат я зашел в десять утра. Душ уже принял, позавтракал, встали мы поздно, и вот направился к вузу. Постучавшись, я заглянул в кабинет, тут распределение и проходило, как сидевший за столом мужчина, наш завуч, сразу махнул рукой:

– А, Чижев, ты как раз вовремя. Заходи.

Я прикрыл дверь и подошел к столу. Тот не один в кабинете был. Вообще тут четыре стола, но три других пустые, а у стола завуча сидел

мужчина, в таком чуть ношенном костюме, деревенского вида, с какой-то хитрецей в глазах.

– Вот, Чижов, Павел Александрович Стояльцев. Председатель лесхоза. У них вырубка, село строится, сам понимаешь, производствам нужно дерево, а кроме сельского фельдшера, врачей нет, а тот не тянет.

– А где лесхоз? – спросил я.

Оба как по команде скривились, но председатель все же подал голос:

– На Урале. Рядом с Сыктывкарком.

– Как там с охотой?

– Шикарная, – оживился тот, явно сам будучи любителем.

– Уже заинтересовали. Что с больницей и оборудованием?

– Медикаменты и изба медпункта, – пожал тот плечами. – Но мы построим больницу, в один этаж, и дом для врача.

– Нормально. Для трехлетней практики самое то. Когда сам ведешь диагностику, а не с помощью оборудования, без этих костылей, опыт растет быстрее.

– Ну вот, хоть один нормальный врач, – повернулся Стояльцев к завучу. – А то далеко, медицинского оборудования и персонала нет.

– А вы что, выбирать давали? – удивился я.

Обычно предписание в зубы и иди работать. Пояснил мне снова председатель:

– Не едут к нам, сам уговаривать приехал столичного специалиста. Силой брать тоже не хочу. Зачем мне тот, кто будет работать спустя рукава?

– Это да. Ну я согласен, оформляйте.

– Кстати, а я тоже не знаю, кого беру, – опомнился председатель и повернулся к завучу.

– Чижов, лучший на курсе, шел на красный диплом. Как раз дипломную работу и завалил. Научную фантастику написал. Хотя приняли, чтобы диплом дать. Знания-то его известны.

– Я предложил лечить язвы быстро и вполне успешно, я же не виноват, что в вашем вузе такие ретрограды, сколько по лбу не стучи, не достучишься.

– А что, правда язву лечить можно? – заинтересовался Стояльцев.

– Да, – ответил я.

– Конечно же нет, – ответил завуч. – Это невозможно.

Стояльцев посмотрел на меня, потом на завуча, снова на меня и кивнул:

– Беру.

– Минуту, у меня есть дела, и я бы хотел использовать свой отпуск для их решения. Хочу обговорить день прибытия, чтобы не опоздать. Такое возможно, а я этого не люблю, пунктуален.

– Обговорим, – согласился тот.

Мне оформили направление, внесли эту информацию в журнал, также дали отпуск и обговорили время прибытия. Председатель подробно описал, как добраться до Кирова, дальше поездом на Сыктывкар, и там около сотни километров по железной дороге, и будет их село. Расширяли они так, заселяли и осваивали земли на Севере. Ну вот и все, на этом мы и расстались. Задерживаться я не стал, квартиру сдал, девчата уже в перстне, и на такси за город, на аэродром, там у меня билет куплен на пассажирский самолет, что летел в Севастополь. Как раз в два часа дня и вылет. Вполне успел.

Прилетели ночью, в принципе, как я и рассчитывал. Медлить не стал, отъехал на «Москвиче» в сторону и, взлетев с дороги, на «шторхе» полетел в Турцию. Да я знаю, что запасов бензина может не хватить, проблема давно решена. Я завел отдельный шланг в кабину и мог из него, из канистр, ручным насосом подавать топливо в баки. Пока сам мотор не заглохнет от поломки, могу до исчерпания запасов авиабензина летать.

Добраться до рассвета не успел, но ничего, летел низко, и, когда появилась полоска суши впереди, уже полчаса как рассвело. На суше сел и пополнил баки, канистры залил, что опустошил, и дальше до противоположных берегов Турции, что уже омывались Средиземным морем. Африка меня интересовала. Следующей ночью и добрался. К сожалению, тут провал, добыть летающую лодку не удалось, зато арендовал частный транспортный самолет, с хорошим радиусом действия, и тот доставил меня во Францию. Сначала на побережье Средиземного моря, там дозаправка, и уже на побережье Атлантики у Ла-Манша. За золото местные сделают все, знай плати. Вот тут была база США, а мне как раз и нужно в Штаты, вот и угнал «Каталину». Управлять умел. С одной дозаправкой из моих запасов я добрался до побережья в районе штата Северная Каролина. То есть от Франции,

как вы поняли, медленно смещался на юг, ближе к экватору. Дальше убрал самолет в личное хранилище, по весу входил, мне на нем еще назад лететь, и занялся сначала китайками, доставал я их часто, для постельных утех, и то, что мы в США летим, они в курсе. Они и выбрали эту страну. А я описал, как живут люди в разных государствах, и именно это их устроило. Тут люди свободнее жили. Обоим сделал гражданство, в этот раз не покупал кафе и придорожный мотель. Те выбрали другое. Устроились они в городе Шарлотт, Северной Каролины, я им купил ресторан, как раз продавался один, в неплохом месте, и две комфортабельные квартиры в высотном здании. Недавно построили небоскреб. Дал деньги на жизнь, по пять тысяч долларов, солидная сумма, и на бизнес еще десять, так что те стали активно работать, они вообще трудолюбивые, изучили финансы, расчеты и любили готовить. Ресторан им явно по душе. Я же спрятал самолет на берегу крупного лесного озера, замаскировав и заправив заранее, дальше за неделю добыл все что хотел, продал «шторьх», но украл два вертолета «Белл-47». Запасы разные. Да много чего. Кстати, самолет мой выкупил один любитель военной техники, а у этой машины даже кресты немецкие на месте и номер. Легко ушло.

Думаю, понятно, что не все вышеперечисленное составляет мой интерес, почему я именно в США прибыл. Китайки так, попутный груз. Я вскрыл офис крупной ювелирной компании, монополиста в мире, и вынес из хранилища драгоценностей на сто пятьдесят килограммов. Только алмазы и бриллианты. А пока учился в Москве, я нашел частного ювелира, пусть официально тот работает сторожем, и он обучал меня три года. Гранению камней, отливке разных нужных сплавов. Я сам могу создавать основы для амулетов и артефактов и гранить заготовки под круглые накопители. И оборудование ювелира у меня было, очень качественное. Вот так я вернулся к самолету, места дикое, его не нашли, и, как стемнело, взлетел, направившись в сторону Гибралтара. Я возвращался в Союз. По времени вполне успевал добраться до места работы. Даже фора некоторая была. В Испании увел запасы топлива, мои к концу подходили, за счет них и долетел до Крыма. Сел километрах в двадцати от побережья, да и летел чуть не касаясь волн. Затопил «Каталину» и дальше на надувной лодке с мотором к берегу. Единственное мореходное средство у меня. От пограничников ушел. Снял в Ялте комнату у женщины, три дня

отдыхал и купался. Раз уж тут, то почему бы и нет? После этого на автобусе в Симферополь и на поезде на Север. Кстати, в США приобрел отличные медицинские инструменты, два кофра с ними. В Москве не искал, знал, что за границей добуду. Действительно качество куда выше. Потом до Москвы на поезде, посетил Марину, после нее в Вологду, там дней на пять, и вот направился к месту работы. Через Москву поездом и дальше на Казань, откуда уже к Кирову.

Утомила дорога, надо сказать, в Сыктывкар прибыл сильно уставший. Переночевал в городе, узнал местные реалии и на служебном поезде, что рабочих вез, отбыл к селу, куда и получил распределение. Я был с двумя большими сумками и чемоданом. Рабочие, лесорубы, да многие, что ехали обратно, город посещали в выходной день, с интересом на меня поглядывали. Они уже знали, что я врач. Прибыл, Стояльцев встретил, ему доложили уже. Домик был на две семьи, с двумя входами. Вторая квартирка для меня. Вода в колодце, удобства на улице, печь одна на две комнаты. Теперь это мое жилье на три года. Ну и сам медпункт, большая изба на шесть помещений, процедурная со смотровой, операционная, две комнаты для больных, с кроватями, рабочий кабинет с архивом и комната отдыха медперсонала. Тут же отдельно кладовка для препаратов. Удобства на улице и вода тоже. А все не так плохо, как я думал. Единственные подчиненные: такой здоровый сельский фельдшер звероватого вида да пожилая санитарка. Это все. Питание больных и травмированных или от родных, или от столовой лесхоза. Там нужно сообщать, сколько и кому, и какой стол. Пациенты были, так что я помыл руки, мне вечером баньку обещали, халат надел и начал проводить осмотр. Фельдшер сообщал что и как.

Вздрагнув, я очнулся и даже застонал от боли. А болело все. То, что я умер, факт. От всего можно спастись, но никак не от сошедшего ледника, что несся на тебя со скоростью гоночной машины, из льда и камней, снося все на своем пути. Да, уже посетил знакомого на Кавказе, в отпуске это было, покатался на лыжах в необорудованном месте. Там со мной два десятка местных погибли.

Что было? Я как врач состоялся, стал доктором наук, светилом медицины, известен хорошо и за пределами Союза. Профессором мог бы стать, но сам отказался, потому как эти тридцать лет жил и работал в селе Лесное, где был тот самый лесхоз, куда меня сманили по распределению и где я влюбился в местную природу и жил эти три десятка лет. А известен я тем, что лечил язвы, да еще разработал лекарство, его уже лет двадцать как активно применяют. С Нобелевской премией меня прокатили, но ничего, я не расстроился. Все так же работал в селе, хотя больница уже стала в два этажа и пятьдесят работников, одних врачей семеро. Как меня ни сманивали, я так там и работал. Любил я те места. Решил в семьдесят седьмом развеяться, давно однополчанин к себе зазывал, он у меня орудием командовал, осетин, и вот до чего дошло, я погиб. Все паникуют вокруг, а я спокойно снимаю с себя амулеты и артефакты и убираю в хранилище. Всего секунд десять у меня было, пока не снесло. Я прожил прекрасную жизнь, которую можно очень долго описывать, там были и приключения, на охоту ходил часто, и горе, и радость. Я был дважды женат, шестеро детей. Однако это все не важно, важно другое, еще в пятьдесят четвертом я потерял магию. Нет, магеныш с учителем поработали как надо. Просто я не прекратил искать амулеты и артефакты. Вот и нашел на свою голову. Тот сработал, когда я коснулся им магической нейросети. К счастью, пусть та на перезагрузку ушла, но уцелела, а вот Дар мой – нет. Ох меня и корежило. Да что это, я в коме год пролежал в больнице Кирова. Это была катастрофа.

Горевал я месяца два, как из комы вышел и понял, что случилось, пока не смирился. Дар так и не вернулся, ушел весь в работу, и вот до

доктора медицинских наук дорос. И махнул на все рукой, просто жил. Знаете, понравилось, это было просто здорово. И еще одно: я не вернулся бы в село, и так молодежavo выглядел, вопросы уже звучали с завистливыми нотками. Собрался инсценировать свою гибель, омолодиться и начать с нуля, молодым парнем. А тут такое. Лавина, да еще такая смертоносная. Не ожидал. Да и не рассчитывал. Я на перерождение и не думал уходить. А желал со стороны следить, как растут мои дети, внуки, правнуки, помогать им. Мне это было интересно. Медицина увлекла, много новых открытий. Да я больше их сделал, просто не афишировал, главное пациенты довольны, выздоравливают, и это хорошо, это радовало. А теперь что? И главное где я? Все это пронеслось у меня в голове за то время, что приходил в себя, как теперь понимаю, в новом теле. Это и заняло секунд десять. С некоторым трудом открыв глаза, увидел в проеме разбитых досок дым, черный, он застилал небо. Тут еще я услышал такие до сих пор ненавистные слова на немецком:

– Курт, тут русский раненый.

– Серьезно?

– Крови мало. Похоже, по голове получил.

– Комиссар? Офицер?

– Нет, рядовой.

– Пусть пленные его вытащат из завала, а русский врач осмотрит.

Те стали отдавать команды, я почувствовал, как меня схватили за ноги и под треск материи вытянули на свет. Рядом слышался треск углей, что-то горело. Тянули меня два бойца-красноармейца с пустыми петлицами. Без ремней. Чуть повернув голову, я рассмотрел разбитые строения, похоже военный городок, причем накрытый артиллерией. Тут не минометы работали, а что-то куда серьезнее, чем легкие гаубицы. А мне плакать хотелось. Я не фанат этой войны, хватило двух раз, чтобы пройти это страшное время. А меня снова и снова на нее. Ну сколько можно? Пока размышлял, осваивая тело, один немец расстегнул ремень с подсумками и выдернул его из-под меня. Да еще зацепился чем-то. Черт, ссадина на спине будет. Все, буду выживать в плену, достало. Не обращайтесь внимания, это просто истерика от неожиданности. Я попытался активировать личное хранилище, это не трудно, но усилие воли, трижды, потом еще раз десять, и пусто. Вот это меня напугало серьезно. Похоже, моя истеричная шутка про плен

до конца войны это не шутка, а реальность. Не было хранилища, и я стал догадываться почему. Тот амулет виноват, из-за которого я лишился Дара. Другого ответа нет. Думаю, он повредил хранилище. Оно еще работало в прошлом теле, а при перерождении слетело. Как еще это объяснить? Вот так я находился в прострации от того, что произошло. Меня перенесли к сидевшей толпе пленных советских бойцов, с три десятка было, ну и шесть раненых лежало, вот меня седьмым в ряд и положили. Тут врач, это был старший военфельдшер, тоже без ремня, головного убора не имел, пухленький такой, близоруко щурясь, стал меня осматривать. Когда головы коснулся, я взвыл.

– Вмятина слева над ухом. Кирпичом или доской попало. Без рентгена сказать не могу, есть ли трещина. О, еще и шея травмирована, поворачивать не можете. Лекарств нет, только покой. Лежите.

Сам к другому раненому отошел, один из пленных рвал исподнюю рубаху на бинты. Охраняло нас всего пять немцев, еще с десятков виднелось у строений, осматривали их. И так понятно, что это первый день войны. Ну почему?! Почему именно сюда? Уф-ф, ладно истерика закончилась, уже можно спокойнее размышлять. Я боевой офицер, фронтовик, а это очень серьезно. Нужен план. О, а ведь это новая Земля, четвертая у меня получается. Да я тут вспомнил, видимо от болей в голове, если не на границе сознания плаваю, то близко, а вспомнил о магеньше. Если это зеркальный мир, то есть шанс с ним встретиться. В сорок третьем году, в июле, у Житомира. Я помню, в каком лесу он прятался. Накопить золота и оплатить установку хранилища, те самые максимальные почти полные сорок тонн, без нескольких сотен кило. Только вот два года ждать. Доживу ли? Посмотрим. Да уж, а серьезно меня накрыло, вон даже бился на земле, врач подумал, это от травмы такие судороги. Нет, это псих на меня напал. Бывает такое. Все, я пришел в себя, можно мыслить трезво. Идея дождаться магеньша вполне себе рабочая. В плен не хочу, нужно бежать, но в том-то и проблема, я не могу управлять руками и ногами. Да и об амнезии врачу уже сообщил. Тот к слову сходил к солдату, что достал из нагрудного кармана моей гимнастерки документы, изучил их и вернулся:

– Ты не из нашего полка. Из штаба нашей Четвертой армии.

– Да посыльный он, на мотоцикле утром приехал, я на посту был у ворот, видел, а тут война началась, накрыло, – цедя слова через зубы,

сказал здоровый такой парень, лет двадцати, явно из старослужащих, про таких говорят «шея бычья». – Вон его мотоцикл горит у здания штаба полка.

– Ефрейтор Шаров ты, Анатолий Семенович, – сказал фельдшер. – Там ВЧ была, я не запомнил.

Меня напоили два бойца, с разрешения немцев, от водопроводной колонки, что на удивление работала, принесли на всех ведро воды. И мне хватило. Чуть лучше стало. Я же лежал, тело медленно брал под контроль, мне на это дня три потребуется, все привычно, и размышлял. Знаете, а, наверное, хорошо, что я вот так попал. Да как-то в болоте своей жизни стал загнивать, хорошо встряхнулся, решил сменить личность, обстановку, но лавина не дала. Ну не дала так не дала, зато новый мир и новая жизнь. Война? А сколько их у меня было? Конечно, другой мир, это даже лучше будет, я бы только порадовался, но ведь шанс есть. Да я о магеньше. Портал у него есть, двух он наверняка потянет. Уйти с ним в другой мир? А почему бы и нет? Эта мысль мне понравилась еще больше. А тут новая вспышка боли, и знаете, что я увидел? Магеньша. Муть с глаз ушла, и эта уже ненавистная рожа надо мной.

– Учитель, он очнулся, – сказал тот куда-то вбок.

Я же просто не понимал, что происходит. Старый маг, магеньш при нем. Времени четыре десятка лет прошло, а они особо не изменились, чуть одежда поистрепалась, а так те же лица. Хотя знакомый овраг, где ритуал проводили, и вон две жилые палатки. И холод. Около минусовой температуры.

– Что происходит? – слабым голосом протянул я.

– Извини, Герман, эксперимент не удался, не прижился Дар. Чуть не умер ты. Пришлось отправить тебя в амулет иллюзий, пока мы вытаскивали твою душу из Чертог. Два месяца в коме, но удалось после длительного ритуала тебя вернуть в сознание.

– Два месяца? – слабость все не уходила, я с трудом ворочал языком.

– Да, сейчас я уберу амулет, это он тебя удерживает, ты чувствуешь слабость.

Тот что-то убрал с моей груди, как плиту скинул, стало куда легче. Я сам сел и спросил:

– Это что получается, два месяца назад я к вам в ловушку попал, и мы «договорилась» об установке Дара?

– Все верно, – возясь с каким-то своим оборудованием, подтвердил маг.

– И я два раза под амулетом побывал, что навевает видения?

– Тоже верно. Ты там десяток лет, получается, прожил.

– Четыре десятка почти, – прорычал я и, мысленно войдя в управление личного хранилища, достал книгу. – Я изучал магию, имел Дар, был известным врачом. Не могу отличать, где реальность, эти прожитые годы до сих пор со мной, в моей памяти. Эту книгу, как я от вас получил, ни разу не открывал. А вот в видениях она у меня настольной книгой была, наизусть знаю. «Методы рационального конструирования».

Открыв книгу, я быстро ее пролистал и со злостью отшвырнул в сторону.

– Ни одного совпадения. Знаете, я вас, магов, начинаю люто ненавидеть. Да вы мне всю жизнь загубили. И амулет этот видений, зло в мировом масштабе. Я жуть какой злой. Вы закончили эксперименты со мной? Не получилось? Тогда верните оплату.

– Не вернем, – покачал головой старый маг.

– Тогда это оплата за перемещение. У вас есть портал, отправьте меня в другой мир, желательно в магический.

– Учитель, – сказал магеныш на родном языке. – К нам не надо. Злой он, может найти и отомстить.

– Не стоит говорить на своем языке, раз меня ему обучили, – буркнул я.

Впрочем, я был согласен с магенышем. С трудом сдерживаюсь, чтоб не поубивать их на месте.

– Сделаю произвольный поиск мира. Как повезет, – засуетился старый маг.

Я только успел сказать:

– А?.. – как меня перенесло, портал сработал.

Они явно желали побыстрее от меня избавиться, вот и поторопились это сделать. Причем старый маг отчего-то довольным был, чую, не все мне по эксперименту рассказали. Может, вообще установки Дара не было, а что-то другое шло? Мне откуда это знать? Что я понимаю? И клятвы эти, что дали друг другу. Что я о них знаю?

Сами наверняка написали бред, чтобы успокоить меня, и довольны. Чуть не сварили мозги ложной жизнью, психанул я серьезно. Знаете, чувствую себя изнасилованным. Морально – точно. Чертовы маги. Ладно, нужно определиться, где я и что имею? Ну где я – понятно, хвойный лес, густые ели, отчего тут довольно темно, хотя яркий солнечный летний день, птички поют. А вот что имею, тут полный провал. В хранилище четыре тонны бумаги в виде копий книг и рукописей, которые мне к черту ни сдались, сам я обнажен, грязен и воняю, уже не бьет тело от холода, и на мне только толстое грязное потрепанное одеяло, в которое закутан. А я на лежанке после комы так и очнулся обнаженным и под одеялом. Только встать и успел, как меня отправили в новый мир. Ненавижу магов. Кстати, а где я? Знаете, ставлю на Землю, причем период Великой Отечественной войны. А меня туда всегда забрасывает. Пусть это дважды было в видениях. Или трижды? Уже сам запутался. Начальный период или середина, не важно. Да я даже рад, поскольку так зол, немцев голыми руками готов рвать, нужно спустить пар. Надеюсь, я угадал, очень надеюсь. Поглядывая на светило, я двинулся в одну из сторон, стараясь не кружить. В лесу это просто. Я опытный таежник, пусть опыт и получен из видений. Тьфу ты, ненавижу магов. И еще, а откуда мне знать, что я снова не под амулетом видений нахожусь? Да и не узнаю. Вот и остается, что расслабиться и получать удовольствие.

Да, я не ошибся в своих предположениях, двигаясь так по лесу между могучими стволами елей, уже минут через десять вышел к темной массе, в которой опознал легкий польский пулеметный танк. Да, танкетка. Мне такие ранее пару раз встречались. Тоже брошены с Польской кампании. На вид не сильно ржавая. Брошена не так и давно. Одна гусеница на месте, вторая, расстеленная, лежит за кормой, чуть припрошенная песком и иголками. Это почва такая под ногами. Оружие бортовое снято. Главное я определился, даже как-то вздохнул с облегчением. Да я тут все знаю, как выжить, и остальное, все привычно, а в новом мире без знания языка поди выживи. Обойдя танкетку, я прошел чуть дальше и вышел к бочагу. Не озеро, но вода темная. Там и отмылся. Меня особо серьезно не подмывали, брезговали видать. Лежал я на улице, под открытым небом, а погода не радовала. Хотя не простыл и не замерз, думаю, амулетом обогревали. Отключили, когда я очнулся, вот и стал замерзать, в одеяло закутался.

Кстати, одеяло хорошенько отстирал и повесил сушиться на ветке. Оно еще в волосках было и псиной воняло, долго стирал. Выжать его трудно было, толстое. Дважды бочаг посетил, отмываясь. Кстати, волосы заметно подросли, надо будет парикмахера посетить, не ношу такие длинные. Однако перед этим определится, где я, ясно, что рядом с Польшей где-то. А точнее? Западные области? Скорее всего. Время интересует тоже. Война началась или нет? А может, портал сработал сюда из-за моих желаний? Я вроде думал об этом, о начальном периоде войны, когда портал активировался. Да у меня там такой сумбур был на злости, о чем только ни думал. Почти час у бочага провел. Время местное я определил, как часа два дня. Нужно выходить к людям, да узнать, где нахожусь наконец. Вот так встал, одеяло пока в хранилище, надо солнечное место найти, чтобы подсохло. И пока шел по следам танкетки, надеясь к дороге выйти, то размышлял. В хранилище четыре тонны бумаги, мусора по сути. Надо избавиться. Вот так бросить? Не стоит. Были бы спички, сжег бы. Устроил сожжение, как в Берлине нацисты это делали. Нет у меня ничего, это и останавливало. Ладно, будет еще время. Да и эти книги как дрова можно использовать. Хотя нет, не знаю, что за чернила там, мало ли траванусь? С настоящими дровами проще.

С такими мыслями я и вышел на неширокую, но явно укатанную лесную дорогу. То, что обнажен, изредка отмахиваясь от насекомых, меня не смущало. Посмотрел в одну сторону, пусто, во вторую – также, и задумался, куда идти. Да в принципе какая разница? Пошел налево. Тут песок, мягко, а то без обуви, а подошва нежная. Пока шел, определил, что автомобили тут ездят редко, старые следы, недельной давности, чаще телеги проезжали. Вот их следы колес и копыт коней, куда свежее. Самый свежий след как раз и вел в ту сторону, куда я шел. И знаете, местные меня увидели раньше, чем я их. Видать издали заметили и затаились. А потом вышли на дорогу. Трое, с оружием. Бандиты, это ясно. Я не испугался, тело уже разработал, зарядку сделал, полностью им владел, дадут сблизиться, уделаю их. Вооружены двое винтовками Мосина, а третий вообще редкой австрийской винтовкой, довольно мелкого калибра, хотя и армейское оружие. Только патроны к ним редкость, трудно достать. Одеты кто во что горазд, были и детали польской военной формы, но гражданской все же больше. Среди деревьев еще несколько человек появились,

двигаясь к нам. Ждем. Всех за раз я не уделаю, поэтому жду удобного и подходящего момента. А бандиты, судя по ухмылкам, ожидали развлечения. Да и вообще встретить в лесу голого парня, это... Впрочем, и вот так встретить в лесу местных бандитов не так и легко, и просто. Они не сидят под каждым деревом. Тут или я везучий, или дело случая. На засаду не похоже. Я бы сказал, что те шли по лесу и засекли меня. Вот это может быть. Жаль, вещмешков нет, видимо где-то оставили. К нам из леса вышло еще шестеро, тоже вооружены кто как, да и одеты также в мешанину. Один из бандитов, кряжистый такой, лет сорока пяти, сразу видно военная кость, не удивлюсь, что офицер, капитан или майор, где-то в этом диапазоне, смерил меня пристальным взглядом и спросил:

– Кто такой?

Чистый русский язык, без малейшего акцента, только убедил меня, что тот из бывших офицеров. Те не особо любили с такими бандитами работать, но у этого видимо были личные мотивы.

– Не помню. Очнулся в лесу, обнаженный. Вас встретил.

Тот смерил меня взглядом и велел своим людям:

– Работайте тихо. Нас никто не должен видеть и слышать.

Понятно, его группе дали какое-то задание, и они идут его выполнять. Меня как свидетеля решили убрать. Значит, не просто так, а на немцев работают. Получается, войны еще нет? Те трое, что первыми ко мне вышли, толкая в спину стволами винтовок, пару раз и прикладом прилетело, отчего я ойкнул и пробежал пару шагов, повели на другую сторону дороги, в глубь леса, не туда, откуда пришли эти шестеро. Они как раз обратно двинули. Едва мы углубились в лес, как я отработал молниеносно. Только один почти успел отпрыгнуть назад, открывая рот, чтобы заорать, еще и винтовкой закрылся, как я в длинном прыжке, уже падая, коснулся его пальцами и отправил следом за двумя, в хранилище. А это у меня пока одно оружие, что я мог быстро и надежно использовать, мое личное хранилище. Упал я плашмя, животом на хвою, еще и грудь отбил о несколько шишек. Перекатившись на спину, быстро встал, осмотревшись, и побежал в глубь леса. Насчет выследить основную группу и пострелять по ней, благо было чем, я думал и прикидывал шансы. Они есть, не без этого, но небольшие. То есть удар-отскок сработать может. Устроить засаду, пострелять, может, уничтожу одного-двух, и дальше просто валить

нужно, и как можно быстрее. Второго шанса так поработать по ним мне уже не дадут. Да я думаю, и этого достаточно, если бывшего офицера снять, операция, которую им поручили, точно будет на грани провала. Знаю я такой тип людей, предпочитают все держать под контролем и все нити управления в своих руках иметь. Зам может и не потянуть. Бежал я, делая круг и собираясь выйти к дороге примерно там, где проходил ранее. Еще чуть дальше мои следы вели от танкетки к дороге.

Выходить я пока не стал, а достал первого из бандитов. Конопатый и светловолосый. Хранилище убивает, не могу я там живое переносить, это не перстень, на что и был расчет. И вот так быстро разоружил и снял всю одежду, оставив голое тело. Потом так со вторым поработал и с третьим. Размер ноги у меня сорок второй, я все так же Герман Одинцов, несмотря на попытки магов скрутить мне мозги амулетом видений, засылая в разные тела, чего на самом деле не было, до сих пор в этом окончательно не уверен. Ага, два месяца меня в коме держали. Душу мою вернуть пытались, отправив в амулет видений, чтобы я им не мешал. Идиота нашли, мое сознание и душа это одно и то же. Нет, они что-то другое делали, и это что-то у них явно вышло. После чего от меня постарались избавиться. Меня кинули, и это факт. Все за мой счет сделали и избавились. Ненавижу магов. Ладно, пересекутся пути-дорожки, поквитаюсь, хотя в то, что мы можем встретиться, я сильно сомневаюсь. И то, что тут в сорок третьем у Житомира я встречу магеныша из параллельного мира, который со мной не знаком, тоже не факт. Все это навеяно амулетом видений. Там такая дичь была... И самое главное, очень хорошие видения, я не мог отличить настоящую жизнь от этих наведенных глюков. Ну все по-настоящему было, даже сомнений не было, что я проживаю не реальную жизнь. Очень хороший амулет был. Об этом я и размышлял, склонившись у трех кучек одежды и отбирая из всего гражданские элементы одежды. Сапоги моего размера всего одни были, как влитые сели, очень хорошие и качественные. Исподнее я еще стирать буду, поэтому натянул черные штаны, портянки намотал и сапоги, потом светлую рубаху и серый пиджак. Штаны короткие, у пиджака рукава тоже короче, только рубаха по размеру. Видно, что одежда с чужого плеча. Ремень застегнул, остальное убрал в хранилище, и с винтовкой в руке, я уже проверил, как та снаряжена,

побежал к дороге. От дерева к дереву, просеивая местность вокруг взглядом.

Перебежав рывком через дорогу, стал углубляться в лес с той стороны, откуда та шестерка с офицером пришла, забирая в их сторону. Вскоре уловив движение, я тут уже упал и перекатился за дерево, замерев. Заметили или нет? Еще я очень хотел есть, такое впечатление, что месяца два комы меня не кормили, в желудке черная дыра, и упадок сил в последний час шел. Мне срочно нужно поесть, но я обшарил карманы трофейной одежды, съестного там не было, о чем сильно жалел. Мелочовки много, даже пара наручных часов, снял с двоих, деньги были, советские дензнаки, не так и много, но были, и это все. Они даже не курили, табаком не пахли, и сигарет или чего-то подобного в карманах не было. Хорошо, у одного зажигалка в серебряном корпусе была, у другого полный коробок спичек. Потихоньку обзавожусь имуществом. Аккуратно выглянув, я не сразу, но заметил, что меня насторожило, пришлось аккуратно перебираться к другому дереву, чтобы лучше видеть. Это был часовой-наблюдатель. Тихо все. Похоже, тот меня не засек. Вот так ловко двигаясь попластунски, я его ополз и вышел к лагерю бандитов, было видно, что встали на полчаса, на передышку, но задержались.

Офицер уже тревожно головой крутил, те трое не появились, и он отправил по следам десятков своих людей. Всего их я насчитал шесть десятков, причем восемнадцать было в нашей форме. Обычные стрелки, не НКВД. Один командир, вроде старший лейтенант, отсюда не рассмотреть. Медлить я не стал, прицелился, офицер замер, настороженно осматриваясь, вот чуйка у него. Грохнул выстрел, и тот упал как сноп, тут метров сто пятьдесят, попал точно в грудь. Вскочив, я рванул прочь. Делать второй выстрел точно не стоит, уничтожат. На бегу выбив гильзу, я вскинул винтовку и от бока выстрелил в того часового. В живот попал. Даже подбегать не стал, метрах в десяти мимо пронесся и бежал прочь. Дыхание быстро сбил, еще бы, голодный, в пот бросило, но старался двигаться быстро. Даже не зигзагами, время, темп и скорость потеряю. А то, что преследователи имеются, это точно, слышал крики, загоняли. Тут почва мягкая, следы от меня остаются отчетливые, не удивительно, что находили. Пока не стреляли, хотя позади я уже иногда замечал мелькавшие фигуры. Встал за дерево и, вскинув винтовку, выстрелил. Еще один бандит

покатился по песку. Ранил, тот начал уползать, а по мне стреляли, в ствол ели попало несколько пуль. Черт, похоже за меня серьезно взялись.

Однако я еще пробежал полкилометра, и как-то тихо. Встал за дерево, поводя стволом. Минута, две, пять, никого. И по бокам, да за спиной, мало ли по флангам обошли, тоже. Я стал уходить в сторону, к дороге. Свежих следов не было. Через полчаса убедился, что бандиты просто прекратили преследование и ушли. Странно, но я рад, что жив. На дороге, а тут открытый перекресток двух, сложил огромную кучу книг, освободил хранилище от этого барахла, и поджег с пяти сторон. Медленно, но куча начала разгораться. От книг давно нужно было избавиться, а тут мощный костер будет, может, внимание привлеку местных патрулей, и они наткнутся на бандитов, сорвав их задание? То, что я сорвал, это вряд ли. Убедившись, что куча ярко полыхает, я побежал прочь. Выглядел я уже как местный житель, винтовки нет, она в хранилище, потом надо будет почистить. пиджак снял, жарко, на сгибе руки нес, так и двигался по дороге. Километр бегу, километр шагом, дыхание восстанавливая. Такая слабость мне не нравилась, но ничего, терпимо. Километров пять отмахал, пока на опушку не вышел. Дорога шла к трассе, где виднелось движение. Вот и я туда пошел. Километра на два отошел и обернулся, разглядев заметный столб дыма. Там деревья расступались на перекрестке, надеюсь, ветви не загорятся. Еще лес не хватало спалить, он хвойный, вспыхнет как спичка. Шел я быстрым шагом, так и добрался до трассы, от опушки до нее километра четыре было. Дальше виднелось полотно железной дороги, где время от времени проходили составы. Тут армейские машины мелькали, гражданские, вот и повезло уже через десять минут остановить «полупорку» с почти полным кузовом пассажиров, куда я и забрался, мне руки подали, и к восьми вечера мы доехали до Барановичей.

Уф-ф, хорошо, хоть покормили меня, с шутками и прибаутками я выяснил, где нахожусь и какое сейчас время. Это была трасса Брест – Барановичи. Машина ехала из одного колхоза на склады Барановичей, за запчастями к сельхозтехнике. Ну и пассажиров попутных по дороге вот подбирал шофер. Где-то на полпути между Брестом и Барановичами меня подобрали. Сейчас девятнадцатое июня, и да, до начала войны еще три неполных дня, два, я бы сказал, с мелочью. Да

ладно, я уже смирился. Хорошо ощущать себя сытым и довольным. Видно было что я оголодал, и мне кусочки подкладывали сердобольные женщины, их пятеро в машине оказалось. Вот так поблагодарив пассажиров и шофера, я направился к железнодорожному вокзалу, даже смог купить билет на поезд, что шел на Минск, и документов не спросили, которых у меня как раз и нет. Тут не приграничная зона, она дальше к границе. Такого особого контроля нет. Документов и у той тройки бандитов не было, иначе позаимствовал бы. В девять вечера я отбыл на Минск, попутный поезд из Бреста шел, с этим повезло, там и уснул на полке.

Разбудили ночью, поезд заходил в Минск. Проводник толкнул, знал, что я тут выхожу, так что я покинул поезд, который встал на перроне вокзала, тут много кто выходил, другие занимали свободные места, и вот я направился прочь от вокзала. Нашел городской парк, густой кустарник, пиджак на землю, вторым накрылся и вскоре продолжил прерванный сон. Нужно набраться сил. С утра на рынок, планы такие. Хранилище по сути пустое, нужно сделать запасы, именно что съестного. А то не понравилось мне, что чуть до голодных обмороков не дошло. Я решил повоевать, аж дрожу от предвкушения, схватка с бандитами взбодрила, но еще больше завела. А война долгая, и запасы иметь стоит, тем более я решил добровольцем оформиться через минский горвоенкомат, и есть немалые шансы, что попаду в скорое окружение, в Минском котле. Поэтому подготовка и нужна. А так проснулся вовремя, уже рассвело, но было рано, часы показывали шесть утра. Отряхнувшись, прибрал лишние элементы одежды, коими укрывался, после чего, покинув парк, направился на поиски рынка. Я в Минске несколько раз бывал, но обычно во время войны или после, когда тот сильно пострадал и особо в довоенном не ориентируюсь. Поэтому и спрашивал у местных. Мне даже подсказали, где остановка трамвая и какой номер нужен, они уже ходить начали. Доехал без проблем и за билет уплатил, и вот он, рынок, ворота широко открыты, и видны ряды с продавцами и покупателями. Люд городской втягивался на территорию. Гул разговоров над ним стоял.

Пройдя на территорию, нашел, где продаются вещевые мешки, видно, что сами пошили, деревенского типа, купил один и, покинув территорию, загрузил вещами с бандитов и двумя парами сапог, последние снаружи подвесил. Они мне все равно не подходили. Потом

вернулся и распродал на вещевых рядах, да все брали, даже элементы польской формы не смущали. Исподнее все продал, постирать так и не успел. Потом купил городскую одежду своего размера и один комплект нательного белья. Переоделся и продал те трофеи, что на мне были. Сапоги вот убрал в хранилище, вместо них купил обычные летние ботинки. Тоже ношенные, как и одежда. Раз я в вещевых рядах был, приобрел еще кепку. Поискал и нашел подушку и два одеяла, кусок брезента три на три метра, бечевку. Один торговец продал мне армейскую двухместную палатку. А еще один – медвежью шкуру, рулоном лежала. Без нее жить на открытом воздухе можно, но тяжело. Ох как мне повезло ее найти было. Полчаса ходил, спрашивал у кого есть. Все это я прибрал в хранилище, отчего часто покидать рынок пришлось. Остаток наличности потратил на покупку пяти десятков вареных яиц у бабулек и семи цельных пирогов. Три с капустой, один с капустой и грибами, один с рыбой и два сладких с яблоками. Все, потратился, налички больше нет.

Тогда я поискал и нашел колхозника, тот уже расторговался овощами, сворачивался, и предложил ему оружие. Мол, осталось от отца с Гражданской. Того это заинтересовало, особенно почему-то австрийская винтовка. Ту «мосинку», что поновее, я себе оставил, а две другие единицы оружия решил продать. Торговец покинул рынок, он телегу держал в стороне, там и конюшня, и, выехав на улицу, подъехал к ближайшему городскому парку, где в кустах осмотрел оружие и пересчитал патроны. Считать умел. К винтовке Мосина я десять штук выделил, а для австрийской все отдал, пять десятков там и было. Цену за все мы еще на рынке обговорили. Он замотал оружие в мешковину и отнес в телегу, спрятал под соломой, а мне принес два вещмешка. Один к слову мой. В одном было двенадцать караваев свежего хлеба, во втором двадцать килограммов свежего соленого сала. Это и есть та цена, что была установлена за оружие.

Я принял мешки, проверил и кивнул. Сделка заключена. Вот и разошлись, тот укатил, а я убрал содержимое вещмешков в хранилище и поспешил обратно к рынку. Со всем тем, что я успел сделать, время дошло до пол-одиннадцатого. На улице я останавливал командиров Красной Армии и предлагал купить наручные часы. Люди они обеспеченные, зарплата высокая, вполне могли, так и вышло, один купил лейтенант, по виду только из училища, вторые капитан-

артиллерист. Выручил я куда больше, чем мог бы, продав на рынке. Хотя оба торговались, но я изначально завысил цену, поэтому легко сбросил процентов пятнадцать, и все остались довольны. Одиннадцать наступило, наверное, ведь часов-то больше нет, но деньги мне нужнее, когда я вернулся на рынок. Дальше в вещевые ряды. Купил котелок на десять литров, походный чайник на пять литров. Две кружки, три глубокие тарелки, эмалированные повезло найти, две ложки и две вилки. Жестяной поднос с хохломой. Нож для кухни, разделочную доску. Тазик небольшой. На одного в основном брал. Подумав, купил среднего размера сковороду, с крышкой. После этого в продовольственные ряды. Приобрел целый мешок картошки, полмешка репчатого лука, около полусотни кило чеснока и моркови, полмешка гречки и полмешка крупы. Соли кило пять и меда две крынки. Чаю нашел, два килограмма. Хороший чай. Он у меня остатки налички и съел, то, что хорошее, оно еще и дорогое. Зато самый минимум, что мне нужно, я приобрел. Подумав, продал три ножа, вроде финок, они у всех бандитов были. Купил охотничий нож, хороший, с ножнами, а на остаток рыболовные средства. На две удочки. Да много что нужно приобрести, для зимы вообще ничего нет, но я уже сказал, самый минимум взял, пока хватит, тем более скоро добровольцем пойду, там снабжают необходимым.

Покинул я город на своих двоих. Ушел на берег реки Свислочь. Ничего так речка, я на опушке леса, что и выходил к реке, поставил палатку, очаг оборудовал, лопаты не хватает, потом место для туалета. Срезал две ветки ивы и сделал удочки, две рогатки, наживку из насекомых и закинул их в воду. Вот так поглядывая на поплавки, стал готовить на костре, рогатины сделал, ветку, на которой подвесил котелок. Воды в чайнике вскипятил, в обеих кружках, а всю утварь и посуду я отмыл, заварил чаю, с медом. Сварил в котелке суп, на сале, с крупой и картошкой. Немного моркови настрогал и одну луковицу нарезал. Аромат хороший пошел. Рыбка клевала, шесть штук поймал. Мелочь была, но две вполне крупные, граммов по триста, их и пожарил на сковороде. В сухую, масла не было. С луком пожарил. Жир от рыбы шел, так что сильно не подгорело. В тарелки разлил, котелок убрал и поел. Я слабо позавтракал, кусок пирога со стаканом молока на рынке, а теперь уже нормально пообедал. Пусть и было два часа дня. После готовки я уже никуда не пошел, так и рыбачил до вечера,

наловил два десятка рыбин. Чистил их, мелочь насаживал на ветки, солил и жарил над углями. Хорошо прожарились, как семечки, те, что покрупнее, в хранилище. А на будущее, в уху или на жарку. Отлично время провел, хотя под вечер и слепни заели. Ничего, в палатке отлично выспался, их там не было. Да, то толстое одеяло, зимнее, с которым я на эту Землю переместился, повесил на ветку, и оно практически просохло. Завтра еще подсушить надо будет.

Вот так утром двадцатого числа я вернулся на рынок. Время часов девять было. Раньше бы пришел, но посетил парикмахерскую, где меня коротко постригли. Армейская стрижка. Осталось несколько монет, вот и расплатился. Интересовали меня представители криминала города. Еще вчера, отдыхая на берегу реки, делами занимаясь, купаясь, и не раз это делал, я размышлял. Вот так и возьмут меня добровольцем, как же. Документы есть? Ну хотя бы кто-то может подтвердить твою личность? В общем, могут быть проблемы, и я решил добыть паспорт, да хоть какой-то документ. А где это можно сделать? Да, в воровской среде такие специалисты есть. Минск город большой, думаю, и тут их найти можно. На рынке карманная шушера работала, не знаю, есть у них выход или нет на нужного специалиста, но решил с них начать.

Я погулял немного по рядам. И как их искать? Приметив мелкого небритого мужичка, который, толкая ногами колесо, крутил круг, на котором затачивал ножи и ножницы, выкрикивая об этом всем вокруг, некоторые подходили, и тот работал, я решил обратиться к нему.

– Слышь, дядь, – подойдя, сказал я. – Мне деловые нужны, не подскажешь, к кому обратиться? Сам я не местный.

– Вон Волына стоит, – кивнул тот на мужчину у перекрестка, плечом столб с фонарем подпиравшего и одетого под рабочего. – У него спроси.

Тот, кстати, интерес к нему от нас заметил, искоса поглядывал, поэтому, поблагодарив точильщика мелкой монетой, у меня больше и не было, последняя, я направился к этому Волыне. Тот насторожился. Может, своим дал знак, но я этого не заметил.

– Волына?

– Это я.

– Мне срочно документы нужны. Ушел с этапа. Все средства потратил на одежду, что добыл, но чем заплатить есть. Первокласный

набор медвежатника. Тут в городе скрыт. Я им пользоваться не умею, хочу им расплатиться за паспорт.

– Ты ведь не из наших?

– Это имеет значение? Из разжалованных командиров.

– Ясно. Ну идем со мной.

Мы покинули рынок, а по пути еще два парня присоединились, моих лет. Я себя, к слову омолодил до двадцати лет, на момент встречи с магами, когда к ним в ловушку попал. Что там говорил ранее, это все амулетом видения навеяно. Отвели те меня не к спецу, а в темный переулок. Тот, что сзади, пытался взять на захват, я не препятствовал, другой нож к боку прижал, вот и обыскали. Ничего не нашли.

– Пустой, – сказал второй из парней.

Волына кивнул, и меня отпустили, так и дошли до двухэтажного здания, бревенчатого, обшито рейкой, на несколько квартир. Нужная нам хата была на первом. Зашли в квартиру, но и тут спеца не было, дальше меня связали и привязали к стулу, Волыну интересовали инструменты медвежатника, и на мой интерес ему было плевать. Для того и привели сюда, а ночью тело бы вывезли. Пришлось уничтожить подручных, в хранилище отправил, Волыну я ногой ударил в грудь, веревку и стул в хранилище, следом за парнями. Дальше скрутил того, связал и допросил. Роли поменялись. Ну так и понял, никто сводить меня с нужным спецом и не собирался. Да, был такой, но недавно его взяли, причем НКВД. Самое главное, у Волыны было несколько чистых бланков паспортов, как раз купил незадолго до ареста у того спеца. Волыну я тоже умертвил, все что знал, включая тайники в квартире, тот сдал. Достал и тела парней из хранилища, собрал все трофеи, а немало, даже граммофон с трубой и запас пластинок прибрал. Вообще зажиточная квартира. Я и все запасы продовольствия, и часть утвари забрал. Обнес что мог, на две тонны трофеев. Покинув квартиру и дом, я поспешил прочь. Жечь ничего не стал, найдут и найдут. У Минска было несколько рынков, колхозных и вещевых, что брали на себя львиную долю снабжения города. Магазины были, но они бы все не потянули. Я направился на другой рынок, там, где примелькался, появляться точно не стоит. Остановил пролетку, наличности теперь много, и доехал. Дальше стал закупаться, припасы молока свежего купил и сметаны, пучки зеленого лука. Сметаны, сливочного масла, творога и молока заказал на завтра

побольше. Да много чего. В вещевых рядах заказал покупку зимней одежды, от шапки и тулупа, до валенок. Пока время есть, займусь, потом когда это делать? Такого товара тут нет, завтра обещали завезти. Заберу и выкуплю.

Проснулся я от звуков бомбежки, почва дрожала. Ну вот и все, раннее утро двадцать второго июня. Началась самая страшная война в истории человечества. Для русских и немцев точно. Последние дни я потратил на накопление запасов и могу сказать, что готов к войне, с комфортом буду воевать в любое время года. Закупил зимнюю одежду, плотничий инструмент, лопаты, кирку, ломик, разный автоинструмент. Лодку весельную, единственное плавсредство. Из транспорта только взрослый велосипед, почти новый, в прошлом году выпустили с фабрики. Запасов съестного, включая готового, тоже немало. На данный момент у меня запасов всех этих, включая транспорт, на девятнадцать тонн. Неплохо, на мой взгляд. Из оружия четыре единицы. Это винтовка Мосина, я купил на рынке бутылочку оружейного масла и ветошь. Оружие с бандитов, постреляло, я почистил. Патронов к ней всего восемьдесят семь. Также три единицы короткоствольного оружия, взятого с квартиры, где меня хотели допросить и убить. Два нагана и ТТ. Все оружие я также привел в порядок и зарядил. Под рукой оно. Но с боезапасом не густо. К пистолету всего пятнадцать патронов, хорошо еще запасной магазин имелся в наличии. К револьверам на двоих тридцать восемь патронов. Это все.

Что по бланкам паспортов, так их шесть было, они для Белоруссии свои, и написать, что я из Киева, не получится, сразу поймут. Да и писать негде, все графы заполнены, кроме личных данных и года рождения. Все шесть паспортов записаны за город Белосток. Кстати, у Волыны из кармана достал паспорт, тоже белостокский, видимо из этой же серии. Так что я пером, чернила и перо взял там же на квартире, аккуратно и нанес в графы одного паспорта свои данные. Год рождения тысяча девятьсот двадцатый, девятое мая, на имя Германа Геннадьевича Одинцова. Я привык к ним, ничего менять не хочу. Это вся подготовка.

Выбравшись из палатки, я посмотрел на дымы над станцией. Немцы уже закончили бомбить и, выстраиваясь в клин, уходили к себе.

Сплюнув, занялся делом, свернул лагерь, костер развел, сковороду достал и на углях пожарил свежую яичницу. Позавтракал, чаю попил. Потом вторую партию яиц пожарил, на будущее, и вот так двинул к городу. Полпути проехал на велосипеде и, убрав его, дальше пешком. Трамваи почему-то не ходили еще, хотя уже рассвело и было шесть утра. Где военкомат, я выяснил вчера еще, поэтому не плутал. Поглядел со стороны. Народу пребывало изрядно. То, что война началась, еще не объявили, это в обед, помнится, должно было произойти, но добровольцы стекались к зданию. Я пока не стал штурмовать военкомат, да и двери закрыты, уже сотня добровольцев сюда подошла, а направился на ближайший рынок. Несмотря ни на что, тот работал, хотя пустых рядов хватало, бомбежка напугала многих продавцов, там до обеда время и провел, и тут же из рупора на телеграфном столбе, в толпе, что молча стояла, прослушал сообщение Молотова.

Дальше к военкомату. Очередь двигалась не быстро, но к двум часам дня и до меня дошло.

– Из Белостока? – изучая мой паспорт, спросил старший лейтенант. – И зачем ты здесь нужен? Езжай в свой город.

– Я не идиот, пока доеду, там уже немцы будут. У вас проще добровольцем призываться.

– Служил? – проницательно спросил тот. – Выправка выдает.

– Из разжалованных командиров.

– О как? И за что?

– Тебе не все равно? Избил политрука, вот и отыгрались.

– Кем был? Специальность?

– Лейтенант, командир минометного взвода.

– Ум-м, минометчик? Это хорошо... Сам откуда будешь? Паспорт после суда в Белостоке получил, это ясно, значит, и служил где-то там.

– Сыктывкар.

– Это где?

– На Урале.

– Понятно. Ладно, оформлю. В минометчики и пойдешь.

Он действительно все оформил, более того, из своих запасов достал красноармейскую книжицу, сказав, что буду ему должен, и стал вносить мои данные в нее. Дальше я получил направление на пополнение начавшей формироваться стрелковой дивизии по плану

мобилизации. Это тут в городе. Я красноармеец и минометчик. Тот оформил лист призывника, паспорт приложил, и все, свободен. Меня включили в команду, состоявшую из сотни человек, и молодой лейтенант повел нас куда-то к окраинам города. Вроде пока неплохо все начинается. Мне нравится.

На окраине казармы были, нас прогнали через баню, свою одежду я кучкой не оставлял, прибрал в хранилище, как и обувь, красноармейская книжица тоже при мне. Нас сначала побрили наголо, потом в баню. Уже по выходе двое старшин начали выдавать форму. Глаз-алмаз. Ни фига ни угадали. Я поменял и дальше быстро оделся. Форма новая, не ношенная, ботинки с обмотками вместо сапог, пришивал петлицы сам, эмблемы общевойсковые закрепил, да звездочку на пилотке. Вообще очень даже неплохо снаряжали, все выдали, что положено, даже шинель была. Я и там тоже пришил петлицы. Ну и оружие выдали. Попросил СВТ, и нашлась такая красавица. Почистил от консервационной смазки, патроны выдали две сотни штук, две гранаты РГД-33. Так как патроны велели в цинках самим выносить со склада, я там незаметно прибрал два ящика патронов для ТТ, ящик для нагана и пять цинков для винтовки Мосина. Парни были в основном послужившие, некоторые воевали, то есть видно, что не лапти с улицы. Дальше в казармы, и начали формировать подразделения. Красноармейскую книжицу оформили. Меня в третью роту, командиром расчета ротного миномета. Его скоро должны были дать. У меня будет еще помощник, он же переносчик боезапаса. Двадцать третьего, когда нас из города вывели в поле, в летние лагеря, тут палатки рядами, меня действительно познакомили с нескладным высоким парнем. На голову выше меня, не служил, из студентов, третий курс педагогического института. Познакомились, шла отработка подразделениями своих задач, если проще, наш полк, что в стадии формирования был, сбивали. Думаю, завтра или послезавтра двинем к передовой. Быстро подразделение создавалось. Уже дивизия формироваться заканчивала.

Двадцать четвертого, ближе к обеду, нас построили, командование полка было и дивизии. Сам я уже все получил, и миномет образца тысяча девятьсот тридцать восьмого года, и запас мин. Некоторые мины понесут бойцы нашей роты, нам двоим все не унести. Вот так слово взяли политработники, там и до комдива очередь дошла, любят

они поговорить. Строй не распускали, командование двинуло к штабу, когда я подал голос:

– Товарищ полковник, разрешите обратиться?

Комдив остановился метрах в пяти от меня, с интересом осмотрел, на миномет глянул, что передо мной стоял в боевом положении. Командование полка и мой ротный напряглись, ротный еще незаметно и кулак показал. А особист полка подошел и что-то зашептал на ухо полковнику.

– Из разжалованных командиров, значит? Обращайтесь.

– Товарищ полковник, вечером девятнадцатого июня я двигался от Белостока на Минск, через Барановичи. В том районе заночевал в лесу, разбудило меня движение рядом. Это были бандиты, шесть десятков, одеты частично в гражданскую, частично в военную польскую форму. Меня они не заметили и прошли мимо. Все вооружены. Среди бандитов было подразделение в форме Красной Армии, семнадцать бойцов при командире. Кажется, старший лейтенант, не рассмотрел петлицы. Думаю, диверсанты. Сейчас я наблюдаю у штабной палатки «полуторку» с крытым кузовом. Три бойца рядом общаются. Двое точно из той группы, третьего впервые вижу.

Командиры и часть бойцов повернулись в сторону штабной палатки, чем насторожили диверсантов. Полковой особист зашипел от злости, да и начальник Особого отдела дивизии, что тоже тут был, также поморщился. Я говорил негромко, не вся рота меня слышала, а кто мог и слышал, они посмотрели в нужную сторону.

– Работайте, – велел комдив особистам.

Диверсанты, что-то поняли, рванули к машине, та уже двигалась, на ходу запрыгивали, из палатки выбежало еще пятеро, из них трое в командирской форме, раскидывая ручные гранаты, также забирались в машину, что набирала ход. К тому моменту я уже стоял и прицельно стрелял из СВТ, она снаряжена была. Приклад бил в плечо, но я точно вел огонь. Не все диверсанты в командирской форме забрались в кузов. Одного пуля сбила с ног, второй повис на заднем борте. Дальше пули выбивали щепки из него. Другие тоже стреляли, и машина, проехав метров сто, остановилась, чуть поддымливая. Ее покинули двое, убегая в сторону роши. У нас там медсанбат развернут. Палили по ним все. В общем, в результате всего этого с нашей стороны семнадцать убитых, те в штабной палатке всех вырезали, и я так понял,

командование дивизии ждали, чтобы обезглавить. Наглый ход, только вряд ли бы ушли, смертники. Да и этих из восьми диверсантов двоих живыми взяли, хотя и серьезно ранеными. Они подтвердили, имели задание уничтожить командование дивизии. Особисты велели мне осмотреть всех, я еще двух опознал, остальных не видел. Ну и рапорт велели написать о встрече в лесу. Еще возмущались, что не сообщил о них. Сказал, что в Барановичах на вокзале услышал о том, как патруль вел бой с бандитами. Решил, что это они, которых я видел. Да и уехал уже, времени не было все проверять. Вот так сняли с меня показания и отпустили.

А через два часа дивизия выступила по дороге на Гродно, причем почему-то пешком. И думаю понятно, что мои действия не остались без последствий. От командования дивизии была вынесена мне благодарность, а лично от комдива упали треугольники на петлицы. Ну да, мне присвоили звание младшего сержанта, информацию уже внесли в красноармейскую книжицу. Да что это, я успел до выхода прикрепить треугольники, старшина выдал из своего запаса, не только на гимнастерку, но и на шинель. Она скаткой через грудь была.

Я нес миномет, а мой подчиненный, красноармеец Синцов, которого я звал только как Студент, – четыре кофра с минами. Тяжело, знаю, но надо. А ведь еще есть личное оружие, вещи. Вещмешок у меня за спиной. На нем двунога, а ствол и опорная плиту нес на плече в сборе. События со схваткой с диверсантами довольно долго обсуждаемая тема, даже сейчас шли, и многие вспоминали, анализируя ее. Я же размышлял о том, что плохо винтовку почистил, времени не было нормально это сделать, наспех все. Встанем на отдых, еще раз почищу. А пока поглядывал по сторонам и нес немалый вес миномета. Впрочем, это легкое оружие, и дальность невелика, даже километра нет, вот батальонный или вообще полковой, это да. Так что зря жалуясь. А вот то, что особист наш полковой в курсе, что я разжалованный командир, удивило. Это видимо внесли в мой учетный лист в военкомате, и тот прочитал его. Ну профессионализму его можно только позавидовать, ладно бы не спалили меня. Хотя я особо и не переживал, не успеют. Скоро не до этого будет, Минск в окружении окажется, и будем выходить к своим, а там уже проверку не проведешь, все в Минске осталось, или досталось немцам или было сожжено. Поэтому я буду выходить не один, с бойцами роты. Ну со

Студентом хотя бы. Это так, прикидки. Мы еще даже с немцами не встретились. Диверсанты не в счет. Тут я да, засветился, чему не сильно рад. Бонус, конечно, получил, но и внимание к себе привлек.

Мы уже километров десять отмахали. Наш полк не передовой, перед нами артиллерийский полк шел, на конной тяге, лепешки часто попадались. А перед ним первый полк. Да и за нами изрядно подразделений дивизии шло. Быстро же ее сформировали. Да еще не одни шли, Добровольческий батальон московского ополчения прибыл сегодня, его придали нашей дивизии. Где-то впереди двигался. Слухи, они такие слухи. Скорее бы дали время на отдых, у меня уже вся гимнастерка мокрая от пота. Да и не я один такой, некоторые еле шли, шатаюсь. Тут я заметил кое-что и цыкнул зубом недовольно. Ну вот опять.

– Передайте, ротного к Одинцову, срочно.

Просьба пошла дальше по строю, ротный шел во главе нашей колонны, так что тот встал и стал ожидать. Да уж, выставил его. Младший сержант к себе старшего лейтенанта требует. Казус. Точно в наряд отправит или еще что сделает.

– Что случилось? – прямо спросил тот.

– Снова тех диверсантов опознал. Вот те трое связистов, что связь проверяют, у грузовика. Всех трое видел тогда в лесу.

О чем я, тот в курсе, слышал все от начала и до конца, когда сообщил о диверсантах у штаба.

– Понял, – покосившись в сторону связистов, тот пробормотал: – О, так они там не одни? В траве кто-то прячется. Похоже, прикрытие.

Все это мы обсуждали, не сбавляя шаг, приказа останавливаться не было. Старлей, придерживая планшетку, побежал вперед, там где-то командование полка, видать доложить, а мы так и шли. Над бойцами роты стоял глухой рокот разговоров, те, кто слышал, о чем я сообщил ротному, передавали дальше, многие оборачивались поглядеть на врагов в нашей форме, но мы так и уходили дальше. И только минут через десять позади донеслась заполошная стрельба. Даже пулеметы работали. Около минуты, потом все стихло. Видимо взять диверсантов тихо не получилось. Прав был ротный, у них было прикрытие. Мы же еще два километра прошли, пятнадцать за раз отмахали, для начала неплохо, и объявили привал на полчаса. Я тут же велел Студенту снять обувь, у него, как и у меня, ботинки с обмотками, и чуть задрать ноги,

так и лежали. Вскоре заметно легче стало, кровь к голове прилила. А тут рядом остановилась легковая машина, ГАЗ-А, та, что фаэтон, верх опущен был, и наш полковой особист крикнул:

– Одинцов, в машину!

Медлить я не стал, велел Студенту заботиться о миномете и со всеми вещами в руках, с винтовкой, заскочил в машину, та развернулась и поехала к месту, где я связистов видел. Пока ехали, портянки намотал, боты надел и обмотки наматывал. Как раз успел, мы приехали и остановились. Ну да, как и предполагал, вызвали опознать бандитов. Я и опознал восьмерых, застопорившись на одном крепком сержанте.

– Вот этот тогда в форме командира был. А тут уже сержант.

– Это нормально им часто личину менять. Значит, из восемнадцати диверсантов, что вы тогда в лесу видели, опознано двенадцать. Где-то еще шестеро бегают, – пробормотал лейтенант госбезопасности, что вел опрос и протокол. Тут не только наши особисты были, но и вот представители НКВД. Откуда взялись, не знаю.

А так выяснят, взяли двух пленных, один ранен, другой без царапинки. Разговорят, уже колют. Посмотрев на ряд бойцов, что погибли при захвате, шестеро их, я вздохнул. Так что я расписался в опросном листе и свободен. Пришлось бежать к месту отдыха своего полка. Все обочины заняты, бойцы дивизии отдыхали. Чертовы диверсанты. А как добежал, приказ начать движение, и не отдохнул, получается. Ничего, миномет на плечо и двинули дальше. За день пару раз попадали под налеты, один раз это были «лаптежники», те самые, что с неубирающимися шасси. Да, действительно та еще хрень. Это реально страшно, мы лежали, бомбы рвались, и от толчков почвы чуть не на полметра подбрасывало. Вечером постояв в очереди к полевой кухне, мы были из тех счастливицков, что имели свою, повар накладывал хорошие порции каши, котелок у меня круглый, красноармейский, вот сидели мы со Студентом и наяривали кашу. Два куска хлеба, еще и чай, нечто похожее на него, налили в кружку. Даже не подслащенный. Поели неплохо. Мы за тот остаток дня километров на тридцать от Минска ушли. В общем, проверило нас командование чего мы на марше стоим, как ротный сказал, где-то на среднем уровне,

подтянуться нужно, а пока устроились на ночь. Ночью не стали двигаться.

Подняли нас после полуночи, в два часа ночи, построили, и мы двинули дальше. Дорога дальше так на Гродно и шла. На этом направлении немцы уже заканчивают окружение нескольких наших армий. Под полмиллиона человек, а вырвутся считанные единицы. Командование нас спешно гнало, двадцать пятого весь день в пути, три налета было, а на следующий день, когда светать начало, вышли на берег мелкой речушки, перепрыгнуть можно, еще и не топкая. Берег песчаный, мы стали рыть стрелковые ячейки, подразделения дивизии расходились в сторону, артиллерия позади нас готовила позиции. Вот и мы выдвинулись чуть вперед со Студентом, и стали рыть окоп на двоих, у самого берега. Метр глубины, и ниже вода. Камышом устлали дно и поставили миномет, приготовили мины. К слову, убойность у них слабая, не особо те мне и нравятся. Вот мины батальонного миномета – вещь, а уж полкового – вообще улет.

Нас завтраком покормили, обед потом был. Сегодня уже двадцать шестое, четвертый день войны. Сидя рядом с окопом, поглядывая, как купаются некоторые парни, я-то уже искупался и форму постирал, вон сохнет, наблюдал, как наша конная разведка возвращается. То, что немцы недалеко, было ясно, дымы на горизонте, явно техника горит, громохание пушек. На нас выходили разрозненные советские подразделения. Справа у нас железнодорожная насыпь, там оборону другой полк держит. Поезда со вчерашнего дня не видать. Думаю, к вечеру будет первый бой. А может и нет, оборона не сплошная, о чем немцы отлично знают, их воздушная разведка постоянно в небе висит, зенитчики сбить не могут, обойдут стороной и двинут на Минск, оставив заслон нас удерживать. Я бы так и поступил.

К вечеру нас действительно стали обрабатывать артиллерией. Тут и там песчаные фонтаны вставали. А наземные войска мы так и не видели. Вот и сидели в укрытии с напарником. Зря я стенки не укрепил, песок такое дело, начал от сотрясений колотиться и осыпаться, засыпав нам ноги и миномет. Пришлось шустро откапываться, выкидывая почву наружу, почистил и миномет. Вот и все, темнеть начало, а немецких солдат мы так и не увидели. Однако ночью, пока мы приводили в порядок позиции, нас сняли, и мы пошли не обратно, а вперед. Комдив решил атаковать ночную стоянку немцев. Впереди

отсветы костров было видно. Даже неплохо вышло, разведчики сняли часовых, и мы орущей массой налетели на бивуак какой-то танковой части немцев, тут рядом и пехотная была, там другой полк атаковал, и кололи всех, кого видели. Отлично поработали. Только одно: какой-то разгильдяй, а это точно наш был, я видел, воткнул мне в ногу штык. В грудь целил, и, если бы я не споткнулся, хана была бы. Выше колена рана. С хрустом по касательной по кости прошел, хорошо ее не пробил. Я такой мат выдал, что тот мигом утек, и я не знал, кто это был, о чем сильно жалею. Вот и получается день двадцать седьмого июня, а я, покачиваясь, еду в телеге санитарного обоза нашей дивизии. Двенадцать телег экспроприированных, вместе с хозяевами, у местного населения. Зато я порядка десятка немцев застрелил и заколол, это точно, увел три ранца, МП-40 с боезапасом, котелок плоский с крышкой и фляжки, и тут меня ранил наш. К слову, свою СВТ и ремень с подсумками, со всем, что на нем было, я также в хранилище отправил, да и миномет с боеприпасами, а ротному сказал, что боец какой-то забрал. Мне рану перебинтовали, в телегу и в медсанбат. Там без наркоза, даже не почистив и не промыв рану, наложили швы, новый бинт и в тыл. В Минск ехали, там хватало госпиталей. Везут уж какой час в сторону Минска, я утром немного поспал, как в забытьи, но мне мало было, так что иногда засыпал и просыпался на очередной кочке. Еще и рана сильно ныла.

Доехали мы до ближайшей железнодорожной станции, там санитарный эшелон ждали, и он через два часа прибыл, нас туда и в Минск. Уже вечером двадцать восьмого моей раной занялись в госпитале. Та ныла и стреляла, явно воспаление началось. Срезали нитки и промыли рану. Она гноилась. Я там сознание потерял, когда новые швы накладывали и бинтовали, уже не помнил. Проснулся в коридоре, на матрасе лежал, раненых много, а мест нет. Поинтересовался у врача, почему меня в тыл не отправили, ответил, что тяжелых отправляют, а мою рану средней признали, мясо проткнуто. Через три недели танцевать снова буду, и на передовую. Прямо обрадовали. Двадцать девятое прошло, тридцатое наступило. Слухи об окружении уже циркулировали. Сам я так и лежал на матрасе, но в туалет самостоятельно ходил, у нас на трех соседей одна пара костылей, по очереди использовали. Рана ныла, но не дергала, хорошо обработали, молодцы. Стараясь не тревожить, лежал в

основном. А тут начал медперсонал к обеду тридцатого июня бегать, а потом объявили, что тем, кто может двигаться сам, лучше покинуть госпиталь. Немцы прорвались, скоро будут в городе, а эвакуировать раненых не на чем. Как и многие, я тоже подорвался, допрыгал до архива, получил свою красноармейскую книжицу, ее сдать пришлось, и даже выписку из госпиталя, потом к кладовщику. Тот выдал форму. Ну гимнастерка моя, а вот шаровары уже чужие, мои порезаны были штыком, а потом и медиками. И сапоги вместо моих обмоток, с трудом натянул все, и дальше с одним костылем, второй другой сосед взял, направился к воротам, куда стекался народ, многие в больничных пижамах. Кто куда рванул. Кто к железнодорожной станции, а кто и машины пытался остановить, а я по улочке, на окраину.

Тут повезло, дед выехал на телеге с навозом, я привлек внимание и подскакал к нему.

– Дед, отвезешь в лес? Плачу золотом.

– Давай.

– Держи аванс, – протянул я тому золотое колечко. – Вези.

Устроившись в телеге, под задницу положил трофейную плащ-палатку свернутую, чтобы не испачкаться в навозе. Не один я ехал, еще пятеро раненых подоспело, и мы покатали к окраине города. Где завалы были после бомбежек, объезжали, стрельба шла по городу. То ли диверсанты, то ли местные бандиты мародерствовали. Главное мы благополучно покинули город. В семи километрах довольно большая роща была, около нее я и сошел, а остальные покатали дальше. Деду я заплатил, просто один из раненых часы ему протянул и велел дальше везти, тот не отказался. Ну а я решил отлежаться. Врач правильно сказал, что через три недели я смогу нормально ходить, вот и хочу в роще отлежаться. Дорога мне сейчас противопоказана, растрясет. Меня на опушке высадили, метров пятьдесят прошел, и вот уже в тени деревьев. Тут следы пребывания людей были, похоже, какая-то часть стояла, спешно собрались и уехали. Точно спешно, командирскую четырехместную палатку забыли. А я прибрал. Дальше, найдя небольшой овраг, глубиной мне по грудь, там кустарник поискал, погуще, вот и стал нору делать, убирая землю в хранилище. Небольшой двухметровой длины ствол вниз, и пещера внутри, два на два метра, высотой полтора. Пойдет. Выбравшись, отошел подальше и выкинул землю в овраге. Вот так вернулся и забрался в нору, там

оборудовал лежанку, это шкура медвежья и одеяло на нее, в углу ведро с крышкой, куда ходить, запасы пресной воды у меня были, еды тоже. Вот разделся донага, накрылся одеялом и вскоре уснул. Вымотался в дороге. Неплохая норка, да? Главное продержаться три недели, а дальше видно будет.

Обжил я эту пещерку за пару дней и вполне себе свободно тут себя чувствовал. Правда, скука довлела. Керосиновая лампа была в наличии, и бидон керосина, были бы книги, хоть так убивал время, но я такого запаса не делал, крутить пластинки на граммофоне не мог из-за мер безопасности, мало ли кто в роще может быть и услышит? Сколько там немцы переваривали наши войска в Минском котле? Вот и я слабо помню. Неделю вроде. Так что неделю я продержался, осмысливая свою жизнь, и, дальше уже сторожась, выползал из норы и загорал на солнце. Ох как мне ультрафиолета не хватало. Ногу не беспокоил, поэтому не ходил, вполне ползать мог. Да и не уходил я далеко от оврага, устраивался на траве и загорал. С питанием тоже проблем нет. Время тянулось медленно, это есть, зато свою жизнь переосмыслил.

Много что я дурного делал, самому стыдно. С магами этими, двинутыми на всю голову, это я правильно поступил. Надеюсь, след сбросил, и мы больше не увидимся. Правда, что со мной делали, не знаю, и не будет ли последствий, тоже сказать не могу. Магии нет, ну и фиг с ней. Без нее раньше жил и дальше проживу. Жаль коптера нет, вещь отличная, но ничего, главное хранилище при мне, а остальное приложится. Я тут пока в тылу нахожусь, хочу немцев пограбить, а дальше можно и к нашим. Насчет этого тоже подумаю. Война дело такое, там погибают, это под амулетами защиты я свободно воевал без страха, а сейчас он вернулся. Может, наши войска тут подождать, к сорок четвертому? Вот и это думал. Мысль, конечно, интересная, но еще подумать стоит. Вон, я уже ранен был, чудом выжил, повторять как-то не хочется. Да, меня свой на штык насадил, но это не существенно. Вот так десять дней пролетели, я уже начал ходить, разрабатывая ногу, нитки шва давно снял, как подергивать начало. Больно слегка было, но ничего, убрал. Ногу начал разрабатывать, ходил, это да, но без перегибов. В роще иногда бывали люди, один раз немцы, с десятков прошло, похоже прочесывали, искали кого-то, но я успел укрыться в убежище. Эту нору за жилище дикого животного

могут принять, если увидят. Все, две недели, а я уже ходил, и пусть рана слегка давала о себе знать, вполне мог выдержать дорогу. Поэтому под утро тринадцатого июля собрался, одежда гражданская, и на велосипеде покатыл к Минску. Как раз на рассвете буду на месте. Сначала разведка, а потом буду добывать, что мне пригодится по жизни, да и на войне.

А пока крутил педали, нога раненая особо не ныла, я размышлял. Все верно, маги со мной что-то сделали. Пока не знаю что, но за последнюю неделю я начал фиксировать в себе изменения. Пока физические. Обострился нюх и вкусовые рецепторы. Последнее не так и плохо, я теперь принимаю пищу с немалым удовольствием. Она хороша приготовлена. Еще я уже пять дней как фиксирую, что вижу ночью отлично, без цветов, в серой гамме, но вижу. Похоже на действие дешевого амулета ночного видения. Однако самое главное – рана, она затягивается на удивление быстро. Сейчас по виду той два месяца, и боли практически нет, а такое не может быть. Я с ранами хорошо знаком и знаю, как они заживают и сколько на это времени уходит. Черт, да что со мной сделали-то? Ладно, думаю, время покажет. А пока я лечился, отлеживался, сделал паспорт. Бланки-то остались. Снова как из Белостока, даже данные в паспорте менять не стал, те же написал. Вот так я сблизился с городом, убрал велосипед и дальше пошел пешком. Уже светало. Зевающий солдат на посту остановил, проверил паспорт и велел зайти в комендатуру, оформить аусвайс. Пообещал это сделать, а сам дальше в город. Сам Минск от боев сильно не пострадал, их тут не было, поэтому двигался свободно, за последние дни я его неплохо изучил, поэтому не плутал. Сначала на рынок, он тут работал, прикупил пирогов, молока свежего. Заодно у складов прогулялся. Кстати, теперь я покупаю только лучшие припасы. Нюх сразу показывает, где есть попорченное. Я так от некоторого товара отказался. Ну спасибо я магам за такие бонусы не скажу, но пока ничего против того, что заполучил, не имею.

До обеда разведку проводил, еще на аэродром бы скататься, выяснить, какие там самолеты, мне связной «мессер» нужен. Шел от складов как раз, когда я почувствовал чей-то взгляд на себе. Не неприятный, а знаете, какой-то узнавания и неверия. Обернувшись, я увидел десяток советских бойцов, что выполняли ремонт улицы, заделывая ямы. Как раз из кузова грузовика скидывали щебень и

ровняли. Их два немца охраняли, так вот, один из пленных отвлекся, разогнувшись, и пристально смотрел на меня с неверием. Это был Студент, мой боец. Мы с ним потерялись в той ночной рукопашной, видел его только когда меня в медсанбат отправляли, да и то мельком. Не поговорить было. Особо не смущаясь, я сменил направление и направился к этой группе, с интересом разглядывая пленных и самого Студента. Тот и так тощий был, а тут на вид подуй, упадет. Это обман зрения, тот парень крепкий. Один солдат заступил дорогу, и я указал ему на Студента.

– Это мой брат, я думал, он погиб. Могу поговорить с ним?

Я еще одного бойца узнал, тоже из нашей роты. Остальных вроде не знаю. Немец же прибрал шоколадку и уступил дорогу. Я с немцев той ночью собрал трофеи, ну похватал что вокруг было, там и три ранца. Пока отлеживался, все изучил, оружие почистил. Вот в двух ранцах и были шоколадки, и немца не смутило, что она швейцарская.

– Студент, ты как в плен-то попал?

– Да окружили, патронов нет. Другие руки подняли, и я тоже, – смущенно улыбаясь, пояснил тот. – Здорово, командир.

– Привет, – мы обнялись. Я и второму знакомцу кивнул. Тот меня тоже узнал.

– Отойдем, я немцу сказал, что ты мой пропавший брат, так что дал нам время.

Пока остальные работали, мы отошли, я дал Студенту хлеба и нарезанные кусочки соленого сала. Как он на них набросился. Ну и с собой еще пирожков дал, что тот в карманы шаровар убрал, угостит товарищей. Ну и пообщались.

– Командир, ты откуда немецкий знаешь?

– Так все детство на Поволжье провел, как на родном говорю. Ты мне лучше скажи, вас куда погонят, как тут закончите? Хочу освободить вас. Сам знаешь, меня ранило, вот отлежался и собрался двинуть наших нагонять. Повезло на тебя наткнуться. Хочу отбить, да и остальных парней освободить.

– Ну мы тут еще два дня работать будем. Начальство какое-то из Берлина приезжает, дороги вот ремонтируют, а потом, наверное, вернут туда, где мы до этого работали. Немцы педанты, а мы там только начали.

– Какая охрана? Сколько вас обычно?

– Охрана шесть-семь солдат. А нас десятка три, тут на две группы разделили... Командир, среди пленных особист наш полковой. Он успел переодеться в красноармейское. Скрывается.

– Ясно. Ничего, тоже освободим. Где вас содержат? Парни все надежные?

– В городе у гаражей автотранспортного предприятия отдельный барак. Там у немцев дорожные ремонтные службы находятся. Я пошел работать, пайка больше. А ненадежные у нас не выживают, два раза особиста чуть не сдали.

– Хорошо. Значит так, своих предупреди, я вас буду освобождать там, где вы не закончили ремонт. Как услышите выстрелы, падайте и не шевелитесь. Никаких бросков к охране, мешать мне будете. У меня СВТ, а стрелок я отличный, сам немцев уничтожу. Это все, встретимся, как освобожу. Время тянуть не буду, а то вон охрана уже поглядывает.

Мы обнялись, и тот вернулся к работе, а я двинулся дальше по улице. Парней я спасу, там дальше двинем к своим, это уже решено, а пока сбор трофеев. Следующие два дня я плотно работал. Увел с пункта сбора трофейной советской техники новенькую «полуторку» с крытым кузовом, она на ходу, я проверил, залил полный бак и бочку бензина в запас. Потом советский мотоцикл-одиночку, Л-300 и легковую ГАЗ-А, ту, что фаэтон. Последний выпуск тридцать шестого года. Небольшой пробег. Их тут три десятка стояло, выбрал поновее и получше. Она тоже на ходу. Машина, конечно, устаревшая, но мне нравится, и проблем с запчастями не будет. Увел у немцев связной «мессер», хотя его и пришлось поискать, запасы топлива, боеприпасов сделал. В общем, хранилище полное. Где они не закончили работу, Студент мне уже подробно объяснил, я ждал.

Только они появились утром четвертого дня, это было семнадцатое июля, а не шестнадцатого. Сам я подготовился, тут поле и разрушенный мостик, бои шли, вот и проводили ремонт. Подготовка же заключалась в том, что я угнал немецкий грузовик, кузов большой, это был дизельный «мерседес», все должны влезть. Тот спрятан километрах в трех отсюда. Освобождаю, гоню к машине, и дальше двигаемся к своим. Сам я в укрытии лежал, подготовил за ночь, в полной своей форме, даже при каске и со скаткой шинели. Поэтому ждем. Как видите, дождался. Хранилище полное, доволен, можно и к своим двинуть. Кстати, я не один, встретил трех девчат в военной

форме. Медики, из медсанбата танковой дивизии. Укрывались в деревне у родных одной, но вот новая власть начала проверять, кто живет, и они двинули в сторону передовой. Ночами шли. Ночью и рассмотрел их в поле, так и познакомились. Они с нами едут. Причем одна девушка военфельдшер, лейтенант получается, а две медсестры, сержанты. Я младше всех по званию. Они сейчас у машины, припасы выдал, есть с чем ожидать. Оружие у них есть, я только патронами поделился.

А так, зевая, я смотрел, как пленные приступили к работе, особист, стараясь незаметно это делать, все поглядывал вокруг, но меня не засек. Еще раз зевнув, я спустился в стрелковую ячейку и лег на дне, накрывшись плащ-палаткой, и вскоре уснул. А что, сейчас их освобождать? Нет, вечером сделаю, а за ночь далеко уедем. Пешком идти мне просто лень, раз тут самолет не могу задействовать.

Проснулся я вовремя, ремонтников решили перегнать дальше, они закончили уже этот участок. Или погонят на ночевку, глубокий вечер же. Вот так приготовив винтовку, поводя стволом, готовился открыть огонь, наработывал, чтобы с цели на цель быстро перескакивать, и, убедившись, что дорога свободна, пусто в обе стороны, загрохотал быстрыми выстрелами. Немцев восемь было, при унтере. Его первым снял, и еще четырех, трое попадали, скрываясь. Это они зря, я на возвышенности, и где лежат, отлично видел и всадил в каждого по пуле. Сменил магазин и снова по пуле каждому. Дальше выбравшись из окопа, прихватив, что там было, двинул к дороге легкой трусцой. Пленные уже вскочили, а те попадали там, где работали, как и договаривались, и уже собирали оружие и все ценное с немцев. Так что эти пятьсот метров я быстро пробежал. А командовал там особист. Тот сразу обнял меня, говоря:

– Спасибо, чертяка, выручил все же. Чего ждал так долго?

– Так машину угнал, ночью ехать собрался, а так поиски бы начались, и дороги перекрыли. У меня рана ноги, я долго ходить не могу, болит.

– Понял. Где машина?

– Тут, в трех километрах. Большая, всех вместит. Там еще три девушки, из медсанбата. С нами поедут. Встретил позавчера.

– Отлично.

Он выстроил бойцов, и мы побежали к машине. Я вел группу. Прямо по полю, местность-то открытая. До темноты оставалось часа два, может, чуть меньше. Так и добрались до стоянки машины, понятно, что стояла та в овраге, да еще натянута была над ней маскировочная сеть. Ее пока убирать не стали, ждем темноты. Девчата, что нас встретили, стали проверять бойцов, всех, в каком те состоянии, пока я на керогазе кипятил воду в чайнике для чая и нарезал хлеб с салом и разными вкусами. Парней надо кормить, вон голодными глазами смотрят, как я творю. Потом и покормили, да чаем напоили. Состояние у парней, конечно, среднее, все голодные, кое-кого подлечить нужно было, но в принципе дорогу выдержат. Почему мы особо не торопились, так тела охраны оттащили подальше и спрятали. Поди знай, где пропала эта группа пленных. За полчаса до наступления темноты бойцы уже сворачивали сеть в компактный рулон, ко мне подошел особист. Сам я снаряжал Студента. Он мой боец. Тот, как увидел наш миномет, чуть не заплакал. А так я ему выдал винтовку Мосина, ремень с подсумками, теперь будет носить кофры с минами. Тот все еще в моем расчете. Запасов стрелкового оружия не делал, что сняли с охраны, то и имели. Ну и я пока машину добывал, пять карабинов и два пистолета собрал, поэтому половина бывших пленных была вооружена. Пистолет унтера вон у особиста. Тот же, подойдя, спросил:

– Сержант, почему не сообщили, что вам известен немецкий язык?

– Не спрашивали.

Вообще в нашей группе махновщины не было, командовал особист. Он, кстати, ранее носил форму политрука. Для особистов маскироваться под них считалось нормой. Причем тот хоть и командовал, но уточнил мои планы, как выбираться к нашим, и согласился с ними. Едем как можно дальше на машине, а потом уже пешком. Я сообщил, что знаю, что бои за Могилев уже к концу подходят, а вот Смоленское сражение начинается. Нам бы туда прорваться. А это километров триста. Это по прямой, что вряд ли мы проедем. Тут же в группе Вершинин, это фамилия особиста, разбил нас на три части, одна моя, это я со Студентом и тот боец из нашей роты, его подносчиком боеприпасов сделали, тоже мины носить будет. Потом старшина Васюков, принял командование над полтора

десятком бойцов, и младший сержант Лазарев, он танкист, еще командует десятком бойцов. Ну и медики, но они отдельно.

– В опросном листе военкомата была графа по знаниям языков, там пусто. Я помню, – настырный особист все пытался выяснить, что тут не так.

– Я не заполнял его, это делал сотрудник военкомата, потом дал расписаться. Про знания языков вопроса не было.

– А ты еще что-то знаешь?

– Да, мне языки хорошо даются. Английский уже сам изучал, в школе, в военном училище, потом улучшил, неплохо говорю и письменность знаю.

– Ясно. Буду знать. Выезжаем?

– Думаю, да, уже можно.

Мы собрались, загрузились в машину и, с некоторым трудом покинув овраг, двигатель еще не прогрелся, покатали к дороге. А там уже в сторону фронта. Дорога пуста в основном была. Редкие деревенские не в счет. Я не переодевался, так и был в своей красноармейской форме. Знаете, думал, путь займет ну дня три, но мы добрались за две ночи. Причем дорога была мной разведана. Я же вчера ждал наших у места ремонтных работ, а их не было, за три часа до заката я на «мессере» полетел к передовой. Самолет немецкий, со всеми обозначениями, поэтому внимание не привлек. Добрался до передовой, нанося все на карту, украл там же где и самолет, маршрут будущего движения. Я опытный летнаб и воздушный разведчик, знаю, что делаю. Даже вернулся к полуночи, еще и посетил тайно тыловой аэродром противника и восполнил потраченные запасы топлива. К девчатам заехал, проверил, как дела, а под утро вернулся к месту засады. Тут уже повстречал наших, выпался за день и вот освободил, так что я знал, где лучше ехать. За первую ночь отмотали около ста пятидесяти километров. Было бы больше, но стремно через наплавную переправу проезжать, там охрана и регулировщики, однако проскочили, присоединились к автоколонне противника. Там в лесу постояли, день переждали, заодно посетили разбитые позиции, а чуть в стороне брошенная автоколонна наших войск была. Мы оттуда автоприцеп забрали, более того, в машинах я два батальонных миномета нашел, забрали. В прицеп погрузили. Парни изучили что могли, немцы немало собрали, их трофейщики были, но три винтовки

и карабин найти смогли. Патронами я поделился. А следующей ночью выехали к нашим, еще отмотав километров семьдесят. Тут не прямой путь был, пришлось объезжать. Да с Могилевым сближаться, объезжая его.

Причем тут стоит описать подробнее. Нет, сама дорога без проблем вышла. Просто я подумал, зачем так в тихую выезжать? Хочу заслуженную награду. Поэтому, когда проезжали стоянки войск противника, я заметил у озера палатки и роскошные авто. Я остановил машину, особист не против был, так и объяснил ему, за наградой иду, поэтому помощники не нужны. Я вырезал охрану, трех полковников уничтожил, забрав все портфели с документами и личные удостоверения, а майора-связиста связал, на закорки и понес к грузовику. Три километра пробежал, даже дыхание не сбил.

Да, мне не показалось, и силы у меня изрядно возросли. Я довольно тучную тушу майора легко нес, не напрягаясь. Что же со мной сделали-то? Бойцы охраняли майора, тот связанный и с кляпом ехал, и так добрались до своих. А выехали мы не на передовых порядках, а в тылу наших войск. Просто по засеянному полю объехали очаги обороны, тут не сплошная передовая была. Я видел в селе наших, бойцы, техника, а оказалось, что там стоял штаб двадцатого механизированного корпуса, под командованием генерала Веденеева. Тут, оказывается, наши наступали, бои за Могилев еще шли. Нас приняли хорошо. Особисты проверяли всех, причем среди них был хороший знакомый Вершинина, учились вместе. Ну со мной проблем нет, с оружием вышел, миномет ротный, документы, даже выписка из госпиталя. Отлеживался в лесу, как смог ходить, решил нагонять своих, ну и по пути освободил наших, из моей дивизии. Их шестеро было, остальные из других частей. Вполне прошло объяснение. Веденеев за майора-связиста сразу дал мне орден Красной Звезды и второй следом, это на радостях, за грузовик, спасение тяжелого вооружения и личного состава, освобождение из плена. Пленный майор такие сведения выложил, что генерал хоть так отблагодарил, немцы готовились нанести фланговый удар и строили ловушку, о чем мы теперь знали.

Хорошо, что существеннее не стал писать на награду, могло и затеряться. Более того, тот пообщался с нашим особистом, Вершининым, узнал, что я из разжалованных командиров, хотя это

непроверенная информация, да уже и не проверишь, и знаете что сделал? Поставил меня командовать взводом батальонных минометов, сделав сержантом, убрав приставку «младший». Теми двумя, что я вывез из вражеского тыла. Ну и приказал формировать взвод, личный состав будет. Взвод уже оформили за двести десятой моторизованной дивизией корпуса, в шестьсот сорок девятый мотострелковый полк. Восемь бойцов, из тех, что я вывел из окружения, влились во взвод, остальных после проверки отправляли по частям. Тут были и летчики, и автомеханики, и водители. Танкистов два. У них свои специализации. Причем Виденеев не в чужие части отдавал, а по своим распределил. Ну кроме летчика, сержант-истребитель был и два авиамеханика. Их куда-то в тыл увезли. Медиков в ближайший медсанбат. А мой взвод был отправлен в дивизию, та вела бои, там в штабе полка оформили и выдали людей. Своих минометчиков. Нашлись те, что воевали в стрелковых подразделениях. Даже вполне толковые командиры орудий были, знали, что делать, так что уже на четвертый день с момента выхода к своим мой взвод, после активных тренировок, открыл огонь по первой заявке с передовой. Началась работа. Причем я уже знал, что мы находимся в окружении. Получается, не вышли мы из него, а из немецкого тыла в большой котел заехали. Впрочем, я не расстроен, бонусов много, взводный, уже дважды орденосец, Вершинину, к слову, тоже награда досталась, такой же орден, хотя тот остался при Особом отделе штаба корпуса, снова в форме политрука ходил. Грузовик при штабе оставили. Да, тем восьми бойцам моего взвода, что со мной из окружения вышли, новые красноармейские книжицы так и не выдали. А нет их. И в полку не было. Так что я как командир мог подтвердить их личность. Будут корочки, сделают, а пока так.

Стоит отметить, что на весь полк всего два миномета, и те моего взвода. В штабе корпуса знали, где мои «подносы» особенно нужны. За время боев и пушки, и минометы растеряли – или в боях потеряли, или бросили при отступлении. А так как тот ротный миномет при мне был, нас в дивизию ночью на «полуторке» привезли, то сдал его в штаб полка, с минами его в одну из рот отправили, нашлось кому вручить. А мне вынесли благодарность, знали, что я его вывез из окружения. Что по боям, к счастью, лезть в мою кухню не стали, поэтому мой взвод довольно долго держался, хотя немцы старались

нас накрыть, уж больно много проблем мы им доставляли, однако мы прыгали с места на место, постоянно меняя позиции, и накрыть нас не удавалось. Проблемы были с минами, подвоза нет, а то, что было, мы по жирным целям расстреляли. Да, без амулета «Глаз» очень сложно, но я и без такой поддержки очень опытный минометчик, набил руку за год войны, пусть это и было в глюках, но, как показал теперешний опыт, я действительно вырос в мастерстве. Значит, даже проживая жизнь в амулете видений, я чему-то учился? Получается так. Вот так и получилось, что на третий день боев, когда немцы атаковали, мы выпустили НЗ, довольно точно, смяв атакующие порядки, но запас мин закончился. Поэтому я отвел взвод в рощу, к тыловым подразделениям полка. На передовой нам уже делать нечего. Посыльного в штаб отправил, чтобы сообщил новое местоположение.

Пока же расчеты размещали разобранные минометы в сильно побитой артиллерией роще, ею то наши владели, то немцы, я осмотрел своих бойцов. Устали. У меня их семнадцать, с двумя сержантами. Студент, к слову, в первом расчете, заряжающий. Вообще я все свободное время тратил на учебу. Да еще менял расчеты местами, чтобы и другие специальности знали, заменить могли в случае нужды. До идеала далеко, но вот эти три дня боев серьезно так дали им в опыте и практике. Вообще я, откровенно говоря, опасался, что сейчас моих бойцов отправят на передовую как простых стрелков, потому как дела там были аховые. Однако командование полка высоко оценило действия моего взвода, не хуже немцев видя, что мы довольно точно работали. За три дня уничтожили порядка полутора сотен солдат противника, ранив в два раза больше. А я не бил по одиночкам, а по крупным целям и залпами, нанеся максимальные потери такими действиями. А два уничтоженных танка? У нас вся противотанковая артиллерия выбита, так две «четверки» встали, и метров с трехсот спокойно выбивали наши огневые точки, ослабляли оборону перед атакой. Я сам к прицелу встал, первая мина мимо, вторая разорвалась на башне. Видимо пробила люк. Танк так и остался стоять неподвижно, экипаж убит был. Второй танк сжег, попав на корму. Горел красиво. Командование полка это видело, мне медаль «За Отвагу» тогда дали. Майор долго берег ее, последняя осталась, а тут не выдержал. Обнимал еще. Для сорок первого такой наградопад это странно, мало награждали. Поэтому комполка меня вызвал в штаб, как

мины закончились, и мы отошли. Он пояснил, что договорился с соседями. Они поделятся минами. Те у них есть, а минометы закончились. Так что велел ожидать. Он нас явно берег.

Однако не вышло ожидание. Было двадцать седьмое июля, поступил приказ на прорыв из окружения, и наша дивизия пошла на Мстиславль. Вышли в полдень, с кормежкой скудно было, обед еще был, жидкий суп на жире, а ужина уже нет, даже сухарей не дали. Пешком шли, разобранные минометы несли на себе, мин не было, хоть тут легко, личное оружие и вещи, так полковой колонной и уходили. Силы сдерживания позволили нам это сделать. Уже ночью начали прорываться через немецкие позиции, чтобы вырваться к нашим, тут полоса километров сорок шириной, их пройти и дальше наши. Когда бой начался впереди, я понял, что лучше выходить отдельными группами. Так тихо и без стрельбы есть шанс. Да и что может мое подразделение без мин? Поэтому я остановил взвод на обочине, пропуская тыловые колонны, а также остановил санитарный обоз, двадцатка телег, пообщался со старшим обозом, предложил идти с нами, есть шанс выйти, но тот отказался. Пожав плечами, я повел своих минометчиков в открытое поле, зорко поглядывая, чтобы никто не потерялся. План был пройти немцев, и, если дивизия прорвется, соединиться с нашими. Если не сможем, тут и говорить не о чем. У нас шанс мелкой группой выйти к своим куда выше. Я решил рискнуть. И знаете, за остаток ночи мы вышли к немецким позициям и даже прошли их, уйдя к ним в тыл, километра на четыре, когда рассвело. Шли мы на Рославль. У немцев тут не было сплошной обороны, а опорники. Между ними все засеяно минами. Я снял десяток противопехотных и десяток сигнальных и прибрал в хранилище, пригодятся. Тем более я покормил бойцов, дважды, чтобы не обессилели, из своих запасов. Хлеб да сало, ну и лук с чесноком. Отлично пошло, так что минированное место мы тихо прошли и ушли подальше. Лесов тут хватало, в одном и встали.

Бойцы упали где стояли, настолько устали, я не стал ставить часового, силы у меня еще есть, а потом разбужу кого-нибудь, часов через пять подниму, а сам отошел к лесному озеру, оно тут рядом, метрах в ста. Искупался, надо форму постирать, и, когда вылезал, поскользнулся на мокрой глине. Когда заваливался, меня как-то повело странно вбок, и я упал, и мир изменился. Я даже сам не понял, что

произошло. Запутался в лапах и упал носом в траву. В лапах?! Я в шоке смотрел на две мохнатые огромные лапы. С трудом ковыляя к кромке воды, дважды упал, – ходить на четырех лапах было сложно и непривычно, – я рассмотрел в зеркальном отражении воды серую волчью морду с острыми треугольниками ушей. И над лесом пронесся волчий вой. Да я сам испугался, настолько тот вышел... угрожающим? Аж мурашки по спине побежали. Вот ведь маги, кажется, я понял, что они со мной сделали. И что теперь?..